

Герман Романов СПАСТИ КОЛЧАКА!

«Попаданец» Адмирала

Хорошо «попаданцам», заброшенным из нашего времени на Великую Отечественную, — там сразу ясно, кто друг, а кто враг. Но что, если тебя угораздило попасть в самое пекло братоубийственной Гражданской войны?

Декабрь 1919 года, Сибирь. Верховный Правитель адмирал Колчак стал заложником грязных политических игр интервентов и «либералов». Судьба белой России висит на волоске — с запада наступает Красная Армия, в тылу разгораются эсэровские мятежи, а взбунтовавшиеся «белочехи» захватили 20 тысяч вагонов с русским добром, окончательно дезорганизовав железнодорожный транспорт, сорвав эвакуацию и обрекая на смерть десятки тысяч беженцев, а вдобавок еще и наложили лапу на золотой запас погибшей Империи...

Оказавшись в теле колчаковского офицера, наш современник, ветеран Афгана и Чечни, должен переписать историю, остановить иуд, отбить золото Адмирала и спасти Колчака!

- [Герман Романов](#)
    - [ПРОЛОГ](#)
    - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
    - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
    - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
    - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
    - [Эпилог](#)
-

Герман Романов

СПАСТИ КОЛЧАКА! «ПОПАДАНЕЦ» АДМИРАЛА

ПРОЛОГ

Иркутск

(22 декабря 1997 года)

— Эх, Костя, Костя... Гляжу я на тебя и понимаю, что честно служить такому государству нельзя!

Сидевшему на колченогой табуретке мужчине на вид было лет тридцать пять. Застиранный и протертый на локтях свитер, вытянутые на коленках треники и стоптанные шлепанцы вкупе с недельной щетиной и качественный выхлоп от затянувшегося празднования — Сергей в последнее время стал его откровенно раздражать. Особенно выводило из себя постоянное нытье и жалобы на всех и вся. Не хватало еще, чтобы он начал его жалеть!

Вот и сейчас он еле сдержал себя, чтобы не взорваться:

— Так я не государству служил, Серега, а нашему народу! Народу, понимаешь, пусть и звучит это с пафосом!

— Ай! — его собеседник зевнул. — Ты кому рассказываешь? Народу он служил?! Твоему народу чего сейчас нужно? Пожрать послаще, — он похлопал себя по животу, — и...

Характерного щелчка по шее Константин не увидел. Поспешно отвернулся к окну и уставился невидящим взглядом в мутное стекло.

Против правды, как говорится, не попрешь: выжали как лимон и выбросили. Раньше, когда еще не угасла лютая ненависть к правительству — шайке демагогов, к генералам в сытых и теплых штабах, к бизнесменам, читай — бандитам, которые, как клопы, высасывали все соки из и так обескровленной страны — короче, ко всем, ко всему миру, который отвернулся от него... Так вот, раньше ему было проще, потому что он знал, твердо знал, кто виноват в том, что с ним случилось.

А как иначе? Кто развязал эту ненужную войну? Кто послал его в Чечню? Кто отмывал бешенные деньги на крови русских солдат? Кто их бросил там подыхать? И кто, в итоге, вышвырнул его из армии без копейки и на костылях?

Сначала было больно, страшно больно. Причем боль терзала не столько изувеченное и обожженное тело, сколько душу. И эту боль ничем нельзя было успокоить. Короткое забытие наступало лишь только тогда, когда он отключался после очередной бутылки водки. Запой становились все чаще и сильнее, доза все увеличивалась, а моменты блаженного беспамятства наступали все реже и реже.

А потом... Потом пришлось продать большую трехкомнатную квартиру, оставшуюся от родителей жены, чтобы рассчитаться с долгами, и перебраться в маленькую двушку матери на окраине. Ушла и жена с сыном, отвернулись, забыли все те, кто раньше приходил в их большой и радостный дом. Он остался наедине с собой и своей болью.

— Иваныч!.. — Сергей потихоньку позвал его. — Костя! Ну ни фиги себе... Ты обиделся?

— Я тебе девка, что ли, чтобы обижаться! — Константин хмуро повернулся. — Да ладно, проехали!

— Я зачем заходил-то, — Сергей почесал колючий подбородок. — Ленка тут к Новому году мне продуктов подбросила, коробку окорочков, тушенки, там еще консервов разных...

— То-то я вижу, ты уже третий день не просыхаешь!

— Ну, а тебе-то что? Ты ж в завязке уже... — Сергей начал загибать пальцы. — Пятый месяц?

— Пятый-пятый! — Константин пристально глянул на него. — Слушай! Я не понял? Она

зачем тебя прислала? Подачки свои опять сует с барского плеча?! Так и передай ей: пусть она сама их жрет, пусть своим баблом подавится и хахаля своего им досыта накормит! Так и передай ей!

— Нет, ну ты точно самурай! Хорошо что еще ножика ихнего у тебя нет, а то порешил бы давно Ленку и себя! — он хотел было расхохотаться, но осекся под взглядом Ермакова. — Ну какого лешего опять взбеленился? Она же от души! Ну, разошлись! Ну, с кем не бывает! Она же тебе помочь хочет!

— Разошлись?! Ты говоришь, разошлись?! Я ее сам выгнал, как только узнал, что она с этим чуркой, с киосочником связалась... — Константин тяжело дышал.

Сергей торопливо усадил его на кровать:

— Давай воды налью! Никак сердце прихватило? Таблетки-то хоть есть? — он открыл холодильник — Ленка раньше здесь валокордин держала.

Константин мотнул головой:

— Я теперь всегда с собой ношу.

Он развернул носовой платок, достал одну таблетку валидола и привычным движением сунул под язык.

— Так и передай ей: помощь ее мне нужна была, когда я под себя ходил, когда меня из госпиталя выпнули домой, на постельный режим, — он горько скривился, — отправили... Она как дешевка за колбасу продалась, за кусок пожирнее и послаще с ним в койку запрыгнула. Бизнес она развела! Магазины понастроила! И Пашку совратила! Машину ему, квартиру! Сопляку еще восемнадцати лет нету, а он? Тьфу, смотреть противно, бизнесмены засранные! Так и передай своей сестре! От души! — Последние слова он почти выплюнул.

— Ты зря заводишься, Костя! Она что, должна была пацана одна поднимать? Он ведь когда тебя там, ну, того... Думали ведь, что помрешь! Пашка-то только школу окончил!

— А чего парня поднимать?! Окончил школу и пошел бы в армию, как я! Там из него бы мужика сделали! Сам бы поднялся! А она его отмажет от армии, деньги заплатит и отмажет! — он вскочил со стула, но опять опустился, скривившись от боли в простреленном колене. — Я ни ее, ни этого поганца видеть не хочу! И слышать о них не хочу! Все! Ясно? Она зачем тебе квартиру рядом со мной сняла? Дождаться не может, пока я в ящик сыграю? И с деньгами от нее больше не приходи! Сдохну, а копейки не возьму!

— Ты совсем уже со своей войной башкой поехал! Самурай и есть! — Сергей шумно выдохнул. — Ну кто ждет, чтоб ты сдох поскорее? Она, наоборот, о тебе заботится! Лекарства на что покупать будешь? Опять ведь книг накупил, «лимона» на полтора, не меньше?!

Самурай... Костю коробило каждый раз, когда кто-то вспоминал о его «японском», как он сам его про себя называл, прошлом. Это было самым счастливым периодом в его жизни, за исключением, пожалуй, рождения сына. Поэтому он терпеть не мог, когда кто-то с грязными сапогами лез в его душу.

Сколько он себя помнил, их семья всегда состояла только из двух «я»: он и мать. Об отце он никогда не расспрашивал, а мать не рассказывала. Из коротких обмолвок он понял, что тот был военным и служил на флоте. К этой теме он старался не обращаться, понимая, что это ей, видимо, неприятно и тяжело вспоминать.

Фотографий отца в семейном альбоме не имелось, вообще такого понятия, как альбом, не было. В старой коробке из-под елочных игрушек лежали потертые снимки маминой молодости и его, Костиного, детства.

Вот — студентка филфака со смешными косичками и в цветастом платье. Вот — аспирантка в строгих очках в роговой оправе, только что защитившая кандидатскую по японской поэзии Средневековья. Вот — она, усталая и осунувшаяся от бессонных ночей, и

маленький карапуз Костик. Вот — Костик на елке в детском саду, вот еще на линейке в первом классе с огромным букетом.

А вот Костя с мамой на празднике сакуры в Нагано. Это был его любимый снимок они вдвоем в дурманящем облаке розовых лепестков. А еще мама на этой фотографии смеялась и была счастлива.

Как специалиста по японской филологии мать по партийной путевке направили в школу при русском торговом представительстве одновременно совершенствоваться в языке и обучать русскому и литературе детей дипломатических работников.

Костя, закончивший в то время четвертый класс, с нескрываемым энтузиазмом встретил сообщение о поездке. Его не пугало то обстоятельство, что ему придется оставить в Иркутске друзей-приятелей, благо их у него особенно близких и не было.

Долгие пять лет, проведенных в Нагано, ему показались одним мигом. Жадно, как губка, он впитывал язык и культуру страны, навсегда ставшей ему второй родиной.

Возвращение было таким же внезапным, как и отъезд. Десятый класс пришлось заканчивать уже дома. Этот год для него ознаменовался прилипшей на всю жизнь кличкой и нескончаемой вереницей драк, в которые он сам вмешивался или вмешивали его, причем с завидным постоянством.

В моду только-только входило увлечение восточными единоборствами, поэтому независимый и не примкнувший ни к одной из школьно-дворовых группировок «Костя-каратист» был подобно красной тряпке для местной шпаны.

Только после того, как он разбил достаточное количество носов и одержал достаточное количество побед нокаутом с первого удара, от него отстали, и «Каратист» сменился на уважительное — «Самурай».

— Иваныч, — Сергей помялся за его спиной, не желая отвлекать от раздумий. — Может, ты все-таки возьмешь хоть деньги? Что я сестре-то скажу?

— Ты опять? — Константин почувствовал, как вновь закипает в яростной злобе.

— Ну как хочешь!

Сергей хмыкнул и прошелся по небольшой комнате. Нищета царила во всей красе, но чистенькая нищета. Но то одна комната, а дверь во вторую Костя заколотил сразу после смерти матери, которая не дождалась его с войны. Намертво заколотил, сохранив навсегда в ней тот дух, который единственный поддерживал его жизнь.

И остались только зеленые старые шторы, стол, диван, три стула, кресло с торшером и огромный, вдоль всей стены, стеллаж с книгами: вся школьная программа, включая так и не освоенную «Войну и мир».

Русская классика и любимые мамой поэты Серебряного века. Большая советская энциклопедия, серия «Жизнь замечательных людей», подписные издания Дюма, Марка Твена, Жюль Верна — словом, стандартный набор книг в любом советском доме, за исключением, пожалуй, японской поэзии и прозы в оригинале и переводах и маминых книг по языкознанию.

Книги и стали теперь для него и друзьями, и собеседниками, последней, спасительной соломинкой, за которую он сумел уцепиться. Как-то внезапно состояние озлобленности и бессильной ярости сменилось осознанием пустоты, бесцельности, бесполезности. Если раньше он метался, как раненый зверь в клетке, разрывая себе душу единственным вопросом: «Почему я?», что-то пытался исправить, вернуть, изменить, то теперь он просто пил и пил, хотел напиться до потери ощущения времени и пространства.

Протрезвление, в прямом и переносном смысле, наступило внезапно. В похмельном угаре он вдруг осознал, что пропустил и день рождения матери, и день ее смерти, по случайности совпавший с единственным праздником, который он праздновал, — Днем десантника.

В грязном зеркале ванной на него смотрел совсем чужой человек: внешне намного старше по возрасту, где уж его тридцать шесть, под полтинник годами, не меньше. Старик, почитай! Обильная седина припорошила коротко стриженный ежик волос и изрядно осеребрила бывшие когда-то смоляными густые усы.

Ужасный шрам, стянувший щеку от виска до уголка рта, приоткрывал слева зубы, и на лице навсегда застыл уродливый оскал. Дергающаяся временами правая половина лица, трясущаяся голова, выглядывающие из-под выцветшей тельняшки покрытые грубыми рубцами следы ожогов, спускающиеся от шеи на всю грудь и правую руку, наполовину ссохшуюся. Вот урод так урод, краше только в гроб кладут!

Да уж! Лучше бы он тогда сгорел бы в БМД вместе со своими пацанами! Глядишь, всем сейчас было бы лучше: и Ленке, как же — вдова героя, и сыну — он бы не отводил стыдливо глаза, встретившись с отцом на улице, да и ему...

Да и сейчас что его держит? Кому, кроме себя самого он нужен? Нахлынувшее в тот миг малодушие чуть не толкнуло его на тот поступок, что христиане считают вечным решением временной проблемы, а буддисты — временным решением вечной проблемы.

Искорка мысли, промелькнувшая в одурманенном мозгу, тотчас разгорелась. Но не в предположение, а в четкое убеждение того, что раз он выжил, то ему был дарован еще один шанс. Какое там самоубийство — жить, он должен жить! Жить не только за себя, жить за тех, кто не вернулся с войны. Прожить не только свою жизнь, прожить и их жизнь за них.

Долгие полгода он мучительно приходил в себя. Бросил пить, стал через силу, преодолевая боль в простреленный навылет ноге, делать зарядку, возвращая прежнюю силу, координацию и уверенность движений. Выбросил все, хоть чем-то напоминавшее о прежней жизни, включая радио и телевизор, и стал... читать.

Сначала перечитал все приключения и проштудировал все энциклопедии, включая толстенные словари. Затем добрался до классики. Те книжки, которые не осилил в школе, которые тогда шли со скрипом и неохотой: Толстой, Бунин, Достоевский, Куприн, Шолохов, теперь все не прочитывал — проглатывал.

Когда закончились книги дома, стал наведываться чуть ли не каждую неделю в «Букинист». В районе, где он жил, с книжными магазинами и библиотеками было туго, вернее, их совсем не было: местная молодежь интересовалась не книгами, а дешевым пивом.

Магазин комиссионной литературы был его единственной отдушиной. Более того, книги там были на порядок дешевле. Пусть и не в таких красивых, новых, блестящих переплетах, но это были именно книги, а не та бездарная макулатура в ярких обложках, которой были завалены прилавки других книжных магазинов.

Правда, поездка давалась не легко: от дома до остановки шел с тросточкой чуть ли не полчаса, потом — в центр города автобусом, да еще с пересадкой на трамвай, затем через площадь Торгового комплекса на улицу Литвинова в заветный магазин. Дорога каждый раз отнимала много сил, но вознаграждение было поистине бесценным.

— Вижу, почти целая полка добавилась! — Сергей взял толстую книгу и с чувством прочитал: — «Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920 гг. Впечатления и мысли члена Омского Правительства». Гинс. Ну и фамилия. Ого, а тут у тебя сплошная гражданская война пошла. И не лень на нее деньги тратить?!

— Не такие уж и большие деньги, с пенсии десяток книг покупаю да еще меняю. Старые книги дают почитать, сошелся тут с одним старичком — у него масса изданий двадцатых годов. А насчет Гражданской скажу одно — у меня будто пелена с глаз упала. Так и хочется крикнуть: а король-то голый! Как нам ввали и в книгах и в кино, «Чапаева» только вспомнить. Помнишь, там еще психическую атаку показывали...

— Ой, права была Ленка! Горе без ума!

— От ума! — поморщившись, поправил он шурина. — Ты сам-то что читал в последний раз? В туалете и то, наверное, не газетой, а пальцем подтираешься?!

— Га-а-а! — довольно заржал Сергей. — А вот и нет! У Пашки брал, этот, как его, книжка про бывшего десантника. Приехал он с войны, ну, совсем как ты, а там полный беспредел! Ну, он еще потом братков завалил, когда они его друга на бабки вломили и бабу его на общак пустили! Ничего так, книжка стоящая!

— Дурак ты, Серега! Вот с этой книжкой и сходил бы в туалет, всем бы пользы больше было! — Константин уже давно оставил попытки заинтересовать непутевого родственника хоть как-нибудь тем, что вот уже несколько месяцев не выходило у него из головы — историей Гражданской войны, а главное, поиском вариантов другой ее развязки, спасительной для белого движения.

Это стало его своеобразной «идеей фикс». Он перечитывал потрепанные книги снова и снова, выискивал варианты иного развития событий, возможности изменить ход истории. Ставил себя на место Каппеля, Колчака, Семенова, ругал их от души за необдуманные, невзвешенные, а порой и просто дурацкие приказы. Но потом сам же оправдывал их действия то сложившейся ситуацией, то нехваткой сил и средств.

Из родной Сибири разум переносил его в другую часть России. Ермаков сутками напролет чертил схемы Перекопских укреплений, столь необходимых для спасения Крыма, но так и не возведенных в реальной истории.

Ругая бестолковость генералов сквозь стиснутые зубы, отставной офицер планировал этапы эвакуации Белой армии и богатейших складов продовольствия и снаряжения, поставленных союзниками в Архангельск, на Кольский полуостров, поближе к Мурманску и Кандалакше.

Как ребенок лепит кулича в песочнице, Константин с завидной терпеливостью играл в войну — переформировывал в мозгу белые полки и дивизии, перебрасывал с фронта на фронт части и технику...

Сколько раз он соскакивал среди ночи и, упершись лбом в холодное стекло, пытался разглядеть в туманном мареве парящей Ангары дымки чешских бронепоездов на вокзале! Проходящие в темноте редкие прохожие виделись ему пришельцами из смутного времени гражданской войны. То солдатиком в шинели с красным бантом на лацкане и «мосинкой» на плече; то гимназисткой, ежащейся от порывов студеного ветра и кутающейся в коротенькую шубейку; то казачьим офицером в косматой папахе, мелькнувшим в свете тусклого фонаря желтым лампасом. И иной раз Ермаков чувствовал, что потихоньку сходит с ума!

Он прокручивал в уме знакомые до мельчайших деталей, ставших уже ненавистными, события тех лет: восемнадцатый, девятнадцатый, двадцатый, двадцать первый — ну почему, почему все сложилось по самому наихудшему сценарию?

Где талантливые полководцы, где бескорыстные патриоты, где ум, мозг, сердце империи? Неужели кровавая мясорубка братоубийственной войны так быстро смогла все перемолоть без следа? Как же это произошло, как Господь мог допустить это?

Бурлящие в последнее десятилетие в обществе процессы, подобно болотным газам, выбросили наружу невероятное количество грязи и гнили, тщательно скрываемой долгие годы под лоском официальной версии советской пропаганды.

Константин заново для себя открывал бывшие в свое время непреложными истины и авторитеты. Тот пласт истории страны, который тщательно вымарали, выжгли клеймом белогвардейщины и контрреволюции, вырвали из памяти и сознания поколений, постепенно возвращался из небытия, в совершенно ином свете представляли люди и события.

С каждой новой порцией безжалостной правды, почерпнутой из ставших теперь

доступными старых книг, мемуаров белых генералов, воспоминаний очевидцев тех лет, опубликованных архивных материалов в его душе закипала беспощадная злоба и ненависть к нелюдям, сотворившим такое с целой страной и с ним лично...

— Не грузи меня, Иваныч! Ты же знаешь, все эти мемуары не для меня. Гонят они там по-черному, скукотища! — шурин вырвал его из омута размышлений. — Пошел я. Я же к тебе на чуток забежал, про лечение сказать!

Сергей извинительно провел руками, видя, как дернулась от обиды Костина щека — человеку выговориться надо, впечатлениями о прочитанном поделиться, а тут такой облом.

— Слушай! Совсем забыл. Цыденжап нашел место, в нескольких километрах от той заброшенной станции. Помнишь, — он похлопал его по здоровому плечу, — о которой я тебе говорил? На Кругобайкальской дороге. Там скальник в распадке углом выглядывает — желтоватый, а под ним камни и ручеек. Но пилить от железки полчаса нужно. Завтра с утра мы до Порты Байкал на мотовозе поедем, к вечеру на месте будем. Снега еще не намело, так что доковыляешь! Зато там любую боль заговорить можно. Поедешь?

— Спрашиваешь?! Ты бы знал, как башка болит, будто гвозди раскаленные в нее забили...

— Там подлечишься. Цыденжап говорит — сильное место. Он тебе отвар сделает на месте, выпьешь.

— Да я мочу ослиную выпью, лишь бы эта боль не донимала. Врачи, сам понимаешь, помочь не в состоянии, а платить мне нечем, с хлеба на воду и книги и так кое-как перебиваюсь, с Божьей помощью.

— Даст Бог, подлечишься. Только вот Цыденжап что-то темнит, толком не говорит, загадками объясняется. Вроде от такого лечения можно и крышей тронуться. Что-то по поводу полной луны болтал, якобы может она навсегда душу человеческую взять...

— Не пугай, я уже пуганая ворона. Если поможет, то я хоть жить нормально смогу. А если нет, то меня гибелью не напугаешь. Особенно сейчас, когда каждый мой день — сплошное страдание. И знай — я старый солдат и видел так много смертей, что и своя меня не устрасит...

КБЖД

(Кругобайкальская железная дорога)

(23 декабря 1997 года)

На заброшенном разъезде Кругобайкальской железной дороги, неподалеку от станции Маритуй, их ждал пожилой бурят с морщинистым лицом, худой как штырь, на плечах которого, как на вешалке, болтался ремонтный бушлат с эмблемой ВСЖД. Но руки оказались крепкими — они с Серегой за сорок с небольшим минут доволокли его до искомого места.

Заброшенная станция на Кругобайкальской дороге представляла собой четырехугольник закопченных стен без крыши, окон и дверей, порядком загаженный туристской братией, которая активно шарилась в здешних местах уже тридцать лет. Да оно и понятно — как построили Иркутскую ГЭС и провели обходную дорогу на Слюдянку напрямую через сопки, так жизнь в этих местах разом и заглохла. Селения почти вымерли, станции забросили — и остались живописные скалы, туннели и байкальское взморье на откуп любителям туманов и запаха тайги. И лишь дважды в неделю простучит колесами поезд из двух вагонов, в которых и народу-то почти никогда нет...

Как они решили заранее, Сергей поехал дальше до Порта Байкала по своим делам, а Ермаков с Цыденжапом остались.

— Однако решил, да? — Цыденжап хмуро глянул на Ермакова.

— Чего решил? — не понял его Константин.

— Э-э-э! — бурят хитро прищурился, отчего его глаза превратились в узенькие щелочки. — Ты, однако, зачем пришел? Лечиться, да?

— Да! — Ермаков неуверенно мотнул головой. — Или ты сам уже не уверен в том, что сможешь?

— Обижа-а-а-ешь! — протянул тот. — Мой прадед три бубна имел, великий харайн-боо, однако, был, мой дед их от него получил, отец эти бубны мне передал! Цыденжап из рода великих шаманов! Я это место специально берег для хорошего человека. Чтобы оно силу набрало, долго ждать надо было. Водку принес?

Константин кивнул, протянул поллитровку буряту. Тот что-то пробурчал под нос, типа «На себя — и пожалел!», поцокал языком и зашагал к скальнику.

Мать честная! Красота-то какая! Ермаков был на Кругобайкалке второй раз в жизни. Давно, еще в школе, физрук водил их 10-«А» сюда, «на природу». Ехали на электричке до Ангасолки, потом топали еще двадцать километров до урочища. Однако вознаграждение за тяжкий переход было фантастическим: два дня они лазали по скалам, обшарили пару туннелей, навсегда остались очарованы магической красотой этих мест.

Вот и сейчас Константин вдыхал полной грудью воздух, насыщенный непередаваемым ароматом леса, железной дороги, влажного дыхания Байкала и еще чего-то неуловимого.

Где-то здесь ровно семьдесят восемь лет назад не на жизнь, а на смерть сцепились в яростной схватке участники затянувшейся уже на несколько лет кровавой драмы под названием Гражданская война.

Ермаков страстно желал ворваться туда, именно в последний уходящий месяц года девятнадцатого. Суметь помочь, исправить, изменить, отдать всего себя ради того, чтобы отвести надвигающееся со скоростью урагана красное безумие...

— Шибко торопимся! — бурят уже переоделся в «униформу» и перетаскивал к подножию скалы какие-то одному ему ведомые предметы.

Если бубен Ермаков углядел и оценил сразу, то остальные чашки, плоски, тряпье, пара китайских обшарпанных термосов, еще куча всякого барахла откровенно не впечатляли и придавали Цыренжапу вид старьевщика, вызвавший у Константина неприятное чувство дешевого балагана.

Обряжение Цыренжапа не добавляло оптимизма. Потертый синий халат, высокая шапка с разноцветными лентами и бахромой понизу, на поясе, вернее, заменявшей его черной веревке, висели металлические фигурки, Ермаков только разглядел человечка, птицу и лошадь, на груди — круглая металлическая тарелка желтого цвета. Довершали картину почему-то кирзовые сапоги.

— Слушай, Цырен, ты действительно собираешься бить в этот бубен?

— Хэсэ! Это не бубен, это хэсэ! — он разводил костер. — Ты давай, не мешай мне!

Ермаков ждал от бурята такого священнодействия, приготовился прикоснуться к великой тайне камлания, но действия Цыренжапа не тянули даже на слабенькую троечку с минусом.

Сначала тот долго ходил по поляне и коптил корой то ли пихты, то ли сосны, по запаху Константин не мог определить точно. Затем у костра на доске бурят расположил тарелку с мясом, рядом с ней на дощечку выложил из термоса какую-то густую бурду, цветом и консистенцией напоминавшую манную кашу с комочками. В другую тарелку бурят налил молока из второго термоса и поставил на камень бутылку водки.

— Это кому? — Ермаков уже устал стоять и попытался присесть на корточки, однако больная нога предательски не желала сгибаться. Сидеть на холодных камнях не было ни малейшего желания, поэтому он потоптался что твой конь в стойле и остался на месте.

— Ама Сагаан-Ноен любит щедрые дары!

Дальше стало совсем уж неважно: Цыренжап прыгал у костра и бил в бубен. Периодические завывания вперемешку с гортанными выкриками, конечно, вносили разнообразие в монотонное поначалу бурчание, но Константин уже твердо для себя решил, что с него хватит.

Он повернулся, чтобы пойти к туннелю, видневшемуся за поворотом, как Цыренжап подскочил к нему и резко потянул за рукав:

— Душа твоя покинула тело! Я верну ее!

— Очень ценное замечание! Сам-то понял, что сказал? — Константин рассмеялся.

— Не смейся! Ама Ноен шибко обидится! Отомстить может, злую шутку сыграть! — бурят потряс поднятой с бубном рукой. — Шибко жалеть потом будешь! Пришлет он злого духа, и эжен навсегда заберет себе твою душу!

— Да кто этот твой ама, или как там его?

— Замолчи! Это очень могучий бог, третий сын великого тэнгэри! Тэнгэри Хухэ отправил сюда его, чтобы он охранял эти места. Он хозяин этой земли! — глаза бурята горели огнем на коричневом морщинистом лице. — Ты совсем не в себе! Душа твоя покинула тебя! Ты хотел себя убить, да? Не смог, да? Ты напугал этим свою душу! Она теперь не может вернуться и терзает тебя! Тебя надо защитить. Любая блуждающая душа теперь может прийти к тебе, а твою может забрать кто-то другой, такой же золгуй, несчастный, как и ты!

— Откуда ты знаешь? — Ермаков замер.

— Духи все видят! Вы пришли на эти земли, привели своего бога, но духи все равно здесь! Они могут тебе помочь!

— Как?

— Садись! — шаман усадил его перед костром.

Он буквально заставил Ермакова отхлебнуть из фляжки мутно-белой жидкости с молочно-кислым привкусом, крепостью приближающейся к водке. Константина чуть не вырвало, но он сдержался.

— Тарасун! — бурят влил в себя залпом добрый глоток — Хорошо, однако!

Расплывшись в улыбке, он уселся рядом и пристально взглянул на Ермакова.

— Гал Тайха делать буду. Душу твою призывать. Буду звать богов огня и неба. Они найдут твою душу, крепко-крепко ее схватят, а я скажу тебе, как ее поймать и получить обратно!

— А моя душа где?

Бурят скрипуче рассмеялся, обнажая желтые зубы:

— Сам не знаешь, да? Она там, где твои мысли! Она и далеко, и близко! Ты и там, и тут.

— Как это?

— Тэнэг!

— Чего?

— Голова у тебя седая, а ума в ней мало! Глупец ты, говорю! — он покачал головой. — Людей убивать ума много не надо, а жить-то сложно! Я сейчас брызгать буду. Ты сиди и думай, хорошо думай. Думай о себе. Молись своему богу, если хочешь, чтобы он помог тебе. Только не зови никого и не называй себя, а то шибко худо будет!

Он заставил Ермакова выпить еще тарасуна. Вылил в огонь какую-то темную жидкость из выуженной из недр халата баклаги, отчего повалил густой едкий дым. Ермаков закашлялся, его и так мутило от поила, щедро влитого в него бурятом.

Внезапно у него завертелось, закружилось перед глазами. Сквозь дым он увидел вместо лица Цыренжапа ухмыляющуюся жуткую морду.

— Назови себя! — морда завывала, кричала, корчила невероятные гримасы. — Назови!

Костя проваливался в беспамятство. Жуткие вопли, свист, шум, вой, сливавшиеся в безумную какофонию звуков, отдавались в черепной коробке. Он пытался вдохнуть, но воздух как будто исчез, и легкие захватывали пустоту. В голове взорвалось яркое солнце, в грудь кинжалом ударила обжигающая боль.

— Назови-и-и-и имя-я-я-я!!!

Внезапно наступила звенящая тишина, которую разорвал гудок и свист паровоза...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

И вновь продолжается бой...

(24 декабря 1919 года)

Слюдянка

Костя с детства до ужаса боялся паровозов. Именно паровозов, а не каких-то там локомотивов, тепловозов, электровозов и прочих там дрезин. А старший мамин брат, которого в депо все работяги уважительно звали дядя Коля, только смеялся над его детскими страхами и иной раз просил своих друзей-машинистов пускать пар, когда он с мальцом проходил мимо. Те и пускали, да еще гудок тянули, добавляя пацану жути. Вот и сейчас гудок и свист пара раздались внезапно, по детскую душу. А-а-а! Мама-а! Мамочка...

Константин Ермаков с трудом вырвался из объятий сна, удрал от давнего детского кошмара. Сел и крепко потер ладонью глаза. И тут же все вспомнил — утром они с Серегой подрядились на ремонтный мотовоз и после полудня уже были у заветной для него цели.

Топчан под ним ходуном ходит, или он сам так качается? Голова очень кружилась. И поэтому Ермаков с трудом осознал, что сидит не на кровати, а, скорее, на откидной жесткой полке, а качается — потому что снова оказался в поезде, ведь перестук колес ни с чем не спутаешь.

Опять гудок паровоза и свист выпускаемого пара заставили сжаться его сердце. Одной минуты не прошло, как вагон с железным лязгом остановился.

Где-то рядом взвыл гудок, и Ермаков припомнил, что днем видел в Култуке самый настоящий паровоз, и здраво решил, что это именно он сейчас ночью куролесит.

— А, наверное, здорово было бы сейчас выглянуть в окно и увидеть старую Слюдянку, этак вековой давности, — Константин на мгновение зажмурился, представив, как сквозь клубы паровозного пара проступают очертания вокзала, извозчик на лошадке, путевой обходчик в шубе с высоко поднятым воротником. — Да, но это красиво лишь на картинке. Век-то назад там еще, может быть, и неплохо было, но потом...

Он зажмурился, и перед глазами понеслись, как кадры из фильма, события и людские судьбы. Белые, красные, снова белые и снова красные. Тысячи и тысячи погибших...

...Тогда, отступая вдоль нитки Транссиба, белые отчаянно дрались за осколки рушащейся, как колосс на глиняных ногах, Российской империи, тщетно пытаясь удержать утекающую как песок сквозь пальцы власть.

Красные паровым катком шли на Восток, сметая, как огонь сухую траву, очаги жалкого сопротивления...

Вагон снова дернуло, и он открыл глаза:

— И куда же мы поехали, на ночь глядя? И где Серега? Опять, наверное, нажрался, падла! И Цырен куда-то запропастился! Чует, видать, что я ему шею сверну за такое лечение!

Ермаков огляделся в поисках своей трости. Поезд потряхивало, он со скрипом набирал ход.

— Совсем мне не улыбается без палки, на одной, почитай, ноге скакать до туалета... Сраму не оберешься, если загремлю костями! — он машинально посмотрел на ноги и невольно вскрикнул: — Боже милостивый!

Нога! Она была согнута в колене...

Согнута! Хотя этого не могло быть по определению, там ведь железная пластина вставлена.

И пальчики теплые, шевелятся по малейшему желанию. Откуда?!

— Так! Спокойно! — он закрыл глаза, через мгновение открыл, посмотрел на ногу. — Что получается, лечили, значит, душу, а вылечили ногу? Ну Цырен, ну... шаманский сын!

Ермаков, чтобы удостовериться, не сон ли это, крепко ущипнул себя за ту самую ногу — и тут же от боли заскрежетал зубами. Какая к черту галлюцинация, какой сон?! От такой нешуточной боли впору было во все горло вопить, котов-полуночников с крыш диким криком согнать.

От такой новости мучительно захотелось курить, и он стал охлопывать карманы в поисках сигаретной пачки. Однако в брюках оказалось пусто, а в нательной рубашке (и кто же ее на него одел, всегда же в тельняшке ходил) карманов не имелось по определению.

Но тут свет луны упал на столик, и он разглядел искомое — раскрытую пачку папирос, коробок спичек и какую-то плоскую консервную банку без крышки, набитую окурками.

Ермаков всей пятерней почесал затылок — когда же он успел столько накурить, и почему проводник на такое вопиющее нарушение не среагировал?

И тут же нашел ответ — так он же не на пассажирском едет, а на ремонтном. Здесь все курят. Вагон старый, еще довоенный — в детстве он на таких бывал с дядей, в депо для ремонтников стояли. И, как он помнил, такой старенький вагончик был прицеплен в хвосте.

С Сергеем они садились в первый по ходу движения, повидавший виды зеленый плацкарт, обычно и используемый в ремонтных поездах для перевозки бригад. А это означает только одно — по непонятным причинам его перенесли из одного вагона в другой.

Не успел Ермаков обдумать эту мысль, как поезд сбавил ход, остановился, свистнул, пыхнул и лениво затрухал в обратном направлении, вильнув всем железным телом на стрелке.

— Что за гребаные маневры? Куда он корячится? — он ругнулся про себя. — Угомонись ты, наконец!

Поезд словно послушался, чихнул паром, дернулся в последний раз и замер.

— Ну вот, молодец! — он удовлетворенно кивнул и в душе рассмеялся от мысли о том, что поезд мог послушаться его команды.

Он почесал переносицу, еще не до конца веря в случившееся, осторожно разогнул, согнул и снова разогнул вновь обретенное сокровище. «Да уж, — как говаривал Ипполит Матвеевич Воробьянинов, — да уж».

— Нога цела, и это факт, — он закурил.

Привычный табачок, пусть и немного крепковатый, утешил душу от потрясения чудесно исцеленной ноги:

— Может, и голова поправилась? Вот хохма-то выйдет! Надо будет поблагодарить бурята. Молодец, ничего не скажешь! Зря только обидел его своим недоверием. Да ладно! Он же понимает, что я не со зла. Серега вон вообще считает, что я уже давно тронулся! Так что с дурака взятки гладки! Тем более с такого, как я! По моим шрамам и заплаткам военную историю России последних лет пятнадцати можно спокойно изучать...

...Начал он свой боевой путь в восьмидесятом с Афгана командиром отделения крылатой пехоты. На сверхсрочную не остался, по направлению попал в Рязанское училище ВДВ.

Отбухав пять лет берцами по плацу, снова вернулся в Афган свежее испеченным лейтенантом, командиром взвода.

Пока его БМД грохотал гусеницами по мосту через Пяндж, стонавшему под тяжестью нескончаемых колонн выводимой в Союз техники, гвардии капитан Ермаков, к тому времени уже счастливый обладатель трех орденов, думал о том, что война для него, наконец, закончилась.

Но не тут-то было! Дальше нескончаемой вереницей потянулись Карабах, Абхазия, Осетия,

Приднестровье и, наконец, Чечня.

Вся страна крутилась в бизнесах, покупала и продавала, делала деньги, прогорала на акциях «Хопра» и МММ, выбирала президента, митинговала перед Белым домом и стучала касками по Кузнецком Мосту, а он все воевал, воевал и воевал.

Свою последнюю войну он запомнил особенно хорошо. Почти три года тому назад он, командир десантно-штурмового батальона, к тому времени уже гвардии майор, при втором штурме Грозного подорвался с БМД на фугасе, а затем получил в борт две гранаты РПГ.

Троих парней сразу всмятку, потом с брони в цинки лопатками соскребали, еще трое почти полностью сгорели, а ему осколков досталось по самое не могу, потом, как вылез, ногу искалечило пулей и обожгло пламенем на совесть, да полгода еще плохо слышал.

И выбросили майора на пенсию, накинун на прощание инвалидность и звание подполковника в качестве десерта.

— Вот жизнь, а! Сколько раз в машине горел! — папироса еще тлела и чуть не обожгла пальцы. — Но врешь! Своих я просто так на пушечное мясо не давал, нет на моей совести бесполезных смертей солдатских! Почитай, экипажем командовал, отделением командовал, ротой командовал, батальоном командовал, до бригады добрался бы... А вот, — он обвел глазами купе, — поездом командовать не приходилось еще! Ну, для вояки типа меня простой поезд не подойдет! Уж если шашкой махать, то с бронепоезда!

Образ бронепоезда вернул его к заветным мыслям. Ведь именно на этих рельсах Кругобайкалки когда-то гулко стучали колесные диски бронепоездов, на всех парах шедших из далекого Забайкалья на спасение адмирала Колчака и остатков российской государственности. Их пушки могли повернуть историю вспять, но поражение под Иркутском поставило крест на той отчаянной попытке...

Сквозь заледенелое вагонное оконце падал лунный свет, еле освещая его ночное пристанище. Ермаков огляделся. Напротив его полки находился короткий топчан, рядом с ним встроенный шкаф, дверь в купе была не сдвижная, а открывающаяся на петлях. Отбросив воспоминания в сторону, он в очередной раз привычно смял зубами картонный мундштук папиросы, чиркнул толстой спичкой, зажмурил глаза от вспышки, и с наслаждением закурил.

Загасив очередную папиросу, Ермаков ощутил холод — не май месяц, да и вагон, судя по всему, подостыл. Видимо, титан на ночь решили не топить, вот и холодно.

Он разглядел на полу купе шинель, по всей видимости, именно ею он ночью и укрывался, лежа на грязноватом тонком тюфячке, иначе все ребра отдал бы на деревянной полке. Костя поднял с пола шинель и привычно накинун на плечи, рукой пройдясь по погонам.

— Звездочек нема. Странно... В армии подобного чина нет. Рядовому такого материала не полагается, — он провел рукой по шинели, — уж больно хороший. Ха! Я же казачка видел на сортировке. Далеко, правда, стоял, папаху серую только и разглядел. Видать, его это шинель, а он, стало быть, есаул, раз погон пустой. Меня Серега, видимо, вместе с ним в купе и определил. А сам наверняка с железнодорожниками водочку попивает.

Странная это была какая-то шинель. Длиннополая. И пуговицы странные, край обрезанный, и не такие гладкие, как привыкли пальцы.

— Велико звание у хозяина. Кем же он в их казачьем воинстве приходится? Ну, ничего, вернется, познакомимся! — решил сам про себя Ермаков. — Надо спасибо сказать, что так заботливо укрыл ею меня! Но где же он ночью-то ходит?

Вопрос был обращен в пустоту, да и ответа на него он не ждал, а потянулся за очередной папиросой, чтоб с перекурком помыслить о том целительном скальнике.

Вроде все и ладно складывалось, но не давало покоя, где-то в подкорке крутилось жуткое видение давешнего дня:

— Нет, ну и рожь! Если бы пил, то точно решил бы, что «белочка» в гости наведалась! — Ермаков пускал кольца дыма и разглядывал через них потолок — Интересно, чего это там Цырен в огонь ливанул, что мне такие глюки привиделись? Не морда, а сущий демон, как бишь он там его назвал?

Он попытался напрячься, чтобы вспомнить детали прошедшего дня, но ничего не получалось. Память словно была окутана липкой сетью, которую не удавалось пробить даже методом глубокого погружения.

Использовать другие, более хитрые приемчики, кои были вложены в его мозг и подсознание во время прохождения одного очень полезного спецкурса лет десять назад, он не стал, и на это был свой резон.

— Что-то в последнее время мне моя голова дорога стала. Особенно теперь! — поразмыслил он про себя. — А то получится как кислое молоко в горячий чай: свернутся мозги и амба!

...Он практически не использовал в мирной, если можно так назвать его пенсионерские будни, жизни навыки, когда-то полученные на военной службе. Толку все равно никакого от них не было, разве что в киллеры податься!

Молодой, честолюбивый капитан Ермаков, орденосец, получивший обкатку в бою, имеющий прекрасные знания японского языка и культуры, естественно, не мог не заинтересовать определенные армейские структуры.

Константина некоторое время спустя выдернули со ставшего уже родным места командира роты и направили на обучение в Общевойсковую академию имени Фрунзе. Дальнейшее назначение на должность командира разведывательного батальона десантно-штурмовой бригады, расквартированной в подозрительной близости от границы вероятного противника, не заставило себя ждать.

А потому для него не стал неожиданностью пришедший вскоре вызов на курсы повышения квалификации армейских топографов. Признаться, он чего-то подобного и ожидал.

Конечно же, под этой топографической бутафорией скрывалась подготовка в спеццентре ГРУ. Там за каких-то шесть месяцев он хорошо поднатаскался в диверсионном ремесле, а заодно укрепил второй базовый язык, благо вероятных противников хватало.

И пошла бы его карьера в гору, если бы не развал «великого и могучего». Те, кто был врагами, стали друзьями, армия развалилась, далеко идущие планы полетели к чертям. Туда же, а вернее — в «горячие точки», сменявшиеся одна за другой, полетел и он вместе со своими перспективами.

Горькие плоды всех этих перипетий он и пожинал последние долгие два года...

...Но теперь он уже не был инвалидом: нога-то — вот же она, целая и здоровая.

И Костя решил встать. Нога была послушна, крепка и все-все ощущала. И холод, и мусор под ступней, и радость бытия. Так во сне не раз было — он видел себя прежним, снова бегал, дрался, надевал на нее прыжковые ботинки и с парашютом из самолета вываливался.

А утром просыпался, горько смотрел на изуродованное колено и приставленную к кровати тросточку, и только зубы сжимал. Нет, он уже не лил слезы, не жалел себя — перегорело все внутри, душу всю выжгло. Но тяжесть никуда не делась, осталась...

И только сейчас Ермаков углядел над изголовьем ременную амуницию с кобурой и висящую шашку с темляком. Руки сами потянулись, ведь с Чечни оружия в руках не держал.

Драгунка офицерского образца, крепления для штыка на ножнах нет, как и самого штыка, разумеется, темляк георгиевский, а в навершии рукояти Ермаков разглядел маленький белый крестик. И свистнул сквозь зубы — так вот оно какое, наградное «золотое оружие» русской императорской армии. А на сколько «зеленых» сей раритет сейчас потянет? И устыдился мысли

— каким же подлецом и циником надо быть, чтоб офицерской храбростью и честью торговать.

— Наверное, это шашка есаула, — принялся размышлять вслух Ермаков. — Его деда или прадеда награда, может быть. И в вагон этот наверняка он сам меня определил, вояка матерый. А рыбак рыбака видит издалека. Но шашка хороша, жаль только — не казачья.

Бережно повесив драгунку обратно на крючок, Ермаков снял с него ремень с неожиданно тяжелой кобурой. Отстегнул ремешок клапана и вытащил тускло блеснувший в лунном свете вороненый револьвер.

— Ипическая сила! Ну и казачок, ведь не огурец прячет для закуси, а офицерский наган-самовзвод. Ну-ка, отворись, ну-ка...

К великому удивлению Ермакова, барабан револьвера был снаряжен боевыми патронами — вытащенные из гнезд, они рассыпались по столику близнятами. Смерть, временно запечатанная в латунь гильзы...

— Да вы, батенька, никак поэтом становитесь, — усмехнулся он своим мыслям, быстро зарядил барабан и засунул револьвер в кобуру.

А потом с не меньшим сожалением повесил обратно на стену. Медленно присел на топчан, достал из коробки очередную папиросу и закурил, выдыхая табачный дым через ноздри.

— Надо же, казак никак на войну собрался, с шашкой и наганом. С кем же это он ратиться будет? Рисковый! Ментов не боится, а мне, видать, доверяет, раз на стенку свое оружие повесил.

Докурив папиросу, Ермаков стал тушить окурок в банке и зацепил край пальцем. Банка тут же встала на ребро и опрокинула все свое содержимое на стол. Ну как тут не облегчить душу крепким словом...

— ...руки как крюки, и пальцы со... — но слова тут же застряли в горле.

На безымянном пальце правой руки было золотое кольцо, похожее на обручальное. От такой подляны судьбы, которая неожиданно «закольцевала» отпетого холостяка-инвалида, Костя тут же впал в легкий ступор, а когда поднес к лицу ладонь, то на целую минуту словно окаменел...

Это были не его руки, не *его*! Набитостей костяшек нет, след от ожога напрочь отсутствует, исчез шрам на запястье. Костя вскочил и заметался по купе, рванул дверь шкафа — так и есть, на внутренней стороне было зеркало. Ермаков запалил спичку и пристально взгляделся в свое отражение.

Волевое незнакомое лицо с черными усами, почти ровесник, ну, может, лет на пять младше, выразительные глаза. И шрама, что уродовал всю его щеку, у зеркального отображения не было.

Он оказался в чужой шкуре...

Иркутск

Маленькая комнатка во флигельке почерневшего от времени дома, что среди множества таких же похожих стоял на Луговой улице, неподалеку от сорванного ледоходом понтонного моста через своенравную красавицу Ангару, была тускло освещена единственной керосиновой лампой.

Неумелая рука слишком выдвинула фитиль, и язычки пламени коптели стекло лампы, да и запах керосина чуть явственно держался в воздухе. Но то была обыденность — электричество подавали с перебоями, а два последних дня все частные дома вообще отключили, и лишь военные и правительственные учреждения еще освещались тусклым электрическим светом.

В комнатке, обставленной почти по-спартански — кровать, шкафчик, стол и пара

стульев, — было двое. Они сидели на стульях и тихо, очень тихо беседовали, время от времени переходя на шепот. И было от чего — в настоящий момент деятельностью этих господ сильно интересовалась контрразведка генерала Сычева, военного коменданта города, вот только оставались они для нее пока что неизвестными. А сейчас между ними шел весьма примечательный разговор.

— У нас уже все готово, Николай Сергеевич, а у вас? — прилично одетый господин, с легкой картавостью в голосе, требовательно посмотрел на офицера в английском френче, на погонах которого выстроились пирамидкой четыре звездочки штабс-капитана.

— Да, готово. Выступление полка в Глазково и двух батальонов местной бригады начнется в четыре часа пополудни. Солдаты распропагандированы и лояльных к режиму офицеров арестуют сразу, это четко проработано. К остальным офицерам поставим комиссаров, «политцентровских», что уже прибыли от вас. В Глазково буду лично. Затем вернусь в город на пароходе «Бурят», чехи гарантировали мой проезд беспрепятственно.

— Лучше останьтесь в полку, с солдатами, не надо так рисковать. Потерять в такой момент командующего Народно-революционной армией Политцентр не может...

— Второй батальон инструкторской школы только я смогу вывести, я все же там курсовой офицер, и солдаты мне верят. Боюсь, что капитан Решетин не справится с этим делом, ему бы свой отряд особого назначения вывести. А что с милицией?

— Павел Дмитриевич наш партиец, вы прекрасно знаете. И милиция, и отряд Решетина указания от него вчера получили. Они давно готовы к выступлению. К тому же в Знаменском сформирована рабочая дружина в пять сотен человек..

— Прекрасно, Марк Яковлевич. Тогда завтра, вернее уже сегодня, нас ждет победа. В наши руки перейдут склады в Военном городке и на Батарейной. А это позволит снабдить всем необходимым Народно-революционную армию и дожать колчаковцев в Иркутске.

— Склады, как я знаю, очень богатые. И сколько там нужного?

— Обмундирования и снаряжения на двадцать тысяч человек. И еще на тридцать тысяч солдат зимней одежды — полушубков, шинелей, тулупов и прочего. Кроме того, масса продовольствия, одного сахара 20 тысяч пудов, мука, сукно, обувь. Это даст возможность выдать чешским эшелонам все для них необходимое, решат ли они следовать на восток, или остаться здесь, для нашей поддержки...

— И потому, как я понимаю, наши доблестные союзники не станут выставлять свои караулы?

— Именно потому, Марк Яковлевич. В этом нет необходимости. По соглашению Политцентр безвозмездно предоставит чехословацким войскам все необходимое и договорится с черемховскими шахтерами о бесперебойной поставке угля для их эшелонов.

— А как с техническими средствами?

— На Батарейной есть четыре аэроплана, полсотни орудий, два десятка бомбометов, три сотни пулеметов, 25 тысяч винтовок, снаряды, три миллиона патронов, гранаты, шанцевый инструмент, колючая проволока и прочее. Там всего очень много, нашим войскам надолго хватит.

— Я аплодирую вам с губернатором — нам удалось полностью придержать этим летом все поставки союзников колчаковской армии. А раздетые и невооруженные солдаты воевать не могут и очень восприимчивы к нашим агитаторам, очень!

Заговорщики переглянулись между собой, одновременно улыбнулись. Планы партии социалистов-революционеров по борьбе с диктатурой Колчака успешно выполнялись в Иркутске при помощи чехов и управляющего губернией Яковлева.

Саботаж намного эффективней вооруженных выступлений, на которых эсеры не единожды

обжигались. Лучше разложить армию врага, не дать ей снаряжения и продовольствия, послать к солдатам лучших агитаторов партии, чем напрямую встретиться в бою. И много ли пользы для Колчака представляет батальон охраны на Батарейной, где фельдфебель во весь голос предлагает солдатам переходить на сторону красных, так как он сам знает туда все пути.

— Наши партийцы уже выступили в Красноярске, и успешное восстание в Иркутске полностью погубит как Колчака с его правительством, так и всю белую армию. Вы это понимаете, Николай Сергеевич?

— Понимаю. Но меня тревожат коммунисты — партизаны заняли Нижнеудинск и Балаганск, подступили к Зиме и Канску. А они, как вы знаете, находятся под влиянием большевиков.

— У нас есть все — оружие, снаряжение, продовольствие и деньги. У них нет ничего. Они будут зависеть...

— Но лучше бы обойтись без коммунистов, намного лучше.

— Лучше бы, но вы сами понимаете...

— Понимаю, прекрасно понимаю. Но надеюсь, что наше одновременное выступление в городах собьет спесь с их Сиббюро. Ведь так, а то придется вам стать товарищем Лидбергом, — криво улыбнулся штабс-капитан.

— Как и вам, товарищ Калашников, — с иронией ответил офицеру штатский и встал со стула.

— Вы уже уходите? — Николай Сергеевич тоже поднялся.

— Мне необходимо предупредить членов Политцентра. А вы, пожалуйста, отдохните пару часов, а то светать скоро будет. А командующий НРА должен быть в силах...

— У меня еще достаточно времени, чтобы выспаться...

Слудянка

В себя Ермаков пришел спустя десять минут — хоть и было в голове пусто, но настроенный внутренний таймер исправно отсчитывал время, тик-так, тик-так.

Вскоре вместо пустоты пришло размышление — «и что же это такое?». Ох, и попал же ты, так попал, забубенная головушка. Накаркал бурят с этим его переселением душ, значит, не врут, когда говорят, что такое еще как возможно.

— Душа моя переселилась... Тьфу ты черт, — он машинально перекрестился, — дурь какая-то! В кого? Он тоже, выходит, офицер! Купе-то его. Ясно-понятно, что дело тут вовсе не в том казаке. Это все, — Ермаков обвел взглядом купе, — его...

Долгие годы военной выучки привили ему главный принцип: в экстремальной ситуации сначала действуй, а потом думай. Именно это часто спасало его, когда незамедлительные интуитивные действия оказывались самыми точными и правильными, а лишняя трата времени на рассусоливания могла бы стать фатальной.

Ермаков искренне взмолился Богу, чтоб дал хоть полчаса на ознакомление, не привел бы в купе посетителя.

И начал действовать — надо было определить источник освещения первым делом, ибо светильников и выключателей нащупать не удалось, а спичек в коробке оставалось всего несколько штук. Спустя минуту он нашел искомое — на стенке у двери была прикреплена керосиновая лампа с толстым стеклом.

Подсознательно он уже ощущал неправильность обстановки: старый вагон, керосинка, незнакомая доселе пачка папирос, спички — и те какие-то другие, необычные были.

Сняв заслонку, Ермаков запалил спичку и осторожно поджег фитиль. Дождавшись устойчивого огонька, закрыл лампу и подкрутил колесико регулировки, добившись большого язычка пламени, и полностью осветив купе. Костя даже удивился своей проворности, будто всю жизнь керосиновые лампы зажигал. Лихо у него получилось...

При ярком свете (если сравнивать с пламенем спички, а отнюдь не с лампочкой) ждали новые открытия, подлившие приличную порцию масла в огонь сомнений.

В шкафчике обнаружился полевой офицерский китель с тускло блесевшими наградами. Но какими! Он ожидал увидеть что угодно, но не кресты: святого Владимира на колодке и малый шейный Станислава с мечами (в свое время Ермаков прочитал большую книгу с цветными иллюстрациями об орденах Российской империи).

— Не может быть! — Ермаков разглядывал китель и награды. — Это же царское обмундирование! Может быть, он, то есть, в смысле, я в нем... Нет, тот, в которого попал я... Ну, прежний хозяин тела... Бог ты мой, какую чушь я несу! Какой хозяин? — он опять уставился в зеркало. — Невероятно!

Он снова ощупал свое, то есть чужое, лицо, перевел взгляд на китель с наградами:

— Допустим, эти, как их, реконструкторы, они ведь тоже шьют форму разную, когда постановки сражений прошлых лет воссоздают. А он, который я теперь, наверное, просто увлекается эпохой начала века, — он отчаянно цеплялся за скудную надежду, не веря в то, что уже успел почувствовать, но не успел еще осознать. — Нет, невозможно так сделать форму, учесть все детали, да и ордена-то настоящие, тяжелые, а не дюралевый новодел. Этот китель надевали, именно надевали, даже не надевали, а носили! Видно, что и сукно потертое, вон пуговица чуть ослабла... Даже пахнет он как повседневная одежда, а не используемый время от времени маскарадный костюм: табачище, дымком тянет, такой нормальный повседневный мужской запах.

Да, приятного было мало! Оказаться в незнакомом месте да еще и в незнакомом теле! Тем не менее Ермаков, не откладывая нужных дел в долгий ящик, стремительно оделся в эту форму (а что еще прикажете делать голому и замерзшему до зубного стука человеку). Затем обмотал ступни теплыми байковыми портянками и вбил в щегольские кожаные сапоги, и на мгновение подумал, что тяжело будет ему в такой обуви на морозе.

Еще были большие золотые наручные часы, вернее — хронометр, лежащий на полочке, папка с какими-то бумагами, портмоне и острый старинный солдатский кинжал-бебут в ножнах.

Константин закурил и уселся просматривать извлеченную из папки бумагу, которая оказалась послужным списком Арчегова Константина Ивановича, 1891 года рождения, православного, из казаков Терской области, холостого.

— Старый знакомый! — воскликнул было он в мыслях, как вдруг его словно окатило ледяной водой.

Он судорожно стал перелистывать бумаги, открыл портмоне и вытряс его содержимое. На стол вывалились восемь монет желтого цвета, определенно золото, сомнений не было, и несколько серебряных.

Рассматривать и рассортировывать богатство времени уже не было. Прощупав ткань, он обнаружил потайной карман и извлек оттуда фотографию, на которой рядом с молоденьким офицером в эполетах сидела симпатичная девушка в старинном платье с кружевами.

Лицо офицера показалось Косте знакомым, но, как он ни напрягал память, так и не вспомнил. Еще бы — с 1913 года много воды утекло. А вот надпись на обороте, написанная бисерным женским почерком, была замазана чернилами, а ниже ее приписано крупными буквами — «сука».

Ермаков напряг зрение и смог прочитать — «На память Костику Арчегову. Я люблю тебя, мой птенчик». Причем последнее слово заканчивалось твердым знаком.

Еще раз взглядевшись в лицо офицера с фотографии, он шумно выдохнул и подошел к зеркалу:

— Ну вот и все! Добро пожаловать на войну!

Нижнеудинск

В предрассветных сумерках еле виднелись дымки из печных труб многочисленных вагонов двух литерных эшелонов Верховного Правителя.

Первый эшелон состоял только из пассажирских вагонов — в голове несколько классных синих и желтых, а за ними длинный хвост зеленых, третьеразрядных.

Второй эшелон был составлен из полсотни обычных теплушек, с надписями на бортах — «8 лошадей, 40 человек». Четверть теплушек выпускала приветливые дымки, а другие три четверти казались безлюдными, если не считать солдат, которые протянулись реденькой цепочкой вдоль вагонов.

Однако эшелоны и охрана были не одни — рядом с литерными поездами дымил на рельсах паровоз с надписью «ПРАНА» на кустарно бронированном котле. Таким же листовым железом были покрыты и два вагона впереди и сзади паровоза, оцетинившись стволами бортовых пулеметов и хищно выставив вперед из наружных торцов накрытые бочкообразными щитами длинные орудийные стволы.

Бронепоезд поддерживали многочисленные группы солдат, одетых в меховые шапки и шинели, в меховых рукавицах они сжимали винтовки или кургузые, с толстой трубой ствола, английские «Льюисы» — ручные пулеметы.

Вместо трехцветного бело-сине-красного угольника, российского триколора, что был на рукавах охраны теплушек, эти солдаты носили полоску из двух цветов флага новоявленного чехословацкого государства — белого и красного.

Российская империя всегда была щедрым старшим братом, недаром еще со времен русско-турецких войн русские для своих соседей-славян — болгар, чехов, словаков, сербов — были «братушками». И они для нас тоже.

В годы Первой мировой войны Россия приняла около пятидесяти тысяч союзников, вчерашних пленных — чехов и словаков, массово дезертировавших из австро-венгерской армии. Из них сколотили дивизии, и они лихо начали сражаться против немцев и венгров бок о бок с русскими солдатами.

Но в России свершилась революция, не нужная никому война закончилась. Чехи висели теперь над молодой большевистской Россией дамокловым мечом, так как могли в любой момент повернуть свое оружие против красных, встав на защиту прежних союзников, теперь уже белых, пусть и не идейно, но хотя бы за деньги.

Чешский корпус же рвался вернуться на родину любой ценой. Дорога домой через австрийские земли была им, что называется, заказана. Эвакуация назад в Европу была возможна теперь только длинным окольным путем: через всю страну на Восток, а оттуда морем до портов Франции.

Попытка большевиков в мае 1918 года разоружить чешский корпус не увенчалась успехом. Вооруженные до зубов «братушки» примкнули штыки и разогнали красных по всей линии Транссиба.

Но прошло чуть больше года, и история повторилась вновь. Три дивизии чешского корпуса

снова прошли полстраны, от берегов Волги через всю Сибирь. И опять оказались растянуты по всей линии Транссиба. Эвакуация во Владивосток сорока тысяч солдат и офицеров затянулась уже на полгода. Первая дивизия продвигалась по Маньчжурии, вторая тянулась к Иркутску, а последняя только собиралась уносить ноги из Красноярска от наседавших красных и партизан.

Союзники белых де-юре, фактически в декабре 1919 года они показали себя в роли беспринципных предателей, ищущих только собственной выгоды и готовых заключить сделку хоть с дьяволом ради спасения своей шкуры.

Чешские эшелоны по пути следования увеличивались как снежный ком, обрастая по пути тысячами и тысячами вагонов награбленного по дороге русского добра, включая автомобили, катера, тонны различного скарба: одежда, самовары, швейные машинки, продовольствие. Дело дошло уже до того, что на двух чехов приходилось по целому вагону трофеев.

Вроде бы рядом стояли союзники, русские и чехи, вот только взгляды, которые они настороженно кидали друг на друга, мало походили на дружеские, они скорее напоминали волчьи, когда оценивают врага перед последним броском.

Настороженности добавляли частые винтовочные выстрелы, доносившиеся из города и свидетельствовавшие о появлении третьей силы — партизан.

Впрочем, последним было сейчас не до чехов и белых, они с увлечением грабили и убивали нижеудинских обывателей, забирая имущество и жизни по праву сильного.

Но это не могло не нервировать русских и чехов на станции — слишком большие ставки были выложены на стол Марса. От Красноярска до Нижнеудинска выстроились две сотни эшелонов 3-й чехословацкой дивизии полковника Прхалы.

Где-то далеко подходили к Енисею усталые и обескровленные белые войска, а здесь, на станции, в пятистах верстах от Иркутска, находился Верховный Правитель России адмирал Колчак, а с ним — то, что чудовищным по силе магнитом притягивало все внимание чехов, а именно золотой запас бывшей Российской империи.

Соблазн был слишком велик — без малого полтысячи тонн золота, платины и серебра на 450 миллионов золотых рублей. Такой бы куш да доставить на нищую родину гуситов! Но надежной преградой к сокровищу стояли русские штыки...

Верховный Правитель еще не спал, да и какой сон мог быть в такой обстановке. Вот уже которую ночь все русские в литерных эшелонах не смыкали глаз, и было отчего.

Чехи нагнали с каждым часом, все более превращаясь из союзников в оккупантов. Их бесчисленные вагоны запрудили железную дорогу, и так задыхающуюся от беспорядочной эвакуации на Восток. Вернее, панического бегства всех, кто не желал оставаться под властью красных. И эти русские эшелоны уперлись в чешский затор.

Они фактически заполонили железную дорогу бесконечными лентами своих эшелонов — из русских вагонов и с русским же добром. И сорвали эвакуацию из Омска и других сибирских городов.

Они не пропустили ни одного русского поезда — женщины, дети, старики, раненые умирали в вагонах или разбредались в поисках милости от красных и свирепых сибирских партизан. Вот только милость была очень редка в опаленных гражданской войной сердцах.

А из окон своих вагонов, сытые и в тепле, на творящиеся ужасы спокойно взирали вчерашние пленные, ставшие хозяевами. Если бы только взирали! Они захватили все станции со складами, полностью изгнав русских, отбирали силой паровозы у эшелонов с русскими, обрекая их на заклятие. И так было повсеместно...

И только для литерных эшелонов они сделали исключение, пропуская на восток, к долгожданному Иркутску. Уже под Красноярском адмирал понял, что стал заложником каких-то непонятных планов генерала Жанена, командующего союзными войсками в Сибири, и

командующего чехословацким корпусом генерала Сыровы.

Почему они пропускали литеры и тут же отсекали другие русские эшелоны, особенно военные? Движение эшелонов только днем, для него было понятно, ведь ночью наступало время партизан, но почему такой надзор по ночам, более похожий на строгий арест? Постоянное сопровождение чешскими бронепоездами еще можно объяснить беспокойством за драгоценный груз, вот только почему Жанен постоянно требует, чтоб золотой запас взяли под свою охрану чехи? Вопрос...

Колчак прислонился лбом к холодному стеклу — пульсирующая боль стала потихоньку отступать. Через пару часов к эшелонам прицепят паровозы, и можно будет немного отоспаться... Но это будет позже, а пока нужно найти ответы на вопросы. Ответы, которые боишься дать даже самому себе, потому что их знаешь...

— Александр Васильевич, — адмирал повернулся к вошедшему в купе через открытую дверь председателю правительства Пепеляеву, еще молодому, не достигшему и сорока лет, крепкому сибирскому мужику. Да и сам Верховный Правитель еще далеко не достиг того рубежа, с которого начинается старость — ему было 47 лет.

— Только что поступила телеграмма из Иркутска от военного министра генерала Ханжина — «Иркутский гарнизон не в состоянии выделить достаточного отряда в Черемхово для восстановления порядка. Необходима немедленная присылка войск из Забайкалья. Временное подчинение Иркутского округа атаману Семенову необходимо», — рука премьер-министра дрожала. — Простите, Александр Васильевич, но нужно немедленно обратиться к атаману Семенову за помощью, иначе будет поздно.

Колчак нахмурился, взял из коробки папиросу. Сломал спичку, прежде чем закурил. Он всей душой ненавидел хитрого атамана, японского ставленника, но ничего сделать с ним не мог. А в декабре прошлого года, когда дело дошло до разрыва, в Иркутске подготовили военную экспедицию для изгнания Семенова. За атамана стеной встали японцы, пригрозив применить силу. Пришлось отступить и скрепя сердце формально примириться. И вот придется идти к нему на поклон... Этого адмирал не хотел, достоинство и честь не желали вступать в сделку. Но что делать?!

— Александр Васильевич, только у Семенова есть боеспособные войска, и он может отправить их на Иркутск. Вы вчера произвели атамана в генерал-лейтенанты, так будьте последовательны, сделайте следующий шаг...

— Хорошо, Виктор Николаевич, я отдам необходимые приказы, — после тягостного минутного размышления ответил Колчак и громко позвал своего адъютанта. — Лейтенант Трубчанинов!

Дверь в купе немедленно отворилась, и на пороге вырос молодой морской офицер, внимательно посмотрел на адмирала.

— Дмитрий Сергеевич, немедленно подготовьте приказ. Назначить генерал-лейтенанта Семенова Григория Михайловича с сего дня командующим войсками Иркутского военного округа. Пусть добавят необходимое или нужные изменения. И вызовите ко мне генерала Занкевича.

Через две минуты дверь снова отворилась, и в кабинет вошел коренастый, с белым Георгиевским крестом на кителе, невысокий генерал, одних лет с адмиралом. Пристально посмотрел Колчаку в лицо.

— Михаил Ипполитович, какие силы может двинуть атаман Семенов на Иркутск, и когда они смогут выступить? И еще одно — сможет ли командующий гарнизоном Иркутска выслать нам навстречу отряд?

— Один-два батальона и 3–4 бронепоезда могут выйти из Верхнеудинска после короткой

подготовки, — генерал ответил без раздумий, видно, заранее думал над таким вариантом. — В Иркутске будут 29–30 декабря, не раньше. А вот пройдут ли дальше, тут все зависит от генерала Жанена и чехов. У генерала Сычева в Иркутске войска ненадежны. Рассчитывать можно только на военные училища и егерский батальон, но последний подавляет восстание в Александровском центре. И потому у него нет войск для отправки...

Слюдянка

Здоровенная бутылка с мутной жидкостью, извлеченная Ермаковым (или уже Арчegovым?) из-под полки, доверия не вызывала. Выдернув пробку, в качестве которой был использован свернутый трубочкой лист бумаги, он испытал незабываемые ощущения — в ноздри ударил ядреный аромат самогона, да такой, что с души поворотило.

Ради интереса развернул лист-пробку:

— Хорош ротмистр! — от удивления Ермаков даже поцокал языком. — Боевым приказом бутылку затыкать! Благо, что в туалет с ним не сходил!

Он прекрасно понимал, что вся эта война, длившаяся, если считать с Первой мировой, пять с лишним лет, превратилась в чемодан без ручки: и нести тяжело, и бросить жалко. Устали, вымотались уже все от нескончаемых смертей, голода, разрухи, а, главное, чувства безысходности.

— Но зачем же так? — искреннее недоумение начинало перерастать в глухую злобу. — Тебя же никто на аркане не тянет! Брось все! Подай рапорт, как это уже сделали сотни, если не тысячи. Беги в Маньчжурию! Если и плюнут в спину, то тебе уже все равно. А так... Сидеть и заливать грусть-тоску... Смалодушничать... Ладно, самому обгадить честь мундира, но и бездарно потерять единственный шанс на спасение... Не понимаю!

Он в бессилии опустил руки. Взгляд снова упал на бутылку с самогоном, и Ермаков в порыве злобы швырнул ее на пол. Она покатилась, пролившийся остаток литра в полтора наполнил купе отвратительным запахом сивухи.

Ермаков вдруг понял, что он с прошлого дня ничего не ел. К самогону полагалась закуска в виде миски соленых огурцов во льду, числом в три с половиной штуки, куса задубевшего сала с привычную пачку масла, и маленького кусочка хлеба, что лежал на огурцах. Ну а в дополнение шла тара — обычная жестяная кружка. Костя посмотрел на остатки пиршества, и желудок заурчал, будто голодный тигр.

Устоять под острым лезвием бебута салу и огурцу не удалось, хоть и имели они заledenелую каменность. И Костя приступил к трапезе, благо был старый солдатский прием — маленькие кусочки еды греют во рту и, как только они растают, медленно жуют. Сочетание сала, хлеба и огурца было восхитительным, и вскоре Ермаков приглушил чувство голода.

— Неплохо Константин Иванович на рабочем-то месте откусивает, — он поддел ногой пустую бутылку, отчего та укатилась назад под лавку. — Только закуска слабовата! Исходя из чего можно сделать вывод, что господин ротмистр презрел культуру питания и вульгарно нажирается. Понятно, что и повода особенно допытываться не стоит: вон он, повод, бутылку затыкал! А я все думал, почему он медлил и не выдвигался на Иркутск?

Ответа на этот вопрос искать не нужно было. Ему и так все было понятно. Водкой на Руси обычно заливали либо радость, либо беду. А тут беда было во сто крат помножена еще и на острое чувство собственной беспомощности и полного крушения надежд.

Белое движение по всем фронтам потерпело крах. В Сибири же произошла самая настоящая катастрофа. Противостоять надвигающимся большевикам у солдат адмирала Колчака

уже не было сил, а главное, желания.

Они остро нуждались в передышке, и потому, не задерживаясь, многотысячная масса устремилась к Иркутску, надеясь на берегах Ангары и Байкала отсидеться под защитой войск атамана Семенова, за которым грозной стальной щетиной маячили японские штыки. Напрасны были их надежды...

— Чего же Арчegov пьет-то? Ведь есть еще шанс, и немалый! — Ермаков возбужденно ходил по небольшому свободному пятачку между шкафом и окном. — Я же столько раз просчитывал, прикидывал варианты! Неужели он просто испугался? Нет! Не может быть!

Он вдруг остро ощутил прилив какой-то неведомой смеси разочарования, боли, отчаяния, страха, всего того, что, подобно лавине, захлестнуло его душу. Словно невысказанные чувства Арчegovа, заливаемые водкой и задвинутые им в самые потаенные уголки разума, вырвались наружу.

Ермаков вдруг вспомнил самого себя в госпитале, когда врач кричал ему в лицо, вырывая его из цепких лап смерти, кричал «Борись!», «Живи!», но ему было уже все равно. Душа, опустошенная войной, отказывалась и жить, и бороться. Разом умерли все чувства и эмоции. Только лучиком надежды теплилась мысль о жене и сыне, о возвращении домой, возвращении с войны.

Именно это и спасло его тогда, воскресило и дало силы для борьбы не столько с ранами, сколько с самим собой.

— А ты, батенька, жидковат оказался, — он разглядывал лицо Арчegovа в зеркале, пытаясь если не заглянуть в душу, то хотя бы понять, — раз не захотел бороться до конца! Или просто не смог?

Константин понимал его боль, понимал до самой последней капельки, ведь он сам прошел через это. Для обычного человека крушением мира было бы предательство близкого человека: измена жены, к которой он, как Одиссей, шел через все свои скитания, а, вернувшись в родной дом, ведомый лучиком маяка, которым все эти годы была его любовь, в одночасье потерял все.

Гораздо страшнее было предательство со стороны Родины, которой он честно служил все эти годы. Еще в детстве он запомнил оброненную вскользь матерью фразу: «Жена найдет себе другого, а мать сыночка никогда».

С этим лейтмотивом, только перефразированным в отношении себя самого, что солдат найдет себе другую, а мать и Родина одна, он и шел по жизни. Вот и Арчegov, выходит, потерял, как и он сам в свое время, свои тылы.

— А ведь красивая, зараза! — Ермаков старался в тусклом свете лампы разглядеть черты лица девушки на фотографии. — Не зря же говорят, что красивая жена — чужая жена.

Положив фотографию обратно в портмоне, он закурил:

— И все-таки порядочная ты сволочь, господин ротмистр! Тебя баба шесть лет назад бортанула, а ты до сих под сопли размазываешь! Тебе бы мою Ленку с ее претензиями на обеспеченную жизнь! Тебе, в отличие от меня, Родина в морду не плюнула, ты сам от нее отвернулся. Плюнул на нее, когда надо было зубами рвать, кровь всю до последней капли выцедить за нее! — он со злостью сжал в кулаках попавшиеся под руку бумаги.

Очень захотелось со всей силы, наотмашь, заколотить по столу, по стенам, выплескивая всю ярость и отчаяние. Словно все копившиеся до поры до времени как у него, так и у Арчegovа чувства прорвали и его тщательно выстроенный волевой заслон, и стену безволия и безразличия его визави.

Ермаков тяжело опустился на топчан, с силой сжал виски и зажмурился. Перед глазами поплыли яркие пятна, в голове завертелись, закружились в давешнем безумном водовороте звуки и образы. Внезапный яркий свет превратил время в мгновение, пронзительное нечто

наполнило собой все пространство, заглушая растворяющийся где-то вдалеке тягучий стон бубна...

Он не знал, сколько прошло времени: минута, полчаса, может быть, больше. Сначала сделал вздох, потом еще один, сглотнул липкую горькую слюну, кашлянул. Открыл глаза: то же полутемное купе, шкаф, заледенелое окно и шашка с револьвером на стене.

— Наверное, так и умирают! — Ермаков потихоньку приходил в себя. — Только как это возможно? Судя по тому, что я здесь живой... Значит... Я умер там!

От осознания этого на него навалилась такая пронзительная тоска, что захотелось выть и скулить. Там, в 1997 году, у скальника недалеко от заброшенной станции Кругобайкалки умер Константин Иванович Ермаков. Вернее, умерло его тело.

А здесь, в 1919 году, в штабном вагоне базового поезда дивизиона бронепоездов, умер Константин Иванович Арчegov.

— Цырен сказал, — он уже окончательно успокоился и попытался проанализировать все произошедшее, — душа испугалась и улетела! Я свою душу испугал, а его, Арчegovа... Она сама испугалась. Далее... Ну, во-первых, насчет того, что душа моя улетела, или как там еще. Видимо, от моих всех душевных метаний ослабли связи с астральным телом. Иного объяснения я не вижу! Арчegov, скотина, тоже, видимо, допился до чертей, прости Господи, и его астральное тело само уже решило податься налево.

Константин ощутил прежнее внутреннее напряжение, знакомое ему по моментам, когда он принимал единственно верное решение. Это было сродни задержке дыхания в момент прицеливания. Вбитые намертво рефлексy делаю свое дело, не давая психике сорваться в истерику и ненужную сейчас рефлексию.

— Во-вторых, моя душа, ладно уж, будем говорить прямо, или как там еще называются все эти астральные, ментальные и тому подобные лабуды, не вдаваясь в подробности, разделилась с телом, — он потер лоб. — Так вот, душа отлетела и улетела туда, где были мои мысли. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, где они были. Были они как раз тут! Ведь я даже в *тот* момент думал не о том, что сказал мне Цырен, а об Арчegovе! Не лично о нем самом, конечно, а об окружающей его обстановке. Вот, блин, я же глядел на рельсы и представлял себе, как по ним из туннеля накатывает бронепоезд!

Он закурил:

— В-третьих, тут, в девятнадцатом году, еще один маялся. Душа, используемая в основном как собеседник-собутыльник, подалась в странствия, а тело, как говорится, простаивало. Получается, моя душа притянулась в его тело, а мое тело притянуло его душу. Моя душа не могла дольше находиться в умирающем теле, а его выхолощенная душа, по сути, не способна была к жизни... Подобное притягивается к подобному? Более того, моя душа не отпускала умереть мое тело, так как слишком хотел жить я сам... А его тело не пускало его же душу, жило, так сказать в режиме ожидания подходящей души! Ни черта себе! И вот мое тело, соединившись с его душой, обрело покой? — Ермаков был несколько ошарашен не столько своими догадками, сколько следовавшими из них выводами. — Фу-у! Полагаю, то, что я испытал при перемещении, другого слова и не придумаешь, было или инфарктом или инсультом, как минимум, а то и оба сразу! А то как меня сейчас потрянуло... Это, технически говоря, остатки его души отходили. Надеюсь, все отошли, а то еще на людях скрючит... Кстати, о людях! Пора мне заканчивать с этой лирикой! От того, как и почему все произошло, легче мне уже не будет. Судя по тому, что там мне уже некуда возвращаться, жить и, возможно, умирать по-настоящему придется мне здесь! Посему, чистить сапоги мы начнем с вечера, а утром будем надевать на свежую голову!

Не откладывая в долгий ящик, Ермаков расправил смятые в руке бумаги. Самой стоящей из

них оказался послужной список Арчегова. Желая ознакомиться со своей новой биографией, он стал внимательно вчитываться, чтобы не упустить мельчайшие подробности.

Можно было не опасаться мелких проколов, по крайней мере сейчас. Окружающие их спишут на пьянку. Но в основном он должен узнать все, и не только о себе любимом, но и обо всем.

В понятие «обо всем» входило очень многое — и окружающая обстановка, и окружающие люди, офицеры дивизиона в первую очередь, и даже банальная стоимость булки хлеба в лавке.

Слава богу, об этом всем он прочитал много в свое время (далась ему эта глупая присказка, теперь «своим» нужно уже другое время величать). По сути, эта его одержимость и сыграла с ним злую шутку, забросив его туда, о чем он бредил последние месяцы той, прежней его жизни.

Первым делом отметил возраст — помолодел почти на десять лет. А ниже пошло уже намного интереснее — в 1913 г. Арчегов окончил Елизаветградское кавалерийское училище, получил чин корнета и зачислен в состав 14-го Малороссийского драгунского полка, с коим в 1914 году отправился на фронт.

А воевал он лихо — последовательно получал чины и стал в феврале 1917 года ротмистром, то бишь равным капитану или казачьему есаулу.

Награждали его немало — Костя насчитал шесть орденов плюс георгиевское оружие. У самого подполковника Ермакова орденская «вывеска» была чуть меньше, но зато имелся еще десяток медалей.

Также Арчегов был дважды ранен и контужен, но не так серьезно, как Ермаков, судя по тому, что признан к строю без ограничений. В 1918 году служил в особом маньчжурском отряде, а с апреля 1919 года стал командиром дивизиона бронепоездов. Список подписал начальник (а не командир, прямо какая-то канцелярия) дивизии броневых поездов генерал-майор Богомолец.

Ничего больше не выжав из этой бумаги, Ермаков решил подвергнуть ревизии свое богатство: собрал рассыпавшиеся под бумагами, извлеченные из кармашка портмоне монеты — четыре маленькие и четыре большие.

Так и есть! Все они оказались из тусклого желтого металла, которое не могло быть ничем иным, кроме золота. Три монеты в унцию весом были знакомы раньше по картинкам — американские 20 долларов. Четвертая монета такого же веса была французской — в 100 франков. Старинные монеты — отчеканены между 1889 и 1907 годами.

Мысленно поздравив себя с богатством, он изучил четыре другие монеты, что оказались российскими империалами в 10 рублей, с бородатым профилем императора Николая на обороте. Вес монетки, как он знал, был в четверть унции, или восемь граммов, и потому через секунды Костя сделал для себя удивительное открытие — доллар соответствует двум золотым рублям или пяти франкам. Вот это номер! А в его прежнем мире за бумажный бакс по семь тысяч деревянных платят! А за золотой? «Лимон», не меньше!

В накладном кармане френча оказался карандаш и массивный ключик от неизвестно какой двери или замка, носовой платок и два серебряных рубля 1907 года. И все. Хотя Ермаков тщательно все обшарил — и брюки, и шинель, и шкафчик. Даже в папаху посмотрел — ничего более не обнаружил.

Его взгляд упал на заледенелое окно:

— А там, интересно, что?

Ответ, конечно у него уже был, интересовала теперь уже чисто практическая обстановка: местоположение на Транссибе. Он подышал на замерзшее окно, через минуту посмотрел в крохотное отверстие.

Слудянка. Он и не освещенным узнал бы ее вокзал, правда, некоторые окна заколочены

почему-то досками. Других подобных вокзальных зданий просто не могло существовать в радиусе тысячи верст, Костя знал это точно — почти год до срочной службы ездил сюда на электричке.

Судя по всему, электрический свет был отключен не только на станции и дороге, но и в городе, который просто покрыла тьма. Лишь в стороне от угла здания бликовали языки костра.

Пришлось Ермакову, еще пару минут отогревая дыханием стекло, увеличить дырочку в размере. Потом долго размышлять над увиденным — у костра грелись двое — в папах, но один был в шинели с накинутым башлыком, а второй в полушубке. Но оба солдата, а это были именно солдаты, держали обычные трехлинейные винтовки Мосина (Костя мог положить голову на заклание, ибо хорошо знал оружие) с примкнутыми гранеными штыками.

— Все-таки декабрь девятнадцатого! — он пожевал рассольного ледку. — Иначе чего бы делать Арчegovу на бронепоезде в Слюдянке? Определенно декабрь девятнадцатого! И не просто декабрь, а конец декабря! Он ведь уже получил приказ от Семенова и должен идти на всех парах на Иркутск!

«А майором-то я снова стал, только с переименованием в ротмистра. И Константином Ивановичем остался, так что к новому имени и отчеству привыкать не надо. И с фамилией новой повезло, тоже казачья — Арчegov, но не такая громкая, как у меня. Сбылась «мечта идиота» — попал в прошлое, прямоком на гражданскую войну. Теперь есть шанс спасти адмирала Колчака и хотя бы здесь не допустить совдепии, а может, и вся история России по другому пути пойдет. Попадешь еще в анналы, Костя, попадешь. Если зевалом хлебать не будешь, а то в анал запихнут», — Ермаков возбужденно прошелся по купе, пиная сапогом по полкам.

Все исторические события, даты, названия мест, имена и фамилии основных действующих лиц декабря девятнадцатого теперь четко заняли свое место в его голове, словно кто-то заботливой рукой разложил ранее не стыковавшиеся части мозаики.

Радость переполняла его душу и норовила выплеснуться через край. Тело на восемь лет моложе, он тогда только ротным трубить начал, молодым и дерзким, не дряблкое, кое в чем даже лучше, ноженька в полном порядке, но главное — есть приказ генерала Скипетрова, который был использован в качестве затычки в самогонной бутылки.

— Что там Леонид Николаевич мне пишет? — вслух произнес Ермаков, взял, бережно расправил листок и с чувством продекламировал: — «Прибыть 23-го на станцию Слюдянка, подготовить броневые поезда к походу и 26-го убыть в Порт Байкал, где дожидаться моего прибытия. Генерал Скипетров. 22 декабря 1919 года».

Сей приказ был отправлен на станцию Танхой, что рядом со Слюдянкой, из Верхнеудинска телеграммой, судя по всему, по аппарату Бодо и был наклеен ровными полосками на листке бумаги.

Ермаков положил приказ в папку, лег на топчан и с наслаждением вытянулся:

— Да, дела! Дерьма теперь придется хлебнуть полной ложкой! Планы-то я настроил, а как быть с ними сейчас? Гладко было на бумаге, да забыли про овраги! А тут не овраги, тут Большой Каньон в Колорадо, не меньше! Психологию хотя бы взять, менталитет... Вон, тот же Арчegov! В настоящей истории они с генералом Скипетровым, хорош у атамана Семенова заместитель, дали деру из-под Иркутска, как только подошли чешские бронепоезда и навели пушки!

Константин сел, свесив ноги:

— Пять минут, пять минут! — он пропел строчку из известной песенки. — Это много или мало... У меня, конечно, не пять минут, а два дня. Два дня — это мало! А сорок восемь часов? Сорок восемь часов — это много! Чертовски много, если не сидеть и не тратить время на

ненужные раздумья!

Ермаков соскочил с топчана, помахал кулаками, отработал серию ударов и сделал зарубку на память — тренироваться, тренироваться и тренироваться. Отдав сам себе такое нужное ЦУ, свежееиспеченный ротмистр решил не откладывать знакомство с подчиненными в долгий ящик и, повернув ручку, толкнул купейную дверь.

К его удивлению, в вагонном коридоре было пустынно, совсем ни души. Костя искренне удивился и, почувствовав известную нужду, решительно отправился в сторону концевого тамбура.

Вагон не производил впечатления — пошарпанные двери, коврика на полу нет и в помине, одно окно выбито, но аккуратно заделано фанеркой. Да уж, сей вагон долго гремел на дорогах, и настигла его почтенная старость. Видно, что дела у российской государственности совсем хреновые пошли, раз даже для штаба дивизиона бронепоездов получше вагона не нашлось.

Дойдя до последней двери, Ермаков умилился: в советских плацкартах, оказывается, был голимый плагиат — с той стороны заперлись на замок, а здесь надпись «занято» появилась. Но сейчас дверь была открыта, и Костя шагнул в туалет.

Тот был самую малость комфортнее советского собрата, но только самую малость — умывальник с висящим вафельным полотенцем, чуть грязноватым, жестяной унитаза, вместо рулона туалетной бумаги имелась коробочка с нарезанными серенькими листами. Единственный недостаток — полная темнота, керосиновой лампы, как в коридоре, не имелось. И то правильно — надо горючку беречь...

Облегчившись, Ермаков пошел к противоположному торцу. Все то же самое — только вагон намного меньше, всего семь купе, в торцах по туалету, а вторая дверь открыта, свет лампы проем озаряет.

Костя заглянул — все как в служебном купе для проводников, только полка вверх лишняя — на ней под армейской шинелью кто-то спал, упершись в стенку голыми пятками. А вот сидевший внизу оказался натуральным воякой железнодорожных войск — на накинутой на плечи шинели черные погоны с молотками и тремя лычками сержанта, лицо одутлое, усталое, под полтину годами. Но дремал чутко — тут же очнулся и вскочил с диванчика. Лихо вытянулся во фрунт, даром что пожилой, и открыл было рот для рапорта...

— Т-с, — Ермаков приложил палец к губам, — пусть поспит, устал ведь...

— Так точно-с, господин ротмистр, устали-с, — тихим голосом согласился сержант.

— Как звать-то тебя по батюшке? — участливо спросил Костя, завязывая короткое знакомство с дальним прицелом. По въевшейся привычке к службе он прекрасно знал, что вот такие матерые вояки — бесценный кладёзь информации, любой офицер удавится, и надо только уметь их раскрутить. А Ермаков умел, и ситуация позволяла — разговору по душам никто не помешает.

Но удивился ответной реакции железнодорожника — тот окончательно растерялся, стал терзать пальцами шинель, однако вскоре собрался.

— Трофимом Платоновичем зовут, господин ротмис...

— Оставь чин, вне службы у меня имя-отчество есть — Константин Иванович. Так и зови. А есть ли кипяточек у тебя, Трофим Платонович?

— Затопил титан, ваш бродь, Константин Иванович, через четверть часа водичка подоспеет, простите великодушно-с.

— Да что я, не понимаю, что ли, скоро только кошки родят, и то им время нужно, — небрежно бросил Ермаков и снова удивился реакции солдата — ясно выраженный страх на лице сменило сильное недоумение.

«Ага! Тут ты, Константин Иванович, повел себя совершенным антиподом с Арчegovым.

Тот, видать, этого мужика за какую-то провинность повесить собирался или ритуально расстрелять», — мысленно рассмеялся Ермаков и решил снять напряжение, вытащив из кармана галифе прихваченную с собой пачку папирос.

— Закури мои, Трофим Платонович, и зла не держи, — на всякий случай добавил в голосе просительных ноток. И похвалил себя за догадку — сержант облегченно вздохнул, заскорузлыми пальцами вытащил из коробки папироску и, поймав вопросительный взгляд офицера, тут же вытащил «катушку». Как тут называлась зажигалка, сделанная из обычной гильзы, Ермаков не знал, но в его время называли их ласковым именем реактивного миномета времен Великой Отечественной. Щелкнув кресалом, протянул офицеру маленький симпатичный язычок пламени.

Закурив, дружно пыхнули дымком, но стояли молча. Ермаков углубился в свои мысли о жизни, а сержант боялся побеспокоить молчание, как он уже на своей шкуре узнал, скорого на расправу ротмистра.

— Ты обиды не держи, ты же се... — и тут Ермаков осекся, мысленно себя кляня — какой сержант в это время, их унтер-офицерами сейчас именуют, и потому сразу же поправился. — Старший унтер-офицер, и понимать должен, что на службе всякое бывает. Нам скоро в бой идти, и умирать с тобой рядом будем, что ж душу маять. Так ли?

— Так, Константин Иванович, — унтер оживал прямо на глазах, и, хоть была видна некая растерянность во взгляде, но перед Ермаковым уже был нормальный сержант, или унтер, как здесь их именуют, такой же сверхсрочник, с которыми он служил долгие годы. Пусть и войска, и времена были разные, но солдатская суть одна. И потому расколоть его на бесценную информацию требовалось немедленно, чем новоиспеченный ротмистр и занялся...

Глазково

Призывно гудели паровозы, испуская клубы белого дыма. Длинными лентами запрудили станцию сотни теплушек и платформ. Над пассажирскими вагонами поднимались в небо многочисленные дымки растопленных печек и титанов. Несмотря на раннее утро, жизнь на большой станции бурлила — между эшелонами и красивым зданием вокзала бегали люди, главным образом военные в длинных серо-зеленых шинелях, хотя изредка попадались и гражданские. На входном семафоре хищно оцетинился орудийными башнями бронепоезд, окрашенный в белый маскировочный цвет.

Восходящее солнце еще не разогнало туман над синей гладью холодной Ангары, и он ледяными каплями оседал на шинелях часовых, которые редкой цепочкой были вытянуты вдоль эшелонов из синих первоклассных вагонов, у дверей которых было вывешено разноцветье флагов — чешских, французских, английских, североамериканских и японских. Это были вагоны иностранных миссий, спешно выехавших перед приходом красных войск из Омска в далекий Иркутск. Именно послы этих держав определяли всю политику своих стран при непризнанном правительстве адмирала Колчака, хотя на станции можно было разглядеть также итальянские, румынские и польские флаги. Но то была экзотика на бескрайних сибирских просторах, и реальной силы за последними флагами не было, а лишь амбиции — мы, мол, тоже есть, и тоже великие державы...

В одном из многочисленных вагонов под флагом недавно появившегося (едва год прошел) чехословацкого государства было очень тепло, а раздвинутые занавески на оттаявших окнах давали возможность потушить изрядно коптившие керосиновые лампы и пользоваться естественным светом.

Это был вагон-салон командующего Чехословацким корпусом в Сибири бывшего поручика австро-венгерской армии, волею судьбы вознесенного в генералы, Яна Сыровы. Роскошный спальный вагон был переоборудован в штабной, имелось все необходимое — спальное купе, кабинет, купе для адъютантов и вестовых, маленькая кухня, туалеты и большой салон. В нем сейчас собрались пятеро — трое в военной форме и двое в штатском.

Именно эти люди сейчас вершили судьбу корпуса, а заодно влияли на дальнейшую жизнь обезумевших в междоусобице сибиряков. Здесь, в Иркутске, они значили больше, чем послы всех великих держав, вместе взятые, включая командующего союзными войсками французского генерала Жанена. Потому что за ними была реальная сила — 20 тысяч штыков двух чехословацких дивизий.

Приказ президента Масарика был краток и жесток — вывезти все эшелоны с награбленным русским добром, ибо в нем отчаянно нуждалась молодая Чехословакия. Приказ собравшимся был ясен, но как пропихнуть длинную ленту эшелонов, которая еле ползла на восток и напоминала удава, обожравшегося дармовыми кроликами. И разговор был напряженный...

— Я отдал приказ командиру 3-й дивизии не пропускать ни одного союзного, а также русского эшелона. Восточнее Енисея никто не пройдет, пока не уедет наш последний войсковой эшелон, — генерал, отсутствующий правый глаз которого был закрыт повязкой с черным кругляшом, говорил резко, барабанил пальцами по столу.

— Более того, с этого дня будут отобраны паровозы у всех эшелонов, которые уже идут рядом с нашими...

— Извините, пан генерал, но это может вызвать острое недовольство адмирала Колчака, который и так относится к нам враждебно, — только один человек, председатель Чехословацкого комитета в Сибири Богдан Павлу мог вот так, хоть и тактично, перебить генерала.

— Эшелоны русских от Новониколаевска дальше Красноярска не пройдут, в городе вчера началось восстание, поднятое эсерами во главе с Колосовым. На сторону повстанцев перешел весь гарнизон с генералом Зиневичем. Так что претензии Колчака не к нам. Что касается паровозов, то только крайняя необходимость толкает нас на это. Всем вам прекрасно известно, что русские ремонтники умышленно портят паровозы, морозят котлы. И так по всей линии железной дороги. Кроме того, этим мы спасаем русских — лучше им остаться в стоящих вагонах, чем попасться в руки к партизанам, которые уже заняли Нижнеудинск и Зиму, — генерал остановился, и внезапно его глаз чуть сверкнул, а уголок рта скривился в подобие улыбки.

— Сегодня будут взяты паровозы и с русских литерных эшелонов, — невозмутимо продолжил Сыровы, — необходимо вывезти из города батальон 6-го Татранского полка.

— Пан генерал, — доктор Гирс не мог удержаться от вопроса, — русский правитель непредсказуем. Он может приказать своим солдатам открыть по нам стрельбу. И как мне объяснить послам такой наш шаг, как я понимаю, вынужденный сложившимися обстоятельствами.

— Не настолько он безумен, доктор Гирс, — генерал скривился улыбкой. — В Нижнеудинске наш бронепоезд и два батальона пехоты. Если русские нападут, то мы их раздавим. А пропустить эшелоны под русским флагом мы не можем, ибо с красными партизанами не воюем и потому соблюдаем негласное соглашение. Вследствие чего мы не можем пропустить и эшелоны адмирала, их сразу захватят большевики. Эту ситуацию можно разрешить только с участием послов и новой русской власти, которая будет завтра...

Все собравшиеся за столом переглянулись — вариант везти золото под союзными флагами, но только с чешской охраной их устраивал больше, но говорить об этом было преждевременно,

нужно терпеливо ожидать, когда созреет плод, вернее — обанкротившийся русский правитель.

— Все же мне нужно знать, что могут предпринять русские белые, тот же адмирал Колчак. Ведь он вчера произвел этого ужасного Семенова в генерал-лейтенанты, — Богдан Павлу задумчиво потер переносицу.

— Разрешите, пан генерал?

— Конечно, пан полковник.

Начальник военного контроля чехословацкого корпуса полковник Зайчек, отвечавший за деятельность разведки и контрразведки, медленно достал из нагрудного кармана френча листок бумаги.

— Я только что получил шифрованную телеграмму от нашей службы сообщений — в Верхнеудинск прибыл генерал Скипетров, помощник атамана Семенова, его правая рука. С ним несколько генералов, батальон пехоты Маньчжурского полка и три броневика. Русские что-то почувствовали и начинают принимать ответные меры. К сожалению, в Забайкалье у нас нет тех возможностей для работы, что здесь.

За Байкалом было зона ответственности Японии, а японцы уж очень не любили, когда кто-то из союзников залезал в их дела. И пресекали сразу, но мягко. А возможностей для этого у них намного больше, чем у чехов. Позиция Японии была важна, тем более в этом вопросе.

— А что японцы? — доктор Павлу высказал общий интерес всех собравшихся за столом чехов.

— Два эшелона пришли на станцию Верхнеудинска, — спокойно произнес полковник Зайчек, и словно мощная электрическая искра поразила его четверых собеседников. Все они разом вздрогнули и встревоженно переглянулись. И потому он сразу продолжил:

— Но вагоны пустые, следуют на Иркутск. В них только сопровождение для охраны, одна рота.

— Ух ты!

Вздых облегчения дружно вырвался у всех — если японцы вздумали остановить чехов и разрушить их планы, они легко бы это сделали.

— И каково ваше мнение, полковник Зайчек?

— Я думаю, что японцы что-то вывели, а в вагонах хотят вывезти из Иркутска побольше белых русских, — высказал свои соображения Зайчек и услышал, как полковник Крейчий тихо пробормотал под нос — «эти узкоглазые всегда что-то вынюхают». А потом уже громко обратился к генералу:

— Разрешите, пан генерал? Здесь у полковника Фукуды только две роты японцев на охране посла. А потому нападать на восставших русских солдат они не станут — Политцентр поддержат не меньше трех тысяч штыков. Перевес подавляющий, тем паче самураи знают, что мы вмешиваться не будем. У генерала Сычева в городе сил столько же, сколько у Политцентра в одном Знаменском предместье, и важно, что восставшие смогут легко перебросить туда войска, ибо на той стороне пароходов нет.

Командир 2-й дивизии полковник Крейчий сознательно не уточнил, у кого на самом деле пароходы, да и зачем, если все и так прекрасно знают. И потому продолжил:

— Что касается отряда генерала Скипетрова, то к Кругобайкальской дороге уже выдвигается батальон 27-го американского полка, и потому наши планы значительно упрощаются. Семеновцы подойдут к Иркутску не раньше тридцатого числа, но разбить повстанцев не смогут — Скипетров просто не наберет солдат. Что касается их бронепоездов, то это просто вагоны, набитые шпалами. Наш «Орлик» в одиночку с ними легко справится. Тем более что здесь у нас достаточно сил — нарушение наших перевозок для Скипетрова обернется разгромом. Русский генерал прекрасно поймет, чем для него может обернуться неуважение к

За два коротких часа, проведенных с комендантом штабного вагона, словоохотливым, но туго знающим службу старшим унтер-офицером Трофимом Платоновичем Огородниковым, Ермаков успел со многим «познакомиться» — начиная от матчасти вверенного Арчегову дивизиона бронепоездов и кончая краткими характеристиками офицеров.

Совершенно откровенно и почти безбоязненно заслуженный унтер (а три Георгиевских креста о многом говорили) поведал про офицеров бронепоездов не только в привычном для Ермакова ключе — типа как зовут, должность, и что от него ожидать приходится, но и в образных, совершенно емких выражениях.

Оно так, кстати, и бывает — ты о чем-то сном и духом не ведаешь, зато сержанты меж собой давно это обсуждают. И с тобой информацией щедро поделятся, если ты к их сердцу подход найдешь. Костя такой подход нашел, вот только как-то странно на него смотрел все время Трофим, шмыгал носом, к чему-то принохиваясь, и недоумение не сходило с его лица...

Ермаков поправил портупейный ремень и, придерживая рукоять шашки в ладони, прошел по вагонному коридору, вышел в тамбур. Дверь вагона была открыта, и ротмистр неторопливо спустился по ступенькам на перрон, отметив про себя две вещи.

Во-первых: караульная служба поставлена просто отвратительно, и часовые продолжают греться у костра, не замечая непосредственное начальство. А во-вторых: шашка, пусть такая почетная, как у него, вещь совершенно бесполезная, только ходить мешает, и на бронепоездах, как и у матушки пехоты, должна быть упразднена за ненужностью, оставшись надлежащим оружием только для конницы. А как прикажете ей в броневагоне пользоваться? На крыше паровозный дым разгонять, крутя над головой подобно лопастям вентилятора?!

Караульные наконец узрели за спиной ротмистра, живо отпрянули от костра, сжали винтовки в руках. Ермаков подошел к ним, жадно вдыхая чистый морозный воздух.

— Я понимаю, что холодно, и два часа тяжело стоять на часах. Но службу нести надо бдительно, а потому, братцы, один по сторонам глазами зыркает, а второй у костра руки греет. И еще одно — проверяйте затворы. Если вы их щедро смазали, то мороз может прихватить, и тогда вы его не передернете. Понятно?!

— Так точно, ваш бродь! — из-под накинутых башлыков вырвались клубки пара, но вот голоса были растерянные. И Ермаков опять осознал, что допустил очередную промашку — настоящий Арчegov себя вел с подчиненными, видимо, иначе, пренебрежительно и жестко.

Станция была изрядно заполнена эшелонами — теплушки, обшарпанные зеленые вагоны, платформы с наваленными грузами, углярки с высокими бортами, дважды на глаза попадались пузатенькие цистерны.

Ничего не поделаешь — эвакуация в самом разгаре, из Западной Сибири уезжают все, кто хоть как-то насолил коммунистам или просто боится их. А вот людей не было видно, да оно и понятно — дрыхли без задних ног, ведь предрассветный сон самый сладостный. И для диверсантов, кстати, самый желанный час.

— Сейчас осмотрим мой панцер зуги, — иронизируя с произношением на немецком языке, Ермаков чуть наклонил голову и пошел по перрону, преодолевая порывы разбитного байкальского ветра. — Бронепоезда есть наш самый главный довод.

Дошел быстро, минуты за две, по легкому морозцу. Да и куда идти, если все три бронепоезда вытянулись перед штабным эшелонам, который в бронечастях всегда «базой»

именовали.

А как иначе — сидеть ночью в бронеплощадках мутно и жутко холодно, вот на базе экипажи и отсыпались, и отъедались. Базовый поезд был один на весь дивизион из трех бронепоездов и состоял из двух дюжин или пассажирских вагонов, или переоборудованных под них теплушек.

На параллельной ветке, как уже знал Ермаков, были вытянуты еще три состава его дивизиона — десантный, с парой сотен пехотинцев и казаков; снабжения — вагоны с имуществом, кухней и продовольствием плюс ремонтная летучка для исправления повреждений пути или мостов или починки собственно бронепоездов. В общем, ему досталось большое и разнообразное хозяйство, с сильным боевым элементом...

— Ипическая сила, дистрофик с кувалдой и то сильнее!

Подойдя вплотную к своим крепостям на колесах, Константин был охвачен горьким чувством полнейшего разочарования. Сплошная импровизация, к тому же непродуманная.

Обычный паровоз и стандартные товарные вагоны были обшиты железным листом, а не броневыми плитами, к тому же прикрывались не полностью, а примерно на три четверти бортовой проекции.

Такая бронировка даже шрапнельный снаряд не удержит. Да что снаряд, обычными пулями такие борта пробиваться будут, правда, с короткой дистанции.

У ближнего к нему бронепоезда уже копошились люди, у двух дальних маячили одинокие фигурки часовых. Завидев идущего к ним ротмистра, солдаты прекратили возню, выпрямились, а навстречу к Ермакову шагнул офицер, четко отковырял, приложив рукавицу к папахе, и звонким молодым голосом доложил:

— Господин ротмистр! На вверенном мне бронепоезде никаких происшествий не случилось. Команда занята установкой новой печки и телефонной связи между бронеплощадками и тендером.

Последние слова были буквально выплюнуты как бы с обидой, но с нескрываемым торжеством и злорадством в голосе. Ермаков тут же нутром понял, что между этим капитаном и Арчegovым произошла какая-то ссора.

А офицер ему понравился с первого взгляда, именно на таких офицерах все время держалась и русская, и советская армия, и сам Костя таким был.

Правильно отметил Огородников, что командир «Грозного» Белых «всей своею душою за дело радеет». Потому Ермаков приветливо и четко козырнул в ответ и с теплотой в голосе сказал:

— Вы молодец! Благодарю за ревностную службу!

И поразился реакции капитана — обида, гнев, ярость появились на лице за долю секунды, а потом тут же сменились недоумением, перешедшим в растерянность. Ермаков не стал дожидаться слов Белых и, кляня себя за непонимание всех этих сложностей взаимоотношений между ним и Арчegovым, по прикрепленной к борту лестнице поднялся в вагон — и рассмеялся про себя.

Дополнительной защитой здесь служили шпалы, уложенные вдоль бортов до потолка и скрепленные между собой. Пулю они, конечно, удержат, тут он погорячился, но фугасный снаряд обрушит всю эту стенку на защитников, и шпалы просто передавят тех членов экипажа, кто уцелеет при взрыве. Потолок перекрыт обычной доской и обшит сверху тем же листовым железом.

Издевательство сплошное, а не крепость на колесах. Против партизан годится — у них пушек нет по определению, а вот против регулярной пехоты с артиллерией не выстоит и четверти часа.

Но это было только началом — когда дело дошло до рассмотрения вооружения, Ермаков просто взвыл. В наружном торце вагона была японская полевая пушка, в 75 миллиметров, с мудреным для русского восприятия названием — «Майдзура». С нее сняли колеса и установили на обычные деревянные полозья. Длинный ствол был выдвинут в широкую амбразуру, полметра на полметра, и потому стрелять она могла только прямо, по ходу движения.

Ермаков уселся на маленькое сиденье, заглянул в панораму наводчика, покрутил колесики горизонтальной и вертикальной наводки. Худо дело — сектор обстрела узкий, да оно и понятно — такой способ установки хуже тумбового, и тем более не сравним с башенным. Но ничего не поделаешь — конструкцию броневагона не исправишь за пару дней.

Но еще хуже то, что рядом с пушкой не установишь пулемет. А потому, если пехота вплотную подойдет, пиши пропало — закидают гранатами через амбразуры и сразу всем станет весело, как тараканам в зажженной духовке.

Вдоль бортов располагались полки с патронными и снаряжными ящиками. На них, судя по всему, сидели десантники и члены экипажа. В бортах, по четыре на каждый, небольшие бойницы для стрельбы из пулеметов, с которыми был полный разнбой.

Их было всего шесть, из них три русских «Максима», установленных в самодельные люльки, рядом крепилась коробка с патронами. Два английских «Льюиса» он признал сразу по толстым самоварным стволам — именно из такого пулемета крошил басмачей красноармеец Сухов в фильме «Белое солнце пустыни».

Третий пулемет был совершенно новым для Ермакова — ручной, грубой формы, с магазинным питанием. Костя взял в руки тяжелый магазин из коробки, по привычке надавил пальцем на выступающий патрон — тот неожиданно ушел вниз, можно было втиснуть еще три-четыре патрона. Пришлось недоуменно пожать плечами.

— Так это же «Шош», господин ротмистр. У него все магазины с дефектом, последние четыре патрона не выталкиваются пружиной.

— Да-да, конечно, я помню, капитан, — не моргнув глазом, солгал Ермаков и сразу направился в противоположный конец броневагона.

Внутри стало ощутимо светлее — из амбразур и щелей уже пробивалось утро. И теплее, намного теплее, чем снаружи. И понятно почему — в конце вагона топилась печка, типичная «буржуйка», прикрученная к полу. Единственным ее отличием был высокий, выступающий от плиты край, ведь во время движения вагона, с его качанием в разные стороны, с нее могло упасть что угодно.

— Сейчас под броней может находиться часть экипажа, что позволит усилить караул и держать вагон в постоянной боеготовности. И воду для пулеметов не придется носить с тендера — теперь она не замерзнет. А вот телефон, — Кузьмин протянул руку к подвешенной на стенке коробке.

— На тендере и носовом каземате такие же установлены?! — утвердительно спросил Ермаков, протянул руку, поднял крышку аппарата. Обычный армейский телефон, пусть и старой конструкции, с подобными он и раньше, в той еще жизни, сталкивался неоднократно.

— Да, господин ротмистр. На три телефона с кабелем и стальными трубками для бронировки я истратил все экономические суммы и отдал свои собственные часы с золотым маминым браслетом. Можете отдать меня под суд, как обещали раньше! — офицер бросил слова с вызовом, ноздри носа трепетали, раздуваемые еле подавляемым гневом.

— Мало чего я с дурика обещал, приношу свои извинения, — бросил Ермаков, а Белых поперхнулся, вытаращил глаза на ротмистра. И почему-то стал звучно przyjmиваться, а недоумение на лице сменилось вскоре благожелательным пониманием, будто нашел офицер какую-то истину.

«Пил последнее время ротмистр Арчegov «в черную», — Ермаков удовлетворенно констатировал и еще «поблагодарил» Арчegovа за оставленную им для него, Ермакова, небольшую фору. — А потому изменение в поведении заметно для всех. Но то, может, и хорошо, во благо. Мое новое состояние и склероз все теперь спишут на полное и окончательное протрезвление. А на этом и надо сыграть».

— Петр Федорович, я все понимаю. Тумбовых морских орудий и броневой стали у нас нет по определению. Так?

— Так точно, господин ротмистр. Виноват...

— При чем здесь вы и я, капитан, — не «купился» на старый армейский прием Ермаков, — к проектированию и постройке сих броневиков мы не причастны. А раздобыть тумбовые пушки и броню даже для атамана Семенова неисполнимая задача. Но забронировать еще один вагон для десанта в наших силах, хотя оснастить его радиостанцией мы не сможем. Надо брусом на расклин стенки взять, чтоб при взрыве не обрушились. И люк в полу вагонов проделать, для экстренного выхода, если двери под пулеметным огнем окажутся. И на потолке башенный люк сделать, с наблюдательными щелями. И продумать надо — может, нам удастся пулеметные башенки, как на бронеавтомобилях, сверху установить. С материалом прикинуть, — Ермаков задумчиво почесал переносицу и посмотрел на капитана. И увидел, как что-то уважительное промелькнуло в его глазах, и как снова тот впал в растерянность, но с интересом посмотрел на ротмистра.

— Сейчас же распоряжусь, и сегодня приступим к работам...

— Надо собрать пушки и пулеметы одного типа по бронеплощадкам, это в нашей компетенции. Хоть разнобоя в питании патронами и снарядами не будет, или предпочитаете под огнем между бронепоездами таскать?

Растерянность на лице капитана молниеносно сменилась озлоблением, офицера аж затрясло от негодования:

— Так я вам, господин ротмистр, о том много раз говорил, а вы...

— Пойдите, — прервал его гневную тираду Ермаков, — простите меня за мою затянувшуюся... скажем так, болезнь. Такое больше не повторится, даю вам слово чести. И у других жестко пресеку!

Протянутую Костей ладонь капитан крепко пожал, но взгляд был несколько очумелым. Но уже не приняхивался, сообразил, что с утра ротмистр не прикладывался к бутылке согласно старой кавалерийской традиции — кто с утра не пьян, тот не улан. А утренний холод и крепкий сон выбили из командира дивизиона следы неумеренного многодневного запоя, потому и взялся он за службу. И ретиво взялся, да с пониманием — недостатки сразу нашел, и не голословные, а настоящие, что в бою подвести могут.

— Начнем с чистого листа. А потому будем немедленно принимать меры для подготовки бронедивизиона к бою. Как вы знаете, мой помощник слег с тифом, а потому назначаю вас на его должность, своим помощником по строевой части. Принимайте все необходимые меры, но бронепоезда должны быть готовы к бою через сутки. Приказ я отдам сейчас же...

— Благодарю за доверие, господин ротмистр, — капитан упорно не желал переходить на доверительный тон. — Прошу подписать ассигновки и выдать золото на покупку шести телефонов, кабеля и трубок.

— У кого и где покупать будете?

— У американцев, — удивленно поднял брови капитан, — их вчера рота прибыла. Там у них интендант имуществом приторговывает, от телефонов до пулеметов. У него вагонов двадцать добра.

— На одну роту?! — спросил удивленный донельзя Ермаков.

Болтающиеся как бы не при делах американцы добавляли сейчас проблем. Янки, якобы соблюдающие нейтралитет и охраняющие по договоренности с правительством Колчака от диверсий железнодорожные пути на Кругобайкалке, на деле занимались вульгарным мародерством и грабежом местного населения. А еще они следили за японцами, чтобы те не захватили кусок больше, чем смогут проглотить.

Конечно, янки богаты, но ведь не настолько же, чтоб два десятка вагонов снаряжения, продовольствия и боеприпасов на две сотни харь направлять. Пусть вагоны хлипкие и нагружены наполовину, но и тогда по паре-тройке центнеров на солдатское рыло получается. Слишком жирно для обычной охраны.

— Так дня через три-четыре еще рота прибудет, а через неделю они сюда полный батальон переведут, вот и начали привозить снаряжение. Что с вами, Константин Иванович? Вам плохо? — Даже в сумраке Белых заметил, как побелело лицо Арчегова, и ротмистр буквально рухнул на полку.

«Так вона что, оказывается, было! Вот твари! Стоило Арчегову на Иркутск пойти, как за его спиной американцы тут же в туннели вошли! Конечно, охрана из ополченцев останавливать союзников не посмела. Какое уж тут минирование туннелей... Значит, Скипетров 30–31 декабря к Иркутску подошел, а это как раз неделя будет по сроку. Пока он там с чехами возился, американцы в туннелях захлопнули мышеловку! То есть, если бы бронепоезда чудом отбились от чехов, может быть, даже приняли бы под свою охрану литерные эшелоны с Колчаком, то их в туннелях ждали бы американские пушки! О Боже! Выходит, союзники не только все заранее знают, но уже и меры предприняли... Или они сами все это запланировали?! — по лицу ротмистра ручьем потек пот, ему стало безумно жарко в этом холодном вагоне. — Но самое главное, я тоже сейчас оказался между молотом и наковальней — впереди чешские бронепоезда, настоящие, не мои консервные банки, а за спиной в любой момент туннели могут занять американцы. Вот и крутись тут как хочешь! Как прикажете поступить? Разорваться на два фронта я не могу! Нужно решать! Делать выбор и именно сейчас: по кому ударить первым — по чехам или по американцам. От этого зависит все! Нужно выбрать, кто сейчас важнее...»

— Вам плохо, Константин Иванович? — Белых потряс его за плечо.

— Всем нам плохо будет, и очень скоро, — Ермаков все же взял себя в руки и, отталкиваясь от черных мыслей, спросил: — И почему у него добро?

— Я купил телефоны за 300 рублей золотом, плюс браслет и часы. Пулемет предлагал за 900, винтовку за 40, патроны за ящик в тысячу штук в полторы сотни оценивает. А ведь атаман Семенов ассигновал нашему отряду более сорока тысяч золотом...

— Я понял. Купите телефоны, пару пулеметов, три десятка патронных ящиков. И гранат ручных купите сотню, пяток биноклей. Американцы бизнес любят. Да, вот еще. Браслет и часы выкупите по двойной цене, это приказ, — Ермаков тяжело вздохнул: ситуация резко ухудшалась.

— Боюсь, Константин Иванович, он не продаст столько. Телефонов у него в достатке, это сам видел. А насчет такого количества оружия не уверен.

— Покупайте все, что есть. И еще — через час у меня быть, с командирами бронепоездов, начштабом и интендантом. Есть ряд вопросов...

Иркутск

Вы никогда не читали штабных документов? Вы тогда многое потеряли. Политикам надо чаще читать военные документы, тогда они смогли бы навсегда избавиться от глупостей.

Ну разве где додумаются до таких словесных оборотов — не отступление, а «тактический маневр, приведший к растягиванию коммуникаций противника».

Или, скажем, паническое бегство. Нет, ни один генерал так не напишет, хоть даже его войска, как очумевшее стадо баранов, промчалось бы прямо перед его глазами. Запись будет следующей — «отход войск проведен заблаговременно, в полном порядке. Однако, ввиду отсутствия дорог, войска лишились части тяжелого вооружения». Построено по всем правилам логики — ведь 99 % это же не целое, а только часть.

Или потерял ты в бессмысленной атаке 39 солдат, а в рапорте командир батальона укажет, что потери составили свыше 30 бойцов. А если не выручил из беды окруженный взвод, и парни все там зазря полегли? Вы скажете — предательство?! А вот уж нет — в рапорте укажут: «выбрано оптимально правильное решение».

А требования к интендантам о выдаче всего нужного? Это самое важное — достаточно почитать рапорта, и ты сразу поймешь суть — смогут ли воевать войска или нет. Штатские считают, что главное — героизм, и ошибаются — войну решает работа службы тыла...

Генерал-майор Сычев пыхтел папиросой, прихлебывал из стакана и матерился — за двадцать лет службы ничего не меняется, любая бумага должна вылежаться под сукном.

Если интендантство отказывает, то писать рапорт надо не коменданту города, а по командованию, вплоть до окружного, а то все эти его «ходатайствую по существу рапорта» как мертвому припарки.

А картина мрачная — 53-му Сибирскому полку требуется 365 новых шинелей, и отремонтировать, зашить и залатать еще 42 полушубка и 412 шинелей. Для полка вроде бы немного, вот только полк некомплектный — 1100 солдат при 44 офицерах. То есть из пяти солдат четверо худо одеты или не одеты совсем, а на улице не май месяц. Оба батальона полка в Глазково стоят и восстанут к вечеру как пить дать.

На той стороне Ангары дислоцирована еще Иркутская местная бригада — одним батальоном (700 солдат при 12 офицерах) в Военном городке, а вторым (625 солдат при 25 офицерах) на станции Иннокентьевской. И какие они там склады охраняют, если для караульных требуется 216 тулупов или полушубков, не в шинельках же ночью морозиться. Да еще стекла требуются, чтоб в окна казарм вставить.

И тут Ефима Георгиевича основательно передернуло — да что же делается, солдаты морозятся, а у генералов нет решимости стекла в городе конфисковать, ведь только у него в комнате можно одно окно заколотить и матрасом утеплить. А это две рамы, окно же двойное. Тут никаких большевистских агитаторов не нужно — раздетые и разутые солдаты, которых битком забили в холодные казармы, сами по себе восстанут. И будут правы...

Сычев встал из-за стола и подошел к окну — ледяное стекло остудило горячую голову. Он вздохнул и снова сел за стол, закулив очередную папиросу. От табака в горле уже першило, перед глазами мутило. Перевернул листы документов чисто механически, их содержимое он чуть ли не выучил, и принялся размышлять...

В городе штаб 4-й Сибирской стрелковой бригады, при нем 2-я Иркутская казачья сотня есаула Петелина и комендантская команда в 200 штыков, занятая охраной правительства, что в Русско-азиатском банке сейчас заседает. В бригаде есть мятежный 53-й полк, оставшиеся ошметки в сотню штыков 54-го полка на охране тюрьмы плюс егерский батальон (515 солдат при 27 офицерах), что сейчас восстание в Александровском центре подавляет.

Единственной реальной силой в городе являются три военно-учебных заведения. Оренбургское казачье училище, казармы которого на Первушиной горе, имеет 400 юнкеров и офицеров, и главное — две трехдюймовых пушки (правда, только одну орудийную запряжку).

Иркутское военное училище чуть меньше — почти три сотни юнкеров и офицеров, зато

располагается почти под рукой, рядышком, у Харлампиевской церкви. А при училище есть унтер-офицерская школа, именуемая Инструкторским полком, — до 500 солдат и полсотни офицеров.

Один батальон в две роты, собственно, в здании военного училища, а второй, аналогичного состава, в Хаминовской мужской гимназии. В каждом из училищ еще имеются несколько десятков солдат из obsługi, но их можно не учитывать — к бою нестроевые совершенно не пригодны, дай бог свои казармы от мародеров сберегут.

И казаки в городе есть, эти сволочные иркутские казаки, что его приказы летом игнорировать вздумали. Но к ним обращаться он не будет — у атамана Оглоблина силенок маловато, в городе только 2-я сотня, учебная и нестроевая команды.

Две сотни полка дерутся сейчас под Канском, что в Енисейской губернии, а 4-ю сотню «прессуют» эсеры и партизаны в Балаганске. Так что от казаков реальной помощи он не получит, а потому за прошлое унижаться не станет. Да и не к лицу ему, гвардейцу, перед Оглоблиным извиняться! Пусть дальше свара идет...

Одно утешает — у заговорщиков на их берегу Ангары сил чуть меньше. У губернатора Яковлева, сукиного эсера, в Знаменском предместье вооруженный до зубов отряд особого назначения расквартирован — почти полтысячи штыков.

Плюс три сотни милиционеров ему тоже подчинены. Да второй батальон Инструкторского полка может предать, морды там доверия не вызывают. И рабочие дружины в полтысячи штыков каждая эсеры и большевики организовать могут, агитация чуть ли не открыто идет — одну в Глазково из железнодорожников, а другую в Знаменском из рабочих, что хуже.

В Иркутске давно варится каша из разношерстной сволочи. И эсеровский Политцентр, и сборную солянку из различного пошиба социалистов и маргиналов — всех их, была бы его воля, давно уже надо было поставить к стенке...

Слава богу, хоть в Иркутске удалось не допустить откровенных уж погромов и бесчинств. А то мирные мещане очень быстро достают припрятанные до поры до времени винтовочки.

А среди толпы как рыбы в воде чувствуют себя клятые агитаторы, революция девятьсот пятого года, да и семнадцатый это хорошо показал, слетаются как мухи на свежий навоз.

Много, уж очень много этих мух в городе развелось, сидят, ждут случая. А вот попробуй, тронь только их! Сразу вой подымут, колчаковским прихвостнем назовут, местным диктатором, поди ж ты, окрестят!

Да ладно бы просто сидели, болтали бы, языки чесали! Так нет, плетут, плетут уже полгода заговор, мятеж готовят. Создали Народно-Революционную Армию, возглавляемую штабс-капитаном Калашниковым. Воинство, достойное самого Политцентра. Собрали весь балласт, болтающийся в тылу: интендантская и штабная сволочь, держащая нос по ветру, офицеры колчаковской выпечки, которые из прапорщиков да в штабсы.

И командующего господи, или, прикажете сказать, уже товарищи Линдберг, Федорович, Зицерман подобрали подходящего. Такой же бывший прапорщик, неизвестно за какие заслуги одаренный то ли Колчаком, то ли еще в семнадцатом году Временным правительством офицерскими погонами. Только слово «армия»! «Ополчение» — и то было бы слишком громким названием для нескольких тысяч человек, больше похожих на сборище проходимцев.

Ну да ничего! Они сами наступят на свои же грабли! Разболтанные и анархистски настроенные черемховские шахтеры добавят только сумбур в ряды их бойцов, а потому пользы от них Политцентру не будет никакой, только голимый вред.

Запасные солдаты категорически не желали воевать у Колчака. Я их не смог толком отмотилизовать. Они и не дезертировали только потому, что бежать на своих двоих слишком далеко. Ведь до Алтая и Урала, откуда их призвали, по железной дороге ходу уже нет.

Пусть Калашников с ними помучается! Да и мне спокойнее: у меня смутьянов поубавится.

В том-то и беда, что сам по себе, без поддержки чехов, Политцентр мог сколько угодно пускать интеллигентские сопли и призывать к мятежу. Вся их болтовня сводилась бы к тому, что, как говорится, собака лает — ветер носит. Как уже было раньше, господа-агитаторы лихо уносили ноги, лишь завидев блеск казачьих шашек. Покончить с Политцентром отряды Семенова, спешащие на помощь из Забайкалья, смогли бы без особых проблем, но куда деть чехов? Чехи, чтоб им провалиться, вот кто дергает за веревки эсеровских марионеток...

Сычев прихлебнул из стакана водки и, положив ладони на стол, сжал пальцы в кулаки — дело становилось все страшней и страшней. Нemoщность своих сил его угнетала — рассчитывать он мог, при самом благоприятном раскладе (удержав в повиновении 2-й батальон Инструкторского полка и егерский батальон из Александровского централа), всего лишь на две тысячи штыков, три сотни шашек (с учетом конных юнкеров из Оренбургского училища) и два орудия.

А вот супротивников было больше — в Знаменском свыше тысячи двухсот штыков, включая милицию, а на левом берегу Ангары до трех тысяч мятежных штыков. Однако ни он в Глазково, ни восставшие оттуда не смогут перебраться — ледоход сорвал понтон, а все курсирующие пароходы в руках чехов...

Чехи! Вот оно — проклятье на его голову. Разоружить Глазково не удастся, даже если отправить туда всех юнкеров. Союзнички, мать их за ногу, не дадут! Сами разоружат юнкеров, у них на вокзале два бронепоезда и тысячи две солдат, и за Иркутным мостом столько же. А так поступят, потому что в Черемхово их повстанцы за глотку взяли, а уголек чехам позарез нужен, без него 20 тысяч вагонов награбленного в России барахла не вывезешь...

Генерал встал и в отчаянии прошелся по комнате, внутри все клокотало от бешенства и водки. Пусть удалось его начальнику контрразведки штабс-капитану Черепанову арестовать сегодня всю головку Политцентра на Иерусалимской улице, но это только чуть отсрочит восстание, ибо остальные руководители спрятались в Глазково, под крылышком «демократических» союзников.

А чехи не только им помогут, они могут погромить город из пушек, если этого захочет Политцентр. И даже думать не станут — за уголек, за барахло, за шкуры свои, чтоб в сохранности их сохранить, они на любое соглашение с большевиками и эсерами пойдут. И ничего сделать нельзя...

Слудянка

— И как прикажете, господин ротмистр, именовать мой бронепоезд после этой «перепряжки»? «Беспощадный Атаман»?! — подъесаул Гордеев пылал праведным гневом. Ермаков его прекрасно понимал — отдать отремонтированную бронеплощадку, вооруженную новенькой «Майдзурой», а взамен получить с «Атамана» плохенький броневагон с русской трехдюймовкой, в которой ствол уже почти расстрелян. В дополнение к слабой горной пушке, в то время как на других бронепоездах будут по два новых японских орудия. Если бы кто так с ним обменялся, то Костю жаба сразу бы задавила...

— И почему все эти дрянные «Сен-Этьены», что на морозе не стреляют, вы нам спихиваете, отбирая наши надежные «Максимы»? У меня их и так только четыре...

— А будет двенадцать «французов». Более чем достаточно. В вагонах зато есть печи, так что со стрельбой все в порядке будет.

— А если мне десант высаживать придется? Оставьте мне хотя бы пару «Льюисов»! —

подъесаул Михаил Гордеев чуть сбавил обороты, надеясь выщипать ручные пулеметы.

— Не придется, Михаил Николаевич. У вас десантников теперь не будет, распределю их по другим бронепоездам. И задача будет совсем иная...

В штабном купе, составленном из двух в результате разрушения внутренней перегородки, воцарилось молчание. Шестеро офицеров буквально вперились взорами в своего начальника. Ермаков положил ладони на стол и медленно обвел их взглядом.

Черноволосый, коренастый, бравого вида, как в лучших советских кинофильмах, поручик Павел Мичурин, командир «Атамана», молча сидел у окна. Лицо у него было довольное, как у кота, только что обожравшегося вождельной сметаной.

А как же — скинуть все худое вооружение соседу, а взамен получить от него все лучшее — чего ж протестовать-то. Наоборот, лучше помолчать в тряпочку, молиться, чтоб командир снова в запой не ушел. Трезвый он и разумен, и офицер офицером, но как напьется...

В Костином мозгу всплыла краткая характеристика от унтера Огородникова — «сей офицер и храбр, и командой любим, но вас, Константин Иванович, шибко не любит и в опаске завсегда держится».

Сидевший рядом с ним командир бронепоезда «Беспощадного» подъесаул Гордеев кривил губы — ну надо же, казак казака грабанул среди бела дня. И как его понимать дальше — протрезвел ротмистр и сразу «сугубым зверем» стал (так в кавалерийских училищах звали юнкеров старшего курса, что устраивали молодым собратьям «цук» — аналог дедовщины в советской или современной Российской армии).

Ермаков улыбнулся — Гордеев ему нравился, «храбр до отчаяния», но имел один, весьма специфический, свойственный почти всем казакам недостаток — «к чужому добру охулки на руку совершенно не кладет». На последнее качество и надеялся новоявленный ротмистр — позже поймет командирское решение и спишет на казачью сущность Арчегова. А, значит, простит.

Рядом расположился капитан Белых, новоявленный помощник и командир «Грозного» по совместительству. И всем своим видом показывал полную лояльность к командирским начинаниям, что несколько напрягало Константина, помнившего утреннюю встречу. И отчего же капитан так быстро перековался — этот вопрос постоянно крутился в голове.

— Ну что ж, с перевооружением и переоборудованием бронепоездов мы решили, — подвел итог Ермаков и повернулся в левую сторону, потому что сам сидел на привинченном к полу стулу, между окнами.

Там, на полке, расположились два подполковника, Наумов и Воронин, оба уже довольно пожилые, далеко за сорок, интендант и начальник инженерно-ремонтной службы. Рядышком с ними примостился молодой штабс-капитан Кузьмин, занимавший должность начальника штаба дивизиона.

Интендант, полный, с брюшком и бегающими глазками, Ермакову сразу не понравился, и ночная характеристика сержанта была убийственной — «команды боится, а генералу наушничают». Пузан и здесь попытался качать права, еще бы, старше по чину своего командира, и на деньгах сидит, но Костя жестко пресек эти поползновения, чем вызвал довольные улыбки собравшихся офицеров. Они явно недолюбливали своего «каптенармуса».

Второй подполковник являлся полным антиподом первому — сухой, с болезненным лицом, он только крякал от свалившейся на его голову лавины срочных дел.

Предложенное переоборудование не только выходило за рамки его возможностей, но жестко лимитировалось сроками — на все про все ему отпускалось только 48 часов. И сейчас Воронин сидел, словно на иголках, раз шесть поглядев на наручные часы.

— Вы свободны, господа, — Ермаков правильно понял взгляды Воронина и решил

отпустить подполковников. — С начальником штаба и командирами бронепоездов мы еще задержимся, обсудим некоторые вопросы.

Наумов и Воронин тут же встали с полки и, щелкнув каблуками сапог, удалились. Штабс-капитан тут же устроился на освободившемся месте комфортнее, и Ермаков припомнил — «в бою весьма скромн, строя опасается, но за бумагой усидчив».

«Комфорт очень любит, — сделал зарубку в памяти Ермаков, — такие годны только для штабной работы... Если умны. Но приступим к главному — мои господа офицеры должны приучиться думать собственной головой, дабы самостоятельно принимать решения».

— Как вы думаете, господа, займут ли американцы Култук, когда мы уйдем в Порт Байкал? А когда мы пойдем на Иркутск, что тогда будут делать наши союзники?

— И думать нечего, Константин Иванович, — скривил губы нехорошей улыбкой поручик Мичурин. — Они займут всю Кругобайкальскую дорогу, к которой давно руки тянут.

Капитан Белых и подъесаул Гордеев угрюмо переглянулись — они были полностью согласны с мнением поручика.

— А потому Михаил Николаевич останется в Култуке со своим «Беспощадным». Надеюсь, это хоть как-то вразумит американцев. Пушек у них нет, а вам, подъесаул, и старых трехдюймовок хватит для подтверждения своих доводов. Тем более для них снарядов не так много. А случись под Иркутском тяжелый бой?

— С чего вы взяли, Константин Иванович? — вслух спросил один Гордеев, но три других офицера были с ним полностью согласны и как-то тревожно посмотрели на ротмистра. И взгляд у всех такой нехороший — будто в белой горячке подозревали.

— А с того, господа, что время на разговоры истекло. Сегодня в Иркутске эсеры и большевики начнут восстание и займут Глазково и Знаменское. А за их спиной стоят чехи, которым хочется убраться с нашим добром. Теперь догадываетесь, почему американцы к туннелям подбираются?

— Чтобы мы их не взорвали! — гневно выдохнул Мичурин, блестя глазами.

Странно, но Ермаков был удивлен, что не стали теребить с вопросами об источнике его информированности. Видно, что напряжение этих последних дней, связанное с катастрофой белой армии и предательскими действиями союзников, уже овладело умами многих и затронуло офицеров бронедивизиона.

— Я думаю, господа, что стоит чехам или американцам занять все туннели Кругобайкальской дороги, и они сразу приберут к рукам литерные эшелоны адмирала Колчака. Потому что у нас не останется на них никаких способов воздействия, — неожиданно тихо сказал Кузьмин, и Ермаков невольно вздрогнул — начальник штаба обладал даром предвидеть развитие ситуации.

— Но приказ атамана выполнять надо, а, следовательно, два бронепоезда на Иркутск пойдут. Так, Константин Иванович? — голос Белых был спокоен. — А если мы потерпим поражение? У них один «Орлик» сильнее нашего отряда. Что тогда мы сможем предпринять? Ведь мы окажемся методу молотом и наковальней — спереди чехи, а сзади американцы.

— Я думаю, — Ермаков обвел тяжелым взглядом офицеров, — устроить в одном туннеле крушение двух бронепоездов, а в третий поезд сгрузим все снаряды и рванем в другом туннеле...

— А что будет с нашими командами, со всеми нами?! — чуть возмущенно прошипел Мичурин.

— А ледокол «Ангара» на что?! — спокойно бросил Ермаков. — Мы с ними воевать не собираемся, но если они предательски нападут, тогда взорвем туннели и плывем в Мысовую. И ледокол им не отдадим — пусть пешком по неокрепшему льду идут через Байкал или вокруг по

горам кругаря нарезают. А в Забайкалье мы с ними сочтемся...

Воцарилось молчание — офицеры дружно переваривали предложение командира, и Ермаков видел, что они его одобряют. Но в то же время очень не хотят столкновения с чехами — воевать с союзниками всегда сложно. И потому решил не отвлекать их от таких размышлений, а перевести на повседневный уровень, пусть сами потихоньку доходят до нужного мнения.

— Закончим, господа, на этом. Займемся делами, времени уже в обрез, а сделать предстоит много...

Ермаков отхлебнул из стакана горячего чая — от чудовищной усталости его покачивало, уже половина суток прошла, как он очутился в чужой шкуре. За эти долгие часы он не съел ни крошки пищи, если не считать замерзшего огурца с салом — кусок в горло не лез, да и с души воротило. Костя прислонил гудящую голову к прохладной стене и смежил веки — остается только ждать. Ждать и догонять — вот два состояния, которые он ненавидел, но они закаляют душу военного. Мысли в голове стали ползти тихо и медленно, как обкуренные черепахи, и он не заметил, что уснул...

— Горим! Суки...

— Вылазь, ребята, поджаримся! — старший сержант Ермаков толкнул изо всех сил люк. Проклятая банка, выйти можно только через крышу, а по ней весело лупцуют сейчас «духи» из всех стволов, пули так и молотят по тонкой броне, как крупный град по шиферу старого дачного домика. По слухам, сейчас поступают новые БТР-80 с боковыми дверцами, но до Афганистана они еще не дошли.

Что дело хреново, Костя понял сразу, но им повезло несказанно — из РПГ попали в моторное, если бы к ним, то вознеслись бы на небеса. Люки-то закрыли, а это амба всему экипажу БТР-70. Да и ребятишки не растерялись — захлебывается судорожным кашлем башенный КПВТ, горячие тяжелые гильзы со стуком падают на днище, с бойниц огрызаются из автоматов, не жалея патронов. Но скоро прибежит полярная лисица — дышать нечем, черный дым выедаёт глаза, и самое страшное — хэбэхи на солдатах тлеть начали, да что тлеть — припекает уже как на сковородке в одном очень неласковом для грешника месте.

Но десантироваться с горящего бронетранспортера им не дали, прошлись из пулемета, и ефрейтор, молодой улыбчивый парень, мешком свалился внутрь — пули так изрешетили каску, что брызги мозга окатили лицо капитана. Стрелок-татарин просто привалился, и Костя, схватив мертвого парня за ноги, стащил тело в горящее чрево БТРа.

— Наверх, парни, здесь так и так нам хана, а там хоть шанс есть! — прокричал он и в ярости рванулся наружу — огонь добрался и до него. Ноги вопили от боли, и он почувствовал, как пламя обдало его мужское «достоинство». Это придало ему сил, и Костя рванулся...

— Твою мать! — Ермаков очнулся от короткого сна. Так и есть, это был не Афган, а купе ротмистра Арчегова. Явь оказалась только сном... И самой доподлинной правдой. Стакан горячего чая лежал пустой на полу — зато ширинка штанов была мокрее мокрого.

Слава богу, что кипяток, а не пламя, ведь тогда врачи в госпитале каким-то чудом сохранили его мужское естество, а ожог не помешал позднее пройти медкомиссию, где просто не поглядели пристально ему под трусы, и поступить в Рязанское училище ВДВ. И сон в руку оказался, напоминанием о том страшном дне, в котором тогда еще молодой старший сержант срочной службы Ермаков выжил... Единственный...

Костя вытер полотенцем мокрое безобразие, хорошо, что ткань темно-синяя, не видно. А то что подчиненные подумают... И усмехнулся — первый раз в жизни со стаканом горячего чая в руке уснул. С сигаретой бывало, но с чаем?!

И странное дело — усталость резко уменьшилась, сил прибавило, а голова перестала болеть.

Косте очень сильно захотелось перекусить. Вот только где сейчас поесть?

В дверь тихо постучали, вернее — поскреблись. Ермаков громко сказал:

— Войдите.

В купе осторожно зашел Аким, ординарец, или по-старому денщик, типичный сибирский мужичок с хитринкой в глазах — в руках то ли поднос с высокими краями, то ли коробка с низкими бортами, белым вафельным полотенцем накрытая.

— Я тут поснедать вам принес, Константин Иванович. А то вы не позавтракавши, и на обед, как всегда, не пошли. Не побрезгуйте, что с солдатского котла, повар не жадничал, наварил много.

Солдат поставил коробку на стол, быстро выгрузил из нее снедь. Костя умилился — на него пахнуло родимой Советской армией. Железная миска со «шрапнелью» (так называют в обиходе перловую кашу, впрочем, именуют ее и «резиновой»), но не пустой, а с кусочками мяса и с подливой. Тут же колечки репчатого лука, плавающие в чашке с уксусом — этот характерный запах ни с чем не спутаешь. Толстые ломти хлеба разложены на типичной тарелке. На десерт — копченый толстый омуль с золотой корочкой, крепкий чай с колотым сахаром вприкуску и большой кусок калача с маслом.

— Благодарствую, Аким, угодил, — денщик с удивлением посмотрел на ротмистра, чуть поклонился, забрал коробку и вышел из купе.

Ермаков привычно прочитал молитву, перекрестился. И неторопливо принялся за неприхотливый ужин, мысленно сделав в памяти зарубку, что солдат здесь кормят неплохо, несмотря на военное время, гораздо лучше, чем стрелков его роты в мирное время, перед отправкой в Афганистан.

А вот с вещевым довольствием худо, да и разнобой полный, за исключением казачьих подразделений. Изредка встречается униформа российской императорской армии, и то в основном на офицерах, есть японская и французская форма, но чаще всего попадаете на глаза английское обмундирование. Именно в него был облачен его денщик. Не армия, а Ноев ковчег какой-то, ведь даже в погонах единообразия нет...

Глазково

— Гражданин командующий Народно-революционной армией, — услышав столь торжественное обращение, штабс-капитан Калашников поморщился. Хотя в душе чувствовал, что слова эти были ему приятны. Но надо держать марку «демократически» назначенного командующего. Пока без армии...

— Не торопите события и, пожалуйста, оставьте титулование. Пока оно неуместно, гражданин поручик. Что происходит в городе? — вопрос Калашникова не застал начальника штаба НРА поручика Зоркина врасплох. Он тут же достал из кармана френча две бумажки.

— Эти воззвания колчаковского правительства распространялись сегодня по городу. Тут написано для офицеров и солдат гарнизона следующее: «Кому могут быть полезны сейчас восстания, кроме как большевикам? Неужели вы, как Иуда, предадите тех несчастных, измученных страдальцев, которые еще борются с большевиками? Нет, вы не окажетесь изменниками! Не сегодня завтра придут силы с Востока, которые помогут вам защитить порядок, спасут нас всех от большевизма и от голода. Помните, что хлеб сейчас идет только с Востока»...

— Это больше похоже на уговоры невинной девушки стареющим импотентом, — презрительно хмыкнул Калашников. — Вот только к солдатам и населению так не обращаются,

размазав сопли.

Штабс-капитан знал, о чем говорил. Он, старый член партии эсеров, уже долго служил в армии и даже был помощником по политчасти у генерала Гайды, чье выступление во Владивостоке месяц назад было подавлено колчаковскими войсками. Но сейчас восстание против Колчака партия начинает повсеместно, и этот реакционер будет безжалостно выброшен на свалку истории. А они будут поддержаны населением и под флагом свободы и демократии не допустят власти узурпаторов-большевиков...

— Там далее для мирного населения написано более определенно, — мечтания Калашникова были прерваны Зоркиным самым безжалостным образом. И штабс-капитан вернулся с небес на землю.

— «Правительство, призывая население к полному спокойствию и подчинению закону и власти, к поддержанию порядка и исполнению долга перед родиной и армией, твердо заявляет, что с настоящего момента всякие попытки сопротивления законной власти будут решительно подавляться. Правительство располагает достаточной силой, чтобы прекратить смуту и обеспечить порядок. Идущие с Востока сильные подкрепления раз и навсегда положат конец подобным выступлениям», — излишне громко произнес последние слова поручик.

— Атаман Семенов действительно двинул на Иркутск большие подкрепления? Что сообщили в последние часы наши чешские союзники? — хоть и говорил штабс-капитан нарочито спокойным голосом, но в нем Зоркин слышал скрываемые нотки страха. И было чего бояться — Семенов не склонен к компромиссам и способен устроить всем демократическим элементам в Иркутске кровавую резню.

— Начальник штаба 2-й дивизии подполковник Бирюля час назад сообщил мне, что на станцию Слюдянка прибыл дивизион бронепоездов ротмистра Арчегова. Его броневики не опасны — блиндированы шпалами, но имеют шесть пушек. Пехоты всего одна рота, плюс сотня спешенных казаков. Судя по всему, уходил из Верхнеудинска в большой спешке, прихватив по пути какие-то учебные команды.

— И что они сейчас делают?

— Стоят на станции. Самогон жрут, а их ротмистр пьяный шатается по вокзалу да орет, что весь Иркутск погромит из пушек.

— У чехов всегда точная информация, стоит верить, — задумчиво потер переносицу Калашников. Это была единственная приятная новость в сплошной череде печальных сообщений, приходивших с правого берега Ангары. Там было худо — контрразведка арестовала в городе три четверти членов Политцентра, и судьба их могла оказаться трагической. И потому надо было срочно принимать предупредительные меры.

— Вот что, поручик. Сразу после выступления полка проведите аресты наиболее влиятельных чиновников правительства, что сейчас в Глазково. Это крайне необходимо для пресечения репрессий.

— Есть, — начальник штаба наклонил голову, соглашаясь. Заложники были необходимой мерой, особенно на случай непредвиденных обстоятельств. В отличие от штабс-капитана, Зоркин обладал изрядным скепсисом по отношению к чешским войскам. Он понимал, что, если последним будет выгодно, они предадут Политцентр так же спокойно, как уже предали и адмирала Колчака, и его никудышное правительство.

И теперь нужно взять власть в свои руки — уже давно разagitированный 53-й полк готов к выступлению. «Война гражданской войне» — этот лозунг партии нашел самый живейший отклик среди военных. Три тысячи солдат, свыше сотни офицеров — все части по эту сторону Ангары станут надежной опорой Политцентра...

Дверь хлопнула, Калашников и Зоркин обернулись к вошедшим — так и есть, пришли

члены Политцентра Линдберг и Мерхелев. Пальто были припорошены снежком, щеки покраснелись от мороза.

— Здравствуйте, граждане! — поприветствовал военных Линдберг.

— Добрый вечер, Марк Яковлевич, — Калашников поднялся со стула.

— Когда выступаем?

— Сейчас же! Все готово, — штабс-капитан стал надевать шинель, следом стал облачаться в полушубок поручик. Нахлобучив папаху и застегнув ремни портупеи, Калашников обратился к Мерхелеву:

— Мы с вами пойдем прямо в казарму первого батальона, а Марк Яковлевич с поручиком будут агитировать второй батальон. Команды разведчиков и пулеметчиков уже готовы, ими арестованы лояльные к правительству офицеры. Ну что, граждане, пошли...

Слюдянка

— Сэр, эти русские занимаются мартышкиным трудом. Зачем белить свои листовые вагоны, если черный паровозный дым за две мили видно...

— Видно-то видно, Гарри, но пристрелку по корпусам собьет, а это для них шанс на спасение при бегстве. Именно на это и надеется этот русский капитан, который сегодня выглядит, к моему великому удивлению, трезвым.

— Эти казаки дикари, варвары. По-моему, вонючая водка — единственный напиток в их жизни, сэр.

— Вы еще недолго в этой холодной Сибири, Радклиф. А потому принимаете за водку этот пакостный мутный самогон. А водка другая и бывает довольно приличная, хотя наше виски намного лучше...

«Дерьмо ваше виски, ослиная моча», — Ермаков злился втихую, слушая разговор двух американских офицеров, что в добротных меховых куртках и шапках стояли на перроне, не обращая на него внимания. Что в начале века, что потом, в его конце, они были сытые, довольные, уверенные в себе, с легким презрением к окружавшим их аборигенам.

— Скукота здесь страшная, варварская страна. Хоть бы «малыша Билли» вызвал бы кто-нибудь из русских на бокс, было бы занятное зрелище.

— Не мечтайте, Гарри. Эти парни не дураки и уже сделали выводы. Двух наглядных уроков оказалось для них с избытком. Вспомните, как «малыш» разделал под орех того казака...

— Извините, сэр, могу я вас попросить показать мне вашего знаменитого «малыша Билли», — на беглом английском, спасибо углубленному языковому курсу в спеццентре ГРУ, обратился к ним Ермаков, подойдя на несколько шагов.

— Конечно, сэр, — старший офицер с двумя серебристыми прямоугольниками капитана на погонах, услышав английскую речь в устах русского ротмистра, тут же повернулся к нему лицом — ни тени неудовольствия, широкая, а-ля Карнеги, улыбка.

Второй, с золотистым прямоугольником второго лейтенанта, захлопал ресницами — ни дать ни взять, только что оперившийся птенец Вест-Пойнта. Но понтов уже выше крыши.

— Позвольте представиться — командир роты В первого батальона 27-го полка армии САСШ капитан Джон Смит, а это мой взводный лейтенант Гарри Радклиф. Ваш английский превосходен, сэр. Позвольте выразить свое восхищение вашим прекрасным произношением, так говорят только на юге нашей страны.

— Ротмистр Константин Арчegov, — Ермаков четко козырнул, — командир дивизиона броневых поездов. А язык я выучил в вашей прекрасной стране, где жил некоторое время. Это

было еще до великой войны...

— Какое хорошее было время, — мечтательно произнес капитан, но тут же оживился. — А вот и «малыш Билли». Ко мне, сержант!

Ермаков живо обернулся и обомлел, в животе неприятно заурчало. К ним вразвалку подошел откормленный «терминатор», выше ротмистра на голову, вдвое шире в плечах, а кулаки были размером с небольшой арбуз. По крайней мере, так ему показалось.

— Билли, русский офицер наслышан о вас и желает сыграть с вами партию бокса, — услышав слова капитана, Ермаков задохнулся от гнева.

«Ну и сука, издеваешься, падла?! Ведь если я сейчас задний ход дам, ты с улыбочкой скажешь, что неправильно меня понял. И всласть насладишься моим унижением — мол, какие же трусы эти русские офицеры. Не дождетесь, сучары, я вас сейчас сам ошарашу. Надолго запомните урок!» — мысли летели галопом, вместо страха пришла ярость, и Ермаков внезапно осознал, что эта драка ему крайне необходима.

Вот только сейчас он не в теле молодого лейтенанта ВДВ, а в ротмистре Арчегове, что понятия не имел о долгих тренировках. А потому, признался он себе честно, шансов на победу было до прискорбия мало. Практически не было...

— Сэр?! — в утробном голосе сержанта Ермакову послышалось: «Ты в своем уме?» — Я вешу 320 фунтов, а в вас и 170 не наберется. На руднике я поднимал одной рукой 200 фунтов серебра, а вы и сотни не поднимете. Сэр?!

— Говорите, ваш сержант всех русских побивает? Ну что ж, я согласен!

— Какой заклад, сэр? — «малыш Билли» не скрывал своего презрения к недоумку, каким он считал этого русского офицера, который еще вчера ходил пьяный, раскачиваясь на ветру. Видно, что самогон еще не выветрился из его головы и придает храбрости. И потому сержант оскалился дружелюбной улыбкой, показывая всем своим видом, что калечить офицера он не будет, устроит только легкую трепку.

Ермаков достал портмоне, высыпал на совковую ладонь сержанта всю свою наличность и только потом скосил глаза. Бог ты мой, вокруг собралась изрядная толпа русских и американцев. Первые угрюмо смотрели на ротмистра, а поручик Мичурин, стоя за спиной денщика Акима, выразительно покрутил пальцем у виска. Американцы веселились, заранее наслаждаясь зрелищем и предвкушая победу своего соотечественника.

— Константин Иванович, вы в своем уме? — тихо прошипел в ухо подъесаул Гордеев, выразив общее мнение собравшихся на перроне русских.

— Я казак, Михаил Николаевич, и если мои казаки победить не могут, то эта обязанность становится моей. Не мешайте!

— Ставлю в ответ свое жалованье за четыре месяца. Ровно триста долларов! — громогласно объявил «малыш», расстегнул шинель, достал пачку долларов и с помощью шустрого солдата с лычками капрала на рукаве отсчитал купюры.

А Ермаков обалдел — полторы сотни рублей золотом платят сержанту в месяц! Америка отлично содержит своих интервентов в Сибири. В пять раз лучше, чем адмирал Колчак своих ротмистров и капитанов.

Между тем вокруг с кипучей энергией развивался самый примитивный тотализатор — юркие американские солдатики, семитской внешности и с легкой картавостью в голосе, принимали ставки, причем на русском языке они говорили свободно.

Американцы с гоготом выкладывали купюры долларов на своего «малыша», впрочем, были и такие среди них, кто ставил на русского офицера. Краем уха Ермаков уловил, что ставки идут один к семи, и понял, что некоторые янки просто надеются на невероятный фарт задиристого казака, который может принести им большой барыш.

А вот русские со своими кровными не лезли, лишь чубатые казаки вяло бросали «романовские», да изредка катились серебряные рубли. Но раза два или три были брошены и золотые пятирублевые монеты, «полуимпериалы».

Вот только лица у станичников были совсем унылые — из чувства казачьей солидарности они прощались со своими деньгами, совершенно не надеясь на победу ротмистра. Подъесаул Гордеев, с мрачным отрешенным лицом, поступил, как Ермаков — достал из кармана тощий, как козье вымя, кошелек и, не думая, высыпал все его содержимое в шапку устроителя.

Костя расстегнул португеею, снял шашку с револьвером, бросил шинель и папаху в руки Акима. С помощью Гордеева стянул шейный крест ордена, затем френч и остался в теплой нательной рубахе.

Машинально провел подошвой по утоптанному снегу — нога не скользила. И тут его словно толкнуло — взяв свое оружие, он подошел к американским офицерам, что с ехидными улыбками взирали на его приготовления.

— Мы офицеры, господа. Вы знаете, что это за оружие? — И он протянул шашку Смиту.

Американец взял ее в руки, чуть выдвинул клинок, и его глаза загорелись огоньком наживы, видимо, представил заокеанский джентльмен, как будет хвастать на родине русским раритетом.

— Золотое Георгиевское оружие?! Хорошо, сэр, — Смит расстегнул ремни с кобурой, расстегнул клапан. — Здесь «кольт» 45-го калибра. Добавлю еще один «кольт» и ящик патронов к ним.

Ермаков чуть улыбнулся и перевел взгляд на лейтенанта. Тот сразу сообразил, что при ставках один к семи нужно добавить, причем только оружие, раз русский делает такой выбор. И потому Радклиф живо снял ремень с кобурой, стянул через голову ремешок с биноклем, который был в кожаном футляре. И сказал, улыбнувшись:

— Ставлю еще сотню патронов к моему «браунингу» и швейцарский нож.

Будто ток пробежал по собравшимся на перроне русским — все сразу поняли, что золотое оружие ставят лишь тогда, когда или полностью уверены в победе, или идут на смертный бой.

Шустрые солдатики снова забегали, но на этот раз деньги не собирали, а что-то записывали на бумажки. К удивлению Ермакова, многие американцы тоже что-то записывали на бумажки или доставали мятые долларовые купюры. Но Ермаков уже не смотрел на них, он перекрестился и стал готовить тело к бою, прогоняя дыхание...

«Малыш Билли» стоял несокрушимой уверенной глыбой и нагло заулыбался, когда Ермаков пружинистым шагом подошел к нему. Вот только улыбался он недолго, Костя качнул маятник в стороны и поймал на этот финт американца, нанеся «двойку» — левой рукой в подносье, а правой точно в глаз.

Бокс так бокс, жаль только, что ногами драться нельзя, иначе бы сержант получил сапогом по своим тестикулам, или яйцам, как немудрено называют эту часть тела русские.

Но и этих двух ударов хватило для завязки — Костя еле успел отпрянуть от огромного кулака, который скоростным болидом промчался возле его головы. Отпрянуть-то отпрянул, но второй кулак «Малыша» скользнул по переносице, и Костя вкусил своей юшки, что капнула алыми каплями. Но и американцу досталось — юркий русский зашел уже сбоку и снова провел «двойку», в ухо и висок.

Недооценил глыбообразный сержант русского офицера, не настроился на серьезный бой, рассчитывал показать шоу. И на какую-то секунду потерял ориентацию.

А Ермакову хватило этой секундочки — уклонился от чудовищного кулака, присел под ним и оттолкнулся правой ногой, одновременно выбросив вверх кулак, направленный в низ квадратного подбородка.

Бил насмерть — в спорте такие удары категорически запрещены, ибо могут сломать шейные позвонки. Но повезло американцу — шея осталась целой, зато он, со сломанной челюстью, отправился в недолгий полет, в котором его разум поглотила темнота...

— Ваша победа, сэр. Чистая, нокаутом. Вот ваши деньги! — сквозь дикий казачий рев Костя услышал слова устроителя.

Чьи-то руки быстро надели на него форму, застегнули крючки шинели и ремни портупей. И лишь когда он почувствовал свою ладонь на рукояти шашки, к нему вернулась способность оценивать этот мир.

Зря он грешил на ротмистра Арчегова — ноги у того оказались крепкие, а иначе в седле не усидишь. И руки не подвели — сабельной рубке не зря учат. И дыхалка отменная — все же почти на десять лет моложе. И Костя улыбнулся — тест на профпригодность он сдал.

Но его улыбка была воспринята окружающими иначе — она была встречена новыми порциями восторженных криков, причем американцы отошли от шока, вызванного внезапным поражением их кумира, и, надо отдать им должное, радостно приветствовали победителя. Хоть и проиграли на ставках немалые деньги.

Все же они достойные и отнюдь не зловередные парни. И потому Костя взял только свои золотые, а бумажные доллары «малыша Билли» отвел рукой. И, напрягая горло, громко обратился к американцам:

— Я не возьму эти деньги, парни. Пусть они пойдут вашему сержанту на поправку здоровья, он крепкий малый и также был достоин победы. Отдайте ему доллары. Кроме одного «сэра Франклина», вы уж выпейте за его здоровье! Пусть он быстрее поправится!

Восторгу янки не было границ, парни загоготали, что твои гуси. А Ермаков только сейчас понял, что изрядно их напоил — на двести рублей золотом можно взять сто бутылей самогона, похожих на ту, что пустая осталась в его купе под полкой. А в том, что солдаты деньги вульгарно пропьют, Костя не сомневался — уж больно унылыми стали лица американских офицеров. И потому стоило им добавить...

— Господа! Русские офицеры не дерутся за деньги как цирковые артисты. Они могут драться за свою честь, родную землю, любовь. Как у нас говорится — за веру, царя и отечество! Но никак не за деньги. А боксом, господа, офицерам надо заниматься, дабы в случае необходимости быть достойными своих солдат!

Костя сделал паузу и повторил сказанное уже на русском. Собравшиеся солдаты двух армий встретили его слова одобрительным гулом. Костя козырнул Смиту и Радклифу, широко улыбнулся:

— Если желаете, то я вам дам несколько уроков бокса. Мы можем начать занятия в удобное для вас время.

— Конечно, сэр. Мы поздравляем вас с блестящей победой. Вы выиграли пари, и оружие ваше, оно будет достойно такого великого бойца. И благодарны вам за приглашение. — Капитан Смит говорил медленно, тщательно подбирая слова.

Шутка не удалась, и ему совсем не улыбалось заполучить плюху от русского офицера под видом урока. А к этому он и стремится, даже глаза горят зловердным пламенем. Ну уж нет, пусть поищет дураков в другом месте. Но кто ожидал, что этот офицер, который казался им горьким пьяницей, способен уделать «малыша Билли» за каких-то жалких полминуты.

— С радостью воспользуемся вашим предложением. Но, к нашему великому сожалению, у нас сейчас нет времени...

ГЛАВА ВТОРАЯ

С огнем большевистским в груди...

(25 декабря 1919 года)

Слюдянка

— Ваше высокоблагородие, господин ротмистр, — осторожный стук в дверь прервался. Но через несколько секунд по тонкой филенке ударили чуть сильнее, а раздавшийся следом голос был чуточку звонче:

— Константин Иванович! Вставайте, велели засветло разбудить!

Ермаков открыл глаза — и снова купе, заледенелое окно, а в тонкую дверную щель пробивается красная полоска света от керосиновой лампы.

Костя потер ладонью глаза, стирая этим нехитрым приемом остатки сна. И тут же вздохнул — это было не сновидение, не галлюцинация, он на самом деле переместился в тело ротмистра, который, вот смех-то, был старше его на добрых семьдесят лет. От войны к войне переход, от чеченской к гражданской. И Костя криво улыбнулся — он окончательно проснулся.

— Аким Андреевич, зажги лампу, — и не отзвучало последнее слово, как денщик открыл дверь, осторожно зашел, немного пошебуршал в темноте, и купе озарилось сполохами красного света.

Костя соскочил с полки, стремительно оделся, не отказываясь от помощи ловких рук Акима, и через минуту уже в полном параде пошел по освещенному коридору в туалет. А там все было готово к процедурам — на крючке чистое полотенце, на полке зубная щетка, небольшой кусок мыла с запахом дезертировавших тараканов, коробка зубного порошка. В умывальнике горячая вода, исходящая паром...

Совершив утренний туалет, Костя вернулся в купе, где его уже дожидался Трофим Платонович с чашками горячей воды, полотенцем, каким-то порошком и опасной бритвой. И ротмистр вспомнил, что вечером он распорядился привести себя в полный порядок — помыть, побрить, подеколонить. Костя уселся на стул и предался рукам опытного цирюльника...

Через четверть часа, ровно в половине шестого утра, Костя уже сидел за столиком, на который Аким поставил завтрак — разогретую картошку с мясом (припасена с ужина), копченый омуль, хлеб, соленые огурцы. Горячий чай с сахаром и медом, сладкая коврижка и шаньга с творогом были поданы в завершение завтрака. Ермаков вспомнил вчерашний утренний рацион и усмехнулся — небо и земля.

Да и в самом купе были разительные перемены — он укрывался ночью не шинелью, а теплым ватным одеялом, спал на мягком матрасе, в чистых исподниках. Само купе было выскоблено от грязи, а вагон всю ночь был натопленным. Благодать, о таком комфорте можно только мечтать в военное время. По крайней мере, по своему времени Костя не смог припомнить хотя бы что-то подобное. Там все было гораздо хуже и проще, а обычный спальник казался недостижимым роскошеством.

Костя глянул на противоположную полку — там была радостная для его сердца картина. В ворохе ременной амуниции — три выигранных у американцев пистолета, неплохой отбалансированный кинжал в потертых ножнах, бинокль в футляре, а под полкой выглядывал самым краешком дощатого угла ящик с пистолетными патронами. Ага, как же — ротмистр Костя Арчegov, легенда русского бокса!

А ведь еще вечером он добавил всем жару — собрал офицеров и десантников с «Грозного» и «Атамана» и устроил показательную тренировку по рукопашному бою: и валял бойцов, и сшибал на снег молодецкими ударами, а в завершение показал САКНОБ — специальный армейский комплекс ножевого боя. Вот тут офицеры не выдержали, и на Ермакова обрушился град вопросов, зачастую ну очень неудобных.

Пришлось отговориться тем, что в кавказских станицах живут мастера старинного пластунского боя, и тут он несколько не лгал — боевое самбо именно от них начинало свой путь. И теперь придется трижды в день по часу заниматься с бойцами, жаль только — времени отпущено мало...

— Ваше высокоблагородие, — Костя вырвался из омута мыслей. Боже, как хорошо сидеть в тепле, хорошо поесть, напиться от души чайку, а теперь покурить всласть папироску.

— Мы тут с Трофимом Платоновичем вам подарки кой-какие приготовили, — в приоткрытую дверь чуть протиснулся денщик.

Вроде уже пожилой человек, а ведет себя чистым ребенком. И в глазах щенячий восторг, вот только смотрит иногда как-то странно, с непониманием. Да оно и понятно — ведь его ротмистр кардинально изменил свое поведение, есть над чем задуматься солдату и поломать голову.

В купе неожиданно влезло толстое рыло «Льюиса», а за ним показалась довольная рожа унтера Огородникова. Ермаков очумело захлопал глазами — откуда это чудо заморское уволок, ухари. Пулемет был новенький, обернут промасленной бумагой, еще в заводской смазке. Трофим тут же ответил на невысказанный вопрос офицера:

— Мы вчера с парнями на вас все деньги поставили, и нам талеров, рублей ихних, целых две сотни уплатили. А после солдатик мериканский появился. Грит, хошь, ребята, за выигрыш свой вместо денежек «Люську»? Лопочет по-нашенски хорошо. Ну, мы переглянулись и согласились — деньги же ихние здесь мало хожи, все в Маньчжурии покупать треба. А «Люська» нужна позарез, вы же всем говорили.

— Молодцы вы, Трофим Платонович, — Ермаков порывисто встал и обнял старого унтера. — Мы теперь покажем им сучью мать. А пулемет отдай на «Грозный», там в них нужда сильная. А на «Беспощадном» их вообще нет.

— Подъесаул Гордеев две тысячи талеров ихних выиграл, он всю экономию бронепоезда поставил, одним золотом больше трех сотен высыпал...

— И что? — Костя был заинтригован: ну дает Михаил Николаевич, растратчик казенного имущества.

— Ему три американца два «Кольки» со станками-треногами ночью приволокли. И патронов к ним с полдюжины ящичков, и еще что-то — я в темноте не разглядел, да и далеко было. Вроде маленькие такие коробки, и провода какие, что ли...

— А вот и я, — в дверь протиснулся Аким Андреевич, держа в руках небольшой вытянутый ящик.

Поставил с кряхтением его на пол (Огородников отодвинул пистолеты и сел на краешек топчана), отщелкнул замки и откинул крышку. Под ней вытянулись, бочком к бочку, пять жирно блеснувших латунных цилиндров.

— Где ты их взял? — хриплым голосом спросил Костя, с тоской взирая на принесенное.

— Американец давешний принес, к «Люське» в добавку. У них там этого добра в вагонах навалом...

— Ты знаешь, что это такое?

— Конечно, вы же вчера сами говорили, ваше высокоблагородие, что снаряды нам нужны. У них трехдюймовых нет, но есть в полтора дюйма. Он их еще в Верхнеудинске уволок из

вагонов.

— Из каких вагонов?

— А тут они. Десять вагонов, там охрана постоянно стоит. В них снаряды и пушки малые, чи «Маклены», чи «Максима». Стоят и стоят, а наружу-то не выгружают...

— Спасибо, ребята, идите. Мне подумать надо, — Костя устало опустил на топчан.

Хотелось взвыть волком — напланировал он много, а все козлу под хвост:

«Думал на двух стульях усидеть?! И на Иркутск парой бронепоездов пойти, и туннели прикрыть? Да, думал, что поставлю самый худший свой бронепоезд у туннеля, а американцы с пулеметами ответить не смогут. Не по зубам им окажутся шпальные борта. И выйдет у них своеобразная патовая ситуация. А что? Будут улыбаться и расшаркиваться, и при этом смотреть друг на друга в амбразуры! А тут, глянь что получается, у них пушки в вагонах спрятаны. Выкатят они их и прямой наводкой жажнут по бронепоезду. Его-то башни не поворачиваются, с пушки им не ответишь! А ружья для стрельбы из-за угла у меня нет! Равно как и золотой рыбки, чтобы хоть одно желание исполнить! Американские пушки плохонькие, снаряд мелконький, но прошьет шпальный борт бронепоезда насквозь с тысячи шагов. А если пушек несколько, то всего за минуту они изрешетят «Беспощадный» таким количеством дырок, каким голодный солдат не истыкает кусок сала своим острым бебутом. А в вагонах янкесы явно прячут несколько орудий, ведь полк по штату, насколько я помню, имел артиллерию и минометы!»

Костя вскочил с топчана — все правильно, так оно и будет. Орудия подобьют русский бронепоезд, а минометы — незаменимая вещь для выбивания пехоты противника в гористой местности. И в сочетании они способны легко вышвырнуть русских из туннелей Кругобайкальской дороги, пушками внутри, минами снаружи. Проклятье!

Иркутск

— Ваше превосходительство! Мне только что позвонили из штаба округа, управляющий Иркутской губернией Яковлев с самого утра подал в отставку, — голос начальника штаба войск гарнизона капитана Лыба был встревожен до крайности.

— Сука! Еще одна крыса бежит с корабля, — генерал Сычев чертыхнулся, встал из-за стола и прошелся по кабинету. Подошел к окну, прижался к холодному стеклу лбом. Это принесло долгожданное облегчение...

— Пишите приказ, капитан. Объявить город на осадном положении с 12 часов дня этого дня. Добавьте все нужное, согласно действующим законам. И еще один — приказываю начальнику Оренбургского казачьего училища генералу Слесареву обстрелять из имеющегося орудия с утра следующего дня, то есть с пятницы 26-го декабря, казармы мятежного полка в Глазково. Но запрещаю бомбардировать вокзал, станционные сооружения и линию железной дороги, так как обстрел может помешать нормальной эвакуации частей чехословацкого корпуса...

Капитан послушно заскрипел карандашом, делая набросок приказа, а Сычев подошел к столу, дрожащей рукой взял недопитый стакан чая и хлебнул из него добрый глоток. Поморщился — чай совсем остыл, стал неприятным. Отодвинув стакан в сторону, генерал снова подошел к окну и прижался разгоряченным лбом к стеклу.

Уже утро, рассвело, а он уже сутки на ногах. Стоило поздним вечером прилечь на кровать и закрыть глаза, как сообщили по телефону, что глазковский гарнизон восстал. А следом, с разрывом в один-два часа стали приходить сообщения, что восстали солдаты всех частей, расквартированных в Заиркутном военном городке, потом на станции Иннокентьевской. Все

окружные склады перешли в руки мятежников из Политцентра...

Сычев заскрипел зубами — щуку съели, а зубы остались. В городе их всех скопом Черепанов арестовал, но глазковские твари уцелели и теперь принялись за свое черное дело.

Барнаул, Томск, Красноярск, Черемхово — и вот теперь Иркутск. Армия оказать помощи не может, она еще не дошла до Енисея. Остается только надежда на атамана Семенова, этого выскочку, мужлана с грязными ногтями, что может двинуть сюда войска. И он уже их выслал, вот только вестей от этого клятого Арчегова нет, где его носит со своими бронепоездами. Чтоб его...

Генерал обернулся — начальник штаба уже вышел из кабинета, а за деревянной перегородкой комнаты характерно стучала печатная машинка. Лыба дело знает и приказы скоро подготовит.

И Ефим Георгиевич, как загнанный волк, снова стал мерить шагами кабинет. Подошел к шкафчику, потоптался и решительно открыл дверцу. Внутри стояла початая бутылка водки и граненый стакан. Генерал налил себе на два пальца и «торчком», как в свои лучшие гвардейские годы, хлобыстнул водку единым глотком.

По пищеводу разлилась приятная теплота, и генерал шумно вздохнул. Подошел к столу, вытащил из пачки папиросу («Лира» — это все, что осталось от старого мира, усмехнулся в усы, вспомнив), смял крепкими зубами картонный мундштук и, чиркнув спичкой, закурил. Привычный табачный дым несколько успокоил взвинтившиеся нервы.

И генерал вспомнил столицу, где целый год он, тогда лишь подъесаул лейб-гвардии сводно-казачьего полка, провел при дворе, где он, простой амурский казак, видел императора и императрицу, даже говорил с ними. Как тогда, при встрече Рождества...

— Ваше превосходительство, приказы готовы, — Лыба уже зашел в кабинет и красными от усталости глазами посмотрел на генерала.

Сычев подошел к столу, быстро прочитал напечатанный текст. Взял ручку, обмакнул перо в чернила и размашисто подписал первую бумагу, затем наложил свою подпись на вторую. Поднялся из-за стола, ощерил зубы.

Теперь мятежникам крышка — вначале пушка с Первушиной горы обдолбит Глазково, а потом начнет стрелять по Заиркутному городку, благо дистанция позволяет. И это все, что он может сделать сейчас — чехи не отдадут пароходы для перевозки юнкеров. Сволочи! Но где ротмистр Арчегов? Где его носит со столь нужными сейчас броневидами...

Слюдянка

С утра жизнь на вокзальной станции забила ключом, охватив и деревянный городок, ничем, кроме пары зданий, не напоминавший Ермакову прежнюю, вернее — будущую Слюдянку.

С запада, от Кругобайкалки, в коротком промежутке времени подошли сразу три эшелона — два с русскими беженцами, а третий с чешскими солдатами, числом в сотню, на сорок теплушек и платформ. Хорошо устроились братушки в русских вагонах — вырезали в стенках окна, вставили стекла и установили внутри печки. И всего на четверых солдатиков шел такой вагон, набитый русским добром под завязку, и с русскими женщинами в придачу, для скрашивания суровых солдатских будней. Не войсковой эшелон, а какая-то передвижная барахолка с ППЖ (походно-полевыми женами на армейском жаргоне).

Но Костя понимал этих несчастных женщин, зачастую ехавших с детьми. А куда им было деваться? С малыми через всю Сибирь на своих двоих топать?! Да тут под обезьяну ляжешь, лишь бы детям жизнь сохранить!

И словно по какой-то сговоренности, с востока прибыл эшелон теплушек порожняком, в сопровождении взвода низкорослых солдат, в шинелях с собачьими воротниками, в каких-то малахаях вместо шапок, на ногах — меховые сапоги.

Итак, от союзничков, норовящих воткнуть нож в спину, не протолкнуться. Даже итальянцы с поляками, румынами и сербами где-то в районе Ачинска и Канска болтаются, а тут еще подоспели японцы.

Еще бы, они также не упустят своего шанса отхватить послаще кусок от пирога, являющего собой остатки не известно уже чего: то ли Российской империи, то ли нарождающейся Дальне-Восточной Республики. Хорошо подготовились к сибирским морозам самураи, мать их...

Однако он отдавал должное японцам, ведь, положив руку на сердце, считал их раньше намного худшими из всех интервентов. Но нет — косоглазые вели себя в Слюдянке очень вежливо, прилично даже.

Уважительно к номинальным хозяевам — японские солдаты и офицеры четко козыряли всем русским военным. Дисциплина у них была на высоте — солдаты не переговаривались, не смеялись тем более, и не понять было, какие мысли скрываются за этими щелочками раскосых глаз.

Вместе с солдатами были несколько штатских, в круглых очечках, что Пьер Безухов носил. Изображали корреспондентов, фотографов и кинооператоров — бегали со штативами, делали снимки, с раскрытыми ртами общались как с военными всех стран, так и с беженцами.

Но именно изображали — уже через четверть часа Ермаков только тихо посмеивался: шла замаскированная съемка инфраструктуры станции, подходов к ней, состояния железнодорожных путей. Интересовали «штатских» и американцы, и русские бронепоезда. Насмотрелся на «фотографов» Ермаков и задумался. А ведь может дело выгореть, может... Если узкоглазые помогут...

А вот чехи вели себя совершенно противоположно, будто они есть пупы вселенной, выше них только звезды, а круче них только яйца.

Привокзальную площадь братушки превратили в толкучку, покупая у бурят и русских крестьян всякие продукты — мороженое мясо и рыбу, муку и свежесвеженный хлеб, соленья-копчения и даже воз сена.

За всю эту благодать чехи отдаривались сукном и сельскохозяйственными орудиями труда, бутылками с какой-то жидкостью, судя по всему — со спиртом. Также расплачивались иголками, чайниками, кастрюлями, ведрами и иными полезными вещами из своих казавшихся бездонными вагонов.

— Суки, хорошо пограбили нас, — вполголоса, как бы возмущенно, но с нотками зависти, заметил хорунжий Пляскин, чубатый и веселый казак, полностью оправдывавший свою фамилию. Такой и с прибаутками драться будет, и в пляске удалые коленца отбивать начнет всем на загляденье.

Костя его в адъютанты свои определил, хоть и не по должности было. Но возражений ни у кого не последовало — раз атаман Семенов позавчера приказал всем русским военным на Кругобайкальской дороге подчиняться ротмистру Арчегову, значит, и адъютант ему положен де-факто.

— Живут же, сволота, — завистливо вздохнул хорунжий еще раз и осторожно посмотрел на ротмистра. Тот взирал на происходящее с бесстрастием мудрого даоса, достигшего нирваны. Через минуту до ужаса спокойным голосом Константин Иванович изрек:

— Через три дня им наше добро расширит... — и добавил такие слова, что Пляскин в изумлении оторопел, стараясь запомнить их, чтобы потом блеснуть услышанным подарком.

— А это что за пенители морей?! — Ермаков узрел за оттаявшим окном буфета черные

шинели и золотые офицерские погоны порядочной, в четыре человека, компании.

Моряки уже перекусили хлебом и чаем и собирались уходить. Костя решил их подождать в забитом зале вокзала, куда и вошел величаво, хлопнув тяжелой дубовой дверью.

И стоял там равнодушно, хотя остро чувствовал всей спиной удивленные взгляды собравшихся здесь пассажиров. В большей массе штатских, разных профессоров, чиновников, коммерсантов и прочих беженцев, отягощенных женами и детьми, с большими баулами и чемоданами. Это были те несчастные, что замаялись ждать отправления в холодных теплушках.

В отражении оконного стекла Ермаков видел, как к морякам подошел его адъютант, коротко представился и показал на него. Офицеры чваниться не стали, а дружной компанией подошли к обернувшемуся ротмистру.

— Старший лейтенант Тирбах Петр Игнатьевич, — откозырял четко, глаза цепкие, но старше Арчегова лет на пять будет.

— Помощник начальника Читинского училища полковник Анатолий Тирбах вам не родственник? — Ермаков вежливо поинтересовался у моряка (книжки не зря читал, фамилия-то звучная, сразу в память запала).

— Младший брат, господин ротмистр.

— Хорошо. А вы, господа?

— Лейтенант Мюллер Владимир Оттович, — этот лет на десять постарше Арчегова будет, как и следующий офицер.

— Поручик по адмиралтейству Запрудин Михаил Иванович.

— Инженер-механик, лейтенант Лабуза Борис Сергеевич, — четвертый, самый молодой, поручику в сыновья годится, а ротмистру в ровесники.

— Куда едете, господа? — прикольно, конечно, но, будучи самым молодым, Костя был старше по чину, и лишь Тирбах ему равнялся по званию.

— В Харбин, Константин Иванович, следуем из Омска, с имуществом и вооружением Иртышской флотилии. В вагонах находятся семьи офицеров, — негромко ответил Тирбах.

— Вы не уделите мне полчаса, господа? — короткие кивки. — Тогда пройдемте в мой вагон, он у самого перрона стоит...

Они без раздумий пошли за ротмистром, и через пару минут все сидели в штабном купе. Моряки расположились по местам чинно, но Ермаков остался стоять, предложив закурить из раскрытой пачки, как радушный хозяин. Не чинились альбатросы морей, раскурили предложенные папиросы и с любопытством уставились на гостеприимного ротмистра.

— Вы недавно мимо Порты Байкал проезжали, — то ли спросил, то ли сказал Костя. Моряки кивнули, и Ермаков почти без промедления продолжил:

— Какие суда там стоят, господа? И пригодны ли они к плаванию, есть ли на них военные моряки, вооружение?

— На рейде стоят ледокол «Ангара», пароход и катер. В Лиственничном еще два парохода. Все эти корабли, — Тирбах особо выделил это слово, — Байкальской флотилии пригодны и способны дойти до Мысовой на той стороне, благо лед не установился. Командует флотилией капитан первого ранга Фомин, мы с ним встречались. Офицеров флота там больше нет, да и не нужно. На кораблях есть армейские офицеры в должности комендантов.

Тут Тирбах криво улыбнулся, и Косте это сильно не понравилось — неприязнь между флотскими и армейскими офицерами царила и в белой армии, а это было очень плохо для претворения его планов. Между тем Тирбах продолжил говорить спокойным голосом:

— Матросы остались прежние, с речных судов. Артиллерии, за исключением полевой трехдюймовки на «Ангаре», да и та на деревянных салазках, на кораблях нет. Имеются только пулеметы — на пароходах по штуке, на ледоколе, может быть, парочка, не больше, а катер и их

не имеет.

— А что вы везете из вооружения в своих вагонах?

— Две морских 75-миллиметровых пушки Кане, трехдюймовую тумбовую горную пушку, пять мелкокалиберных морских тумбовых пушек в 37 и 47 миллиметров...

— Снаряды к ним есть?

— Только к двум мелкокалиберным в 47 миллиметров около сотни штук. К Кане есть семь снарядов и сотня неснаряженных гильз.

Вздых разочарования вырвался у ротмистра, и он явственно заскрипел зубами. Это заметили все моряки, и Мюллер осторожно спросил:

— А в чем дело, Константин Иванович?

— Дайте слово, что сказанное здесь сохраните в тайне?

Моряки недоуменно переглянулись между собой и дружно дали слово чести. Что они были заинтригованы разговором, то это слабо сказано — офицеры заерзали на сиденьях от несдерживаемого любопытства.

— Адмирал Колчак с литерными эшелонами задержан сегодня чехами в Нижнеудинске. Российское золото теперь в их руках, — сгустил самую малость краски Ермаков. — В Глазково, напротив Иркутска, вчера вечером выступили эсеры и гарнизонные солдаты, началась стрельба. Понтон сорвало ледоходом, а все пароходы оказались в руках восставших или чехов, которые им благоприятствуют.

— Еще бы, русское золото эсеры за помощь им и отдадут, — Тирбах первый высказал будущую историческую правду. Моряки разом помрачнели.

— Вот приказ атамана Семенова, сегодня адмирал Колчак назначил его командующим над войсками Иркутского военного округа. Читайте, Петр Игнатьевич, — Ермаков расстегнул карман френча и достал из него приказ, специально изъятый утром у начальника штаба.

Тирбах прочитал приказ про себя, потом громко, для всех. Не хотели моряки подчиняться Арчегову, он это ясно видел на их лицах. Наконец, после короткой паузы, Тирбах произнес:

— Что вы собираетесь предпринять, господин ротмистр?

— Выполняю приказ генерала Семенова. У меня три бронепоезда и три сотни солдат. Через день я выдвигаюсь к Иркутску. Восстание я подавлю, иначе последует крах для всей российской государственности. Потому обращаюсь к вам за помощью — ведь надо на чем-то войска через Ангару переправлять — в городе несколько военных училищ и надежных частей. Да и прибытие вооруженных пароходов окажет на всех большое воздействие.

— Вооружить пароходы нашими пушками можно за сутки, установка не займет больше времени, — поручик задумался и добавил: — А то и на шесть часов раньше срока. Я в порту кран и лебедку видел.

— К трехдюймовке можно снаряды взять с «Беспощадного», у него в носовом каземате я видел ствол горной пушки, — предложил Тирбах. — Вот только снарядов в полтора дюйма у нас нет.

— Снаряды в 75 миллиметров на бронепоездах в достатке, — осторожно вошел в разговор Ермаков, боясь спугнуть удачу. Раз начали водоплавающие технические проблемы обсуждать, значит, помощь окажут.

— Наши гильзы снаряжать порохом надо, — тут же вклинился лейтенант Миллер, — а насчет снарядов? Риск, правда, большой, они ведь короче, да и точность будет малая...

— Намного лучше, чем у салазочной, — перебил Тирбах и подытожил: — Да и гильзы к Кане есть, снарядить только. Но матросов у нас в вагонах всего девять человек плюс кондуктор. Невелика сила, на пароход не хватит...

— Прикажу все части прошерстить — моряков двадцать, думаю, наберу. Пехотных

артиллеристов дам, за сутки как-нибудь натаскаете? И еще одно — ваши вагоны прицеплю к «Беспощадному», он сегодня в Порт Байкал пойдет. Просьба у меня — в носовой каземат бронепоезда нужно поставить трехдюймовку с «Ангары», а горную с него установить на колеса. Взамен с бронепоезда выделяют полсотни снарядов к вашей горной пушке, и дадим десяток пулеметов для вооружения кораблей. Хорошо?

— Хорошо, господин ротмистр. Но что будет с семьями?

— Разместите в Порту Байкал, сегодня же. Поставим всех на паек и денежное довольствие, выплатим семьям по 20 рублей золотом, вам, господа офицеры, по 30 рублей, матросам по 10 рублей. Достаточно на первое время? А в Харбине вам делать нечего, по Байкалу будете плавать...

— Извините, Константин Иванович, но моряки ходят на своих кораблях, а не плавают, как... — не закончил срамным словом Петр Тирбах, только возмущенно скривил губы. Остальные от обиды угрюмо засопели, поддерживая своего товарища.

— Сдаюсь, — с улыбкой поднял руки Ермаков, — простите великодушно, хотел вас расшевелить. Но к делу. Вас, Петр Игнатьевич, назначаю старшим над командой. Подполковник Наумов, наш интендант, выдаст деньги на подготовку пароходов — две тысячи рублей. Золотом! Это на первое время. У вас 48 часов на все — к утру послезавтра пароходы должны пойти на Иркутск. Ваши вагоны отправятся через час, прибудете в Порт Байкал с авангардом и принимайтесь за дело. Нужные приказы я сейчас отдам. А насчет снарядов в полтора дюйма... Я сейчас приду.

Ермаков вышел из купе, позвал Акима и приказал тому принести ящик со снарядами, полученный от американцев. Занес его в купе, откинул крышку и спросил у моряков:

— Такие подойдут?

— Годятся, одного типа, — тут же чуть ли не хором уверенно ответили ротмистру моряки.

— Тогда у меня все, господа, — Ермаков встал со стула. Одновременно поднялись и моряки. — А снаряды мы к ночи достанем...

Нижнеудинск

Все действующие фигуры для решающей партии были расставлены, ходы были просчитаны и подготовлены заранее. Правда, оставалась еще одна фигура, когда-то ферзь, а теперь жалкая пешка в руках чехов — адмирал Колчак, застрявший здесь с литературным эшелоном, под завязку забитым тоннами русского золота.

Как переспелая груша, вагоны с тяжеленькими слитками, находящиеся пока еще под реальной охраной чехов, могли упасть в руки красных со дня на день. И именно эту партию с участием золотого запаса бывшей империи и обанкротившегося Верховного Правителя России эти три силы — чехи, эсеры и красные — готовились разыграть в любой момент.

Подобно обманчивой тишине водной глади Байкала, готовой в любой момент смениться на крушащие все на своем пути порывы, несущиеся пенным валом брызг, по воле безжалостного Култука или Баргузина, или прекрасной в своей неукротимой ярости Сармы, конец декабря 1919 года был затишьем перед бурей...

Колчак задремал на жестком диванчике — прошли уже целые сутки томительного и тягостного ожидания паровозов, которое сломало и его. И потому не сразу адмирал очнулся от короткого беспамятства тревожного сна. За окном уже рассвело...

— Ваше высокопревосходительство! Проснитесь! — в дверь купе сильно постучали кулаком и сразу открыли. Адмирал уже сидел на диване, застегивая воротник кителя и моргая

глазами.

— Чехи наши паровозы отбирают! Арестовали всю бригаду машинистов! — начальник личной охраны подполковник Удинцев был красным, как вареный рак, и кипел яростью. Сон как рукой смахнуло, и адмирал вскочил, будто ошпаренный кипятком.

— Поднимайте охрану в ружье, полковник! — голос Верховного Правителя зазвенел от гнева.

Чехи окончательно обнаглели, превратились из союзников в оккупантов и грабителей и губят его отступающую армию. В ярости Колчак ударил кулаком по столу — все им мало, вначале отобрали все пассажирские вагоны и Верховному Правителю едва нашли достойный его положения вагон, а теперь за паровозы принялись...

— Берите винтовки, господа, скорее! — раздался громкий голос генерал-квартирмейстера Занкевича.

Колчак вытащил револьвер из кобуры, сунул его в карман брюк, быстро надел шинель, перепоясался ремнем и, схватив с полки фуражку, вышел из купе. С «наганами» в руках его уже ожидали лейтенант Трубчанинов и полковник Ракитин.

В тамбуре мелькнули черная флотская шинель и серая казачья бекеша. Адмирал Колчак пошел туда и прыгнул на землю, удержав равновесие (на миноносцах иначе нельзя — там палуба под ногами ходуном ходит), оглянулся по сторонам.

Проклятье! В груди адмирала народилась глыба льда — чехи обложили литерные эшелоны. Охрана спешно покидала вагоны, и солдаты тут же кидались под них, выставя из-под колесных дисков винтовки и хищные рыльца немногих пулеметов.

Для русских солдат это стало единственным способом защиты в сложившейся ситуации. Ведь в проходы между эшелонами нацелились орудия чешского бронепоезда, а шрапнель, поставленная на удар, рвала бы защитников русского золота в клочья...

— Они три десятка пулеметов на нас навели, ваше высокопревосходительство, — откуда-то вынырнул Удинцев, — а у меня и дюжины нет. С трех сторон чехи подступили, два батальона. Уже залегли, готовятся стрелять. Что делать, ваше высокопревосходительство?!

Адмирал спокойно посматривал на хищный хобот орудия. Он слишком много воевал, часто смотрел смерти в глаза, чтоб сейчас испугаться. Для него стало ясно, что чехи хорошо подготовились, стянули силы и готовы использовать любой повод, чтоб захватить вагоны с золотом.

— Ваше высокопревосходительство, ложитесь, пожалуйста, под вагон, — от беспокойства Удинцева адмирал привычно отмахнулся.

Это его не спасет, начнись стрельба. Они продержатся, самое большее, полчаса — и все. Шестьсот русских офицеров и солдат будут просто перебиты, а торжествующие чехи станут лапать кровавыми руками российское достояние. Адмирал слышал, что чешские солдаты отбирают паровозы, но не ожидал увидеть это воочию. Но что делать сейчас, адмирал не знал и лихорадочно искал ответ...

— Ваше высокопревосходительство! — в тамбуре появился офицер связи. — Получено сообщение из Красноярска. В городе восстание эсеров, генерал Зиневич перешел с войсками на их сторону!

Это был страшный удар даже для него — Колчак пошатнулся, но его подхватил под локоть адъютант. Лейтенант труса не праздновал и под вагон не полез, как и большинство офицеров.

— Выставьте обычные посты, полковник. Приказываю всем вернуться в вагоны, — адмирал хрипло вытолкнул слова из горла.

Схватка с чехами потеряла всякий смысл — армия Каппеля отрезана от него, а он отрезан от Иркутска. И лишь чехи способны оттеснить сейчас красных партизан...

Верховный Правитель тяжело поднялся по лесенке в вагон и пошел к купе. Обернулся к телеграфисту:

— Что еще у вас?

— Вот из Иркутска. Вчерашняя расшифровка. От правительства, — офицер протянул листок. Адмирал взял сообщение в руки, зашел в купе и прикрыл за собой дверь. Прочитав, без сил рухнул на диван — министры слишком прозрачно намекали на отречение от власти, хотя он и некоронованная особа. Удар за ударом...

— Что с вами, Александр Васильевич? — премьер-министр Пепеляев был бледен, но голос спокоен — он уже взял себя в руки, хотя пять минут назад полагал, что придется погибать. Виктор Николаевич был уверен в том, что Колчак отдаст приказ на сопротивление, не выдержит произвола и постоянных унижений от чехов. Но чтоб так?!

За спиной председателя правительства встал адъютант Трубчанинов, и именно к нему обратился адмирал Колчак звенящим от внутреннего напряжения голосом:

— Телеграф еще работает, надо поспешить, думаю, еще до наступления вечера чехи лишат нас связи. Отбейте в Читу атаману Семенову телеграмму, что чехи отобрали паровозы у эшелонов Верховного Правителя. Пусть примет все возможные меры воздействия на них. Вплоть до минирования некоторых Кругобайкальских туннелей, и даже подрыва одного из них в случае крайней нужды. И пусть примет все меры для их охраны, введет войска, наконец. Отдайте шифровальщикам немедленно...

Колчак вытащил из портсигара папиросу, зажег спичку и закурил. Пахнул дымком и, после минутного размышления, приказал:

— И генералу Каппелю отправьте телеграмму о произволе чехов, может быть, и он примет нужные меры. Это все, лейтенант, выполняйте. Виктор Николаевич, отправьте от моего имени телеграмму генералу Жанену, необходимо протестовать против учиненных чехами безобразий. Но теперь нам остается только ждать помощи извне, своими силами мы не способны противостоять чехам здесь, в Нижнеудинске, или продолжить движение по железной дороге дальше. Да, Виктор Николаевич, вот вам телеграмма из Иркутска, от «правительства». Идите, мне нужно побыть одному...

Колчак затушил папиросу и устало закрыл глаза — до пронзительности остро он ощутил свою беспомощность. Это был конец и для него, и для попытки будущего возрождения России. Это золото уже не поможет, ибо попадет в чужие руки, возможно, даже окажется у большевиков. Но пусть даже так будет, лишь бы не прилипло к грязным жаждущим лапам мнимых союзников, ставших хуже злейших врагов.

Он сейчас вспомнил слова генерала Каппеля, когда адмирал на каком-то полустанке предложил генералу взять для войск несколько ящиков золота. Прощальные слова Виктора Оскаровича жгли сейчас душу: «Проклятый металл, он приносит только одни беды»...

В дверь негромко постучали, и Колчак вынырнул из омута тягостных воспоминаний и размышлений. Громко сказал:

— Войдите.

Дверь тут же открылась, и адъютант четко доложил:

— Там пришел командир чешского ударного батальона майор Гассек. Вы его примете?

Адмирал чуть кивнул и несколькими движениями ладоней привел себя в порядок. И вовремя — на пороге появился молодой офицер в шинели с бело-красной полосой на рукаве. Почтительно козырнул.

— Почему вы отобрали наши паровозы, майор? Почему не пропускаете наши эшелоны на восток?!

— На многие станции вошли красные партизаны, и мы не можем с ними воевать, это

приведет к разрушению полотна. Совет послов настоял перед вашим правительством на нейтралитете железной дороги. В силу этого мы не можем пропустить ваши эшелоны на Иркутск. И потому паровозы вам сейчас не нужны, ваше высокопревосходительство. И мы на время их взяли, они нужны для перевозки моего батальона, который обеспечит охрану пути вдоль следования ваших же эшелонов в дальнейшем.

Майор говорил серьезно, но в глазах, как видел Александр Васильевич, время от времени сверкали искры презрения. Адмирал сжал кулаки от бессильной ярости — но ничего не мог сделать. Сейчас у Верховного Правителя России сил было меньше, чем у этого уверенного в своем превосходстве наглого чешского майора.

— А для чего вы все это здесь устроили? Вы так весело встречаете свое Рождество? — Адмирал ткнул пальцем в заледеневшее окно. — Пушки и пулеметы на нас наставили, пехоту в цепь положили! Для чего? Неужели только для взятия паровозов?

— Ваше высокопревосходительство, — удивление в голосе майора можно было бы назвать искренним, если бы не нотки снисходительности, — город заняли красные партизаны, и я просто усилил вашу охрану, чтобы не допустить инцидентов. Мы немедленно разоружим того, кто первым начнет войну на железной дороге...

— Идите, майор. Вы свободны, — адмирал устало закрыл глаза и откинулся на спинку дивана. Все кончено, по сути русского Верховного Правителя взяли под арест в его же собственной стране. И это не самоуправство безвестного майора, это намного хуже...

Слюдянка

— Господин ротмистр! Господин ротмистр!! Да пустите же меня!!! — отчаянный женский вопль разорвал морозный воздух. Ермаков обернулся на голос: вырываясь из рук двух солдат, в каком-то исступлении билась растрепанная женщина.

— Отпустите ее! — Костя немедленно пошел навстречу. — Что случилось? Я могу чем-то помочь?

— Я... Мы из Омска эвакуированы. Сюда сейчас пришли. Там три вагона раненых солдат, и мы... Они мрут, вагон целый, а у нас нет ничего... Ничего. В Иркутске не приняли, там все забито ранеными и больными. Все госпитали. Сказали идти на Верхнеудинск. Доктор Павлушкин вчера слег, а я не знаю, что делать?! Не знаю...

Молодая еще женщина, но с красными, как у кролика глазами и изможденным лицом, опустила колени на снег, зашлась плачем. Хрупкие плечи под потрепанным, дорогим когда-то пальто, задрожали.

— Не плакать! Веди к вагонам! — Ермаков рывком поднял женщину, поставил на ноги и рывкнул грозно, выводя ее из подступающей истерики: — Веди к раненым, быстро!

Та тут же закивала заплаканным лицом и быстро пошла куда-то в сторону, обогнув какие-то теплушки и пустые платформы. Шли минут пять, перепрыгивая через сугробы и рельсы, обходя составы. Ермаков даже сомневаться начал — а не Сусанин ли это в женском обличье.

Чуть ли не в самом конце станции, на дальних путях стояли две теплушки и зеленый обшарпанный пассажирский вагон, рядом с которыми лежали в снегу несколько запорошенных скрюченных тел.

Еще одного несчастного вытаскивали из вагона трое невозмутимых мужиков, в потрепанных донельзя полушубках. И даже подбадривали себя, как показалось Ермакову, матерками. Но, подойдя ближе, он не поверил вначале собственным ушам — «Айн, цвай — генуг» — громко раздалось в морозном воздухе. И тело умершего, описав в воздухе короткую

дугу, рухнуло на уже вынесенных, вернее, выброшенных из вагона мертвых солдат.

— Твою мать, уроды расейские! — волна гнева захлестнула всю душу, и грязная матерщина, сыпавшаяся с губ ротмистра, отбросила в сторону и женщину, и сопровождающих солдат.

Он много читал о том, что отступавшие белые оставляли целые составы умерших, и красные потом замучились сжигать штабелями или топить в речных прорубях тысячи человеческих тел.

Но то Транссиб, а чтоб здесь такое было тоже, о том Ермаков и помыслить не мог. На оживленной станции, среди ясного дня и многочисленных белых и союзных войск помирают раненые и больные русские солдаты, как бездомные шелудивые собаки...

— Суки! Уроды! — всю ненависть, помноженную на все свои войны, выплеснуло из Ермакова бурным, нерассуждающим потоком.

— Пляскин!

— Я здесь, — хорунжий тут же возник, будто чертик из табакерки.

— Занять под раненых и больных все обывательские дома у вокзала. По два раненых на дом. Кто из хозяев откажется или вякнет против — лично в топке спалю, а ты кочергой ворошить будешь. Врача или фельдшера разыскать срочно. Носилки сюда. Ну, хоть шинели с себя снимайте, и винтовки в рукава суйте — выносить будем. Поручик Насонов!

Начальник контрразведки дивизиона возник, словно из-под земли, взор преданно ест взбесившегося ротмистра, но на лице нескрываемое удивление — он не узнавал Арчегова.

Впрочем, в растерянности пребывали все офицеры и солдаты сопровождения — таким командира никто ранее не видел, как и помыслить, что тот с такой яростью озаботится судьбой беспомощных солдат, тем более колчаковцев.

...Это Ермакову раньше казалось, что есть только две силы. Как в анекдотах: по одну сторону Чапай с Петькой и Анкой, а по другую — мифические белые. Потом, вчитавшись, а главное, вдумавшись, он понял, что уравнительная гребенка советской пропаганды лихо прошла над историей Гражданской войны.

Человеку, обремененному привитым сознательно нехитрым советским максималистским мышлением, гораздо легче понять, что существует двухполярный мир, всего две природы вещей: хорошая и плохая. Фашисты-мерзавцы и солдаты-освободители, троцкисты и иже с ними, враги народа, и бдительные честные граждане, американские империалисты и свободный советский трудовой народ, и соответственно белые и красные.

А то, что среди и тех и других было огромное множество внутренних противоречий, оттенков и окрасок, в расчет не бралось. Прибавьте к этому еще, что среди белых было непомерное брожение умов, и коварного кукловода не требовалось: они сами себя с успехом разделяли. Оставалось только властвовать!

Монархисты и сочувствующие, демократы и умеренные, сторонники конституционной монархии и просто сторонники конституции, те, кто еще не примкнул к белым, но уже откололся от красных и наоборот, те, кто вообще ни к кому или еще не примкнул... Отдельно стояли ревнителю отделения Сибири и создания Дальне-Восточной Республики! В общем, каждой твари по паре!

Особо примечательным был тот факт, что с оружием в руках против красных выступали не более трети. Остальные, перефразируя известную поговорку, просто учили жить, даже не помогали материально.

В пестрой картине политической борьбы были еще одни умники: эсеры, ненавидевшие и тех и других. Они вообще стояли нараскоряку, действовали по ситуации, из двух зол выбирая меньшее.

Иркутский Политцентр рассчитывал, что, когда придут большевики, произойдет всеобщее братание под крики «Ура!» и дележ власти с раздачей карточек на усиленное питание и теплых мест в госорганах и иных хлебных местах.

Тщеславные, они наивно, по-детски, и не предполагали, что Боливар двоих не вывезет, что и произошло в реальной истории. Пришедшие красные с успехом поставили всю эту эсеровскую и меньшевистскую братию к стенке безо всяких угрызений совести. Причем провели эти экзекуции бывшие же товарищи по партии, успевшие переметнуться и желающие всеми силами доказать собственную лояльность.

Можно было бы умилиться расцвету демократии на просторах некогда великой Российской империи, если бы не красные, для которых все белые без исключения были классовыми врагами с вытекающими отсюда последствиями. И истреблялись как бешеные собаки господ митингующие вне зависимости от глубины правого уклона и жизненного кредо.

Вместо того, чтобы объединиться по принципу враг моего врага мой друг, заливать пожар со всех сторон, белое движение предпочитало поддерживать раскол и добиваться победы в одиночку, ругаться, образно говоря, за место в очереди к водокачке и за право первым плеснуть из ведерка.

Масла в огонь подливали союзники, всячески натравливавшие друг на друга самих белых и не брезговавшие решать за спиной у тех же белых делишки с красными.

В Слюдянке номинально власть была в руках семеновцев, являвшихся монархистами. Колчак же, объявивший себя Верховным Правителем России, был если уж не врагом, то не другом точно. Поэтому-то раненые колчаковские солдаты и умирали в холодных вагонах...

Ермаков зло прищурился:

— Подберите русского коменданта для станции немедленно, пусть наводит здесь нормальный порядок, ибо капитану Смиту на русских глубоко наплевать. Из Култука возьмите, он рядышком. А это совдепия, а не станция! И за дело, господа, за дело!

Костя схватился за поручень и влетел птицей в вагон, похожий на тот, в котором он ехал. Вот только не купейный, а плацкартный, и не тепло там стояло, а мертвящий холод.

Господи праведный! Вагон был забит под завязку живыми и мертвыми солдатами — изможденными, худыми, с синей кожей. Бинты от грязи давно стали черными, а губы многих шептали лишь одно слово — «пить».

В отдельном купе на полках лежал медперсонал — невысокий мужчина бредил, цепляясь пальцами за худенькую руку девчушки лет десяти. Та только тихо шептала: «Папа, мамочка, не умирайте».

Женщина на верхней полке была в горячке и скинула одеяло с себя, а девчушка даже не могла накинуть его на мать — как ей дотуда дотянуться. На нижней полке с бескровным лицом лежала сестра милосердия — она была мертва.

Ермаков перекрестился — русские женщины, вам всем памятник ставить надо за мужество ваше, с каким через невзгоды идете. И до боли скрипнул зубами — ведь он мог пройти мимо, как наверняка прошел бы Арчegov. Мог бы, но Бог не отвел от него ту женщину...

— Иди ко мне на руки, лапушка, — он рывком поднял на руки девочку. — Не бойся, сейчас будем в домике, в тепле, и маму с папой туда отнесут. Я же здесь начальник, не обману тебя, крошка, — не удержался, поцеловал маленькое создание в холодную щечку.

А та поверила, прижалась детским тельцем, обняла за шею тонкими ручками и только шептала ему на ухо — «спасите моих маму и папу, я люблю их».

И не выдержал Костя — заплакал. Горько заплакал, как могут плакать ожесточившиеся сердцем мужики — слеза беспомощного ребенка бьет сильнее, чем самый страшный обстрел. Так он ее и нес, не на одну секунду не останавливаясь, сердце билось уже под горлом, а он шел

и шел, не замечая за слезами дороги...

— Константин Иванович, позвольте, — чьи-то руки взяли девочку из рук, и Ермаков облегченно вздохнул. Хотя и невелика ноша, но за долгую дорогу руки оттянула.

И только сейчас осознал, что комендант его вагона Трофим Платонович Огородников бережно взял девочку из рук и понес ее к саням, которые в числе доброй дюжины уже были подогнаны прямо на перрон. Рядом с ним вырос адъютант Пляскин.

— У девочки в вагоне отец и мать больные тифом. Проследи, чтоб в один дом попали, — отдышался ротмистр и поглядел по сторонам.

Число народа возросло изрядно, но среди толпы было уже много железнодорожников, таких, как знакомые путейцы. И Ермаков громко обратился к Пляскину, но, по сути, ко всем собравшимся:

— Хозяевам, у кого раненого поместят, десять рублей золотом выдать на кормежку и лечение. А как переболеет солдат, то еще империял дать. Ну а кто двух раненых выходит, тому вдвое больше денег давать. Где Наумова черти носят? Скажи интенданту — пусть курицу, мяса, рыбы выдаст, по десять фунтов на заболевшего — с вагонов наших. Давай! И муки пусть дает тоже по четверти пуда!

Слова ротмистра прозвучали в полном молчании собравшихся, а потом как пробку вышибло: сразу пошла спорая разноголосица, особенно начали суетиться внезапно очнувшиеся от апатии железнодорожники, которые до того с ледяным равнодушием наблюдали за происходящим.

— Сюда несите! Вон на сани. Да еще одного рядом кладите. У меня дом вона стоит рядышком, целая комната пустая, жена и дочери обиходят!

— Мне на сани еще, я о служивых побеспокоюсь, можете не сомневаться, ваше высокоблагородие, как за сынами смотреть буду!

— Кузьма, пошли. Раненого из вагона принесем, что на дальнем тупике стоит. Давай быстрее, сынок! Вона как начальник-то завернул!

Дальнейшие крики, кое-где перешедшие в перепалку, он не слушал, и так ясно, что голое сострадание у людей не принято. Но если подкрепить звоном золота, то прямо сериал «Скорая помощь» начинается. Все хотят сразу двух больных урвать — мало ли, вдруг оба выживут. А еще лучше троих сразу заполучить. И им будет хорошо, и семье неплохо — империялы на дороге не валяются. И незачем ругать людей за черствость — лечение, обиход и кормежка больного немалых денег и труда стоит, а ведь гражданская война и так семьи на край поставила...

— Господин ротмистр! — Ермаков немедленно обернулся на возмущенно просящий голос. Так и есть, подполковник Наумов, главный казначей и интендант отряда.

— Вот и хорошо, что вовремя пришли! — Ермаков говорил громко, чтоб слышали все окружающие. — Раненых и больных переписать по домам и выдать деньги и продукты хозяевам. И врача обяжите, заплатите за труды и лекарства, да не скупитесь. Немедленно исполнять! И так будет всегда, зарубите себе на носу — русская кровь не водица, чтоб ее зазря лить, и каждый солдат и офицер должен знать, что его не бросят раненого, а обеспечат уходом и лечением. На всю жизнь запомните — я русского солдата в обиду и напрасную трату не дам. Понятно?!

— Так точно, господин ротмистр! Вот только продовольствия у нас маловато, — растерянно ответил подполковник.

— Будут тебе продукты, сам найду! — Ермаков ему посочувствовал — хоть и выдал атаман Семенов на отряд 40 тысяч золотых рублей, но вот такие траты в русской армии никогда не предусматривались. Раненых просто оставляли сомнительному милосердию обывателей, не

желая входить в расходы.

Константин мысленно сплюнул — идиоты никогда не поймут, что здесь лучше заплатить золотом, но сохранить опытных солдат. Да и сам он, первый раз в жизни, только сейчас смог пойти на такой шаг.

— А золото еще будет, и много. Через две недели, — тихие слова Ермакова изрядно взбудрили подполковника, который подумал, что ротмистр наверняка что-то прознал, но молчит. Интендант с надеждой отдал честь и тут же ушел к подводам, на ходу отдавая какие-то распоряжения.

Безумно хотелось закурить, но курение на улице для офицеров моветон, и Ермаков, чтобы отвлечься от желания, огляделся. Невдалеке стояли тяжело нагруженные сани, рядом с которыми стоял пожилой казак с седой бородой. И Костя пружинистым шагом подошел к нему.

— Откуда, станичник? Что в санях?

— С Тунки я, ваше благородие. Муку, дичину, соленья разные привез. Чехам продать, а у них купить сукна и прочего, для хозяйства нужного, — казак отвечал угрюмо, зыркнув глазами из-под густых бровей.

А Костя хмыкнул — он понял, что старик боится, что ротмистр просто реквизирует продукты, ведь почти рядом стоял и разговор с интендантом не мог не слышать.

— Я покупаю у тебя все! Сколько хочешь?

— Сорок пять тысяч сибирскими! — с ходу выдал старик и тут же добавил: — Или пять тысяч романовскими.

Ага! Один к девяти нынешний валютный курс — Костя крикнул. Таких денег в кармане не было, а звать интенданта как-то не солидно. И потому Ермаков решил зайти с другой стороны, легонько поинтересовался:

— А золотом сколько возьмешь?

— Тридцать рублей! — тут же выдал искомую цифру казак, мгновенно считая в уме денежный курс, словно твой калькулятор.

Ага! Костя снова крикнул, полез за бумажником и положил в мослатую, всю в застарелых мозолях казачью ладонь три золотых кругляшка. Старик тут же их цапнул, зыркнул, но пробовать монеты на зуб не стал.

— Благодарствую, ваше высокоблагородие...

— У меня просьба к тебе. Ты слышал, о чем с подполковником говорил?! Развези муку и прочее по домам, где раненых и больных разместят. И надели хозяев честно, чтоб всем досталось. Хорошо? А это тебе за труды, казачатам подарки купишь, — Ермаков протянул старику пару серебряных рублей. Но, к его удивлению, казак деньги не взял, гордо выпятил бороду.

— Развезу все честно, господин есаул. То о наших забота, и деньги брать грешно. Благодарствую...

— Спасибо тебе, казак. Но рубль возьми, то от меня подарок пусть будет, внучатам, — Костя насильно сунул монету старику, козырнул и, чуть раскачиваясь, пошел к своему штабному вагону. А ведь люди хорошие, война их душой не зачерстила...

Глазково

— Русские заняли все предместье, пан генерал! — полковник Крейчий говорил дрожащим от гнева голосом.

Голова офицера была криво обмотана белым бинтом, через который проступало на лбу

красное пятно крови — какой-то неизвестный хулиган бросил ночью булыжник в окно, около которого он так неосторожно встал. Полковника изрядно порезало осколками разбитого стекла, и потому начальник дивизии сейчас был в крайне скверном расположении духа.

— Какие у них потери? — генерал Сыровы, напротив, был хладнокровен, ибо давно сжился с мыслью, что от этих русских нужно ожидать пакости в любую минуту. Черт бы их побрал с их гражданской войной!

— У них потерь нет, офицеры не оказали сопротивления. У нас тем более, только поручик Прохазка поскользнулся и сломал себе руку...

— Пся крев! Что же он так неосторожно! — не сдержался генерал.

Как ни богат был русский язык на ругательства, он все-таки предпочитал родные, польские. И тут же попросил у полковника взглядом прощения за свою вспыльчивость. Разболтались нервы в этой сибирской эпоее.

— По приказу Политцентра арестованы министр земледелия Петров, начальник переселенческого управления Федосеев...

— Оставьте перечисления, полковник, мне эти русские фамилии ни о чем не говорят. Это их дела, брать или не брать заложников. Мне надо вывести чехов в Приморье, а не распутывать этот клубок русских проблем, — генерал прошелся по купе, посмотрел на украшавшую стенку зеленую еловую ветку с повязанными на ней красно-белыми ленточками. Рождество... Светлый праздник, который лучше встречать на родине...

— Русские начали формировать рабочую дружину из железнодорожников, туда записалось свыше четырехсот человек. Боюсь, пан генерал, что это может нарушить наши планы по перевозке дивизий.

— Политцентр клятвенно заверил, что ущерб корпусу не будет. К тому же перевозки приостановлены на несколько дней, пока не разрешится вопрос о новой политической власти. Мы не вмешиваемся во внутренние дела русских, но будем приветствовать и поддерживать любую демократическую власть и в Сибири, и на Дальнем Востоке.

Начальник дивизии усмехнулся в усы — пан Сыровы настолько привык лицедействовать, что даже наедине с собой, наверное, продолжает лицемерить. Ну что ж, по крайней мере, это избавляет от многих проблем.

— Час назад генерал Сычев звонил генералу Жанену как командующему союзными войсками и объявил, что завтра, с самого утра, его пушка начнет обстрел казарм восставшего полка.

— И что ответил генерал Жанен? — Сыровы наклонился над столом пухлой грудью, сжав в ладони сукно.

— Сказал, что, если хоть один снаряд попадет в Глазково, он снесет половину Иркутска артиллерией наших бронепоездов!

— Это правильное решение! Мы должны всей силой корпуса гарантировать нейтралитет железной дороги, иначе могущие быть разрушения на ней, начни русские очередную междоусобицу, сорвут наши планы эвакуации. И какие меры вы приняли, пан полковник?

— «Орлик» выдвинут на крайний путь, его орудия я приказал развернуть в сторону города. Из Иннокентьевской прибудет через час «Жижка». Я считаю, что шести орудий бронепоездов достаточно для вразумления Сычева, и потому не буду снимать с платформ пушки второго дивизиона.

— Хорошо, — генерал тяжело поднялся со стула. — Я думаю, это будет для них достаточным аргументом. Вопрос о власти скоро разрешится сам собой, войска должны примкнуть к Политцентру. Правда, остается еще атаман Семенов. Пся крев!

Сыровы поправил на глазнице черный кругляшок и забарабанил пальцами по столу. Дверь в

салон отворилась, и генерал моментально обернулся.

— И что вы нам скажете, полковник? Что происходит сейчас, черт побери, на Батарейной и в Военном городке?! Да присаживайтесь...

— Я только что говорил по прямому проводу с Иннокентьевской, — полковник Зайчек через силу улыбнулся — ему нездоровилось последние часы, лицо захлестнула нездоровая белизна.

— Все войска на этом берегу Ангары признали власть Политцентра. Сейчас русские открыли склады на Батарейной и начали развозить по частям обмундирование и полушубки, наделяют сахаром и продуктами. Однако кое-где солдаты допускали оскорбительные выкрики в сторону наших войск, звучали призывы напасть на наши эшелоны.

— Так. Т-а-а-к, — протянул слово генерал Сыровы, — и что вы думаете по этому поводу? Какие нужно принять меры?

— Хорошо бы немедленно разоружить все русские части на Иннокентьевской и в Военном городке. Применить силу, если они окажут сопротивление. Нужно бы разоружить и 53-й полк или полностью выбить его как можно дальше от Глазково. Но придется мириться с озлоблением русских солдат, хотя лучше направить его в сторону правительства.

— Вы уже проинформировали Калашникова об этих прискорбных инцидентах?

— Да. Он сам и Политцентр уже обещали уладить все проблемы. Но лучше, если бы наши солдаты не отходили от эшелонов или, по крайней мере, не выходили за пределы станций. Зачем дразнить гусей? Или давать поводы для большевистской агитации...

— Насчет этого не беспокойтесь, все наши солдаты отойдут к станциям. Полковник Крейчий! Немедленно отдайте приказы!

— Есть, пан генерал, — полковник тут же встал со стула и пошел в аппаратную, закрыв за собой дверь. А генерал встал из-за стола и подошел к Зайчеку, пристально посмотрел в глаза вставшему контрразведчику.

— Что происходит на том берегу, полковник? Почему нет восстания в Знаменском предместье? Черт меня подери, если я хоть что-то понимаю в происходящем там!

— Солдаты на том берегу еще думают, на чью сторону стать. Хуже того — управляющий губернией Яковлев заявил о своей отставке и уже скрылся в пока неизвестном направлении...

— Он же эсер?! И после арестов руководства Политцентра губернатор остался для восставших единственной значимой фигурой в городе.

— Власть Политцентра Яковлеву не нужна, при нем он теряет все, — Зайчек ухмыльнулся, — а потому наш губернатор и сообразил, что лучше бежать из города. Он ведь опытный политик, а не политикан, как остальные! Как-никак в партии уже больше десяти лет, и не просто лозунги с трибуны кричал, а на каторге политической пять лет пробыл. Хорошая у русских пословица есть: рыба ищет где глубже, а человек где лучше. Боюсь, пан генерал, наша рыбка залегла на глубину! Ведь Политцентр будет непонятной властью для большинства населения, что бы эсеры ни говорили. И вряд ли будут у власти более трех недель — как только подойдут большевики, они выпнут их под зад. Вот потому глупцы лезут в Политцентр, а умные бегут от него подальше...

— Вы должны понимать, полковник, в каком опасном положении находятся наши войска. Если правительство удержится в Иркутске, если подойдут войска Семенова, а они подойдут, ведь атаман не дурак и все понимает. А потому займет своими головорезами байкальские туннели. Вы представляете, что будет, если они взорвут хоть один туннель...

Генерал встал из-за стола и возбужденно прошелся по салону, затем вернулся обратно, присел на стул и забарабанил пальцами по зеленому сукну стола. Успокоившись, он заговорил снова:

— Войска Каппеля подходят к Красноярску. Вряд ли они станут капитулировать, скорее попытаются прорваться мимо города. А в Нижнеудинске сидит Колчак, а этот адмирал может выкинуть что угодно...

— Извините, пан генерал. Но слишком много если. Отряд Скипетрова, может быть, и силен, но только для Политцентра. Для нас он слаб и ничего сделать не сможет. Что касается туннелей — как только белые выйдут из них, они будут немедленно заняты нашими американскими союзниками. И при необходимости полковник Морроу применит силу. Так что здесь нам никто не угрожает. И ничто, пан генерал.

Зайчек посмотрел прямо в глаза командующего, как бы говоря — «чего трусить, что захотим, то и сделаем». Но вслух сказал нейтральным голосом, с подчеркнутым равнодушием:

— Русским надо не менее суток, чтобы подготовить восстание в Знаменском. Сейчас они собираются винтовки и пулеметы перевозить в предместье на лодках. И лишь потом начнут выступление. И вот еще — информация из правительства, вам будет небезынтересно, — Зайчек достал из кармана мундира листок бумаги и протянул его генералу.

Сыровы взял в руки листок и быстро пробежал его глазами. Содержимое несказанно удивило командующего чехословацким корпусом, и он сразу же спросил полковника:

— Так-так, — Сыровы возбужденно прошелся вдоль стола. — Вы уже потребовали объяснений у русских министров?

Последние два слова генерал произнес с нескрываемой иронией, и Зайчек сразу уловил презрительные нотки.

— На телефонной станции какая-то поломка, и потому связи с абонентами на том берегу пока нет. Так мне сказал русский дежурный офицер, — с кривой улыбкой сообщил Зайчек. Но его интонации поведали генералу Сыровы совсем иное — «врут, сволочи, как сивые кобылы». Именно эта русская поговорка почудилась сейчас генералу.

— Ну что ж, отправим завтра на ту сторону пароход. И «Орлик» подведем поближе — потребуем объяснений у правительства.

Исчезновение губернатора Яковлева смешало все карты в колоде Сыровы. Он считал, что они уже достигли согласия на тайных переговорах о том, что именно он, фигура, имевшая и политический вес, и значимость в регионе, возглавит Политцентр, а не никому не известные выскочки типа Линденберга с Калашниковым, но Яковлев выкинул неожиданный фортель.

Поэтому Сыровы и продолжал это видимое заигрывание с правительством, не желая в открытую давить на них с целью обеспечения безопасности Яковлева.

«Похоже на авантюру со стороны этого каторжанина, ибо министры — трезвомыслящие люди и не могли его тайно взять в заложники, зная, что мы можем не потерпеть этого произвола. Или они решили действовать, не считаясь с нашим мнением? Ну что ж, мы покажем им, что они жестоко заблуждаются...»

Слюдянка

— Так вот они какие, германские пленные, — с удивлением протянул Константин, еще раньше обратив внимание на трех мужичков, что под немецкую считалку выбрасывали умерших из теплушки. Сейчас эта троица с импровизированных носилок сгружала раненого, укладывая его на душистое сено подогнанных саней.

Немецкий педантизм есть черта постоянная, такая же константа, как и традиционное русское разгильдяйство. Наши мужички просто положили бы на сани больного, но немцы, получив приказ сделать это бережно, поступили в полном соответствии — двое клали, а третий

поддерживал раненого под спину своими лопатообразными ладонями. И не только сено под бока подтолкнули, а с немецкой аккуратностью накрыли какой-то дерюгой. И лишь потом выпрямились и с размеренной неспешностью отправились обратно.

— Хальт! Ком цу мир! — громкая команда ротмистра ударом хлыста остановила немцев. Они сразу выпрямились, чуть ли не строевым шагом подошли к Ермакову. Замерев под его строгим взором, стали во фронт, прижав ладони к потрепанным полам, и четко представились:

— Унтербоцманмаат Генрих Шульц! — крепкий белесый парень с обликом истинного арийца, забыв, что на его ногах валенки, попытался щелкнуть каблуками. Из его затеи, понятное дело, ничего не вышло, но только у тевтона ни тени смущения на лице не проступило.

— Обермаат Рихард Зволле! — второй парень был послабее, но хилости не было — высушенное сибирскими морозами и лишениями тело было жилистое. Но морда намного умнее, чем у первого, глазенки так и блестят.

— Маат Иоганн Краузе! — синтез двух первых был налицо, но с противоположным значением. Здоровяк, а такие немцы любят в мирное время по пивным сидеть, лбом орудийную башню заклинить можно, а вот умишком бог его явно обидел — интеллект кувалды навечно застыл на его лице.

— Ротмистр Арчegov, — Константин четко откозырял в ответ и улыбнулся про себя — тевтоны просто впали в протрацию от изумления. Они не ожидали такой корректной воинской простоты от русского офицера.

— Артиллеристы? С какого корабля? Не с крейсера «Магдебург»? — немецкие слова сами сложились в голове и сорвались с языка.

Ермаков немного опешил от такого: немецкого он не знал, в арсенале были только японский и английский, отнюдь не делавшие из него полиглота.

«Наследство Арчегова, не иначе! — он, конечно, был приятно удивлен таким подарком от ротмистра, но сделал еще одну зарубку. — Нужно будет в свободное время (эх, где бы его еще взять!) покопаться в мозгах на предмет таких вот отголосков прошлого! Может, еще что осталось на уровне безусловных рефлексов?»

Он вернулся мыслями к немцам. Те стояли вытянувшись, ожидая, когда он снова обратится к ним. Ермаков кивнул.

— Так точно, господин ротмистр, с крейсера «Магдебург». Я служил наводчиком правого ютового орудия кормового плутонга, а это заряжающий и подносчик, — изумление немца росло на глазах, и вопрос невысказанный стоял в глазах — «откуда вы узнали, герр офицер?»

«Хм! Довольно приличный немецкий у ротмистра, военная терминология не вызвала затруднений с переводом! Молодец! Вот что значит образование! Интересно, а мазурку я смогу станцевать?» — последняя мысль была откровенно комичной.

Ермаков представил себя на балу и чуть не расхохотался. Затем нахмурил брови и грозно глянул на немца. Тот еще больше подтянулся и даже перестал дышать, облачко морозного пара так и не вырвалось наружу.

«С вами же логика простая — большая группа германских моряков была взята в плен с этого злополучного крейсера, налетевшего на мель в самом начале войны. Парни вы молодые еще, а потому были срочниками, а не резервистами. А здоровый лоб на подносчика снарядов требуется, дохляки просто не справятся с их тасканием. И тягот войны не испытали, иначе бы не здесь на черных работах надрывались, а в Троицкосавске за проволокой сидели!» — Ермаков давно знал, что всех мадяров и немцев, что за красных в 1918 году воевали, туда и направили под охраной. А через пару недель и расстреляют всем скопом...

А на станциях от Иркутска до Верхнеудинска сидят те из пленных, кто решил для себя не втягиваться в непонятную драку между русскими. Потому и уцелели, и жизни сохранили. Вот

так и живут, работают по мелочам за кусок хлеба и кружку чая, и жизнь эта беспросветная — денег на дорогу до Германии нет, а союзникам на бывших врагов глубоко наплевать. Правда, время от времени обещают, что вывезут. Только сроков не уточняют...

— Откуда родом?

— Я сам из Позена, господин ротмистр. Зволле из Торна, а Краузе из Готгенхафена...

— Вам очень не повезло, господа моряки, с местом рождения и проживания. Ныне это уже польские земли, с другими названиями — Познань, Торунь и Гдыня, немцы там уже лишние, их изгоняют, — Ермаков с сочувствием посмотрел на кислые лица моряков — те, стопудово, давно знали об этом. И жестко продолжил:

— А в самой Германии совсем плохо, даже на панели для фройлян мест нет — с голоду женщины не очень-то нужны. Деньги дешевле бумаги, на которой их печатают. За буханку черного хлеба миллионы марок платят, такая же стопка по объему, с большой кирпич. Безработица, уплата контрибуции все соки из вашего народа выжимает. От такой жизни «вестфальский пряник» пирожным кажется.

Про «пряник» немцы знали, и то, что он выпекается из трети муки и двух третей отрубей и молотых кормовых трав. Хорошо знали про то, иначе морды из кислых совсем унылыми не стали бы за секунду.

— Домой хотите с пустыми карманами приехать? — вопрос офицера был чисто риторическим, но наводчик что-то сообразил и тут же спросил:

— Что нам нужно сделать, господин ротмистр?

— Мне матросы нужны, хорошие матросы. Именно они, а не повара, ремонтники или денщики, которыми пленные немцы могут у нас служить. Контракт на три месяца, содержание и обмундирование казенное. Кто на базе и ледоколах служить будет, получит... — Ермаков умножил в уме рубль на два, — 30 марок в месяц, золотом. Кто в бою участие примет, тому вдвое больше платить буду. Плюс доля с военной добычи. И на билет обратный, до дому. Увечным по 500 марок дополнительно, семьи убитых в бою получают тысячу. И учтите — рано или поздно здесь мир наступит, а жизнь даже сейчас намного сытнее, чем в Германии или Венгрии. Кто захочет остаться, справим гражданство. Но мне нужны действительно хорошие матросы. Понятно?

Немцы задумались, и задумались серьезно. Ермаков их прекрасно понимал — участие в гражданской войне вчерашних пленных не привлекало. И сделай он им предложение взять в руки винтовки, последовал бы твердый отказ. Но тут по специальности предлагают — на ледоколах.

Немцы прекрасно знали, что эти корабли лишь в середине января навигацию заканчивают, и еще два месяца, до окончания контракта, их кормить и содержать будут. А потом домой, если ротмистр не обманет. Но вроде не должен обмишулить, ведь жалованье совсем небольшое предложил, а если б решил обмануть, то золотые горы бы посулил...

Ермаков улыбался — сомнения тевтонов были для него понятны. И потому ротмистр расстегнул шашечный ремень и взял оружие в руку:

— Через три месяца отдадите, когда полный расчет получите. Знаете, господин унтер-офицер, что это за оружие?

— Так точно, герр ротмистр! — Шульц сглотнул, лицо побагровело. Этот русский не обманет и не шутит. — А потому шашку не возьму!

— Хорошо! Сколько здесь на станции пленных немцев работает? Сколько из них моряков? Кто они? Не подведут? — вопросы из Ермакова посыпались горохом.

— С нашего «Магдебурга» семеро, я старший. Три матроса с эсминцев, еще один с тральщика. Кроме того, здесь еще восемь померанских гренадер с обер-лейтенантом Кноппе и

пятеро австрийцев, стрелки. Надежные солдаты, герр ротмистр!

— Мадыяры есть?

— Никак нет, господин ротмистр! Они дальше, у Верхнеудинска.

— Возьму всех, если захотят. Пехотинцев в морские стрелки определяю. Офицеру двойное жалованье, унтер-офицерам полуторное. За полчаса обсудите мое предложение и собирайте вещички.

— Так точно. Разрешите идти?!

— Идите. В штабном вагоне, вон в том, обратитесь к начальнику штаба штабс-капитану Кузьмину. Напишите рапорты, получите подъемные в пять рублей золотом. И сегодня же отбудете в Порт Байкал...

Чита

— Где сейчас отряд генерала Скипетрова? — невысокий, коренастый мужчина, плотного сложения, с черными усами на одутловатом лице, хищной поступью прошелся по кабинету.

Генерал-лейтенант был молод, возмутительно молод — Григорию Михайловичу Семенову исполнилось только 29 лет. Два года назад он первым в Забайкалье открыл борьбу с красными, начав формирование знаменитого ОМО — особого маньчжурского отряда. И вот прошло два года, и из есаула он стал генералом, а вчера был назначен Верховным Правителем адмиралом Колчаком главнокомандующим российскими вооруженными силами на Дальнем Востоке с подчинением Иркутского и Приамурского военных округов...

— Вечером генерал отбудет со станции Верхнеудинска, — усатый казак с желтыми лампасами и погонами войскового старшины немедленно ответил атаману. И тут же добавил:

— Завтра отряд придет в Мысовую, а через три дня в Иркутск...

— Если американцы пропустят! — отрезал атаман и в ярости стукнул кулаком по стене. В комнате воцарилось молчание, слышалось только грозное сопение атамана. Минута прошла в тягостных раздумьях.

— Отправьте Леониду Николаевичу мое категорическое приказание беспощадно покончить раз и навсегда с мерзавцами, пользующимися тяжким положением родины и старающимися повторить ошибки прошлого, — атаман выдохнул воздух и тяжело прошелся по кабинету, от стены к стене, огибая широкий письменный стол. Потом повернулся к офицеру:

— Записали? Восстание Политцентра необходимо задавить в зародыше, промедление обернется тяжкими последствиями для российской государственности, — Семенов тяжело вздохнул и пробормотал себе под нос: — Колчак погибнет, армия Каппеля тоже, а золото или чехам достанется, или красным. И все — это придет конец. В Забайкалье можно будет удержаться, только если Япония начнет войну против красных...

Но минутный приступ яростного отчаяния атаман быстро преодолел, ведь он был молод, а молодость видит все в гораздо более оптимистичном виде. И там, где пожилой человек может опустить руки, молодой, особенно военный, будет искать пути к победе.

— Нужно также отправить телеграмму командующему союзными войсками генералу Жанену. Где попросить его, — атаман задумался, собрал лоб морщинками, — или о немедленном удалении из нейтральной зоны повстанцев, или же не чинить препятствий к выполнению подчиненными мне войсками приказа о немедленном подавлении преступного бунта и о восстановлении порядка. Записали? Это все, добавьте там от себя что-нибудь приличное, как принято, уважение и прочее.

Договорить Семенов не успел — в дверь кабинета постучали, и на пороге возник дежурный

офицер.

— Григорий Михайлович, получена шифрованная телеграмма от ротмистра Арчегова!

— Читай быстрее, не тяни кота за хвост! — атаман повернулся к офицеру, с нетерпением глядя на него.

— «Бронедивизионом в Слюдянке. Движению на Иркутск препятствует генерал Скипетров, который до 28 декабря приказывает стоять в Порту Байкал. Американцы готовятся к занятию Кругобайкальских туннелей, перебрасывают пехоту на станцию. Принял меры к воспрепятствованию, в Култуке оставляю «Беспощадный». Пароходы в Иркутске захвачены чехами, понтон сорван ледоходом. Организую флотилию на Байкале, с проводом судов в Иркутск не позднее 29 декабря. Прошу назначения приказом. В этот день атакую Глазково — промедление смерти подобно. Арчегов», — закончив читать, офицер подошел к Семенову, отдал листок и быстро вышел из кабинета.

— Сволота союзная! Ножом в спину! Испугались, когда я пригрозил, что туннели взорву! У, собаки! — атаман грязно выругался и еще раз прочитал телеграмму. Прошелся по кабинету, но уже весело, гоголем, даже пытался что-то насвистеть веселое.

— Пишите приказ о назначении ротмистра Арчегова командующим войсками по всей Кругобайкальской железной дороге. С подчинением гражданских властей в зоне действий его отряда и всех военных, от солдата до генерала, — Семенов задумчиво потер пальцем свой широкий лоб, прищурил глаза, чем стал походить на монгола.

— А также начальником всех ледоколов и пароходов на Байкале и Ангаре, с правом назначений. И пусть ему будут подчинены все моряки. Немедленно шифруйте и отправляйте. И напишите, что приказы Скипетрова, до моего особого распоряжения, пусть не выполняет. Ему на месте виднее, чем Леониду Николаевичу с Забайкалья.

Войсковой старшина усердно чиркал карандашом набросок приказа, а атаман подошел к окну, потер замерзшее стекло пальцем, размазав выведенный морозом замысловатый узор.

Арчегов... Сложно было сказать, как он относится к этому терскому казаку. Доверял безусловно, особенно после категорического отказа признавать производство в войсковые старшины. Но это и оскорбило Григория Михайловича, так как этим ротмистр оставлял производство в чин только за императорской армией, все остальные назначения считал голимым самозванством.

Встречались такие упертые монархисты, именно упертые, ибо сам атаман Семенов считал себя сторонником монархии и надеялся, что слухи о чудесном спасении великого князя Михаила Александровича, который должен был стать российским императором, не окажутся ложными...

— Подготовьте еще один приказ Арчегову, — неожиданно произнес Семенов, и офицер, собравшийся было уходить, снова присел на стул, взяв в руки карандаш, ожидающе посмотрел на атамана.

— Принять все меры к недопущению захвата союзными чешскими или американскими войсками туннелей Кругобайкальской дороги. В случае прямого нападения оказать вооруженное сопротивление, — атаман ожесточился лицом, понимая, что сейчас скажет главное, и самое страшное, объявляя тем самым войну могущественным врагам, еще вчера бывшим союзниками.

— При невозможности удержать туннели взорвать их без промедления. Все. Зашифровать и срочно отправить. Идите.

Оставшись один, Григорий Михайлович крепко сжал кулаки. Стремительный бросок бронепоездов Арчегова за туннели — его последняя отчаянная ставка. Последняя, ибо генерал Скипетров пусть даже и выгребет все, что только возможно по забайкальским станциям, больше

тысячи солдат не наберет. Без бронепоездов, без артиллерии гибель его отряда неизбежна.

Нужно срочно идти на Иркутск, золото можно потерять навсегда, да и Сычев уже на волосок от поражения. Политцентр преподнесет город красным на блюдечке. Если мы упустим Иркутск сейчас, то потом мы его уже не получим. Дождаться подкреплений Арчегову нельзя, тут ротмистр полностью прав — промедление смерти подобно...

Слюдянка

В дверь купе тихо постучали, и Ермаков вырвался из объятий дремоты. Он снова зверски устал — с утра на ногах, массу дел совершил, нервы потрепал, две тренировки с командами десантников провел. А здоровье ротмистра не лошадиное, хоть и в кавалерии служил.

— Войдите, — только и сказал он, прогоняя остатки сна. Дверь тут же раскрылась, и в проеме появился капитан Белых.

— Разрешите, господин ротмистр?

— Конечно, капитан. Присаживайтесь, — не складывались у них неофициальные отношения, хоть тресни. Белых категорически не желал переходить на имя-отчество, пришлось быть официальным и Ермакову.

— Разрешите доложить: ночью маневровый паровоз будет два эшелона на третьем и четвертом пути формировать. С машинистами договоренность уже есть. Я свой бронепоезд за стрелку уведу, к самому входному светофору. Там буду ждать обусловленного вами сигнала. У меня к вам только один вопрос — там шесть солдат охраны, постоянно сменяемые. Вы сильно рискуете собой и нашим делом, господин ротмистр.

— А что нам остается делать? — на вопрос Ермакова капитан только пожал плечами. Потом решил:

— Это авантюра, Константин Иванович. Чистейшая. Даже если нам удастся это безумное предприятие, американцы будут прекрасно знать, кто это совершил. Будут большие неприятности...

— Плевать! Или вы желаете, чтобы нашего «Беспощадного» дня через два из этих пушек изрешетили?

— Еще неизвестно, есть ли там орудия, господин ротмистр. Один снарядный ящик еще не доказательство.

— Неважно! Я им не доверяю и знаю только одно — мне важно обезопасить туннели и свой бронепоезд. Если в вагонах ничего нет из тяжелого вооружения, я им верну все в целости. Но если есть?

— Вы правы. Но мне кажется, что это предприятие дурно пахнет.

— Это не воровство, капитан. И прошу вас — дурно пахнут только робкие солдаты, что под первый обстрел попали.

— Извините, господин ротмистр. Просто на душе как-то маетно. Разрешите идти?! — Белых поднялся с полки и щелкнул каблуками.

— Идите, капитан. И учтите — у нас нет выбора. И, может быть, уже послезавтра вчерашние союзники станут нашими злейшими врагами...

После ухода командира «Грозного» Ермаков приказал Акиму принести чаю, который был доставлен в мгновение ока. А потом Константин стал напряженно размышлять, куря папиросы и прихлебывая чай из жестяной кружки. Однако явление Пляскина с небольшим свертком из мешковины вырвало ротмистра из мыслительного процесса.

— Вот, Константин Иванович, казаки, команды и солдаты решили вчерашний выигрыш вам

отдать на нужды отрядные. Целый день мне деньги носили, вот сколько набралось, — и хорунжий развернул края свертка.

«Да уж, — только и подумал Ермаков, — вам бы, батенька, в цирке выступать, такие бы бабки зашибали». Но сказал мысленно, с равнодушием поглядев на грудку денег.

Это было равносильно выигрышу на тотализаторе, когда поставили на сборную России, а та взяла да и выиграла чемпионат мира по футболу. Целая грудка слегка помятой заокеанской «зелени» лежала сейчас перед его глазами. Однако в ней присутствовали редкими «сугробами» белые английские банкноты с портретом королевы и большие «весенние проталины» из «романовских» билетов с ликами Великих Петра и Екатерины.

И определенная логика прослеживалась — бумажные деньги не вызывали доверия у простого люда, а потому в сей куче не имелось серебряных или золотых монет, хотя Костя видел, что американцы бросали на кон и презренный металл. Но и этого бумажного добра так много, наверное, три четверти добычи отдали его служивые, как бы говоря — «мы тебе верим и пойдем за тобой сейчас куда угодно». И растрогался Ермаков...

— Господин ротмистр, а какую песенку вы поете, — услышал Костя голос хорунжего, — и что это значит — с огнем большевизмом в груди...

— Есть у коммуны песня про юного барабанщика. Подрос потом, паскуда, и принялся «стучать» дятлом на всех. Примером нашего Павлика...

— Какого Павлика? — недоуменно спросил Пляскин. — И при чем здесь дятел?

— Не бери в голову, бери на метр ниже. Я вот сейчас большевика в себе возгорю, искру из пламени высеку, как они говорят, и пойду с нашими дорогими америкосами общаться. Пусть они тоже большевизма отведают по самые гланды, чтоб до самой задницы пробралось. Поздравлю их с Мэри Крисмасом, с Рождеством Христовым, если по-нашему. А ты, Григорий Никифорович, наши купюры выбери с этой бумажной груды да купи на них самогона покрепче, позабористей. На все денежки.

— Тут же сотне упиться можно в черную, Константин Иванович! — Пляскин пропустил мимо ушей непонятный монолог про большевиков и американцев, но вот слово «самогон» казак услышал прекрасно, а потому свои выводы сделал мгновенно.

— Пить эту гадость категорически запрещаю. Отберешь десяток надежных казаков, и пусть этот самогон в американцев вливать начнут сразу после моего выступления перед союзниками.

— А что вы им говорить будете, господин ротмистр?

— Что их дома мазеры и герлы ждут, все глаза проглядели. Что здесь ненужная для них война, тем паче за интересы воротил с Уолл-стрита, и что президент Вильсон принял решение вывести американские войска из Сибири в январе следующего года, а их генералы резину тянут, ибо бабла зашибить хотят побольше. И потому гибнуть им в последние дни просто глупо, тем более из Архангельска американцев еще в сентябре вывели...

— Это же большевизм! — потрясенно сказал Пляскин, оторопело глядя на ротмистра. — Откуда вы это знаете?! Это же наши союзники!

— Эти союзники, Гриша, оружие партизанам передают, за их деньги нам здесь революцию устроили. И потому разложить их морально надо, чтоб в спину ножом не ударили, когда мы за туннели бронепоезда выведем, — Костя был предельно откровенен, хотя главного не сказал.

— А потому, Григорий, этой ночью они мне здесь нужны поголовно пьяные. А наши казаки должны быть в трезвом уме. Ну что, найдешь парней, что две сотни американцев сподать смогут? Или нет таких на примете у моего адъютанта? Может, мне к контрразведчику обратиться за помощью...

— Ага, — только и выдохнул Пляскин и всей пятерней почесал затылок. Потом его лицо неожиданно прояснилось, будто открылась для него какая-то истина, и хорунжий хмыкнул:

— Казаки такие есть, Константин Иванович. Сейчас к ним побегу, да самогон скупать начнем, — и хорунжий стал лихорадочно отбирать в денежной гряде русские купюры — сторублевые «Катьки» и пятисотрублевые «Петры». И сразу напомнил Ермакову приснопамятного Михаила Самуиловича Паниковского (человека без паспорта, которого сыграл Зиновий Гердт), когда тот лихорадочно тасовал купюры.

«Ой, как дети малые! На вас большевистская демагогия еще действует, а для меня это уже давно детский лепет! Закалка-то у меня ого-го! Уши луженые от краснобайства депутатов с кандидатами! — отправив Пляскина, Костя застегнул шинель. — Надо идти разлагать американцев грязными методами политтехнологий, благо повод хороший, с Рождеством поздравить. Применить, как говорится, на практике полученный опыт гнусной пиарщины!»

Но думал уже не о них, а совершенно о другом. Три часа назад он написал две телеграммы — в Читу атаману Семенову и в Нижнеудинск адмиралу Колчаку. Процесс оказался простым — набросал текст, дал посмотреть начштабу, затем отдали бумаги шифровальщику в соседнем вагоне, а через час телеграфист, в том же вагоне, но в другом купе, отстучал ее по адресатам.

Оказывается, дивизион прекрасно обеспечивался связью, которая шла вдоль всей железной дороги. Как говорил Остап Бендер — телеграф везде наставил своих столбов. Проще простого — подогнали поезд на крайний путь, связист напрямую подключился к проводам, и можно говорить или по телефону с близлежащими станциями, или вести переговоры по аппарату Бодо с дальними станциями, или отправить телеграмму за тридевять земель, лишь бы там адресат был известен.

Отправить-то отправил, но только на душе черные кошки своими когтями скребли. Чистейшая авантюра и немыслимая по здешним меркам наглость. И потому спрашивать Акима Андреевича о том, был ли ответ, Костя не стал — давно бы связист прибежал...

Нижнеудинск

— Какое нелепое название — Нижнеудинск. Милый мой Александр Васильевич, — светловолосая милой наружности женщина повернулась к адмиралу Колчаку лицом, чуть прикоснулась своей теплой ладошкой к его чисто выбритой щеке.

Любовь нечаянная, как сладок и тяжел твой хрупкий обруч, что лег на них сладким бременем год назад. Любовь, затронувшая души в кровавой круговерти гражданской войны. Ему же только сорок семь, и сердце жаждет любви...

Стук в купейную дверь безжалостно вырвал у адмирала руку желанной женщины. В жизнь снова ворвалась война, не желая давать ему даже минуты на горькое личное счастье. И не иначе — ни Трубочанинов, ни Удинцев не стали беспокоить Верховного Правителя сейчас, зная, что он там вместе с Анной Васильевной. Это война пришла, вновь призвала его, не дает уйти, преследует даже сейчас, здесь, в тишине, в присутствии любящего его женского сердца...

— Войдите, — спокойным голосом сказал адмирал, сделав долгую паузу, давая время ей собраться.

Его Анна Васильевна только улыбнулась и, открыв дверь во вторую половину его двойного купе, ушла туда, тихо притворив за собой. А дверь в коридор раскрылась, словно адъютант поджидал этого.

— Извините, Александр Васильевич. Только сейчас расшифрована телеграмма из Слюдянки, это на Кругобайкальской железной дороге, от командира дивизиона броневых поездов ротмистра Арчегова. Я не хотел вас беспокоить, но ее текст очень важный, — и лейтенант протянул Верховному Правителю листок бумаги.

— «С тремя бронепоездами и отрядом в 300 штыков прибыл на станцию Слюдянка, — медленно и глухо стал читать адмирал Колчак, — имею приказ атамана Семенова далее идти на Нижнеудинск. В Глазково восстание, власть взял эсеровский Политцентр, поддерживаемый чехами за отгрузку черемховского угля. Ледоходом сорван понтон, все ангарские пароходы захвачены чехами. Попытка обстрела мятежных казарм пресечена генералом Жаненом, заявившим о недопустимости обстрела железнодороги и ответном огне чеховойск в случае непослушания русских властей», — адмирал оторвался от телеграммы, достал платочек и вытер капли пота. Затем взял листочек в руки и продолжил чтение.

— «Американские части выдвигаются к Кругобайкальским туннелям для их занятия. Перебрасывают пехоту на станцию. Принял меры к воспрепятствованию, в Култуке оставляю «Беспощадный». Приказаний от атамана Семенова получить не могу, связи нет. Мобилизую в Порту Байкал суда, организую флотилию, призову морских и военных чинов для движения на Иркутск и переправы надежных войск для подавления мятежа. Сам двинусь на Иркутск 29 декабря. В этот день атакую Глазково — промедление смерти подобно. Прошу ваше высокопревосходительство отдать мне необходимые распоряжения по Бодо. Буду на станции до 21.15, снимаю связь и ухожу в Порт Байкал. Ротмистр Арчегов».

— Это что за бред? — Колчак недоуменно пожал плечами. — Какой Политцентр? Что за восстание...

— Ваше высокопревосходительство, — в коридоре застучали шаги, и перед дверью встал задыхающийся премьер-министр Пепеляев. Он хрипел, не мог больше сказать слов и держался ладонью за левую половину груди. Но через минуту Виктор Николаевич отдышался и заговорил:

— В Глазково восстание. Склады на Батарейной захвачены. Я только сейчас говорил с Червен-Бодали...

— Прочитайте это, Виктор Николаевич, — Колчак протянул ему телеграмму Арчегова. Председатель Совета министров впился в нее глазами и скорее не прочитал, а проглотил написанные слова. Побледнел, смертельно побледнел и потрясенно прошептал:

— Все правда, только гораздо хуже. Намного хуже. Министр мне ничего не сказал о чехах.

— У ротмистра Арчегова информированность намного лучше. Интересно, откуда? И настоящий ли ротмистр ее послал? — Колчак говорил отрешенно — звенья цепи выстраивались одно за одним, нанизывались, как костяшки счетов на прутья...

— Лейтенант! Полковника Сыробоарского ко мне, немедленно! Разузнайте все про ротмистра Арчегова. И соедините меня со Слюдянкой, — еще осталось почти полчаса до назначенного срока.

Кивком простившись с премьер-министром, адмирал тихо закрыл дверь купе и устало опустился на диван. Странно, но он полностью верил словам Арчегова, и вновь на ум пришли костяшки счетов. Они наслаивались ровно, как деяния чехословацкого корпуса. Союзниками сделан последний их шаг — они предали его, они предали ту Россию, которая за них сражалась. Теперь все — итог подведен, счета выставлены. Адмирал устало закрыл глаза...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Раз пошли на дело...

(26 декабря 1919 года)

Слюдянка — Култук

Плотно прижавшись к заснеженным шпалам, Ермаков прополз немного под вагоном, осторожно выглянул из-под колесной пары. Часовой уже не ходил; прижавшись спиной к стенке, он задумчиво клевал носом. Да оно и понятно — сочетание мороза, теплого тулупа и изрядной дозы самогона действует на любого караульного просто убойно.

Часовых оказалось не шестеро, как до того было, а только двое — в начале и конце короткого эшелона из десяти вагонов. Уход русских воинских эшелонов и бронепоездов в сочетании с празднованием католического Рождества резко снизил бдительность бравых американских вояк. Часовых везде уменьшилось втрое, а кое-где были даже сняты на ночь выставляемые посты. Но капитан Смит явно недооценил азиатского коварства русских...

Ермаков осторожно выполз из-под вагона и быстро отвалился в сторону. Наделать шума он не боялся — на соседних путях яростно трудился маневровый паровоз, и звуков от него было предостаточно, роту марширующих солдат заглушит.

И потому ротмистр уже без всякого стеснения, с изрядной наглостью, шариком подкатил к американцу со спины и шарахнул бедолагу в затылок рукоятью «трофейного» пистолета.

«Колыт» не уступил обычному молотку по эффекту своего воздействия на черепную коробку — американец рухнул на снег подрезанным колоском, выпустив из рук винтовку. За спиной заскрипел снег, и Константин повернул голову — так и есть, казаки уже управились со своим часовым и бежали к нему. Еще два станичника должны были остаться на хвостовой площадке.

— Кузьма, бери фонарь, сигнал на «Грозный»! — Ермаков удобнее примащивал часового, закрывая его лицо шерстяным шарфом. Ну его к черту, а то поморозит себе морду, а так часок на морозе перебедует, пока смена новая подойдет. Убивать часовых они не планировали — зачем парням Рождество портить да напрасно их товарищей зlobить...

Казак быстро щелкал створками железнодорожного фонаря — короткие проблески света были далеко видны. Константин напряженно вслушивался в темноту и медленно считал секунды. И когда волнение уже подкатило тягучим комком к горлу, рельсы тихо зазвенели. А вскоре из темноты на лунную дорожку медленно выплыла контрольная платформа, а за ней показался темный ящичный корпус бронеплощадки.

Через минуту «Грозный» мягко стукнул состав теплушек, громко лязгнула сцепка. Соскочившие с платформы десантники быстро закрепили трофей, затем несколько раз щелкнули фонарем, подавая сигнал машинисту. Но Ермаков не стал дожидаться — ротмистр быстрым шагом дошел до носового броневгона. Вскочил по лестнице уже на ходу — бронепоезд тронулся и тихо пополз в обратную сторону, к Култуку, к туннелям...

— Удалось, господин ротмистр! — капитан Белых поддержал командира за локоть, втянул в темный прямоугольник дверного проема.

В целях маскировки лампы внутри броневго корпуса не зажигали, и Костя с непривычки несколько раз ударился то о пулемет, то о какие-то выступающие углы. За спиной лязгнула дверь, перестук колес стал убыстряться, а вагон начал раскачиваться. Удалось, действительно

удалось...

— Я прошу прощения у вас, Константин Иванович! — на полку рядом с Ермаковым присел Белых, капитан мямл в руке перчатки. — Не верил, что такое возможно. И даже когда вы американца вчера, верзилу откормленного, с ног одним ударом свалили, не верил. А сейчас поверил...

— Да бросьте вы, Петр Федорович, все нормально, — Ермаков снял с плиты печки закипевший чайник, налил в кружки себе и капитану крепко заваренный, пахучий чаек. Бросил следом по куску колотого сахара, миска с которым стояла на полке.

Хорошо устроились «танкисты», как мысленно он их называл — теплый закуток есть, свет от керосиновой лампы, а еще можно согреться чаем с сахаром, перекусить хлебом, салом и сухарями. А то и поспать сотню минуток — топчанов-то два, по бортам расположены.

— Култук по борту, — брезентовый полог отдернули, — отдать приказ начинать притормаживать, господин капитан?

— Снимай трубку да говори машинисту, — вместо Белых ответил Костя. — Пусть за «Атаманом» остановку делает. Надо посмотреть, что за трофеи мы сейчас взяли.

— Есть, ваше высокоблагородие! — громко ответил неизвестный, судя по всему, кто-то из десантников.

«Ага не просто благородие, а высокоблагородие... Уважают, черти!» — они, словно сговорившись, повысили его в чине, таким образом, сделав штаб-офицером. Уважают, собаки, видно, хорошо он им холку с боками трижды в день наминает.

Полог задернули с той стороны, да оно и понятно — если свет зажигать внутри корпуса, то стрелять нельзя будет, ибо за бортом ничего не видно. Это как дома — пока электрический свет в квартире горит, то на темной улице ничего сразу не видно. Но стоит выключить и постоять минутку, чтоб глаза привыкли, как уличная темнота расступается и зрячей становится. А бронепоезд не квартира, он к бою должен быть готов.

Не успел Ермаков допить чай, как паровоз стал замедлять ход и вскоре остановился. Лязгнула броневая дверь, и через нее горохом посыпались десантники, разбегаясь вдоль прицепленных теплушек.

Ермаков с Белых вышли из броневагона чуть ли не последними. Морозная, на удивление светлая и звездная ночь раскинулась над белым покрывалом озерной глади. Байкал замерз почти полностью, но, как знал по прошлому опыту Костя, на лед лучше не соваться — и тонок, и большими полыньями покрыт. Сунешься — и пропал, никто не найдет.

«И сейчас я как на тонком льду! — он вздохнул. — Куда ни ступи, провалишься!»

Ротмистр вдохнул холодный воздух и закашлялся. Белых аккуратно похлопал его по спине, и помощь оказал, и субординацию выдержал. Пошли к вагонам вдоль рельсов, Костя впереди, а капитан сзади. Десантники уже сбили пломбы и распахнули дверь во всю ширь. Костя заглянул в подсвеченное фонарем нутро вагона — ящики забивали его штабелями.

Смотреть их содержимое было глупо, лучше в Порту Байкал при свете не торопясь рассмотреть. И Ермаков подошел к другому вагону. Казак сбил запор прикладом карабина и, навалившись всем телом, отодвинул дверь в сторону. Солдат поднял фонарь и осветил проем — прямо из него торчал короткий и тонкий орудийный ствол...

— Ну что, Петр Федорович, хороший аргумент для наших бронепоездов союзники приготовили? Или вы считаете, что они их так просто по железке катали, а в вагонах прятали в качестве новогоднего сюрприза?

— Вы правы, Константин Иванович, а потому я еще раз приношу свои извинения...

— Принимаю! Смотреть дальше не будем, нет интереса. Утром сами посчитайте трофеи и мне доложите. Закрывайте вагоны, едем дальше.

Через минуту Ермаков снова сидел у горячей печки и пил чай из кружки вприкуску с сухарем. Такой же продпаек получил экипаж, и в течение часа хождения за брезентовый полог и обратно не прекращались. Костя шутил, подбадривал пулеметчиков и десантников, но глаза, помимо воли, слипались. Он хотел спать — усталость брала свое, и тело протестующе ныло.

— Константин Иванович, вы сильно устали, вам лучше лечь поспать. До Порты Байкал почти четыре часа ходу, — Белых заметил полусонное состояние ротмистра и сразу принял меры.

— Не отказывайтесь, господин ротмистр. Вам предстоит нами командовать, и вы должны быть в силе...

— Лечь-то я могу, вот только где экипаж греться будет?

— Лампу притушим, брезент отдернем, так что холодно не будет. Посменно греться будем. А вам шинель постелем, второй накроем — и тепло будет, и выспитесь.

Костя прикинул, что сидеть сиднем четыре часа будет тягостно, а с утра предстоит сделать очередную массу дел, и решил принять предложение капитана. Но перед сном еще выкурил папиросу, затем лег на постеленную шинель, накрылся второй, спрятав нос под полу, и не прошло и пяти минут, как спал сном младенца...

Глазково

— Николай Сергеевич, почему вы не приказываете прервать телеграфную связь? — Линдберг был внешне спокоен, но в голосе чувствовалось волнение. — Вы же тем самым лишите колчаковцев возможности хоть как-то координировать свои действия!

— Марк Яковлевич! Вы думаете, что я этого не понимаю?! Я прервал бы еще вчера, но я не властен над телеграфом, — штабс-капитан Калашников запахнул шинель, в комнате было довольно холодно.

Дом для повстанческого штаба был выбран удачно — почти прямо над сорванной понтонной переправой. Вот только как выселили хозяев, стали топить один раз в день, и к утру комната порядком выстывала.

— Чехи не дают? — моментально сообразил Линдберг.

— Они опасаются, что ротмистр Арчegov прервет связь между ними и забайкальскими и приморскими частями. А потому полковник Крейчий категорически запретил мне нарушать телеграфную связь.

— А вы что сказали ему?

— А что я мог сказать?! Вы же сами знаете, что угроза Сычева разнести казармы из пушек не пустой звук. У него на Первушиной горе пушка поставлена из военного училища. И вторая есть, снарядов достаточно. Но Крейчий мне гарантировал, что ни один снаряд не разорвется в Глазково.

— Даже так, — с несколько наигранным изумлением произнес Линдберг, — таки и не выстрелят?

— Иначе «Орлик» ответит по городу, и это не шутки, — несколько резковато ответил Калашников, ему претил такой дотошный подход Марка Яковлевича с этим характерным «таки».

— Но «Орлика» я не видел сейчас на вокзале. Вместо него стоит какой-то другой бронепоезд.

— «Орлик» в Михалево сейчас отправлен с объездом. Послезавтра вернется, а «Жижка» отойдет обратно на Иннокентьевскую, — Калашников закурил папиросу и встал со стула.

Линдберг, с комфортом развалившийся на диване, с интересом смотрел на командующего НРА.

— Николай Сергеевич, а что у нас в Знаменском?

— Оружие и боеприпасы завозим на лодках. Сегодня отправим туда по роте из полка и дружины. В Знаменском уже сформирована рабочая дружина в 400 штыков. Милиция и отряд Решетина тоже готовы к восстанию. Ну и остается надеяться на выступление инструкторов, по крайней мере, свой второй батальон я выведу...

— Вы все же решили перебраться на ту сторону? Может быть, не стоит этого делать? Мало ли что. И разве капитан Решетин не справится? Ведь Федор Спиридонович, как мне кажется, весьма опытный в таких делах военный и знает, что делать.

— Мое присутствие там необходимо. Вопрос о власти может быть решен только в городе. У нас достаточно сил, чтобы полностью захватить Иркутск и устранить правительство. И это надо сделать немедленно, пока с Байкала не подошли семеновцы...

— Ви серьезно это говорите? — полушутя спросил Линдберг, но затем добавил серьезным, даже напряженным голосом: — Сколько их там?

— Три бронепоезда ротмистра Арчегова, на них десант в три сотни солдат. И наверное, еще что-нибудь. Крейчий не сказал мне ничего определенного, но у меня сложилось впечатление, что он хорошо информирован о реальном положении дел.

— У полковника Зайчека везде есть знающие информаторы. К тому же чехи, по всей видимости, успешно дешифруют и читают телеграммы колчаковцев и семеновцев.

— Возможно, вы правы, Марк Яковлевич, — Калашников затеребил пальцами край скатерти, — и потому они столь категорически запрещают прерывать нам телеграфное сообщение.

— Мы найдем способ воздействовать на наших союзников, — услышав эти слова Линдберга, а, главное, интонацию, с которой они были сказаны, Калашников замер. Марк Яковлевич впервые произнес союзники без малейших кавычек. Николай Сергеевич впервые растерялся — вот, оказывается, что происходит, ну, теперь правительству Колчака крышка.

— К Иркутску пошли партизаны Зверева, они будут здесь в последний день года, но если поторопятся, то на сутки раньше. Вам следует, Николай Сергеевич, ускорить наше выступление в самом городе. Начните его завтра, не позднее полудня. Сможете?

— Конечно.

— Политцентр надеется на успех...

Порт Байкал

— Ваше высокоблагородие, вставайте, — чья-то рука осторожно, но крепко коснулась плеча, — в Порт Байкал прибыли.

Ермаков открыл глаза — в пляшущем свете керосиновой лампы увидел обшитые железными листами стены и потолок, жесткий топчан, накиннутую сверху колючую шинель. И облегченно вздохнул — это не сон, он уже третий раз проснулся в этом мире.

Хорошо... Он уже не сомневался, что остался в этом мире навсегда. Мысли и воспоминания о прошлой жизни даже не посещали его. А что его там держало? Семья, работа, карьера, бизнес — это все было не из разряда его жизненных приоритетов. Ничего не осталось там, в той жизни.

Тяготило лишь то, что могила матери оставалась там неухоженной да его библиотека, на собрание которой ушло столько сил, теперь оставалась бесхозной.

— Хм! Библиотека! Теперь я сделаю все, что смогу и даже больше, чтобы она не появилась

совсем! А мама... Кто его теперь уже знает, может, она и не родится... Может, и я сам уже не появлюсь на свет... — Константин на минуту закрыл глаза, стараясь еще на мгновение оттянуть реалии войны. — Меня не было, нет и не будет! И ничего я после себя не оставляю там! Стерли человека, как лист из книги выдернули! Да меня, по сути, и не было! Итак, я после себя ничего бы не оставил: нет наследства, ни морального, ни материального... И наследников нет! Сын сам от меня отвернулся, не сын он мне теперь...

Он открыл глаза и уставился в потолок;

— Не отвернулся он — отрекся... Как раньше... В смысле как потом, в тридцатые, будет... Они тогда кто из страха, кто из идеи клеймили и родителей, и жен, и мужей, и детей... Из страха за собственную жизнь! Или идти на плаху, или плюнуть на иконы! А он меня даже не предал — продал! — Ермаков с трудом сглотнул ком, подкативший к горлу. — Может, это и к лучшему? А так бы родная кровь держала бы меня как самый мощный из якорей, не пускала бы душу на свободу! Ладно... Бог ему судья...

Разговоры на улице отвлекли его от горестных раздумий:

— И вновь продолжается бой, Костя! Мы еще повоюем, мы им всем еще покажем кузькину мать! Не будет ни тридцатых, ни сороковых, вообще никаких годов не будет! Всех к чертям: и Колчака, и белых, и красных! Я должен одним ударом разрубить этот проклятый гордиев узел... — он сел на топчане, начал застегивать бекешу. — С Колчаком-то я, конечно же, погорячился! Он нужен сейчас как символ! Нужно собрать в один кулак разрозненные армии: и Семенова, и Каппеля, и Колчака. Нужно связать веточки в метлу, которой мы вместе выметем всю погань! Я уже знаю, что нужно сделать, чтобы встряхнуть это тухлое болото... Я уже занес руку для удара, назад пути нет... Я не допущу того, что случилось в реальной истории! Не будет ни Советской России, ни Советского Союза! Ничего! Не будет Второй мировой войны с десятками миллионов погибших! Ничего этого не будет! Я клянусь!

Клятва перед самим собой обожгла душу, прогнала остатки сна, и Константин вскочил с топчана. Брезент с заутка сняли, было темновато.

Ермаков долго думать не стал, нахлобучил папаху, надел теплые перчатки, толчком открыл тяжелую броневую дверь (скрепленные болтами полдюжины железных листов легко могли выдержать попадание снаряда — вот только на высокий и длинный борт приходилось всего полтора квадратных метра надежной защиты) и прыгнул на снег.

Темнота отступала, отдавая права предрассветным сумеркам. Знакомое местечко, только более обжитое и оживленное, чем будет спустя три четверти века.

Он увидел с полдюжины блестящих путевых лент, на них пару эшелонов из замызганных теплушек, пассажирских вагонов, углярок и платформ, одноэтажное вокзальное здание, различные строения и жилые дома — нормальная железнодорожная станция, пусть и маленькая, с той же Слюдянкой не сравнить.

Чуть в стороне вытянулись составы его дивизиона, а впереди, как командир на лихом коне, стоял «Беспощадный», но почему-то с одним только кормовым броневагоном. Паровозы дымили рядышком с огромной кучей угля, высыпанной возле длинного кирпичного здания. Несмотря на ранние часы, станция жила полнокровной жизнью, а это не могло не радовать Ермакова.

«Плохо, что наш бронепоезд остановился у самой станции», — чтобы разглядеть поближе всю местную портовую инфраструктуру, Константину пришлось пойти далеко назад, метров на шестьсот. Для него главным здесь был порт, а отнюдь не железнодорожная станция. И вскоре морские сооружения открылись ему во всей красе.

Порт впечатлял — длинная дамба, маяк, какие-то портовые сооружения. Но Костино внимание привлекла закопченная гигантская туша какого-то парохода с четырьмя трубами,

лежащего на боку неподалеку от берега. И только сейчас Ермаков сообразил, что видит перед собой ледокол «Байкал», сгоревший год назад при обстреле. Его, как он слышал в штабном вагоне краем уха, на буксире перевела с того берега «Ангара».

«Ангару» же Костя узнал сразу, ибо был на ней раза два, когда ее пришвартовали к пристани у микрорайона «Солнечный» в качестве памятника. Строгий двухтрубный силуэт был хорошо различим в сумерках, на нем горели несколько светильников, которые маленькими маячками притягивали глаза. Стоял ледокол в «вилке» двух расходящихся друг от друга молов, к которым шли железнодорожные пути от станции.

То была знаменитая ледовая переправа от этого порта до станций Мысовая и Танхой на той стороне моря. Именно моря, назвать Байкал озером у многих язык не поворачивался.

Пока не построили Кругобайкальскую железную дорогу с десятками туннелей, именно эти два ледокола, изготовленные в Англии и собранные в Лиственничном (где построили стапеля и плавучий док), обеспечивали 10 месяцев в году железнодорожные перевозки. «Байкал» за один раз принимал целый эшелон — паровоз и 25 вагонов, а «Ангара» перевозила три сотни пассажиров и мелкие грузы.

И сейчас оставшийся один ледокол «Ангара» жил рядом с дорогой, не мешая ей. Да оно и понятно — пока поезд дойдет от порта до Мысовой вокруг Байкала, с бункеровкой паровоза углем и водой через каждую сотню верст (а там полтысячи с лишком километров), то ледокол три перехода совершит туда и обратно в 70 верст, да еще с погрузкой и разгрузкой...

Символичным было и то, что ледоколы стояли почти рядом — живой и мертвый. Костя передернул плечами — не только люди жутко умирают, но и корабли.

Рассветало, и Костя увидел рядом с «Ангарой», на чистой полосе темной воды, чуть запорошенной легким туманом, еще три корабля, вернее, два кораблика и небольшой катер с трубой, пришвартованные по обе стороны длинных молов. Именно кораблики — сравнивать с «Ангарой» их было бессмысленно, как крыловскую Моську со слоном.

Но на них всю кипела жизнь — горели светильники и электрические фонари, доносился лязг металла, будто что-то ломали кувалдой, один раз до Константина донеслись обрывки замысловатой флотской ругани. Еще бы, без перченой матерщины на русском флоте никак не может обойтись ни одна более-менее осмысленная деятельность матросов.

Ермаков минут пять любовался подготовкой кораблей, мог бы и дольше, но от мола быстрым шагом к нему отправился морской офицер, судя по черной шинели.

— Здравия желаю, господин ротмистр, — старший лейтенант Тирбах полностью соблюдал субординацию, хотя и равен Ермаков ему по чину, но приказом атамана Семенова назначен начальствовать здесь.

— И вам того желаю, Петр Игнатьевич, — офицеры дружно стянули перчатки и обменялись рукопожатием.

— Константин Иванович, приглашаю вас на ледокол. Доложу по порядку там, — Тирбах смущенно развел руками по сторонам и пояснил: — У нас тепло на корабле.

По заметным снегом шпалам они прошли по молу и по металлическим сходням. Ермаков про себя считал, что на корабль ведут сходни, а лестницы внутри вроде трапами называются. Поднялись на борт. Прошли вдоль ряда замерзших иллюминаторов надстройки, и Тирбах живо дернул в сторону какой-то рычаг на двери. Далее прошли по короткому коридору и спустились по трапу ниже.

Миновав еще один маленький коридорчик, Ермаков открыл нормальную дверь и вошел в теплый салон. Именно салон — слева и справа по бортам иллюминаторы, довольно большое помещение, освещенное тусклым электрическим светом. Именно электричеством — за эти дни Константин полностью отвык от него.

— Кучеряво живете, моряки. Завидую, — Ермаков снял папаху и перчатки, а казачью бекешу расстегнул. Хотя и тепло внутри, но не настолько, чтоб раздеваться. Осмотрелся — неплохо устроились водоплавающие. Два дивана, кресла, зеркало, какие-то шкафчики, пара столов. Точно салон. — Тьфу ты, так вы тут печкой отапливаетесь, — Ермаков углядел справа обычную буржуйку, в чреве которой мелькали красные сполохи, а труба была выведена в иллюминатор.

— Уголь бережем, один котел под парами держим и динамо гоняем. Когда ход дадим, намного теплее будет, Константин Иванович, — в салон вошел Тирбах, услышав последнюю тираду ротмистра.

— Ясно, — только и смог ответить Ермаков и присел на диван. Рядом на столике была пепельница с окурками и коробок спичек. А потому ротмистр достал папиросы и закурил, предложив лейтенанту сделать то же самое. Тот, не чинясь, взял папиросу и задымил.

— Вижу, с табаком у вас худо. Скажу интенданту. Он вас на довольствие поставит, в том числе на табачное и денежное. Команда-то большая? И кто здесь капитан?

— Команда гражданская, речного флота, из сорока пяти человек. Капитан тоже речник, на ледоколе ходит долго, его фамилия Базилевский. Сейчас спит в каюте.

— Ага, — Константин не сдержал восклицания, — а из военных кто на борту? Орудия еще не устанавливали?

— Комендант штабс-капитан Годлиевский Кирилл Федосеевич, с ним 14 солдат. Пушки Кане начнем устанавливать завтра, на баке и юте. Еще ближе к юту два орудия в полтора дюйма побортно. Сегодня крепления под Кане подведем и железными листами борта погребов укрепим да рубку.

— Монитор получится? — любопытствовал Ермаков.

— Борту с дюймовой стали, пуля и осколки не пробьют даже в упор. Если щиты к орудиям приспособить да экипаж до полного штата в 80 человек довести, то нормальная канонерка получится — по 4 пушки и пулемета, вот только водоизмещение изрядное — три с половиной тысячи тонн.

— Так в чем же дело? Какая помощь нужна? Нужно готовить корабли к походу на Иркутск. Одна ваша «Ангара» может своей артиллерией половину Глазково стереть вместе с мятежниками...

— Она не пройдет по Ангаре — там глубины до десяти футов, а у нее осадка на шесть больше...

— Черт! — план рассыпался в клочья, испустив струйки дыма, и Ермаков не сдержал себя. Прахом пошло все его начинание. Такая картина вырисовывалась — «Ангара» напротив вокзала...

— Зато «Кругобайкалец» пройдет, Константин Иванович. Мы его почти подготовили, к полудню флаг поднимем.

— А это что за корабль?

— Ледокольный буксир, между портом и Лиственничным ходит, навигацию круглый год обеспечивает — Ангара у истока зимой не замерзает. Корпус прочный, железный, ледокол ведь, хоть и маленький, меньше полсотни тонн. Одновинтовой, машина приличная — пройдет вниз по течению. Речной лед на стремнине тонкий, ломает легко. И пули с осколками не страшны...

— Какие орудия? Экипаж? — жадно спросил ротмистр. Его план, подобно птице фениксу, на глазах воскресал из пепла.

— Ночью подпорку установили под носовую тумбовую горную трехдюймовку, сейчас пушку ставят. Слышали, как кувалдой били? На корме вечером мелкокалиберную, в 37 миллиметров поставили. Плюс два пулемета. Железом прикрыли рубку и снарядные ящики,

слишком он мал, чтоб погребать оборудовать, — Тирбах говорил медленно, обстоятельно, в глазах его Ермаков уловил гордость от проделанной работы.

— Экипаж сверхкомплектный, в 20 человек. Из них речников только десять, остальные военные моряки, почти все германцы. Командует ледоколом лейтенант Миллер, ему с ними проще, он же тоже немец.

— Вы молодцы, большое дело сделали, — восхищенно произнес Ермаков, но Петр Игнатьевич на комплимент не поддался и продолжал свой доклад:

— Второй пароход, «Михаил», пойдет за буксиром в кильватере. Набор смешанный, железо и дерево, одновинтовой, водоизмещение всего 150 тонн. Корпус слабый, а потому установили две пушки в 47 миллиметров и три пулемета. На нем я держать флаг буду и командовать всем отрядом. Экипаж сверхкомплектный, дюжина гражданских, два десятка военных моряков, кроме того, еще столько же морских стрелков при двух офицерах. Но скажу сразу — под огонь мой «Михаил» лучше не подставлять — пулеметную очередь еще вынесет, но от трехдюймового фугаса может затонуть.

Ермаков внимательно посмотрел на моряка — рискованный парень, если на такой лоханке собирается в бой пойти. Но лейтенант понял взгляд иначе и обстоятельно пояснил:

— Остальные пароходы переоборудованию не подлежат, они уже на зимовку поставлены. Гребные колеса, деревянные корпуса — первая же льдина их на дно отправит... А паровой катер «Волна» хорош, у него корпус железный, прочный. Команда из десяти моряков, из них только три речника, прежний экипаж. Поставили два пулемета на треногах, а командиром назначен кондуктор Павленко. Вот и весь мой отряд, да и вся флотилия, если «Ангору» взять, — Тирбах решительно загасил окурки.

— Когда «Ангара» будет готова? — Константин вернулся к разговору о флагмане, уж больно грозный вид тот имел.

— Думаю, Константин Иванович, завтра днем Андреевский флаг на ледоколе поднимем. А экипаж из речников доберем, есть желающие зимой послужить. Было бы довольствие и жалованье, — и Тирбах с немой вопросительной улыбкой посмотрел на ротмистра.

— Будет! Все вам будет. Даю слово, — решительно заявил моряку Ермаков, а в голове закрутился самый извечный вопрос: «Где я возьму деньги?» Но спросил другое:

— А где капитан первого ранга Фомин, Николай Георгиевич, если я не ошибаюсь, — Ермаков вспомнил вчерашний разговор с моряками.

— Отдыхает. Ночь ведь, — словоохотливый Тирбах неожиданно помрачнел и стал отвечать односложно.

— Здесь? На ледоколе, я имею в виду?

— На берегу, с семьей, — Тирбах еще больше помрачнел. И Ермаков все понял — «манкирует службой их высокоблагородие. Надо бы его хлебом в дерьмо ткнуть, чтоб служба медом не казалась». Но сказал лейтенанту не так, а политкорректно, но с тем же подтекстом:

— Адмирал Макаров завещал офицерам флота быть в море как дома. А потому завет сей соблюдать должны все, ибо война идет, и дело нам предстоит славное, но тяжелое... А потому не считите за труд передать всем господам офицерам мои слова...

Дверь в салон открылась, и с горячим чайником в руке вошел матрос в какой-то непонятной шапке, но в бушлате. Достал из шкафчика стаканы и сухари, поставил на стол и налил весьма жиденький чаек. Тирбах сконфуженно опустил глаза.

— Да понимаю все, — решительно сказал Константин, — дорого не угощение, а флотское гостеприимство. Как вернусь на станцию, распоряжусь немедленно, чтобы доставили на флотилию все необходимое. Но после чая я желаю посмотреть все корабли флотилии, надо же иметь о них представление, тем более в свете предстоящих задач...

— «Я, как главнокомандующий армиями Восточного фронта, требую от вас немедленного извинения перед Верховным Правителем и армией за нанесенное вами оскорбление и немедленного пропуска эшелонов Верховного Правителя и Председателя Совета министров по назначению, а также отмены распоряжения об остановке русских эшелонов.

Я не считаю себя вправе вовлекать измученный русский народ и его армию в новое испытание, но если вы, опираясь на штыки тех чехов, с которыми мы вместе выступали и, уважая друг друга, дрались в одних рядах во имя общей цели, решились нанести оскорбление русской армии и ее Верховному Главнокомандующему, то я, как главнокомандующий русской армией, в защиту ее чести и достоинства, требую от вас удовлетворения путем дуэли со мной. № 333. Главнокомандующий армиями Восточного фронта, Генерального штаба генерал-лейтенант Каппель», — громким, несколько возвышенным тоном бросил последние слова войсковой старшина и положил листок телеграммы на стол. Ожидаясь замер...

— Надо прищучить этого чешского ублюдка, — в коротких, но крепких пальцах атамана с хрустом сломался карандаш. — И с двух сторон, чтоб ужом не выполз, циклоп недоношенный.

Картель, то есть вызов на дуэль, генерала Каппеля был очень кстати и некстати. Нужен — чтобы чехи поняли, что чаша терпения у русских переполнилась, и не нужен — если Сыров застрелит на дуэли Каппеля, то в армии опять раздразай начнется, многие, по примеру генерала Пепеляева, начнут себя в главнокомандующие предлагать.

Гибель Каппеля и по нему рикошетом ударит — кем он, Григорий Михайлович Семенов, в мировую войну был? Да обычным казачьим есаулом, командиром сотни, пусть даже обязанности командира полка некоторое время исполнял. А эти бездельники и интриганы полковниками да генералами щеголяли, для них список старшинства в чине «Отче наш» заменяет, они не о войне с красными думают, а как бы место потеплее и получше занять.

Сыробоярский всю эту гниль хорошо ему описал в подробном письме из Омска. Штабы и министерства переполнены здоровыми офицерами и генералами, на автомобилях ездят, с иголки одеты. Достали из закровов запыленные тома «военных установлений», которые себя еще в ту войну отжили, и все по ним делают, а живые дела неделями в канцеляриях тяготеют.

И по старинке работают, с десяти до четырех, с перерывом на чай. Тьфу, бездельники и сволочи, именно эти паразиты и губят армию. А ткнешь их мордой, сразу в позицию встают — а вы, Григорий Михайлович, при императоре есаулом были, а теперь из самой грязи в генералы выползли. В отличие от нас, кондовых, да еще генерального штаба...

Этим вопросом вся эта прорва генералов сразу загрузится, особенно те из них, кто свои части погубили или бросили. А таких много, очень много — две трети, если не больше. Сейчас Владимир Оскарович их всех в узде держит, а не дай Боже... Нет, он дуэли Каппеля допустить не должен...

— Записывайте, — атаман Семенов грузно поднялся со стула, будто на плечах лежал пятипудовый мешок. — Главнокомандующему русской армией генералу Каппелю, копия генералу Сыровому, Кабинету министров, Союзному Командованию.

Атаман замолчал, подошел к замерзшему окну и уставился в него, словно что-то разглядел через обледенное стекло. Войсковой старшина перестал скрипеть пером, ожидаясь остановился.

— Записывайте далее. Ваше превосходительство, Вы в данный грозный и ответственный момент нужны для Армии. Я вместо Вас встану к барьеру и вызываю генерала Сырового, дабы ответить за оскорбление, которое нанесено его частями доблестной Российской Армии,

героически сражающейся сейчас с красными под Вашим командованием. И поставьте теперь точку. Записали? Хорошо. Подпись — атаман Семенов. Немедленно отправьте открытым текстом, срочно, телеграфом в Иркутск и другие города. Идите!

Войсковой старшина встал, щелкнул каблуками и вышел, бросив искоса на атамана короткий уважительный взгляд. А Григорий Михайлович снова вернулся к окну, постоял у него, поцарапал крепким ногтем стекло и в бессильной злобе прошептал:

— Без толку будет. Труссы к барьеру не выходят. Они только гадят и пакости строят...

Порт Байкал

В штабном вагоне Ермакова ожидал шифровальщик, молодой поручик с черными усиками. Константину сразу бросилась в глаза кожаная папка с застешкой и расстегнутая кобура револьвера. Рядом стоял солдат из шифровального отделения с карабином наперевес. А потому даже гадать не стоило — новость чересчур важна, так как офицер предпринял чрезвычайные меры по ее охране.

— Телеграмма от генерал-лейтенанта Семенова, господин ротмистр, — поручик протянул папку и щелкнул каблуками, — особо секретно, чрезвычайной важности.

Ермаков привычно расписался на корешке, глянув на хронометр, отметил время — 11.23. Потом извлек листок бумаги, зашел в купе и закрыл за собой дверь. И не стал читать — сбросил папаху и шинель, просто устало присел на ставшую такой родной полку и дважды легко стукнул кулаком по стене. И не успел закурить папиросу, как дверь уже раскрылась, и Аким Андреевич принес коробку с завтраком.

— Доброго дня, Константин Иванович, с удачным возвращением...

— И тебе того же. Только не с возвращением поздравлять надо, орел ты степной, а с приездом.

— Виноват, ваше высокоблагородие. Только вагон сейчас наш дом родной, а потому мы в него завсегда возвращаться должны.

— Уел. Давай завтрак, а то приустал я чего-то, а моряки не кормили, у них самих жрать нечего, — а сам подумал, что Аким о содержимом американских вагонов уже знает намного больше, чем он сам.

И потому отпускать денщика не стал — сел за трапезу. Приналег сразу на мясо с картошкой, горячее, вкусное, только ложка мелькала. Ждали его «деды» (так он окрестил про себя коменданта и денщика), все с пылу с жару. И чаек ароматен, и папироса сразу вкуснее показалась. Вяло поинтересовался:

— Что там у американцев взяли?

— Три мелких пушки, но снарядов к ним уйма, без малого три сотни ящиков, в отдельном вагоне. Диковинные бомбометы, труба широкая, у меня сразу три пальца влезло. Название у этих штук больно мудреное, капитан говорил — Сокса и еще чего-то, что ли...

— Может, миномет Стокса-Брандта?

— Его самого, Константин Иванович, — закивал Аким, а Ермаков задумчиво посмотрел на корявую ладонь денщика — если его три пальца сразу влезло, то калибр в 81 миллиметр, к бабке не ходи. Полезная штука...

— Сколько их и мин к ним?

— Шесть труб этих с плитами тяжеленными, а мин к ним уйма, в коробке полдюжины, а коробок полный вагон, сотни три, никак не меньше. А может, и больше, кто ж точно считал.

— А в остальных семи вагонах что будет?

— Вагон харча всякого, консервы много будет, сахар. Еще четыре вагона с патронами, и вагон со снаряжением всяким, воинским. Но там и пулеметы есть, с дюжину, авторужей тяжелых, без сошек, с десятков, и пистолетов короб, гранат семь ящиков. Вагон сам смотрел, их благородие пустили.

— Остаток еще два вагона. Что в них, Аким?

— В них попереk рейки набиты, а там меха всякие висят — соболя, лисицы, куницы. Медвежьи шкуры есть, а белка с горностаем в охапки увязаны. Капитан Белых как увидели все, то заново опечатали, и охрану выставили, из немцев и австрийков, стрелков по всем вагонам поставили. И ихнего офицера старшим назначили. Сказали, вашего прихода ожидать нужно, вот я и прибежал, а тут и вы пришли.

— Где Пляскин?

— Господин хорунжий перепись оружия и имущества составляет, говорит, у интенданта свой учет, а у них свой...

— Правильно говорит. Цивилизуется у меня, охламон, настоящим штабным офицером становится. Ладно, ты молодец. А теперь иди, Аким Андреевич, мне чуток передыха надобно...

Оставшись один, Ермаков задумался — боеприпасов изрядно только на первый взгляд, но если разобраться, то в пределах нормы. Полтысячи снарядов и три сотни мин на ствол, это даже два боекомплекта не наберется. Та же картина и с патронами — в вагоне триста тысяч, всего миллион двести. Много? Вряд ли — батальон у них полнокровный, в тысячу штыков. Два БК на винтовку — уйдет целый вагон.

Пулеметов в пределах штата, по 9 ручных и три станковых на каждую из четырех пехотных рот, плюс пулеметная рота в дюжину «кольтов» на батальон. Всего 60 штук, по 15 тысяч патронов на каждый. Да еще автоматических винтовок десять. Норма на станковый 12 тысяч, на ручной пулемет пять — как раз два боекомплекта и получится. И пушкам с минометами удивляться не приходится — обычная батальонная минометная рота, которую за океаном ротой тяжелого оружия называют. Так стоило ему такой огород городить и пургу мести?

Ермаков прошелся по купе и пришел к выводу, что все сделано правильно — и янкесам зубы вырвали, и с боеприпасами теперь нужды не будет — на неделю ожесточенных боев его отряду хватит, и то не экономя. Вот только крупный скандал неизбежен, и, как пить дать, после полудня американцы на разборки прикатят. Хотя и богатая страна, а столько добра выбрасывать коту под хвост не станут. Теперь ты, Костя, уж точно в историю войдешь!

Ермаков вздохнул и взял в руки телеграмму атамана Семенова, быстро пробежал по ней глазами. Хмыкнул, перечитал еще раз — результат превзошел все его желания, что в армии бывает крайне редко. Очень серьезно отнесся к его нагловатой телеграмме Григорий Михайлович, с крайней, так сказать, озабоченностью...

— Разрешите, господин ротмистр, — в дверь постучали, и вошел капитан Белых. Жестом Ермаков приказал тому присесть на противоположную полку и протянул своему заместителю полученную телеграмму.

Капитан проглотил ее в один заход, потом еще раз, но уже медленно, прочитал. Бросил на ротмистра вопросительный взгляд.

— Чем туннели минировать будем, Петр Федорович?

— Здесь вагон черного пороха с селитрой стоит, наполовину загруженный. Если мин и снарядов добавить — то свод туннеля взрывом полностью разрушит. Вот только...

— Вот только минировать туннель мы с вами не будем. Незачем... пока, — Ермаков выделил последнее слово. — Не дай Боже от собственной глупости сдуру рванем — проблем потом не оберешься.

— А как же приказ?

— А мы его исполним — вагон к взрыву подготовим, но в туннель закатывать не станем. Петр Федорович, минеров сам подбери, место для стоянки тоже, и туннель само собой. Паровоз держи под парами, да под охрану сдай, тут везде наши солдатики стоят.

— Вы хотите... Ага! — Белых до чего-то додумался, взгляд стал мутным.

— Взрыв никому не нужен. Чехам в первую очередь. Мы можем их шантажировать этим, но не рвать, ибо тогда и наше золото, и их имущество — все красным достанется. Но и большевикам, по большому счету, подрыв туннелей не нужен — потом им самим же восстанавливать придется. Сейчас не нужен, — поправился Ермаков. Помял пальцами папиросу, что твой Сталин:

— Но стоит нам им по зубам врезать где-нибудь под Нижнеудинском, вот тогда за туннелями глаз да глаз будет нужен. А потому охрану туннелей прошерсти, выбери солдат помоложе, побоевитей.

— Сделаю, Константин Иванович.

— Вот и хорошо. Где чехи? Ближайшие, я имею в виду. Как перегон от Байкала до Иркутска?

— Бронепоезд «Орлик» на станции Михалево, там же чешский эшелон с интендантурой, как они наше награбленное имущество называют. Солдат сорок охраны, ну и экипаж, понятное дело. Бронепоезд послезавтра уйдет в Иркутск, котел чистить. Пришлют ли ему замену, не знаю. Но у них еще второй бронепоезд есть — «Жижка», он стоит на Иннокентьевской. Больше чехов на Кругобайкалке нигде нет до самого Иркутска. Только на перегоне, я у начальника дистанции справлялся, пять эшелонов с беженцами и имуществом стоит, причем два из них здесь.

— Ага! — план операции по нейтрализации чехов зародился спонтанно и неожиданно, но Константин решил его пока не афишировать, а получше обмозговать детали. И потому перешел на житейское:

— Что за имущество, есть ли в эшелонах военные?

— Здесь полурота охраны с чиновниками министерства финансов. Ценности какие-то в трех вагонах везут, стерегут их аки псы цепные, никого не подпускают. Приказ адмирала Колчака у них.

Ермаков насторожился мгновенно. Денег не просто катастрофически не хватало, их уже практически не было — дня два и амба, а к реквизициям прибегать не хотелось. И тут он вспомнил, что читал в каком-то сборнике документов, что чехи, разоружив отряд Скипетрова на Байкале, захватили серебра два вагона на 3 миллиона рублей и ценных бумаг еще на пять миллионов. Прикарманить добро им не удалось, и они отдали его красным в дополнение к 29 вагонам золота и семи вагонам серебра...

— Вагоны, случаем, не американские, в четыре оси?

— Так точно, — капитан был удивлен, — два вагона, тяжелых, четырехосных, и одна теплушка. И еще три пассажирских вагона для охраны и чиновников с семьями.

— Там серебра на три миллиона рублей и еще на пять миллионов облигаций и других ценных бумаг!

— Как вы узнали, господин ротмистр?!

— Есть такая наука, логикой называется. Серебра на 3 миллиона — это на 60 тонн, из расчета рубль в 20 грамм. Теплушка в две оси берет 750 пудов, или чуть больше 12 тонн. Четырехосный вагон может быть нагружен до двух тысяч пудов. Подсчет легкий, даже школьник справится — два вагона на три миллиона, плюс теплушка с бумагами.

— Ага, — восхищенно сказал капитан, не заметив противоречия — исходные данные ротмистр откуда-то должен был знать. Не с потолка же взял. Но мираж миллионов несколько

ослепил офицера. — Надо их как-то прибрать на нужды, приказ атамана у нас есть!

— Не дадут, нужно знать психологию тыловых крыс. Они предпочтут либо врагу имущество сдать, либо уничтожить — но без приказа и без надлежаще оформленной бумажки в части гроша не дадут, пусть даже неприятель перед глазами маячить будет, — Ермаков горестно вздохнул, ибо примерам не было числа, взять хотя бы Великую Отечественную.

Да зачем далеко ходить — те же колчаковские интенданты оставили красным уйму добра, даже уничтожить не удосуживались, а армия воевала разутая, раздетая и без патронов. И что делать, спрашивается?

— На худой конец, бронепоезд подгоним, десантом все оцепим и охрану разоружим. Но вначале по-доброму попросим подчиниться силе, расписку дам, в конце концов! — Ермаков встал и чуть прошелся по маленькому купе, шаг туда и шаг обратно. — «Беспощадный» готов? На нем пушки заменили? И что с десантными вагонами?

— К полудню готов будет. Крышу листами уже зашивают. А десантные вагоны завтра готовы будут, обшивка уже началась. Но только два, третий сделают послезавтра, никак не раньше.

— Хорошо. После обеда отправить на смену «Атаману» в Култук. А теперь о главном — я телеграмму начальнику гарнизона в Иркутск отправлю. Пусть генерал Сычев в Лиственничное отправит все грузовики, что найдет. А мы сегодня на тот берег штыков сто отправим — отбери маньчжурцев и казаков, что в состав десантных команд не входят, — Ермаков задумчиво почесал переносицу и продолжил:

— Дай им горную пушку со снарядами, в Иркутске с артиллерией туго. Это подбодрит гарнизон, а ты, Петр Федорович, из охраны туннелей роту в десант наскребешь. Да, кстати, ты расчеты к американским трофеям готовишь? — незаметно для себя Ермаков перешел на «ты».

— Исполним, — кратко ответил Белых. — А расчеты к пушкам и минометам собрал, благо артиллеристов у нас многовато. Уже возятся, ящики выгружают. Дня за два натаסקаю, им эти штуки знакомы. Автоматические винтовки я по десантным командам распределил, а их ручные пулеметы в пехоту вместе с расчетами передал.

— Хорошо. Еще одно — мы две учебные команды прихватили по дороге, так железнодорожников определи по бронепоездам, сверх комплекта, пусть натаскиваются. Если бронепоезд лишний будет — опытных солдат сразу выдернем, будет готовая команда. Времени не потратим. Офицеров заранее определи, пусть готовы будут. Но лучше прикинь, хватит ли у нас еще на два бронепоезда новых экипажей?

— Откуда ты возьмешь бронепоезда, Константин Иванович?!

— Об этом после. Так хватит народу?

— Добавим по тридцать новобранцев, обратно возьмем на пять больше — вот и два экипажа новых будет. Всего делов — экипажи трех бронеплощадок полностью изыму, а четвертая сводная будет.

— Из бурят и казаков кавалерию натаскивай, что мы, зря 15 вагонов лошадьми набили. Погоняй маленько, а то лошадки застоялись. И насчет китаезов — их надо в японскую форму одеть, может, их с дурика с японцами спутают, морды-то и у тех, и у этих узкоглазые, шибко похожие. И вооружи соответствующе, «арисаками» и «намбу», чтоб прокола не было.

— С оружием ладно, у нас японских винтовок порядком. А вот с формой, — Белых задумался, тряхнул головой, — с ней совсем худо. Солдат двадцать у нас в ней, и на охране тоже видел. Так ведь полсотни целых комплектов насобирать надобно...

— Только верх — шинели, шапки, меховые сапоги, амуницию. Без мундиров обойдемся, под шинелью не видно.

— Тогда сорок китайцев смогу одеть, а вот еще на десяток формы у нас не найдется...

— Жаль. Но ты к ним еще дюжину казаков добавь, кто гуранистый, их от бурятов не отличить, чтоб за китайцами глаз имели. Двадцать комплектов я постараюсь добыть — у Сычева попрошу. Но готовь в сторонке, от чужих глаз подальше, есть у меня одна задумка. Если выгорит, то...

Договорить Ермаков не успел — в дверь сильно стукнули кулаком, и, не дождавшись разрешения, в купе влетел давешний связист.

— Господин ротмистр! На прямом проводе Нижнеудинск, с вами желает говорить Верховный Правитель адмирал Колчак!

— Та-ак... Петр Федорович! Срочно отправьте ко мне каперанга Фомина и главного у этих финансистов, с вагонами которые...

Нижнеудинск

— Ваше высокопревосходительство, ваше приказание исполнено, связь с Портом Байкал установлена, — голос лейтенанта Трубчанинова вывел адмирала из состояния дремоты — впервые он чувствовал состояние расслабления, будто сломалось что-то внутри, оставив только одну надежду.

Как Верховный Правитель он полностью утратил контроль над ходом событий. Армия Каппеля пробивалась к Красноярску, и связь с ней после эсеровского восстания отсутствовала уже сутки. Правительство было отрезано от него мятежом Политцентра, о котором он впервые узнал от ротмистра Арчегова. Удалось ненадолго связаться с министрами, и все — сегодня на связь они не выходили.

Он подозревал, что чехи сознательно лишили его телеграфа, как видел и то, что эти «союзники» в любой момент могут напасть на литерные эшелоны и захватить золотой запас Российской империи.

Что же ему нужно предпринять? На этот вопрос у адмирала ответа не было, оставалась только надежда, что атаман пойдет на крайние меры и заставит чехов вести себя не так нагло. Но у Семенова та же опора получается, что у самого Колчака — три бронепоезда и триста штыков ротмистра Арчегова. Одна слабая надежда на этот отряд...

Колчак напряженно размышлял. Он уже столько передумал за последние дни! Как же ему хотелось оказаться сейчас на палубе корабля, вдыхать влажный соленый ветер, знать, что там, в перископе его орудий, враги, а рядом снова боевые товарищи!

Там все было легко и просто, неприятель ясен и понятен. А тут? Все против всех, сегодня друзья — завтра враги! Интриги, грязь... Одним словом, политика...

Как он жалел, что во все это ввязался. Ведь он просто офицер, следовавший данной присяге до конца! Его кристально чистое желание спасти Россию теперь было заляпано и облито грязью, и он сейчас остался совсем один. Все, практически все, за исключением горстки преданных людей, разбежались, как крысы с тонущего корабля.

Он, конечно, тоже мог бы удрать, прихватив с собой пару ящичков золотишка. На безбедную жизнь с любимой женщиной в далеком Париже или Шанхае им бы хватило с лихвой!

Но как же честь? Ведь это не пустой звук! Капитан должен покинуть корабль последним! А лучше остаться на тонущем броненосце, как адмирал Макаров на «Петропавловске» в Русско-японскую войну. Увидеть, как сомкнутся над тобой холодные темные воды, стоя на мостике!

Но ему, к сожалению, этого уже было не дано. Ни капитанского мостика, ни соленых брызг — ничего! Об одном он только молил Бога, чтобы суметь уберечь честь до конца.

Проклятое золото взяло в заложники его душу! Он знал, что желтый демон уже не отпустит

его. Он уже приготовился к неизбежному, так как знал, что всем — и красным, и союзникам, и даже белым — выгодна его смерть.

И те, и другие, и третьи получали козырь: мертвого Верховного Правителя России, которым можно было манипулировать, исходя из своих интересов.

Красные и эсеры, списав на него все грехи, кинули бы кость проклинаящим его за все беды и неудачи крестьянам и партизанам. Союзники бы сбросили со счетов ненавистную фигуру, с которой все еще приходилось, пусть и формально, но считаться. Белые тоже развязали бы себе руки и получили бы мученика, всю ярость за гибель которого ощутили бы на себе, в первую очередь, чехи.

Для всех его смерть была бы долгожданным поводом, которого так желали в этой затянувшейся паузе, не решаясь сделать этот важный шаг.

Теперь отсчет его жизни шел уже не на дни, на часы. Осталось еще немного подождать! И дальше — *освобождение...*

Еще вчера Колчак хотел только одного: поскорей бы это все закончилось! Но теперь умершая была надежда ожила. Арчegov был теперь его ангелом-хранителем. Он мог спасти если не его жизнь, то хотя бы честь.

Заперев байкальские туннели, он дерзко и решительно вмешивался в ряды игроков и спутывал им все карты. Кто он, этот безумец?!

Вчера Колчак добрый час говорил с представителем атамана Семенова при ставке полковником Сыробоярским. К сожалению, сам полковник мало что знал об Арчegovе, общался с ним раза два, да и то мимоходом.

Молод, окончил перед войной Елизаветградское кавалерийское, служил малороссийским драгуном, отмечен орденами и золотым оружием. Все время отдает службе, так как жены и детей не имеет. Из терских казаков, а потому пользуется определенным доверием атамана. В ОМО с прошлого года, ротмистр императорского приказа, «отказник».

Данное слово было адмиралу хорошо знакомо — изредка на его приказы о производстве того или иного офицера приходил категорический отказ от очередного повышения в звании.

Таких офицеров было очень немного, и по своим убеждениям они являлись отпетыми монархистами, считая, что только император имеет право присваивать офицерские чины. Корректно отказывая, таким образом, в фактическом признании его, адмирала Колчака, как Верховного Правителя обновленной России...

В купе телеграфистов было накурено, хоть топор вешай. Адмирал только поморщился, но устраивать разгон не стал — офицеры делали все возможное уже сутки, и вряд ли они спали. Аппарат Бодо что-то выбивал, большая катушка с бумажной лентой тихо крутилась, ползли по бумажной полоске печатные буквы. Уставший офицер поднял на адмирала Колчака воспаленные, красные кроличьи глаза.

— Здесь адмирал Колчак, — и, дождавшись громкого стрекотания аппарата, Александр Васильевич взял в руки выползающую из него ленту. На ней был напечатан ответ из Портa Байкал: «Здравия желаю, ваше высокопревосходительство. Здесь ротмистр Арчegov».

— Вашу телеграмму получил вчера. Доложите обстановку, — офицер быстро застучал пальцами по клавиатуре, посылая адмиральский запрос в далекий порт. Вскоре поползла лента с ответом:

— «Все изложенное ранее выполнено. Меры приняты в полном объеме. Сроки выступления переношу на день позже запланированного. Связь с Иркутском по телеграфу, дублирующий канал через Лиственничное».

— Вас понял, Константин Иванович, — адмирал отметил осторожность ротмистра в ответе — связь по Бодо ненадежная, сообщения легко могут быть перехвачены и чехами, и

мятежниками.

— «Прошу вашего приказа на действия в занятом мной районе. Особенно отметить подчинение отряда капитана первого ранга Фомина. Он у аппарата. А также передать по ассигновкам от экспедиции чиновника Максимова денежные средства. Без них выполнение задач трудноосуществимо. Он тоже у аппарата», — Колчак поднял вопросительный взгляд на Трубчанинова, он не мог вспомнить, кто такой Максимов в министерстве финансов.

Лейтенант правильно понял взгляд адмирала и тут же ушел в купе с канцелярией. А Колчак повернулся к телеграфисту, который был готов напечатать ответ.

— Здравствуйте, Николай Георгиевич. Вы поступаете в полное оперативное подчинение ротмистру Арчегову, — Колчак сознательно добавил слово «оперативное», так следовало поступить любому адмиралу, ибо не дело доверять командовать кораблями кавалерийскому ротмистру.

И он не мог поступить иначе, даже зная, что капитан первого ранга Фомин за истекшее время не сделал на Байкале ровным счетом ничего. А таких офицеров сейчас в тылу подавляющее большинство, начиная от военного министра генерала от артиллерии Ханжина. Колчак знал это, но даже в мыслях не мог поступиться незыблемостью устоев чинопроизводства, старшинства в них, и тем более — отличием между флотом и армией.

— Мобилизуйте всех чинов морского ведомства, даже эвакуируемых. И помните, я с вами не прощаюсь, — последнюю фразу Колчак произнес специально — именно так он попрощался по телеграфу с Фоминым в октябре, в предчувствии катастрофы, когда отправил моряка из Харбина на Байкал создавать флотилию...

— Ваше высокопревосходительство, — Трубчанинов держал в руках листок бумаги. — Чиновник по особым поручениям министерства финансов Максимов отправлен во Владивосток с двумя вагонами серебряной монеты в три миллиона рублей и вагоном ценных бумаг на пять миллионов. Согласно вашему приказу под номером 6320 от 28 октября сего года...

— Господину Максиму. Свой приказ под номером 6320 отменяю. Денежные средства на вашем подотчете выдать по ассигновкам ротмистру Арчегову. Адмирал Колчак, — продиктовав свой приказ чиновнику, Верховный Правитель задумался над тем, что до сего дня он крайне щепетильно касался проблем, связанных с расходом золотого запаса. А тут два вагона серебра до вчерашнего дня неизвестному ему ротмистру передал (ценные бумаги не в счет, они уже давно обесценились и едва составят, в лучшем случае, десятую долю). Но что делать, если этот ротмистр сейчас стал его единственной надеждой...

Порт Байкал

— Вот такие приказы я получил сегодня от Верховного Правителя адмирала Колчака и генерал-лейтенанта Семенова, ныне командующего российскими вооруженными силами на Дальнем Востоке и в Забайкалье, — Ермаков повертел в пальцах карандаш. — А вы, господин капитан первого ранга, отказываетесь выполнять мой приказ, прекрасно зная о том?

— Позвольте мне самому решать все вопросы на вверенной мне флотилии, господин ротмистр. Я подчинен вам только в оперативном плане, — у Фомина была озлобленная физиономия.

Еще бы, фактически от командования флотилией его отстранить попытались. Более того, этот паршивый ротмистр требует полного подчинения себе, подчинения младшему в чине, тем более — кавалерийскому офицеру. Да это нонсенс, такого никогда не было, и такому никогда не бывать.

— Корабли нужны в Иркутске, поймите это...

— Я не желаю отправлять их в Иркутск. Вначале необходимо подготовить их к плаванию, достаточно хорошо обучить экипажи, которые за редким исключением состоят из гражданских моряков. Что касается собственно самих кораблей, то «Кругобайкалец» нужен для обеспечения бесперебойной связи с Лиственничным, катер «Волна» в качестве разъездного. Так что выделить вам смогу лишь «Михаила»...

— Он не пробьет лед, вы это прекрасно знаете. Нужен «Кругобайкалец», нужна «Волна», надо бить не растопыренными пальцами, а кулаком — всеми бронепоездами и кораблями...

— Позвольте, господин ротмистр, — Фомин с презрительными нотками выговорил последнее слово, — мне самому решать, чем воевать и когда воевать. И еще — я немедленно списываю на берег всех немецких матросов. Такому не бывать, чтоб германцы под Андреевским флагом были. Можете забрать к себе на бронепоезда. Я команду флотилией, а не вы! И думать, и решать позвольте мне...

Ермаков глубоко вздохнул — бешенство подступало к горлу. Вот потому белые и проиграли гражданскую войну, что не о деле думали, а о собственных амбициях.

— Как-то вам не думалось, господин хороший, все эти два месяца, за которые вы ничего не сделали и не придумали. Вы даже эшелон с Иртыша не остановили и не предложили Тирбаху с другими морскими офицерами на флотилии остаться. Это я за сутки все здесь разворошил, все это сонное царство. Это старший лейтенант Тирбах за какие-то 12 часов смог корабли вооружить и подготовить к плаванию...

— Позвольте...

— Не позволю! Я еще не все сказал. И политесов выбирать сейчас уже не намерен. Вы не о деле думаете, вам «Кругобайкалец» для поездок в Лиственничное нужен, к жене на свидание. А «Волна» для удовлетворения начальственной спеси. Я вам три десятка матросов за день нашел, настоящих военных моряков. Которые драться будут. А вы половину на берег списать решили. Я пока не знаю, изменник вы или трус, но то, что вы предаете таким образом собственного адмирала и потому поступаете подло, в этом я сейчас уверен! — Константин наклонился, с яростью посмотрел прямо в глаза Фомина и добавил хриплым голосом:

— Так что убирайтесь в Харбин немедленно. Иначе я вас застрелю, как поганца и предателя...

— Ты сам сволочь! — лицо Фомина побагровело. — И угроз твоих не испугаюсь. Но ответ за них ты дашь немедленно. Здесь и сейчас же. Право выбора оружия за мной, будем стреляться на двадцати шагах.

— С удовольствием, — Константин понял, что получил вызов на дуэль, и возликовал, ведь здесь поединки еще случаются, как же — офицерская честь, голубая кровь дворянская. И хмыкнул, когда представил, сколько бы начальственного хамства мгновенно поубавилось, если бы в современной Российской армии разрешили бы дуэли...

— Сходитесь, господа, — звонкий голос Тирбаха разорвал морозный воздух. И словно им в ответ вдалеке прозвучали паровозный гудок и сирена ледокола. Офицеры достали оружие: Фомин — «наган», а Ермаков вытащил из кобуры «кольт». Дуэль началась...

Вначале их попытались отговорить и морские офицеры, и его бронепоездные орлы. Но когда Ермаков спокойным до жути голосом тщательно объяснил возникшие между ними разногласия, то все дружно помрачнели и взглянули на дуэлянтов осуждающе.

У Константина неприятно засосало под ложечкой, появилось сомнение в правильности развязанного им действия. Однако дело было не в том, и лейтенант Тирбах развеял его опасения:

— Вы могли снять капитана Фомина с флотилии — это ваше право, и временно назначить другого, до утверждения Верховным Правителем. Вы могли просто предложить ему выехать в

Харбин или отпустить по болезни на неделю. Но вы не должны были прибегать к оскорблениям, пусть вы трижды правы. Хотя я считаю, что он поступил нечестно по отношению к адмиралу Колчаку, если не сказать хуже... Но помните, если вы его застрелите, то у него здесь жена и трое детей, они останутся сиротами...

Никто из офицеров, что наблюдали за поединком, не заметили выстрела, но увидели, как револьвер из руки Фомина был выбит, а моряк вскрикнул от боли и прижал к груди окровавленную ладонь. И только тут секунденты поняли, что ротмистр не поднял своего пистолета, а выстрелил от бедра. И попал точно в револьвер...

— Как вам это удалось, Константин Иванович? — с изумлением спросил Тирбах, пока Фомину наскоро перевязывали ладонь.

— Петр Игнатьевич, не считите за труд, подберите пяток хороших камней и поставьте их сверху вон туда! — Тирбах был удивлен просьбой, но быстро пошел к валунам, что отстояли от них метров на двадцать, и водрузил на них четыре камня, размером с большой кулак.

Офицеры на время забыли про незадачливого каперанга. И во все глаза стали смотреть на непонятное пока представление. Ротмистр скинул бекешу на снег, достал второй пистолет и неожиданно бросился на снег, вытянув вперед руки с «кольтами», и несколько, раз перевернулся на снегу, стреляя с двух рук. Но когда все посмотрели на валуны, то камней на них уже не было. Вздых изумления вырвался у всех собравшихся.

— Шесть выстрелов, два промаха. Плохо! Теряешь ты, Константин Иванович, квалификацию! — Ермаков не скрывал своей неудовлетворенности, чем еще больше поразил офицеров.

— Разве так можно стрелять?! — завистливо произнес капитан Белых. — Да еще двигаясь этими странными кувырками. А! Понял!!! Вы показали, что можно стрелять и одновременно от вражеских выстрелов уклоняться! О сем чуде никогда раньше не слышал и увидел сейчас первый раз в жизни. Кто б раньше сказал, никогда бы тому не поверил!

— На свете есть много интересного, друг Горацио, — Ермаков заново надел бекешу и засунул пистолеты в кобуры. Затем неторопливо застегнул клапаны, нахлобучил на голову папаху. И только после этого Константин упругим шагом подошел к морщившему Фомину.

— В этой дуэли у вас не было ни единого шанса. Я мог бы вас застрелить и с трое большей дистанции. Но дело в другом... Я приношу вам свои извинения, господин капитан первого ранга, за оскорбительную форму сказанных мною слов. Но никак не за их содержание, ибо считаю, что вы либо из-за своих амбиций, либо из-за каких-то иных побуждений наносите ущерб выполняемому мною приказу Верховного Правителя. А посему временно отрешаю вас от командования по болезни, даю вам пару дней на поправку — пальцы вам чуть поцарапало револьвером. А потом извольте отбыть в Харбин немедленно для окончательного лечения, вам будет уплачено жалование за три месяца. Но вы сегодня же напишете рапорт, — Костя специально сделал ударение на морской манер, на второй слог:

— Напишите рапорт на имя Верховного Правителя, в котором объясните причины своего нежелания выполнять мои приказы и вести корабли на Иркутск. Этот рапорт я немедленно передам адмиралу Колчаку, как только прорвусь с боем к нему с бронепоездами. Старший лейтенант Тирбах вместо вас примет отряд кораблей на Ангаре. Честь имею...

В штабном купе Арчегова уже ожидала срочная телеграмма от начальника дивизии бронепоездов генерала Богомольца, в которой ротмистра «фитилили» за какие-то не сданные вовремя бумаги с отчетами.

Причем угрожали страшными карами за неисполнение. Затем потребовали переименовать бронепоезд «Атаман» в «Мститель», а «Грозный» в «Истребитель». Канцелярская бумажонка и стала горящим фитилем к пороховому бочонку накопившегося раздражения, и была тут же

разорвана в мелкие клочья.

— Твою мать! Война идет, а они все в бюрократию играют, начальников развелось, как вшей на лобке у шлюхи. И все с приказами. Лучше бы батальон пехоты прислали. Хотите переименования?! Получите!

Иркутск

Генерал Сычев вытер вспотевший лоб и снова уставился в листки с расшифрованной телеграммой от ротмистра Арчегова. В другое время, до мировой войны, он бы не поверил не единому слову, но не сейчас... Слишком многое походило на правду...

Теперь надо успокоиться и найти необходимое решение. Ефим Георгиевич машинально потянулся к шкафчику, но вовремя отдернул руку. Не время пить водку, мозги туманить, хотя желание было острым. Налить полстакана с тмином, медленно выпить, чувствуя, как горячая струя влаги обжигает пищевод, выдохнуть воздух и сделать первый, самый жесткий вздох. Но нельзя, по крайней мере, сейчас... Дождаться ночи, и перед сном...

Откуда ротмистр Арчегов мог узнать это?! От кого?! Или семеновская разведка давно внедрила в эсеровское подполье в Иркутске лучших агентов, причем занимающих высокое положение среди этих сволочей. Скорее всего, именно на это и похоже...

От мыслей генерала оторвал требовательный стук в дверь, и Сычев негромко сказал:

— Войдите.

Дверь открылась, и на пороге появился начальник штаба Лыба. Увидев вопросительный взгляд генерала, сконфуженно развел руками и негромко доложил:

— Командующий округом генерал Артемьев давно «болен», а военный министр генерал Ханжин отсутствует. Найти нигде не можем, адъютанты не говорят. Начальник штаба генерал Вагин без их приказов ничего делать не будет, так и отрезал, и трубку бросил...

В голосе Лыбы царила едкая ирония, а в глазах плескалось такое презрение, что Сычева передернуло. Хороши генералы, чуть полыхнуло, сразу порскнули, как зайцы. Имя им всем одно — бледная немочь, отрыжки старой системы производства. Эти старые калоши на приказ молятся, а, получив его, не выполняют. Только и могут зобами от гордости надуваться — мы, мол, генералы старые, императорского производства, а ты, Сычев, свежеиспеченный колчаковский «калач». Труссы паскудные, а ему отдувайся...

— Немедленно собери дюжину грузовиков, найди бензин и отправляй в Лиственничное. Туда с Порты Байкал переправляется рота маньчжурцев — помощь от Арчегова. А через два дня он и сам припожалует с бронепоездами и японцами! Нам бы продержаться, они тридцатого будут!

— Продержимся, Ефим Георгиевич! Смута на наш берег не перекинется... Пересидим...

— Ты это почитай! Штабс-капитана Черепанова ко мне, срочно! — генерал раздраженно сунул капитану листки расшифрованной телеграммы. Тот пробежал ее глазами, лицо побледнело. Офицер положил бумаги на стол и опрометью вылетел из кабинета...

Начальник контрразведки появился через пять минут, будто был в здании, но вот его шинель была изрядно запорошена снегом.

— Смотри, Дмитрий Петрович, будет интересно, — Сычев протянул листки офицеру.

Тому не понадобилось и пары секунд, чтобы понять суть, его лицо не побелело, как у Лыбы, а побагровело. Губы стали сами по себе бормотать:

— Надо же, виднейший большевик Тобельсон есть тот Краснощеков? В тюрьме у меня сидит? Не может быть! А эти? Сегодня встреча у Яковлева...

— Что ты думаешь, Дмитрий Петрович, по поводу бумаги? — вопрос Сычева вернул контрразведчика на грешную землю.

— Проверить надобно! Я сейчас распоряжусь по телефону, — ответил Сычеву, Черепанов буквально исчез из кабинета, и генерал занялся планированием немедленной операции по разоружению инструкторов 4-й роты, дислоцированной в Хаминовской мужской гимназии...

Через два часа Черепанов снова был у Сычева, сияющий, но растерянный. Он живо напомнил ему кота, который жил в его петербургской квартире, любителя шастать у полковой кухни. Только однажды котяра по злему умыслу залез в соседнюю мясную лавку и там обожрался дармовых гамбургских сосисок. Сычевского кота не стали отлавливать, а пригласили Ефима Георгиевича посмотреть на любимца. Вот таким и запомнил своего кота Сычев — растерянным и жутко довольным на гряде обкусанных сосисок..

— Многое сходится, ваше превосходительство! Семерых арестовали, в тюрьме из эркэпы тоже сидели. Взяли их оттуда, сейчас допрашиваем. Много интересного говорят. Значит, завтра выступление отряда осназа, роты инструкторов и милиции, ваше превосходительство?!

— Инструктора этой роты уже не выступят, их сейчас в военном училище размещают, под охрану. Я уже принял меры, завтра с утра мы блокируем казармы отряда Решетина юнкерами. К полудню придут семеновцы с Лиственничного, с горным оружием и ручными пулеметами. Всех офицеров мятежного отряда вы сегодня постарайтесь выдернуть. Восстания в Знаменском нельзя допустить!

— Откуда у вас эта информация, ваше превосходительство?

— От ротмистра Арчегова, а, по сути, от атамана Семенова. И милицию надо разоружить, как предлагают. И заменить ее кадетами старших классов, благо в городе пять корпусов. А это столько же чинов. И казаков бы вывести, вот только у меня отношения с атаманом Оглоблиным, сами понимаете...

Договорить Сычев не успел, зазвонил телефон, и генерал поднял трубку. Черепанов обомлел — лицо Сычева вытянулось от удивления, и во время недолгого разговора генерал только односложно отвечал, а в самом конце еле выдавил из себя: «Спасибо вам, Прокопий Петрович» и сразу повесил телефонную трубку на держатель.

— Звонил атаман Оглоблин. Он объявил мобилизацию всех городских казаков. Казачьи патрули сегодня же перекроют город и, в случае необходимости, арестуют всю милицию...

— Что происходит, Ефим Георгиевич? Откуда информация? Почему позвонил Оглоблин? — Черепанов от волнения забылся и выпалил наболевшее.

— Это атаман Семенов! — уверенно ответил генерал, а сам подумал, что надо срочно менять ориентацию — от правительства переходить на сторону Григория Михайловича. А заодно примириться с Оглоблиным, благо тот был два года назад в ОМО, помощником у атамана Семенова...

Порт Байкал

У Иосуроку Огаты, капитана Японской императорской армии, что была расквартирована во многих пунктах Забайкальской области, включая города Читу и Верхнеудинск, было нетипичное для японца бурятское лицо. Именно чисто бурятское — широкое, нос чуть приплюснут, глаза лишь малость раскосые. На уроженца Японии Огата не походил, лишь отдаленно смахивал, как винтовка на грабли. И самое интересное — общались два офицера на английском, к обоюдному немалому изумлению.

Дело в том, что хитрый японец в начале беседы тщательно скрывал знание русского языка,

пусть и корявого, предпочитая общаться с русским ротмистром через переводчика — маленького худощавого японца с поперечными погончиками подпоручика.

Но Ермаков вдруг неожиданно заговорил на японском, не столь корявом, как русский Огаты. И потому офицеры прощупали друг друга еще по разу — перешли на язык «владычицы морей», но Арчegov заговорил не на правильном медленном английском, как Огата, а на его беглом североамериканском варианте.

Невозмутимых японцев проняло, даже чуть скривило бесстрастные азиатские лица. И Огата в очень осторожных словах осведомился, почему уважаемый ротмистр столь тщательно скрывал великолепное знание английского и японского языков.

С не менее обаятельной улыбкой Ермаков заметил, что знать язык главного противника необходимо, так же как и будущего союзника, хоть во втором случае его знания поверхностны.

И назвал в качестве примера мэтров японской разведки, про которых много читал в свое время — Митсуру Тойяма, Фуццо Хаттори и Доихара Кэндзи. Сказал и похолодел — если первый умер лет десять назад, то два других еще действующие, а Доихара Кэндзи вообще чуть ли не ровесник Арчегова.

Странно это — зная, что сейчас 1919 год, иной раз Ермаков непроизвольно врывается в свои года, те — не начала, а конца века. До сих пор ему эти анахронизмы сходили с рук, но тут попался.

Попытался вывернуться, мол, Англия хоть и была последние годы союзником, но всю историю являлась злейшим врагом России. А Япония, хоть была недавно врагом, однако сейчас рассматривается скорее союзником. Но знать союзника тоже необходимо, и потому он и изучает тайно язык, и собирает полезную информацию, особенно все последнее время, когда достигнуто согласие между японским командованием и атаманом Семеновым.

Огата надолго задумался, зачем-то услали переводчика, а потом очень осторожно спросил, встречался ли уважаемый Арчegov-сан с перечисленными им уважаемыми лицами, и буквально впился своими раскосыми глазами в лицо русского офицера.

— Суровы зимние красоты нашей Сибири, не правда ли, уважаемый Огата-сан?

Ермаков произнес совершенно безмятежно, откровенно проигнорировав интерес японского капитана, только на миг сверкнув глазами и как бы сказав при этом: «Только глупец может задать такой бестактный вопрос — если это правда, то отвечать не будут, а если ложь, то тем более, ибо проверить легче легкого».

— Холодная красота всегда выразительна!

Лицо Огаты стало таким же безмятежным, он уже осознал свою промашку и в душе возблагодарил, что подпоручик Иттии уже не присутствует на беседе.

— Гомен насаи, Огата-сан! — перешел на японский Ермаков. — Но цветение сакуры подобно дыханию весны. Жаль, что трудно ее разглядеть от заснеженного Байкала. Но если желаешь дойти, то нет на пути преград.

— Конечно, уважаемый Арчegov-сан! — слова значат мало, намного важнее то, что под ними, и Огата это прекрасно понимал. — Вы уважаете нашу страну, тем более, что мы союзники в нашей борьбе с большевиками.

— Я полностью согласен с вами, и потому обращаюсь с покорнейшей просьбой обеспечить порядок и законность в Порту Байкал и его окрестностях, — с улыбкой произнес Ермаков и бесхитростно посмотрел на японца. — Я вынужден через три дня покинуть его и выступить со всем своим, как вы видите, не очень многочисленным отрядом на Иркутск.

— Я понимаю ваши проблемы и с удовольствием окажу вам эту маленькую услугу...

«Хитер же ты, азиатская bestия, сразу понял, что я тебя впереди бронепоездов не пушу, и потому с просьбой пропустить не пристаешь», — Ермаков скрыл улыбку тем, что наклонился

над коробкой папирос и закурил. Японец оказался некурящим, но с достоинством переносил курение русского, совершенно не обращая внимания на табачный дым.

«Ты больше всего боишься, что туннели займут американцы! Они для вас сейчас здесь главные соперники, все наши разборки второстепенны!» — а вслух добавил:

— Благодарю вас, Огата-сан. Мне требуются все мои войска, тем более, но это исключительно между нами, ибо вам я доверю, Огата-сан, что я взял на себя охрану туннелей Кругобайкальской дороги.

— Извините, Арчегов-сан, но, насколько мне известно, рядом дислоцированы войска Североамериканских Штатов, и они, как нам кажется, тоже бы не преминули воспользоваться вашим предложением. Несмотря на имеющиеся между вами разногласия по поводу каких-то нелепо уехавших вагонов. Но я считаю произошедшее небольшим недоразумением.

— Не позднее 4 января генерал Гревс отдаст приказ о начале эвакуации своих войск из Сибири. Такое решение уже принято президентом Вильсоном. Надеюсь, господин капитан примет к сведению эти данные и придет к пониманию того, что русскому командованию незачем приносить определенное неудобство нашему общему союзнику.

— Я полностью согласен с вами, Арчегов-сан, — японец сказал таким церемонным тоном, что Косте послышалось, как говорится, «нечего лезть с посконным рылом в суконный ряд».

Но в то же время, хоть Огата и уважительно наклонил голову, Константин видел, что японский капитан лихорадочно соображает, откуда этот русский ротмистр имеет такую важную для его страны информацию.

Огата знал, что Арчегов в полдень имел какой-то важный разговор с адмиралом Колчаком и получил соответствующий приказ с назначением. А потому сделал логичный вывод, что русская разведка в САСШ имеет более углубленные источники, чем японские. Или здесь нечто иное, может быть, какая-то важная игра, о которой не осведомили рядового капитана разведки. Но одно для него было ясным — данные сведения необходимо срочно передать командованию...

— Огата-сан, в силу этого я вынужден обратиться с покорнейшей просьбой к вам, пусть несколько странной, — Ермаков чуть поклонился японцу, — мне нужно двадцать комплектов японского обмундирования. Взаймы, всего на три дня. Вы, как мне помнится, днем говорили, что имеете несколько лишних комплектов. Я отправил телеграмму атаману Семенову, который вчера назначен командующим войсками на Дальнем Востоке, всеми войсками от Иркутска до Владивостока, — и Ермаков сознательно сделал паузу.

Глаза японского капитана мгновенно превратились в узкие щелочки — этой информации он не знал. Огата чувствовал, что русский пока сказал важные слова, но самое главное еще впереди. Он понимал, что ему необходимо пойти навстречу Арчегову. Но как принять такое решение, когда нет времени ни у него, ни у русского, который явно торопится, хотя пытается не показывать этого.

— У нас в Чите есть комплекты вашего обмундирования, их привезут, но на это нужно время, к сожалению. Потому я вас прошу дать мне на время два десятка комплектов, хоть ношенных. Верну вам все в целости и сохранности через три дня. Но, может быть, и намного раньше.

— Я думаю, мы можем разрешить это маленькое недоразумение. У меня есть семьдесят комплектов, и вечером вы получите двадцать, господин ротмистр. Надеюсь, что этот вопрос разрешат наши интенданты, — Огата сказал это без малейших признаков волнения, хотя впервые лицо дало слабинку, и на нем появилось удивление: «Зачем тебе японская форма? Для чего вы собираетесь ее использовать? И против кого?»

— Благодарю вас, уважаемый Огата-сан. И еще одна просьба к вам — для нужд ледокола настоятельно требуется несколько фунтов магния, какие-то флотские дела, для меня

совершенно непонятные. У нас его просто нет. Сейчас нет. Но я видел, что в ваших вагонах едут фотографии. Не продадут ли они его мне, я согласен заплатить серебром по весу. Более того, через два дня мне доставят из Иркутска обмундирование вашей армии, Огата-сан, из поставок вашего правительства осенью. И с ними придут несколько фунтов магния, может быть, пять или семь, и я тут же все верну, просто верну, — Ермаков сознательно сделал паузу, вынуждая японца задать вопрос.

— Вам доставят необходимое из Иркутска? — с удивлением спросил японский офицер.

— Завтра или послезавтра из города в Лиственничное придут автомобили, я еще до полудня отправил телеграмму с просьбой генералу Сычеву. Они привезут все необходимое. А свою пехоту я уже переправляю на тот берег, и их на машинах отвезут в город. Там безумный мятеж, как вы знаете...

Если Огата был раньше удивлен, то теперь поражен. Для чего может потребоваться униформа — еще можно предположить, но вот для каких надобностей требуется столько магния, капитан не мог ответить, хотя перебрал десятки вариантов.

Русский не врал ему, но он определенно искажал правду, и Огата не мог его за это осудить — каждый должен идти к поиску истины своей дорогой. Так не один раз говорил старый учитель...

Но зачем отправлять всю пехоту в Иркутск и оставаться только с допотопными бронепоездами и с речными плоскодонными лоханками, пусть даже они и поставят на них пушки, этого понять Огата не мог. Так ослаблять свой отряд перед решающим сражением с мятежниками, особенно когда последним покровительствуют многочисленные, хорошо вооруженные чешские войска, казалось японцу чистейшим безумием.

— Я считаю, что эту проблему положительно решат мои фотографии, — Огата решил еще раз пойти навстречу странной, очень странной просьбе русского ротмистра, тем более что через несколько дней эти материалы все равно вернутся к нему.

Однако непонятные действия этого русского офицера не выходили из головы японца — можно было бы счесть Арчегова безумцем или полным профаном и невеждой в военном деле, когда нельзя дробить и без того малые силы перед выполнением столь сложной задачи.

Огата прекрасно знал, что из Читы был отправлен отряд генерала Скипетрова, который усиливали всем, что только под руку попадалось на железнодорожных станциях. Знал, так как японцы уже давно читали зашифрованные телеграммы атамана Семенова и имели влиятельных агентов в его штабе.

Восстание Политцентра и ответные действия белых означали только одно — русские отменяют подготовку операции по очищению Западного Забайкалья от партизан и начинают переброску своих и без того небольших воинских подразделений и скудного снаряжения на Иркутск. И ротмистр Арчегов здесь играл не маленькую роль. Совсем не маленькую. Но эта безумная отправка пехоты?!

Но было одно но... И это было главным, тем, что напрочь отвергало такие вот мысли. Два часа тому назад он видел занятия, которые проводил ротмистр со своими солдатами. Огата давно занимался дзю-дзюцу, которую европейцы по недомыслию называют джиу-джитсу, и сразу понял, что перед ним не просто знающий воин, но уже вполне сформировавшийся мастер. Именно мастер, у которого были очень знающие наставники. Но какой школы? У капитана тогда пополз сибирский морозец по коже — поединок с этим русским смертельно опасен для любого самурая, и для него тоже...

— Благодарю вас, Огата-сан, за эту искреннюю поддержку и понимание. Особенно в свете того трагического положения, в котором оказалась наша армия после задержания чешскими солдатами Верховного Правителя и золотого запаса Российской империи.

Японский капитан прикрыл веками заблестевшие глаза, теперь все стало ясным — и куда идут части Арчегова, и зачем им взрывчатка и снаряды, украденные (нет — доблестно увезенные, ибо на войне нет краж, а есть военная добыча) у американцев.

Огата уже знал, что Арчегов завербовал в свой отряд три десятка военнопленных немцев и австрийцев. В бою их использовать нельзя, а вот на охране туннелей они стоять смогут. И, учитывая ненависть германцев к чехам, ставшим предателями в их странах, можно не сомневаться, что в случае необходимости туннели будут взорваны.

Но то крайний вариант — Арчегов надеется войти в Иркутск без боя с чехами, иначе бы не стал собирать все до кучи, включая полторы сотни монголов, бурят и китайских наемников, а также флотский хлам, эвакуируемый из Омска. Потому что они бесполезны против чехов и опасны только для ненадежных солдат Политцентра...

— И еще одно предложение вам, уважаемый Огата-сан, — словно через какую-то дымку донесся голос Арчегова. Капитан стряхнул с себя наваждение мыслей и сосредоточился.

— Насчет ваших пустых эшелонов, которые подойдут сюда и пойдут позднее меня на Иркутск. Они вам не потребуются — восстание, которое началось, будет подавлено, а любое вмешательство чехов в русские дела будет жестоко пресечено! — голос Арчегова стал совершенно иным, так говорят самураи свои предсмертные слова.

Огата впился в лицо русского ротмистра — в его глазах плескалась безумная жажда борьбы и презрение к смерти.

Капитан содрогнулся — это был не Арчегов, а безумное божество войны, которое влезло в тело русского офицера. Японец непроизвольно сглотнул, ему до безумия захотелось пойти в бой рядом с этим русским и добиться громкой посмертной славы. Но прошла минута — и пришли мысли.

Что делать, он же все знает о том, что произойдет дальше?! Откуда он выведал планы командования императорской армии? О Аматарасу!!! Так вот зачем им форма — он оденет в нее своих азиатов и русских, которые имеют смешанную кровь, а таких у него в отряде достаточно. Это японец поймет обман, но не европеец — для этих варваров будет достаточно надетой формы Японской императорской армии. Прибытие в Иркутск «японцев» укрепит дух белых, а если части Политцентра нападут...

Капитан Огата почувствовал, как по его лицу ползут холодные капельки пота — у полковника Фукуды в Иркутске две роты, и он без колебаний выступит на защиту незнакомых «соотечественников». А если вмешаются чехи, то начнется война, большая война... О Аматарасу! Покровительница страны Ямато, благодарю тебя!

— Новое сибирское правительство будет лояльно настроено в пользу прямого союзничества с великой Японской империей, — раздумья Огаты были несколько бесцеремонно нарушены русским ротмистром, но японец уловил иное — «новое сибирское правительство».

И Огата отбросил сомнения в сторону — ничего страшного не произойдет, если русские вцепятся в глотку чехам. И даже взорвут свои Кругобайкальские туннели... Ничего страшного не случится для японских интересов. Наоборот...

— Я прошу вашего разрешения воспользоваться нужным для нашего отряда телеграфом, — Огата прикрыл веками хитро блеснувшие глаза.

Он просто сообщит командованию все, что видел и знает. Все, но не свои домыслы и озарения. Ведь если этот непростой ротмистр выполняет планы командования Японской императорской армии, а исходя из того, что он сейчас узнал, то является как минимум резидентом японской разведки, его соображения будут вредными.

Если же Арчегов не работает на японскую разведку, то, может, сама разведка играет с ним в какие-то свои игры, в которых Огате места нет. В любом случае, он должен доложить

командованию ставшие известными ему сведения. А посему связаться нужно немедленно...

— Хорошо, Огата-сан, — ротмистр наклонил голову, — только шифруйте надежно. Наши «союзники» проявляют самый живейший интерес к вашим и нашим планам...

Глазково

— Я не принял картель от генерала Каппеля и тем более не приму его от «генерала» Семенова, — Сыровы проговорил слова медленно, его единственный глаз гневно сверкал.

— Генерал Жанен мне категорически запретил принимать вызовы на дуэль от этих обезумевших русских. И если я еще начну объяснять им причины своего отказа, доктор Гирс, то намозолю себе язык.

— Я согласен с паном генералом полностью. Полностью проигнорировать эти наглейшие эскапады, они ниже нашего достоинства и чести нашей страны, — Богдан Павлу не скрывал своего презрения к вызовам, которые минуту назад назвал грязными бумажонками, ничего не стоящими даже для отхожего места в ночлежном доме для нищих.

— Господа! Вы мне позволите? — невысокий, но с живым лицом, доктор Крейчий даже чуть приподнялся с места. — Я внимательно перечитал текст атамана Семенова, написанный по-французски и обращенный к нашим legionерам. Он пересыпан выражениями удивления героизму наших legий и братской славянской любви. Тем чувствительнее шипы, скрывающиеся под этими риторическими розами.

Многословная тирада Крейчия привела собравшихся в уныние, хотя они старались не показать вида, и лишь генерал чуть поморщился. Но доктор не обратил на это внимания и тихим, проникновенным голосом продолжил:

— Атаман Семенов осуждает наше поведение против отступающих с Западного фронта, в особенности — задержание поезда Верховного Правителя Колчака. Он призывает нас...

— Доктор, мы все читали это обращение, — Богдан Павлу бесцеремонно перебил выступавшего, — все эти угрожающие намеки такими и останутся. Так поступил Каппель, так же и поступит Семенов — сотрясение воздуха гневными тирадами и никаких действий.

— Это угроза, с которой следует считаться. Воинские силы атамана против наших ничего не стоят, но в его руках байкальские туннели, и мы принуждены, во всяком случае, проехать его территорией в Забайкалье. А это действительно оружие против нас...

— Доктор, русские не идиоты! — чуть потягивая слова, вмешался Гирс. — Они не начнут еще одну войну, у них просто нет на это сил. Разве вы не знаете, что не произошло не единой попытки напасть на нас, даже конвой адмирала предпочел отступить...

— Но Семенов...

— Что Семенов? — едко перебил Гирс. — В Забайкалье идут эшелоны нашей первой дивизии, и нет ни одного инцидента. У атамана просто нет сил, он увяз в войне с партизанами. Где он возьмет не менее двух тысяч дополнительных штыков для навязывания нам своего мнения?

— Но три бронепоезда и триста русских солдат уже на Байкале, — Крейчий не унимался, видно, угроза со стороны Семенова его сильно беспокоила.

— Угольный вагон, забитый шпалами, никак нельзя назвать бронепоездом, — уже не выдержал Сыровы, — и русские не триста спартанцев, а байкальские туннели не Фермопилы. Тем более известно, что больше сотни лучших солдат ротмистр Арчegov переправляет в Лиственничное, а оттуда грузовиками их отвезут завтра в Иркутск.

— Это надежная информация? — Павлу впился настороженным взглядом в генерала. Тот

только усмехнулся.

— Мы читаем всю их переписку. Наши шифровальщики хлеб даром не едят, единственное, что нам не удалось, это перехватить телеграммы из Лиственничного. Но тут ничего не сделаешь, линия идет по другому берегу. Дешифровка не представляет трудностей. Бронепоезда русских смогут выйти тридцатого, к этому времени ситуация в Иркутске изменится. К тому же их можно просто не пропустить к Иркутску — в Михалево отправлен «Орлик», и там на путях эшелон с нашими солдатами.

— Это хорошо, пан генерал. Но с Арчegovым стоят японские эшелоны. И они могут пойти на Иркутск вместе...

— Ну и что. Из Слюдянки еще вчера телеграфировали, что в двух эшелонах не больше сотни солдат. Даже если подойдут еще два эшелона, то численность наших японских «союзников» только удвоится. Одна полная рота представляет для нас угрозу?

Генерал уже открыто иронизировал, глаз сыпал веселые искры.

— Рота японцев никакой угрозы не представляет, — Крейчий неожиданно успокоился, — а если, например, по чьему-либо недомыслию, когда семеновцы подойдут к станции вместе с японцами...

Тут чех остановился и посмотрел на собеседников. Все моментально стали внимательными — разговор неожиданно перешел на очень серьезную тему.

— ...И кто-то из наших случайно выстрелит в японцев. Что произойдет? — Крейчий обвел взглядом собравшихся. Лица собеседников стали угрюмыми — пусть угрозы русских не более, чем блеф. Но с японцами необходимо держать ухо востро — в Забайкалье стоит 5-я дивизия генерала Судзуки, которую в любой момент могут усилить из метрополии.

— Я думаю, доктор здесь прав, — Богдан Павлу учтиво склонил голову, но злобно зыркнул глазами. — Японцы великие мастера на всякие провокации и могут просто подставить эту сотню солдат. А потом обвинить во всем нас. Вы понимаете, что может последовать?!

Все засопели, мрачно переглянулись — назойливым интересам Японии противостояли все союзники, и с их мнением самураи считались. Но они могут воспользоваться инцидентом и ввести дополнительные войска, а против этого будут все союзники. И не станет ли в этом случае чехословацкий корпус разменной монетой в большой политике...

— Я сейчас немедленно отдам приказ «Орлику» и нашим солдатам в Михалево, — генерал Сыровы тяжело поднялся со стула. — Если вместе с семеновцами на Иркутск пойдут японские эшелоны, то наши солдаты будут их немедленно пропускать. Я категорически запрещаю им допускать какие-либо обострения с японцами...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Мы мирные люди, но наш бронепоезд...

(27 декабря 1919 года)

Разъезд Ангара

Это была авантюра, и никак не придумать ничего лучшего. Авантюра чистейшая — таких наглых, вернее наглейших, у него в «той» жизни не было. И время на нормальную подготовку не отводилось — только два часа. И все — отдых три часа и погрузка в эшелон. Только солдаты хоть поспали, а он всю ночь гранаты со специальной начинкой конструировал совместно с моряками, благо японцы большой пакетик магния все-таки принесли...

— Господин ротмистр, к станции подъезжаем, — голос урядника вырвал Ермакова из блаженного состояния дремоты.

Как-никак полтора часа он поспал, не меньше — пока поезд тихо тащился вдоль ангарского берега. Первые пять верст Константин смотрел на ледяной панцирь реки, по середине которого шла извилистая темная полоса. Ангара река быстрая, своенравная и широкая, и потому стремнина оказалась еще не скованной льдом. А значит, корабли смогут пройти по ней до Иркутска.

Одновременно Константин считал телеграфные столбы, что шли вдоль берега, и поглядывал на часы. Методика нехитрая — расстояние между ними 25 сажений, или полста метров. Отсчитал два десятка столбов, версту проехал. Ермаков засек время по часам — без малого три минуты ушло. Значит, скорость около 22 километров в час. И вздохнул — с остановками до Михалево не меньше трех часов ехать. И вот, наконец, станция, на которой запланирована первая и пока единственная остановка.

Ротмистр наскоро протер глаза и осмотрелся — солдаты сидели в продуваемой всеми ветрами теплушке спокойно, с уважением поглядывая на ротмистра — орел наш командир, дрыхнет без задних ног, когда все в напряжении сидят. И тихонько запел себе под нос — «сегодня будет маскарад, ох, как я рад, ох, как я рад».

Только наглый изворотливый ум вояки конца XX века мог придумать такое — эшелон из десятка теплушек, украшенный японскими флагами, на белом поле которых краснеет круг восходящего солнца. В каждом вагоне у дверей сидит по пяти узкоглазых, только не японцев, а китайцев с легкой примесью казаков, чьи черты ненаметанный глаз европейца мог легко спутать. Да и чего с цивилизаторов взять, для них все азиаты-с на одно лицо — что монгол, что японец, что сын Страны утренней свежести.

Да еще со станции телеграфист предупреждает сообщением — так, мол, и так, следует японский воинский эшелон порожняком на Иркутск, под началом капитана Огаты, а с ним полсотни солдат охраны.

Все чин-чинарем — солдаты по форме одеты, в шинелях, меховых сапогах и шапках, у всех японские «арисаки» с примкнутыми кинжальными штыками, а у офицеров привешены к поясу самурайские мечи и тяжелые кобуры, типа маузеровских, с пистолетом «Намбу». Можешь с рук стрелять, но лучше кобуру к рукояти пистолета пристегнуть и импровизированным прикладом к плечу прижать...

А вместе с «японцами» десантные команды с трех бронепоездов едут, у каждого пятого ручной пулемет или автоматическая винтовка в руках. И еще «сюрприз» неприятный ждет в

двух вагонах, в виде мелкокалиберной пушки «Маклена» — развернуть напротив двери секундное дело. Потом створку чуть сдвинуть и в упор шарахнуть снарядиком или картечным патроном — мало не покажется. И добавки не попросят. Но то на самый крайний случай, если другие «аргументы» на чехов не подействуют.

Именно чехов они будут атаковать, и непростая задача — захватить, желательно в целости и сохранности бронепоезд «Орлик». Когда три часа назад Ермаков изложил перед солдатами задачу, то строй окаменело замер, задираться с чехами никому не хотелось. Пришлось ему подробно объяснить суть действия — напряжение спало, некоторые десантники усмехнулись весьма нехорошими улыбками, видно, имели старые счеты с «братушками».

А ведь с утра у него поначалу совсем другой разговор с офицерами был. Какие только доводы ему супротив не приводили, начиная от нарушения обычаев войны и кончая возможной обидой японцев на такое наглое самозванство.

И кары разные звучали — от расстрела и повешения чехами до разжалования собственным начальством. Но переубедил их Ермаков, осознали через полчаса неизбежность, ибо против убойной логики ротмистра ни один из них устоять не смог. Согласились на «маскарад», но ворчали про себя...

И вот он — разъезд Ангара, тезка сибирской красавицы речки, именем ее и названный. Хотя какой разъезд — смех один. С Портом Байкал не сравнить. Так, разъезд без дополнительных путей, с двумя маленькими кирпичными сооружениями, телеграфом и пакгаузом.

Ермаков вздохнул в напряжении — как пройдет первая проверка на «маскарад»? Но лучше здесь первый блин комом получить, чем в Михалево, с «закуской» из трехдюймовых снарядов.

Эшелон дернулся и остановился, раздался скрежет открываемых дверей, послышались гортанные китайские команды. Константин припал к щели между двумя досками — напротив стоял типичный эшелон с беженцами из трех дюжин набивших оскомину потертых донельзя теплушек и пяти не менее обшарпанных, когда-то бывших зелеными, пассажирских вагонов.

Жизнь была в разгаре, между вагонами сновали беженцы — мужчины, женщины, дети и старики. Наметанный глаз Ермакова сразу вычленил несколько серых пехотных и две флотские черные шинели, и он не мог не обрадоваться — нужда в кадрах на флотилии была острая...

Между тем действие началось — высыпавшие из вагонов «японцы» сразу привлекли внимание чуть ли не всех пассажиров и железнодорожных служащих. К «лжеОгате», который был назначен Ермаковым из самых сообразительных китайцев, немного знавшему русский язык и сотню японских слов, подбежал смотритель разъезда в черном чиновничьем пальто и тут же, судя по его жестам, закатил какую-то тираду.

Ермаков задержал дыхание — что-то пошло не так, совсем не так, как он планировал. Мнимый «Огата» остолбенел и не произносил слов. Из-за его спины тут же вынырнул другой «офицер», изображавший переводчика, младший урядник Пахом Ермолаев, лицом и ростом вылитый китаец.

Да оно и немудрено, если его отец, из природных служивых казаков, с «гуранистыми» бурятскими чертами, привез четверть века тому назад себе женушку из Маньчжурии, прелестную миниатюрную китаянку (показывал Пахом фотографию еще молодой матери — едва за сорок). И потому ничего русского (за исключением внутренней начинки, но ту-то сразу не углядишь) в Пахоме не было. Да и сам Ермаков поначалу сильно удивился, когда увидел чистокровного, как ему показалось, китайца в желтых казачьих лампасах.

Рывкнул казак китайцу что-то яростное, и «Огата» тут же, при помощи двух подскочивших солдат, поволок смотрителя прямо к командирской теплушке. Сам же Пахом кинулся в телеграфную будку с солдатами, и через минуту оттуда выскочил один из китайцев и помахал

над головой винтовкой. Ермаков вздохнул с облегчением — телеграфный пост захвачен, а связист не успел отправить никакой депеши.

Теперь все ухищрения кончены, и Константин свистнул, подавая сигнал притаившимся в вагоне десантникам. Те этого свиста заждались и горохом посыпались из вагона, подбадривая себя матерщиной скорее для бодрости, а не для ярости, просто замерзли в теплушках солдаты за это время, вот и рванулись для согрева.

На разъезде все в одно мгновение просто окаменело, но прошли секунды, как беженцы пришли в себя, и женщины с детьми тут же порскнули по своим вагонам, будто они могли им дать какую-то защиту. Но то психология: «дома и стены помогают», а за долгие недели дороги именно так воспринимались людьми вагоны. Почти все мужчины в шинелях остались — чего им было бояться, если на плечах десантников были малиновые пехотные и желтые казачьи погоны. Свои же...

Смотритель разъезда был пожилым мужчиной с морщинистым лицом и извечной крестьянской хитринкой в глазах. На ротмистра смотрел без видимой робости, но с почтением, исходя из простого постулата — власть уважать надо, особенно когда она штык к брюху приставила.

— Что вас, уважаемый, так сильно удивило в моих солдатах? — в упор первой фразой «расстрелял» железнодорожника Ермаков.

— Сообщили по телеграфу, что едут японцы, господин ротмистр. Вроде действительно японцы, вот только команды отдавать стали на китайском...

— Вы китайский язык знаете?

— Лучше сказать, понимаю немного, — уточнил железнодорожник и пояснил, — я десять лет на КВЖД отслужил, от сцепщика до делопроизводителя. И на старости лет смотрителем стал, хоть и маленького разъезда. Много повидал — японские солдаты совсем не говорят, когда рядом офицеры, а ваши китайцы как выскочили из вагонов, так сразу и залопотали. Я удивился и поближе подошел к офицерам. А они руки на мечах не держат, странно. Ведь самураи всегда за рукоять ладонью хватаются, намертво...

«Твою мать, прокол за проколом. Менталитеты разные у азиатов, а я и забыл про то. Умен смотритель, ничего не попишешь, наблюдательный. И на нужную тему сразу говорить начал, с чего бы это?» — Ермаков внимательно посмотрел на старого путейца.

— Я, Константин Иванович, много чего видел и разобраться, китаец передо мной али японец, смогу...

— И откуда вы мое имя знаете?

— А вы есть начальник сейчас на всей Кругобайкальской дистанции, а новости и приказы у нас быстро расходятся...

— А вот это хреново, и потому я ваш разъезд на целые сутки отлучаю от телеграфа, мало ли что...

— Так понимаю я, ваше дело служивое, Константин Иванович. Только осмелюсь заметить, что на связь мы обязаны выходить, иначе в Иркутске суeta начнется, и сюда могут из Михалева бронепоезд прислать...

— С этого момента поподробнее — на каком пути стоит, что на станции, как ведут себя чехи и сколько их? Да присаживайтесь рядышком, разговор у нас долгий будет...

Через четверть часа изрядно повеселевший Ермаков, отдав необходимые распоряжения, вяловато распекал командира «Атамана» поручика Мичурина, чей бронепоезд вломился на разъезд, словно озверевший кабан в заросли болотного камыша:

— Вы на пять минут раньше срока сюда влетели, поручик. Зачем торопились, план на то и существует, чтоб его придерживаться...

— Виноват! Просто команда беспокоились о вас, господин ротмистр!

— Хм, беспокойные... Ладно, прощаю на первый раз, но впредь... Смотрите у меня. Теперь черный паровоз отцепляйте, дальше на своем пойдете. Да, вот еще — на паровоз четырех морских офицеров посадите, они старшему лейтенанту Тирбаху зело пригодятся. А семьи их здесь останутся, комендант станции завтра весь эшелон в Порт Байкал отправит, здесь им делать нечего будет. Другие два паровоза с собой возьмем! Все понятно?

— Так точно, господин ротмистр!

— Идите, распоряжайтесь. Через пять минут выступаем...

Михалево

Когда эшелон миновал расположенное на крутом холме глазковское предместье, Иржи Колер не сомневался, что война для него окончилась. Достала она всех чехов до печенок, и если бы не интендантура, то было бы совсем кисло. Но вот уже три дня, как их эшелон застрял на этой проклятой ангарской станции, название которой с ходу и выговорить трудно.

Мрачное заснеженное место, продуваемое как в трубе холодным сырым ветром с Байкала. Первый раз он здесь был, когда преследовали красных летом прошлого года. Какая радость была на его душе. И вот не прошло и полутора лет, как он снова здесь, но на этот раз уходит от красных, которые неожиданно оказались сильнее...

Уходит... От огорчения Иржи сплюнул себе под ноги — как же, застряли здесь теперь на несколько дней, пропуская русские эшелоны. А попробуй не пропусти — дальше стоят японцы и войска Семенова, с ними дипломатию соблюдать приходится.

Но Колер, как и почти все солдаты чехословацкого корпуса, считал правильным приказ генерала Сырового о запрете прохода чьих-либо эшелонов, пока не пройдет последний чешский поезд. И плевать, что русские возмущаются, это их война, а чехов давно дома ждут. И умирать здесь никому не хотелось, тем более сейчас.

Но разве мог он знать летом прошлого года, что возвратится домой не нищим израненным легионером, у которого всего-то из богатств пять заслуженных кровью боевых орденов. Нет, сейчас Колер стал богатым — за день службы в Сибири каждому чеху платили один рубль, и не обесцененной бумажкой, а серебром либо золотом. Да и содержали их союзники, французы и англичане, очень хорошо — обмундировали и снарядили отлично, питались превосходно, давали папиросы и даже вино.

Иржи ощутил приятную тяжесть на животе — в туго повязанном поясе на исподниках были зашиты два десятка русских золотых монет, что не сдал он в походный банк корпуса. И было отчего — эти деньги достались ему нелегко, и поделиться ими он не желал.

Колер до сих пор помнил то богатое сибирское село, в которое ворвалась его рота. И принялась выполнять приказ — за то, что рядом с этим селением партизаны взорвали железную дорогу, жители были обвинены в пособничестве бандитам. А приказ был суров — село сжечь. И сожгли дотла, но перед тем обобрали его до нитки, чего ж добру пропадать. А монеты отдала богатая старуха, когда Иржи завалил на пол ее внуку, чтобы изнасиловать — обычная солдатская забава. Так себя все ведут, и чехи, и русские, и красные, и белые. Отдала деньги старуха, и Иржи тут же ее зарезал кинжалом, а потом ударил им и девчонку. До сих пор ее голубые глаза снились ему, а ночной порой он иногда слышал ее пронзительный крик. Но то пустое — так иногда ветер кричит в печных трубах.

А потом были еще сожженные села, много сел, может — десять, а может — пятнадцать, он их не считал. Зато добра везет домой много, на пятерых им целый вагон дали. Чего там только

нет — швейные машинки и сукно, посуда и хорошая жатка, инструмент и вычурные стеклянные вазы. И многое, многое другое, что на родине стоило баснословные деньги. Зато здесь его можно купить за гроши или отнять. Иржи улыбнулся — в походной кассе у него почти восемьсот франков и на поясе еще пятьсот франков, если рубли в них перевести, и не бумажных, а золотых, что в несколько раз больше по курсу. И серебряных рублей у него в чемодане за подкладкой изрядно припрятано — сувенир домашним из суровой и далекой Сибири...

Сейчас Иржи бережно прижимал к груди большую банку парного молока, завернутую в меховую накидку. Зато все женщины и детишки еще теплого попьют. С неохотой продавали чехам молоко эти бородатые угрюмые казаки, что жили в пяти добротных усадьбах, сложенных из толстых лиственничных бревен. А более домов у станции не было построено — мало удобной земли в зажатом сопками распадке, казаки раньше промыслами занимались или служили, а земледелием здесь не проживешь — то Иржи сразу понял, сам до войны крестьянствовал. Да и бывший полигон место лишнее занимает...

Молоко продал чеху казак, и вчера добытого лося за швейную машинку отдал — Осип Михалев полчаса ругался, пытаясь набавку выбить у хитрого каптенармуса. Только не вышло, у русских даже поговорка по этому поводу есть — нашла коса на камень. А в село не попрешься — не велено уходить.

Ох уж эти казаки — бородаты, усаты, на штанах у всех лампасы нашиты, в Сибири — красные, а здесь, на Ангаре и в Забайкалье, — желтые. И отнять у них трудно, поди тронь — у каждого винтовка и шашка в доме, под рукой завсегда, и другие казаки тотчас со всех сторон сбегутся. Нет, обижать казаков себе дороже, то и пан генерал в приказе особо отмечал.

Но казаки особняком, а вот русских в последнее время Иржи презирать стал — у них паровозы отбирают, а они сопли и слезы размазывают, причитают, хотя чуть ли не все стоят с винтовками. Умирать не хотят, драться за родную землю не желают, только жаждут подальше от войны уехать. В каждом русском эшелоне, что смешались с чешскими вдоль тысячеверстной железной дороги, чехи видели много русских офицеров, при золотых погонах. А это и вызывало презрение — одни дерутся насмерть с красными, а другие по тылам жировали, а при первом признаке опасности сразу же удрали. Прикажете чехам за таких трусов воевать? Увольте! Нас дома ждут!

Подойдя к станции, Иржи увидел подходящий со стороны Байкала эшелон — за паровозом тянулись десять теплушек, каждая из которых была украшена белыми полотнищами с красными кругами. Матка Боска! Косоглазые союзники пожаловали, что они тут забыли? Везде, твари, свой нос суют!

Прибытие японского эшелона не вызвало на станции каких-либо треволнений. «Орлик» мрачными глыбами своих бронированных вагонов нависал над японскими теплушками, грозными орудиями внушая почтение любому врагу и тем паче союзнику. А потому стояли только обычные часовые у носовой бронеплощадки и у тендера. Экипажа внутри почти не было — два-три солдата дежурной смены на бронеплощадках кутались в тулупы. Котел держали в часовой готовности, а потому сидеть в железных коробках было туго — сибирский мороз знал свое дело.

Команда бронепоезда гостила третий день в вагонах их состава — прекрасно оборудованных теплушках. В них прорезали по два окна на борт, поставили печку, удобные кровати — чехи ездили по четверо на вагон, только в теплушке Иржи было пятеро, плюс еще шестеро пассажиров и пассажиров.

У многих вагонов стояли женщины, то были или жены солдат, что женились на русских красавицах, но в большинстве своем полевые подруги, которые скрашивали их немудреный

солдатский быт до дальнего города Владивостока. И им хорошо — в безопасности до тихого места доедут, и нам — тут Иржи плотоядно ощерился в усы, как хорошо погулявший мартовский кот — очень даже неплохо.

Чистые бабенки, господские, кожа нежная, беленькая, тронуть приятно. И блох от них не поймашь, или дурную болезнь какую, к мужьям своим едут, с детьми зачастую. А вон и его Мария стоит — паренька своего на прогулку вывела, по голове гладит, рассказывает, поди, что дядя Иржи добрый, к тете их в Харбин везет.

А малец-то смекает уже, что он с его матушкой по ночам вытворяет, совершенно не стесняясь попутчиков, солдат и женщин. А чего стесняться-то — люди взрослые, понимают, что даром ничего не дается, и тем же заняты. Да и зачем время даром терять...

А японцы тем временем из вагонов высыпали — немного, полсотни едва наберется. Иржи чуть глянул на них без всякой опаски — чехов вдвое больше на станции. Да и вооружены у косоглазых меньше половины солдат — вдоль вагонов стоят, не шелохнутся, застыли намертво на ветру, только примкнутые кинжальные штыки лезвиями сверкают.

Колер чуть поморщился — дисциплина у них смертный ужас, чуть что — головы рубят. А вот и два самурая чинно к станции идут, за мечи свои поганые вцепились крепко, не отнимешь. Поручику Навотны отвесили поклоны, как по их этике положено, потом о чем-то переговорили, судя по всему — о связи, раз поручик показал им на будку телеграфиста.

Из предпоследнего вагона вылезла еще пара узкоглазых, и резво пошли в сторону паровоза — вот только три первых японских вагона от Иржи закрывала серая громада бронепоезда. Шагали с какими-то тряпками в руках — без оружия же ведь, мало ли что у них в первом вагоне, может быть, кумирня или какая-нибудь другая молельня. В этом Иржи путался, буддисты японцы или еще кто...

Колер остановился, повернул голову на восток, стал прислушиваться — ему показалось, что с Байкала к станции идет еще один эшелон. Плохо будет, если это русские. Сегодня утром был получен приказ пана генерала. Так чехи называли Сырового, ибо у них был один настоящий генерал, в отличие от русских, у которых было великое множество всяких разных начальников — иной раз казалось, что на сотню солдат приходится чуть ли не с полсотни офицеров с генералом во главе.

Так вот, пан генерал настрого приказал заворачивать обратно всех русских. Если будет нужно, то без размышлений применять силу, для чего выслал на станцию бронепоезд и приказал остановить их эшелон в помощь. Всех русских, и особо — семеновцев, бронепоезда которых уже добрались до Порта Байкал. Впрочем, бронепоезд громко сказано — углярку со стенками из шпал никак бронепоездом не назовешь...

Беда в другом — пан генерал настрого приказал, что если с русскими будут японцы, то на конфликт не идти и силой не угрожать. И тут, как назло, узкоглазые прибыли. Но есть надежда, что приближающийся эшелон тоже японский, в Порт их два прибыло...

Иржи потерял глаза рукавицей, ему показалось, что из-за поворота выползла бело-серая, в трещинах и изломах, длинная скала. Но в ту же секунду солдат сообразил, что это хорошо разрисованный вагон, и с ужасом осознал, что из торца вагона торчит орудийный ствол. Следом за вагоном показался закамуфлированный паровоз, выпускающий черный дым из трубы...

Русские! Семеновцы! Колер лишь минуту назад вспомнил их, и они тут же свалились, как снег на голову. Иржи открыл было рот, чтобы поднять алярм, но крикнуть не успел...

От «Орлика» раздались несколько негромких взрывов, скорее — громких хлопков. И тут же из амбразур бронеплощадок стали выползать густые струи черного дыма. И буквально сразу началась стрельба, будто одновременно застучали два десятка пулеметов. Иржи машинально схватился за плечо — привычного ремня винтовки не было. А! Он же ее оставил в вагоне. Рядом

об камень звякнула пуля, выбив искры — Колер тут же упал за валун, все же он воевал четвертый год и попасть под пулеметный огонь не хотел. Только чуть выглянул и в ужасе побелел...

— Банзай! Тенно хейка банзай!!! — дикий вопль разнесся в звонком воздухе над станцией. Он раз уже слышал его год назад, когда в Забайкалье видел отчаянную атаку японской роты на красных...

Японцев было много, очень много — чешский эшелон атакowało не менее полусотни солдат. Но страшным было другое — следом за японцами из вагонов густо повалили солдаты в серых и белых полушубках с нашитыми малиновыми и желтыми погонами. Русские! Измена!!!

Иржи отвалился за валун, в ужасе отер мокрое лицо рукавом шинели — их обманули и подло напали. Самураи с семеновцами снюхались. Все ложь — с Байкала идут японские войска. А это значит...

Колер второй раз высунулся из-за камня — вдоль вагонов их длинного эшелона серыми многочисленными комьями лежали тела солдат его роты. И много черных курток экипажа бронепоезда. Они выскакивали из вагонов, и русские буквально косили их из пулеметов. Очень много ручных пулеметов, Иржи даже показалось, что ими был вооружен чуть ли не каждый третий из русских, а семеновцев было гораздо больше сотни.

Но страшным были не пулеметы — из последней японской теплушки затявкала макленка, выпуская снаряд за снарядом в третий от конца вагон чешского эшелона — от того полетели доски в разные стороны. И сразу грохнул взрыв — пушка бронепоезда выплюнула сгусток пламени, и ее снаряд разнес в клочья пятый вагон от начала...

Еще выстрел... И тут из-за поворота медленно выполз еще один разрисованный русский бронепоезд — от носового вагона отлетел яркий сгусток и большой клубок белого порохового дыма...

Иржи отпрянул от камня, немного отполз назад, встал и бросился бежать в распадок, миновав казачьи усадьбы и тот дом, где купил молоко. И с диким удивлением чех увидел, что прижимает к груди банку с молоком левой рукой. Отбросил ее в сторону — не до него, только бежать мешает. А в голове билась только одна мысль — их предали. Пушки знали куда стрелять — именно в этих вагонах были оборудованы пулеметные амбразуры...

Сжатая соснами узкая санная дорожка уходила в сопки. Где-то далеко от реки была русская деревенька со странным названием Марково. Верст двадцать, но, может быть, и меньше, Иржи толком не знал. Бежать туда? Но русские начнут преследовать, у них казаки, а те воюют конными. Он не уйдет! Свернуть в лес, ползти на сопки — им вслед будет легче идти по его следам.

У дороги стоял большой сарай, набитый под завязку сеном. Казаки не укладывали сено в стога, а забивали им сараи. И Колер решил там спрятаться, отчаянно бросился к широкой двери и замер — сверху в петли был накинута длинный заплот. Снять его и зайти? А казаки сразу заинтересуются, кто же это в сеннике спрятался. Иржи лихорадочно заметался вдоль стен — так и есть, одна доска сдвигается, и вторая рядом. Ага! Видно, сынок летом девку сюда таскает, любит, и хозяин не полезет — заплот же накинута на двери, и, значит, на сеновале никого нет...

За досками оказалась глубокая выемка, как раз двоим полежать, с боков и сверху было битком набито душистое сено. Иржи заполз в нору и тщательно задвинул доски, моля бога об одном — чтоб не заметили. Прижался к щели глазом и для пущего сбережения надергал сена, чтоб в случае чего отползти вглубь и закрыться им, прижав к доскам.

Пулеметная и пушечная стрельба на станции стихла, и только изредка слышались винтовочные выстрелы и негромкие хлопки револьверов. И тут со стороны домов показались

три бегущих солдата, двое в шинелях, а третий в черной куртке. Иржи узнал своих, и как же они вырвались из этого ада, прошли через пулеметный ливень?!

Двое с винтовками пробежали мимо сарая, Колер не разглядел их лица, но третьего, безоружного, он узнал сразу — веселый, улыбчивый словак по имени Вацлав отставал, прихрамывая на ногу. И понял, видно, что бежать не сможет — гримаса отчаяния исказила его лицо. Кинулся к сараю, схватился за заплот.

И тут у Иржи душа ушла в пятки — из-за домов выскочили казаки с желтыми погонами на плечах и, радостно заулюлюкав, бросились в преследование. Но добежали только до сарая и остановились...

— Братушки! Не убивайте! — ломкий плачущий голос Вацлава Иржи узнал сразу — посмотреть он уже не мог, ибо отодвинулся сразу от стенки, поглубже залез в нору и завалил дырку сеном.

— Допрыгался, тварь! А когда вы, чехи, наших из вагонов выбрасывали и глумы им строили — братушками не считали?! Да я тебя...

— Постой, Фома. Ты шинельку-то сними, зачем тебе шинельку-то портить...

Иржи похолодел — от второго голоса навевало смертью, да и шинель пленных заставляли всегда снимать перед расстрелом, чтоб кровью не испачкать. Маловато шинелей было, на всех не хватало. Вацлав тоже понял, что сейчас его, раненого и безоружного, казаки убивать будут, может — стрельнут, но скорее — исколют шашками, и просяще заскулил:

— Братушки, не убивайте, я золото вам дам. Вот, возьмите. И в вагоне у меня под полом спрятано. Отведите на станцию, я покажу...

Иржи чуть облегченно вздохнул в первый раз — если алчность одолеет казаков, то на станцию отведут, а там офицеру на глаза попадутся, и Вацлав может жизнь выпросить... Если, конечно, японцы и семеновцы не договорились всех чехов перебить, с них не избудет.

— Ого, Еремей, серьги-то какие большие! — третий голос совсем не понравился Иржи, холодный, без алчности, но с каким-то вспыхнувшим интересом. — Где взял их, чех? Говори, душу выну!!!

— У Войтеха за злотый купил, то есть империял дал...

— Где этот Войтех?

— Он вам у вагонов сдался, господин урядник. Я видел, он руки поднял, и ваш офицер его с ног сбил...

— Живьем взял? Хорошо. Отстань, Фома, не сымай шинель. Помнишь, что наш ротмистр наказывал. И серьги эти с кольцами не замай. Ого! Да на них кровь, никак прямо из ушей сдернули?! Говори, сука, где бабу кончили, где?! У, падло! Песню про вас не даром сложили — «отца убили злые чехи, а мать в костре живьем сожгли»! Сам слышал, как в Канске ее крестьяне пели, что обездоленными по вашей милости стали!

До Иржи донеслись звуки ударов, пыхтение казаков и вскрики избиваемого Вацлава. И отчаянный, свирепый до мороза по коже, рев урядника:

— Говори!

— Это Войтех и Смигла. Офицерская жена, они ее вдвоем сильничали до смерти. Село большое, мы его сожгли, там партизаны были...

— С партизанами хрен, а вот за жинку ответят. Наш ротмистр таких особо велел собирать, он вам всем кузькину мать покажет, жопой на колья посадит! Пошли, сучонок, я тебя отведу и золотишко твое поганое их высокоблагородию отдам. Заговорите все, а то косоглазые с вас ремней нарежут!

— А эти как, что убегли?

— Там коней уже поседлали местные казаки, и себе и нашим. А вон и они, с шашками

скачут. Туда, станичники, туда двое упырей убегли, с винтами!!! Вот теперь не уйдут от семерых конных. Куда денутся? Пошли, чех, суд да дело вершить будем...

Копыта коней отстучали вдаль, и шаги, поскрипев по снегу, вскоре затихли. Иржи облегченно вздохнул. Теперь до темноты он из сарая не выйдет, отлеживаться будет. А там выползет и по дороге до Марково пойдет, подводу до Иркутска наймет, за золотой доvezут, к утру будет.

А иначе нельзя — снег везде лежит уже толстый, через сопки не пройдешь, на железную дорогу не выйдешь. Только в дальнее село идти надо, поспешая и в темноте — не дай бог они посты у крайнего дома поставят. А ведь поставят — кто такое нападение коварное устроил, всегда в опаске держится. Как волк, хитрый и смертельно опасный. Жаль только — молоко выбросил, сейчас бы попил теплого...

Михалево

— Блестящая победа, господин ротмистр, блестящая. Я таких и припомнить не могу! — поручик Мичурин захлебывался прямо-таки детской радостью, глаза восторженно блестели.

Побить чехов, захватить боеготовый бронепоезд в полной целостности и сохранности, и в придачу целый эшелон трофейного имущества. При этом только двое китайцев убиты, а чехов, попавших под плотный пулеметно-пушечный огонь, перебито чуть ли не полсотни, пока оставшиеся братушки не сообразили поднять руки...

— Вы опять на минуту раньше пришли, поручик? — Ермаков был раздражен — почему у чешских пулеметчиков по вагонам русские бабы сидели, ведь нельзя же так уставом пренебрегать. Вот и вышли невинные трупы, которых он так пытался избежать, используя информацию ушлых русских железнодорожников, ведавших все и про всех.

Одну в клочья трехдюймовым снарядом разнесло, троих бабенок из макленок картечными снарядами так изрешетило, что молоденького впечатлительного казака наизнанку вывернуло. И солдаты взирали на трупы с жалостью, а ведь мужики в отряде у него отпетые, много чего в жизни видевшие. И сам Ермаков чувствовал себя скверно, немного замутило при виде искромсанных тел, хотя жизнь до того побила порядком.

Еще три полегли по своей бабской дурости — нет бы упасть да под колесные пары забраться, так они перепуганными курицами кинулись, вот и посекло дурех пулеметами. Семь баб, конечно, скверно, но могло быть трупов намного больше, если стреляли бы не вдоль вагонов, а прямо по ним. Тогда бы чехов в плен попало бы от силы десятков, а не больше полсотни...

— Так беспокоился, господин ротмистр!

— Раз беспокоились, я вас сейчас припечатаю тем же, — Ермаков вспомнил телеграмму генерала Богомольца, — «Мстителем» вы не станете, все эти громкие названия бесполезны и даже вредны. Мы наши бепо, то есть бронепоезда, по заглавным буквам именовать будем, в соответствии с характером. Вот и напишите на тендере новое название — «Беспокойный».

— А как же приказ генерала?

— А хрен... Чехи наши шифровки легко читают, и если мы их хоть в небольшое заблуждение введем, и то хлеб будет. «Грозный» станет «Бесстрашным», почти синоним, и не обидно будет. Ну а трофейный «Орлик» вы уже окрестили «Блестящим», пусть им и станет. Как вы думаете, Петр Федорович? — последние слова относились к капитану Белых, что с интересом прислушивался к разговору, хотя и пытался демонстрировать равнодушие.

— А как окрестим мой «Заамурец», Константин Иванович? К «Орлику» концевым

прицеплен бронемотовагон.

— Ваш персональный БМВ? — Ермаков сократил наименование до привычных его слуху громких букв.

— Я строил его в шестнадцатом в одесском депо, — не оценил иронию ротмистра Белых. — Хотелось бы на него и вернуться...

— Стоящий? Каковы тактико-технические данные?

— Я уже посмотрел, чехи все содержали в полном порядке. На «Заамурце» они две трехдюймовки установили, вместо пушек Норденфельда, к которым снарядов здесь не найти. Основной бепо есть бывший наш «Хунхуз», строился специально, настоящая катаная броня в 16 миллиметров, внутри отделан пробкой и фанерой для шумоизоляции и тепла, бронеплощадки отапливаются паром, но котел должен быть на ходу. Бронемотовагон имеет трубы для прогонки по корпусу горячих выхлопных газов. И главное — на них установлены хорошие дальномеры, телефонная связь, нормальные перископы. Чехи и радиостанцию установили.

Капитан перечислял все достоинства жарко, лицо еще больше покраснелось, было видно, что он заморожен трофеями, и Ермаков его прекрасно понимал — таких «коней» нельзя сравнивать со шпалочным убожеством забайкальской конструкции. Это настоящая боевая техника, пусть и с поправками на время.

— Не ожидал, что вместо одного бронепоезда получу два! — Ермаков обрадовался нечаянному увеличению сил — то, что он принял за концевую бронеплощадку, пусть и более длинную, оказалось самодвижущимся бронемотовагоном, по силе равным двум носовым площадкам «Орлика».

— Так говорите, этот БМВ спокойно 45 верст выжимает?! Лихо! Вдвое больше, чем бепо. Ну что ж, традицию соблюдаем — будет отныне «Быстрым». А вам, господин капитан, поручаю вашему вниманию эти две новые боевые единицы. Переводите на них команду, знакомитесь с матчастью. У вас время есть, до позднего вечера. Кандидатуры командиров на ваше усмотрение.

Ермаков еще раз взглянул на трофеи — хищные силуэты, многочисленные пулеметы, орудийные башни, нормальная броня — он с жадностью рассматривал приобретение. Расслабились чехи, сильно расслабились, за то и поплатились. Самопальных светозумовых гранат, закинутых в пулеметные амбразуры, хватило для оглушения и ослепления дежурившей смены, которая в беспечности своей даже броневые двери не задраила.

Правда, со второй бронеплощадкой повозились — экипаж двери там запер, а потому пришлось выкуривать — ушлые китайцы как-то запихнули в раскрытую амбразуру самодельную дымовуху, изготовленную флотскими умельцами из морской дымовой шашки. Выкуривали чехов несколько минут.

Какая там стрельба из пушки и пулеметов — братушки дверь настежь открыли и шустро выпрыгивали, как очумелые тараканы, попавшие под мощную струю дихлофоса. Ермаков даже пенять перестал на отсутствие «черемухи» — слезоточивого газа в том, оставшемся времени. Вот только вагон долго скрести придется от копоты, хотя команда вряд ли расстроится — немного поработать, зато потом под нормальной броней находиться...

Громкий вздох отвлек Константина от мыслей — вся вселенская скорбь расплескалась на лице бравого поручика. Зато капитан прямо кипел организационным зудом.

— Константин Иванович, надо первую носовую площадку в Порт отогнать, перевернуть ее там, на «вилке», и сюда обратно пригнать. Тогда в Иркутске «Быстрый» может отдельно действовать, и на бепо пушки будут работать во всех направлениях.

— Зачем спрашиваете? Действуйте, в мерах я вас никак не ограничиваю. А связь с Иркутском под контролем. Так что можете его переворачивать, как хотите, лишь бы завтра действовал наиболее эффективно.

— Разрешите выполнять! — Белых четко козырнул, но Константин Иванович махнул рукой в ответ — «свои, чего ж с субординацией выеживаться». И только сейчас обратил внимание на печального поручика:

— Дражайший Павел Антонович, вы почему отрядом из двух «шпальников» не заняты? Экипаж у вас сверхкомплекта, плюс с учебной команды орлят более полусотни топчется — обживайте пустой «Бесстрашный», а старая команда объяснит, что к чему...

— Есть, господин ротмистр! Разрешите своими «бесами» немедленно заняться?! — гаркнул поручик. Все гаммы чувств сменились на его лице за эти секунды — уныние, непонимание, радость, восторг. С последним ясно — в дивизионе у Арчегова были три бронепоезда, и, по сути, лихой ротмистр сейчас стал командиром полка из пяти единиц. Белых получил два трофейных бепо, а ему, Мичурину, поручили старый дивизион из двух «шпальников». Отличный карьерный рост для молодого офицера...

— Бесы? С чего это, поручик?

— Так все с приставки «бес» начинаются, господин ротмистр.

— Идите, Павел Антонович, вижу, вас охватил творческий зуд! — Ермаков отпустил Мичурину и решил пройти на станционную будку, чтоб там в тепле и спокойствии попить чайку и покурить. Но не тут-то было...

— Константин Иванович! — из-за спины появился подполковник Наумов. И тут уже помпотыл из ниоткуда вылез. Надо же — желание увидеть чешские трофеи все же пересилило его природную трусоватость. И на щеках румянец появился, вид радостный, значит, хвалиться будет.

— Имущество в вагонах богатейшее. У них есть все, о чем только помыслить можно. Сукно, швейные машинки, посуда, одежда... Перечислять долго, хотя я только наспех пять вагонов осмотрел. У них даже катер на платформе стоит, и автомобиль...

— Катер?! — Ермаков удивленно поднял левую бровь. — Я его не видел и сейчас не вижу, как и автомобиль.

— Там, на платформах везут, в голове состава, господин ротмистр! Они их сеном обложили и короба поверху склотили, — Наумов тянулся как мог, даже попытался убрать свой объемистый животик.

Лихой захват Арчеговым чешских бронепоездов и на него произвел впечатление — в глазах подобострастие обосновалось, ни искры пренебрежения.

— Угу, — пробормотал Ермаков, углядев вдали платформы, и отдал приказ. — Составить список трофеев. Часть барахла на флот, а также выдать железнодорожникам и портовикам в дополнение к жалованью...

— А не жирно им будет, господин ротмистр, — Наумов сейчас походил на собаку, у которой из пасти попытались вытянуть кость — аж уши торчком встали и зубы оскалились...

— Не жирно! — отрезал Константин. — Они должны видеть, что мы о них заботимся. Более того, немедленно обсудите с начальником дистанции вопрос о материальном премировании рабочих депо в случае быстрого ввода паровозов. И распределите на них барахло. Кроме того, часть имущества отправьте в Култук или на подводах в Тунку, для обмена на продовольствие. Нам нужно очень много продовольствия, мы отвечаем за все гражданское население на Кругобайкальской дороге. Это раз! И для всех мы должны найти занятие — это два. Для всех! А потому беженцев, тех, кто едет наобум, лишь бы подальше, не отправлять. Таких большинство, и потому найдите всем работу — пусть те же станции чистят и прибирают...

— Ну это же огромные, даже расточительные расходы...

— Средства будут, я, по-моему, вам уже об этом говорил! — подполковник осекся от слов

Арчегова, и тут же лицо его стало счастливым.

Вот хореk — почти не ворует на свой карман, просто жаден, не любит добро из складов раздавать, как и все интенданты. Это у них натура такая — чем больше хранится, тем лучше. Вот и сейчас сообразил, что в Иркутске у чехов просто залежи полезного в эшелонах навалено, любой Плюшкин от радости удавится...

— Запомните хорошо, вернее, зарубите себе на носу — нужно за два, три дня обустроить всех. Расселить по станциям и селам. Определить тех, кто нуждается в опеке, пенсиях. Отправьте, наконец, в Тунку по селениям, найдите там занятие, нужны же учителя, врачи...

Ермаков замолчал — он же сказал: врачи. И чуть не хлопнул сам себя за косность. Тиф же идет, больные кругом, да раненые косяком вскоре пойдут. А у него в отряде только два санитарных вагона, плюс медперсонал с десятков человек — два врача, фельдшер, аптекарь да сестры милосердия. Мало!

— Даю вам один день! Мобилизовать всех медицинских работников из беженцев, найти лекарства и бинты, какие возможно. Покупайте хоть лекарственные травы у местных. Да что угодно! Немедленно оборудуйте два санитарных поезда, на всех станциях должен быть лечебный блок с лазаретом и аптекой. В Порту Байкал нужен госпиталь, в Слюдянке больница. Решите вопрос о зданиях с начальником дистанции. В средствах не ограничиваю, людей можете брать сколько угодно, но не из отряда. Беженцев здесь сотни, вот их и возьмите. Действуйте, времени терять нельзя ни одной минуты...

Иркутск

Мрачная атмосфера царила в Иркутске, город застыл в странном оцепенении, в тревожном ожидании перемен, словно предчувствуя судорожную кровавую перетасовку. Напряжения добавляла и милиция — ее патрули повсеместно исчезли с улиц, и только возле собственных участков еще можно было увидеть милицейские шинели с белыми повязками на рукавах.

Улицы занесены снегом, в небо поднимаются сотни дымков растопленных печей, не видно автомобилей, если не считать того, на котором он ехал. Не было в нем радости, а сквозило тоскливое ожидание чего-то плохого. Иными на улицах были и люди.

Поначалу он долго не мог сообразить, в чем же дело, но потом понял — две крайности царили здесь, нескрываемый страх и какой-то затаенный оптимизм. Первая крайность проявлялась в большинстве куда-то торопившихся прохожих, зачастую смотрящих на него с нескрываемой злобой, а вот вторая появлялась на лицах встречавшихся ему на пути гарнизонных военных и многоликой чиновничьей массы в затрапезных пальто. Офицеры, солдаты, кадеты и казаки четко козыряли начальнику гарнизона, и он отвечал им тем же, хоть в трясущейся открытой машине это было нелегким для него делом.

Генерал постоянно щурился от встречного холодного ветра, бьющего ледяной крошкой прямо в лицо, забирававшегося под шинель и крепко морозившего тело. Вроде и ехали недолго, чуть больше четверти часа, но Ефим Георгиевич замерз капитально, даже зубами застучал. Однако любопытства не утратил — все встреченные на пути служивые улыбались, так на людей подействовало скорое подтверждение его недавнего приказа о прибытии подкреплений из-за Байкала...

Сразу после полудня с прибывших из Лиственничного автомобилей на Амурской улице спешила добрая сотня здоровых и веселых станичников, одетых в добротные беленые полушубки. Да еще горную пушку на грузовике привезли, а к ней десяток ящиков со снарядами.

Семеновцы были немедленно посланы на охрану тюремного замка, заменить ненадежный

солдатский караул. И молодцеватые казаки быстро построились и пошли по Большой улице колонной, четко отбивая шаг. Да еще, несмотря на морозный воздух, задорную песню дружно затянули, лихим свистом сопровождая.

Поседлаем лошадок, перескочим ограду,
Да галопом до пристани,
Чтобы не было грустно, порубаем в капусту
Всех жидов с коммунистами.

Слова были совершенно незнакомы генералу Сычеву, видно, песня совсем недавно написана.

Степка справа, я слева, перепортим их девок,
Сучье семя повыведем,
За родную Рассею, как гусей, их рассеим,
Тяжела будет исповедь.

Теперь Ефим Георгиевич был уверен, что написать такое мог только казак, весьма одаренный поэт.

В душу мать их Советы, из винтов по декретам,
Мы ударим со Степкою,
Комиссарского тела мать моя захотела,
Из десятка неробкого.

Сычев кхекнул от забористых слов, а вот лица прохожих неожиданно повеселели, видать, песня задевала их за живое.

Разрубаем собаку, до седла, до просаку,
Гольтьбу всяку прочую,
За станицы родные, за луга заливные
Да за царскую вотчину.

Из переулка вынырнул конный патруль — семеро бородатых иркутских казаков мигом заворотили лошадок и пристроились к колонне. И их голоса с цоконьем копыт слились в общей песне.

Поседлаем лошадок, перескочим ограду,
Да галопом до пристани,
Чтобы не было грустно, порубаем в капусту
Всех жидов с коммунистами.

Песня кончилась, семеновцы повернули на Ланинскую, однако пересуды среди горожан

разгорелись со страшною силою. Многие склонялись к мнению, что Семенов будет грозой всех левых и церемониться с Политцентром, который иркутские острословы уже переименовали в «Центропуп», не будет — враз всем укорот сделает.

Другие обыватели, среди которых преобладали господа семитской наружности, были подавлены и потому настроены категорически против прибытия в Иркутск войск атамана. Они даже распространяли слух, весьма похожий на правду, — чехи обещали Политцентру, что не пропустят семеновцев по железной дороге, а автомобилями из Лиственничного их много не привезут — и авто маловато, и в бензине крайняя нужда.

Впрочем, обе крайности сливались в одну плоскость — правительство в любом случае уйдет в отставку, ибо достало всех до печенок своей беспомощностью. Все несчастья последних месяцев на нем лежат — голод в городах, беспорядок, разгул партизанщины, и главное — Омская катастрофа, отступление армии и беспорядочная эвакуация. И правительство должно ответить за это безобразие — вот главное, что объединяло большинство, если не всех...

Сычев торопился и, волнуясь, перестал замечать холод. Машина проезжала мимо добротных казачьих усадеб, мимо красивой казачьей часовенки, построенной в память об убиенном императоре Александре Николаевиче, в которого злодеи-террористы из «Народной воли» метнули бомбу на Екатерининском канале 1 марта 1881 года. Много в Иркутске живет казаков, занимают три улицы, которые именуют «казачьими». Ефим Георгиевич ехал сейчас к атаману Иркутского казачьего войска генерал-майору Прокопию Петровичу Оглоблину, но разговор между ними предстоял напряженный...

Михалево

— Костик! Арчegov!!! — звонкий женский крик полностью перекрыл царящие на станции голоса, лязг металла, лошадиное ржанье.

Ермаков машинально обернулся, за последние дни он уже сжился со своей новой фамилией, а к имени и привыкать не надобно. От чешского вагона, из пестрой толпы собравшихся женщин, к нему кинулась молодая девушка, выкрикнув его имя еще раз.

У Константина похолодело в груди — он узнал ее, узнал по той фотографии в арчegovском бумажнике, пусть и ставшую немного взрослее. А за ней с плачем маленькими ножками затопал малыш, на которого напялили уйму теплых одежек, в результате чего он стал похожим на колобка. Почему-то Костя сразу решил, что это мальчик, ведь точно так же бегал его карапуз, когда сам Костя только начал носить на плечах курсантские погоны.

Детский плач буквально пригвоздил на бегу молодую маму, она в замешательстве остановилась, то ли бежать к Арчegovу, то ли вернуться к ребенку. А малыш тем временем зацепился ножкой за рельс и спикировал на шпалы. Падение было болезненным, и он уже разразился настоящим ревом.

Вот этого Ермаков стерпеть не мог, он не выносил детского плача. Именно плача от боли, а не ультимативного требования очередного каприза маленького эгоиста. Константин резво стартовал, обогнул женщину и подхватил на руки карапузика.

Года полтора, ротик искривился плачем, глазенки сверкают. Ермаков ожидал, что рев усилится, ведь ребенок понял, что его в руки взял чужой дядька, однако этого не произошло. Наоборот, малыш вперился в него взглядом и замолчал.

— Тебя как зовут, казак? — от этого вопроса Костя никак не мог избавиться, и сам, будучи казаком, детишек всегда именовал казаками.

— Иван, как ты и хотел, дедушкиным именем назван, — женский голос за спиной чуточку

дрожал.

И тут до Кости дошло, и он чуть не выронил из рук мальчонку. Это его сын, вернее — сын Арчегова. А эта женщина ему жена, или скорее гражданская жена, ибо официально он не женат, если судить по послужному списку. Вот только кольцо обручальное на пальце и фотография подруги имелись, да теперь и она сама появилась с ребенком. Мысли понеслись в голове лихорадочным галопом, и он, выгадывая время, задал ребенку еще один вопрос:

— И сколько ты уже на белом свете, Ванюша, здравствуешь?

— В прошлом году второго августа родился, — все так же неуверенно ответила женщина. Она словно боялась Арчегова или опасалась неадекватной реакции, что будет вернее.

«Повезло тебе парень, в день десантника родился», — это одно растрогало Костю, и он крепче прижал ребенка к груди, а мозг, как компьютер, уже начал выдавать первую информацию к размышлению.

Выходит, Арчевов был с ней в ноябре семнадцатого, иначе дитя бы на свет не появилось. Вот только какая-то склока между ними вышла, и он уехал от нее, возможно, даже не зная, что она ждет от него ребенка. Иначе бы слово «сука» не написал на обороте фотографии. И решился на жестокую проверку:

— Что ты делаешь в чешском эшелоне вместе с другими ППЖ?

— Я ехала к тебе. В Челябинске случайно встретила поручика Тедеева, это было в начале сентября, и он мне сказал, что ты в Забайкалье у атамана Семенова служишь. Я и твоему батюшке писала, даже ответ получила, но он не знал, где ты. Написал, чтобы мы до Владикавказа скорее добирались. Но как? — женщина лихорадочно выплескивала из себя слова, но тут осеклась и неожиданно тихим голосом спросила:

— Кто такие ППЖ, ты спросил таким странным тоном?

— Походно-полевые жены! — последнее слово Ермаков произнес так, что оно звучало, как «шлюхи».

Она отшатнулась от него, будто он ее ударил, лицо смертельно побледнело, в нем не осталось ни кровинки.

— Лучше убей меня и сына! Не говори так никогда. Убей! Я не могла с тобой поехать тогда, в ноябре семнадцатого. Да, я послушалась больную маму. Я не знала тогда, что ношу под сердцем нашего ребенка, твоего сына. Но этим летом я бросилась тебя искать, вместе с мальчиком, а ему года не было! — она не плакала, в истерику не срывалась, и Костя машинально отметил, что у нее прекрасно сбалансированная психика.

— Бахва посадил нас на поезд, но в Красноярске мы застряли. Я не знала, что делать, но тут чехи предложили помощь. Но я не подстилка для них! Я блюла и свою и твою честь! Она для меня не пустой звук. Мама мне дала наши фамильные серьги, я заплатила ими. И твой родовой перстень с рубином отдала, хотя для тебя он очень важен...

— Прости! — прервал ее Костя, он все понял.

И сделал выбор — малыш не должен остаться сиротой при живом отце. Моральных препон он не испытывал, тем более женщина ему понравилась с первого взгляда. Правда, сложности могли быть немалые, но Ермаков решил сослаться на амнезию от полученной им контузии. Такие вещи на войне бывают и никого не удивляют.

— Найти у чеха серьги и перстень! — резко скомандовал Костя, чувствуя, что за спиной уже маячит верный Пахом Ермолаев, а с ним еще пара казаков-ординарцев, приставленных с бывшего «Грозного» капитаном Белых. Рывкнул приказ и поглядел прямо в глаза своей жене. Да, да, именно жене — такие женщины на дороге не валяются.

— Пошли, в моем вагоне тепло, — Костя решительно пошел к штабному поезду, который десять минут назад втянулся на станцию.

И не могло быть иначе — экипажам и десанникам надо где-то греться, и все составы должны быть под рукой. Да и до начала главной операции оставалась уйма времени — а отсюда до Иркутска два часа медленным ходом...

— Нина Юрьевна! — удивленно взвыл Аким Андреевич и выпрыгнул из тамбура. Костя облегченно вздохнул, теперь он знал ее имя и надеялся выбить позднее с ординарца остальную информацию.

— Дядя Аким! — она прижалась щекой к груди денщика, а Ермаков мысленно сделал зарубку, ведь возрастом он ей в отцы годился.

Старый солдат бережно помог Нине подняться по лесенке и чуть ли не под локоток довел до двойного штабного купе. Вопросительно посмотрел на ротмистра:

— Там места много, есть где малышу поиграть. Да и теплее там. Устраивайтесь, а я сейчас за вещами быстро сбегаяю, — и Аким немедленно вышел. Ермаков уселся на ближнюю полку, стал тормозить ребятенка, извлекая того из вороха одежек.

— Костик, что происходит с тобою? — Ермаков сжался от напряженного голоса Нины и решил, что в чем-то прокололся, но она закончила совсем неожиданным выводом:

— Ты зачем напал на чехов? У них в Иркутске тысячи солдат, я своими глазами видела, да и сами чехи этого не скрывали!

— И я должен спокойно смотреть, как это воинство грабителей удирает, а тысячи русских замерзают в вагонах, которые они не пропускают?! Я должен спокойно смотреть, как наглые вчерашние военнопленные сажают под свою охрану адмирала Колчака и сейчас пытаются захватить золотой запас России?! Скажи — я должен на это смотреть спокойно?!

— Нет, мой милый. Просто сегодня мне было очень страшно — пулеметы, пушки, эти японцы. Я боялась погибнуть вместе с Ваней...

— Я сделал все, что мог. Пулеметы отсекали чехов от вагонов, в двери били прицельно только из винтовок, пушки стреляли только по пулеметным площадкам. Жертвы есть, но обойтись без них было невозможно. Пойми, я должен был захватить их бронепоезд...

— Я понимаю... Как мы будем жить, мой милый?

— Счастливо! И вместе — ты, я и сын! Но сейчас война, завтра бой, и потому я тебя на станции поселю, у казаков в доме. Сейчас распоряджусь, чтоб тебе они комнату подготовили. И не спорь — тебе и ребенку со мной в вагоне делать нечего!

— Так я и не спорю, мой милый. Я как увидела у тебя кольцо на руке, так от счастья чуть не задохнулась. Ты тогда сказал, что будешь носить его, пока меня любишь. Вот я и обрадовалась. Дуреха, наверное? Я счастлива, что мы нашли тебя, всю Сибирь проехали...

— Я тоже рад. Ты пока посиди немного, я сейчас насчет квартиры распоряджусь. Да приказы нужные отдать надо. Хорошо?! — Ермаков посадил к ней на колени ребенка, бережно в руки, чуть коснулся губами ее прохладной щеки и вышел из купе...

Иркутск

Молодой казак-часовой, с накинутым на папаху башлыком, при виде вылезшего из машины Сычева вначале остолбенел, но затем его глаза сверкнули такой лютой злобой, что у Ефима Георгиевича стало холодно в груди, и он подумал, что между казачьими генералами, Оглоблиным и им, не черная кошка пробежала, а стоит настоящая ненависть.

А сделать уже ничего нельзя, что было, то было. Надо будет искать способ разрешить летний конфликт, когда казачий полк разоружили, а Оглоблина с правлением войска и с большинством офицеров дивизиона посадили под арест. И командовал всем этим делом он,

генерал Сычев...

— Здорово ночевали, станичники, — Сычев сдернул папаху и перекрестился, переборов внутри себя недовольный позыв, вякнувший, что не генеральское это дело так приветствовать, а тем более бывшего недруга. Но вот именно такое исконно казачье обращение сразу ошеломило невысокого седоватого генерала и коренастого плотного есаула с черными усами, которые уже начали приподниматься со стульев.

— Сидите, сидите. Времени мало, позарез. Читайте! — без всяких преамбул Сычев достал из-за пазухи несколько листов тонкой бумаги, положил их на стол перед Оглоблиным. Вторую стопочку выложил перед есаулом, а сам уселся в кресло у окна. Узрев на подоконнике пепельницу с окурками, пачку папирос и спички, тут же закурил, не спрашивая разрешения атамана. Да и зачем спрашивать — генерал Оглоблин лихорадочно читал листки, весь его вид говорил о том, что атаман не верил своим глазам. И у есаула проступила растерянность на лице — как подсказала память, то был помощник войскового атамана Степан Александрович Лукин.

— Что это?! — генерал и есаул спросили одновременно. А вместо злобы, которую ожидал увидеть Ефим, в глазах была только растерянность.

«Это я удачно с такой нужной масти зашел, удивить врага, значит, победить. Теперь не свара будет, а продуктивный диалог», — подумал Сычев, но вслух сказал совершенно другое:

— Вы уже имели послание от ротмистра Арчегова?!

— Да, и довольно странное...

— И поняли, от кого оно исходит?

— Наш атаман Григорий Михайлович Семенов и стоит за всем этим делом, думать про иное просто глупо. — Оглоблин сделал упор на слове «наш». И Сычев сразу отметил это — точка соприкосновения была найдена, и можно было начинать серьезный разговор.

— Как ты думаешь, Прокопий Петрович, зачем наш Григорий Михайлович приказывает найти Вологодского, Серебренникова, Михайлова и Гинса. О чем ротмистр Арчегов хочет говорить с ними? И почему завтра, он что, из Лиственничного сюда приедет? И еще одно — почему ты вчера мне позвонил и предложил помощь? Получил то послание от Арчегова?

— Он настоятельно предложил оказать тебе помощь. И попросил немедленно разыскать и взять под надежную охрану бывших сибирских министров Вологодского, Михайлова, Серебренникова и Гинса...

— Странная просьба, ничего не скажешь. Дело в том, что и я получил точно такие же предложения, — Сычев наклонился над столом, — как ты думаешь, почему?

— И гадать нечего — если один не выполнит, сделает другой. Вот только зачем? — Оглоблин пожал плечами. — Пока не понимаю, в чем суть замысла атамана Семенова.

Сычев заерзал на месте, и неожиданно какая-то вспышка в разуме дала объяснение странным телеграммам и письмам Арчегова.

— Григорий Михайлович задумал совершить переворот, — по складам, медленно сказал Ефим Георгиевич и требовательно посмотрел на собеседника. Тот сверкнул глазами в ответ, жестокая складка собралась в уголке губ. И Сычев откровенно выдал суть своих размышлений:

— Он хочет взять всю власть в свои руки!

— Ты сбрендил! — От изумления Оглоблин закашлялся. — Григорий Михайлович невелика шишка на ровном месте. И то в Забайкалье. За ним никто не пойдет, кроме его казаков. Даже несмотря на приказ адмирала...

Сычев удовлетворенно хмыкнул — хоть и семеновец Оглоблин, но честолюбие упрятать трудно, ведь полковником он стал намного раньше, чем Гриша Семенов сотником. Да и по возрасту старше не только его, Сычева, но Григорию Михайловичу вообще в отцы годится. А потому тяжело ему приказы от своего бывшего подчиненного получать.

— Не суди опрометчиво. Во-первых, я не говорил, что он должен взять власть напрямую. Это можно сделать более опосредованно, оставаясь в тени. Во-вторых, у власти могут и будут совершенно другие люди, при его и нашем с тобой, конечно, участии.

— Кто?!

— Сибирское правительство, вернее те министры, что отменили в ноябре 1918 года декларацию о независимости Сибири от 4 августа того же года. Все они сейчас в Иркутске — председатель Вологодский, министры финансов и снабжения Михайлов и Серебренников и заведующий канцелярией Кабинета министров Гинс. Последний, кстати, на той же должности, только во Всероссийском правительстве. Так что кворум здесь в сборе.

— Понятно. Но что это даст?

— Провозглашение временной независимости до установления в России действительно демократической власти, — последние два слова Сычев произнес с нескрываемой иронией. — Без коммунистов и желательно без эсеров. А тогда Сибирь отказывается от независимости в пользу России, но с сохранением самой широкой автономии. Это нисколько не противоречит декларациям 18-го года. Наоборот, юридически оправдано и полностью восстанавливает статус-кво, связанный с банкротством всероссийского правительства. Последнему у нас делать нечего — здесь же кусок территории Восточной Сибири и Дальний Восток. Сами разберемся...

— Ага, ну... И куда оно денется? А с адмиралом Колчаком как?

— Правительство передаст все свои функции Временному Сибирскому правительству, а само превратится в правительственное совещание при Верховном Правителе. Чуешь разницу?

— Очередная говорильня, только без прав и, чую, без денег.

— Совершенно в точку, ваше превосходительство.

— А адмирал Колчак как?

— Как английская королева, для представительства и преемственности. Ибо здесь он не нужен, самим бы управиться. Или ты думаешь, что у этого полярного исследователя, который последние месяцы подсел на кокаин, блестящий государственный ум?

— Сомневаюсь, Ефим Георгиевич. Иначе не порушил бы все и не бежал бы сейчас, бросив армию умирать при морозах. Ну, этого следовало ожидать — мы же не рвемся броненосцами командовать, ибо знаем, что наворотить на них сможем. Человек пользу приносит, токмо находясь на своем месте...

— А Григорий Михайлович будет на месте помощника главнокомандующего, генерал Каппель, я думаю, прорвется сюда. А также станет походным атаманом всех казачьих войск Востока России. — Сычев вопросительно посмотрел на Оглоблина.

— А ты, Ефим Георгиевич, сядешь на место военного министра...

— Вряд ли, я же казак. А вот помощником министра или министром по делам казачества быть смогу. И войсковым атаманом я уже был... А всех генералов надо убрать в сторону — они сейчас крысами по щелям забились, но повылазят, как только мы победим в Иркутске.

— Согласен. Я тебе и Арчегову окажу всю помощь, какую смогу. Хотя ротмистр в альянсе с генералами...

— Он ротмистром стал раньше, чем Григорий Михайлович есаулом. Я тут навел справки — он от чина уже три раза отказался.

— Понятно. «Отказник», иначе бы давно генералом был, да и сейчас, как я понимаю, наш ротмистр на генеральской должности...

— Ну, тогда и нам не зазорно с ним в одной компании. А что ты хочешь получить от нового правительства, Прокопий Петрович?

Генерал Оглоблин взял листки бумаги со стола и протянул Сычеву. Тот быстро пробежал глазами, хотя догадывался о содержимом текста, посмотрел карандашные поправки самого

Прокопия Петровича.

— Эти семь волостей нужно немедленно включить в состав войска. Как было по реформе 1851 года и по предложениям комиссии Путинцева 17 лет тому назад. Каждой крестьянской семье, пожелавшей перейти в казаки, должно быть выплачено 100 рублей золотом и еще по полсотни всем новым казакам от 18 до 30 лет, кто будет мобилизован. Такие же пособия должна получить и каждая казачья семья. Деньги выплачивать в течение двух месяцев, а дополнительная земельная нарезка на новые казачьи селения до лета. Решение правительства должно быть через два дня после прихода к власти, — тихо, но внушительно, закончил свою речь Оглоблин.

— Нужно ввести в Иркутское войско все инородческое население, как в 1896 году хотели. А казаки будут в бурятских сотнях урядниками и вахмистрами, — добавил Прокопий Петрович после короткого размышления. — Тогда к лету мы выставим два полнокompлектных полка конницы, шестисотенного состава, плюс батальон и артиллерийская батарея.

— А зачем крестьян по всей иркутской округе в казаки записывать, с них толку никакого нет, да и роптать за снаряжение на службу будут. Тебе нужна головная боль, такая как в Забайкалье в двух отделах творится? Там же все «сынки» супротив казачества пошли...

— Я их в пластуны определяю, один батальон войско выставлять будет. А потому снаряжаться крестьяне будут легко...

— А-а, — понимающе протянул Сычев, ведь пеший казак тратился в семь раз меньше. Потому нерчинские казаки и бузят, ведь в начале века они пешими служили. Хитрованы — хотят и полный казачий пай себе оставить, и на службу не тратиться...

— Здесь живут до десяти тысяч крестьян из казаков, и все они желают в казачество обратно вернуться. А за ними односельчане потянутся. А насчет округи скажу одно — по Иркуту и Ангаре до Иркутска едва сорок тысяч крестьян проживают, ну пятьдесят, в лучшем случае. Лучше всех поголовно оказачить, чтоб чересполосицы избежать...

— Оно понятно, — понимающе протянул Сычев, но сам думал о другом. Если принять предложение Оглоблина, то иркутских казаков вместе с бурятами и поверстанными крестьянами станет чуть ли не полтора-два тысяч, или в десять раз больше, чем сейчас. Столько же казаков в Забайкалье сейчас за Семенова стоят, впрочем, другая половина за красных воюет.

Тут иное вырисовывается, о чем Прокопий Петрович не говорит, лукавит. Если правительство в Иркутске будет, а ехать ему некуда, то казаки завсегда смогут его за горло взять. И повторится давняя омская история, вот только там на правительство атаман Иванов-Ринов давил, а здесь тем же атаман Оглоблин заниматься будет. Но и увеличить войско нужно, и на порядок — тогда оно сможет красных на границе губернии остановить летом, а уж полгода как-нибудь отбиваться самим придется, ну об этом и думать чуть позже надобно...

— Я сделаю все! — решил Сычев на категорический ответ, в конце концов, это реформирование важно в интересах государства и казачества, тем более, когда пожаром партизанщины почти вся губерния охвачена.

— Что ты хочешь от нашего войска, Ефим Георгиевич? — глухо спросил Оглоблин и поднял воспаленные глаза. Сычев не отвернул от него взора, угрюмо, медленно чеканя слова, ответил:

— Для себя ничего! И про меня не вздумай плохо подумать, Прокопий Петрович! — кривая улыбка сама вылезла на лицо Ефиму.

— Скажи, что случилось?! Не темни! Что делать? — Взгляд Оглоблина прямой, голос без малейшей иронии, а вот лица атамана и есаула стали за какие-то секунды встревоженными.

— Через три часа должны восстать солдаты на Знаменской стороне. Все солдаты отряда особого назначения. И вся милиция в городе — они уже у своих участков кучкуются. Восстанут,

как пить дать, если губернатор не уговорит сутки потянуть, он уже в казармах. — Сычев взял папиросу и нервно закурил. Оглоблин с Лукиным внимательно слушали, напряженно сопели.

— За переворотом опять стоят чехи. Почти все руководство заговором мы успели арестовать, как вы знаете, уцелели лишь те члены Политцентра, что в Глазково у чехов попрятались. Теперь их к нам на пароходах в Знаменское переправляют. Генерал-лейтенант Артемьев, старая сволочь, мне запретил категорически за повстанцев в Знаменском браться, а чехи приказывают Глазково не обстреливать, иначе в ответ грозят бронепоездами город разгромить. Только ненадежную роту инструкторов разоружил, в училище препроводил и на гауптвахту всех посадил. Вижу, ты в курсе, уже знаешь?!

— Степан Александрович поведал, да и сотню Петелина по твоему приказу на улицы патрулями выслали!

— Чехами блокированы поезда Верховного Правителя, — глухо продолжил Сычев, — а в Красноярске эсеры подняли восстание и отсекали все наши армии. Чую, что лишь малость из них к Иркутску прорвется, а остальные либо погибнут, или сдадутся красным, что преследуют по пятам.

— А что же союзники?! — уже чуть вскрикнул Оглоблин.

— Чехи удрать хотят с барахлом и золотым запасом России. И нас предали, и удерут дальше по железке, так как с Политцентром они договорились. А если мы заартачимся, то чехи нас здесь из пушек погрозят...

— Атаман Семенов не даст...

— Кто ему позволит?! — резко, может быть излишне резко, прервал Оглоблина Ефим Георгиевич. — У посланного сюда отряда Арчегова людей мало и только три бронепоезда. Политцентр побить он может, но вот если чехи супротив выступят? У генерала Скипетрова, что следом за ним идет, и одной тысячи бойцов не наберется. У нас в городе сейчас намного больше сил. А здесь, в одном только Глазково, сколько чехов сидят?!

— На что надеяться? И что же делать?!

— На японцев, что у ротмистра. И еще эшелоны идут. Они, думаю, у нас тридцатого будут, через два дня. Надо продержаться это время. Не допустить восстания в Знаменском. В общем, так — начинай мобилизацию всех казаков. К тюремному замку всех своих подтягивай, там семеновцев сотня с пушкой. Сколько наберешь?

— Всех способных держать оружие мобилизую, в казармах у меня учебная и нестроевая команды, сильные караулы цейхгаузов уполовиню. Сотни три с половиной казаков наберу, — уверенно ответил атаман.

— Я всех офицеров округа и резерва на казарменное положение перевел. Хотел из них три роты сформировать, но прислушался к совету Арчегова и по военно-учебным заведениям распределил. И ты, знаешь, но ротмистр прав — там от них пользы намного больше будет. В Лиственничное утром отправил сорок шесть офицеров — артиллеристов, связистов, техников и саперов. Всю взрывчатку со складов выгреб...

— Туннели минировать? — Оглоблин давно знал, что минирование байкальских туннелей палка о двух концах. Теперь чехи на дыбки встанут, ибо ротмистр их за горло возьмет. Но могут братушки норы свои поглубже спрятать, ибо стоит Арчегову хоть один туннель взорвать...

— Так точно. Я ему туда чинов морского ведомства еще сбавил, всех, кто в городе был, — набралось таких две дюжины. А с ними бывший морской министр контр-адмирал Смирнов уехал, в Харбин жутко торопится, — Сычев хихикнул: под команду ротмистра ни один адмирал не встанет, быстрее удавится. Но продолжил серьезным тоном:

— На Первушиной горе оренбургские юнкера с двумя пушками, они в обход пойдут и предместье с севера обхватят. На Ушаковке, к Знаменскому монастырю я военное училище

выведу. В городе милицию разоружают кадеты, инструктора и казачья полусотня. Вторую полусотню тебе еще пришлю...

— Понятно. Атакуем с трех сторон под прикрытием артиллерии. Генерал Слесарев с юнкерами с севера, я с юго-запада, а ты с юга. Так?

— Так! В три часа надо быть у меня в штабе, приезжайте туда оба. А пока прервемся, срочные дела ждут.

Сычев встал из кресла, крепко пожал протянутые ему руки Оглоблина и Лукина, кивнул и стремительно вышел из кабинета...

Порт Байкал

— На телеграфах только наши офицеры сейчас все сообщения принимают. Любую отсылку на Иркутск я категорически запретил. До вашего особого распоряжения, господин ротмистр, — штабс-капитан Кузьмин чуть заметно заикался от волнения. И было от чего — любая утечка информации о произошедшем в Михалево могла привести к катастрофе. Чехи подготовят «горячую» встречу, и от их бронепоездов только шпалы в разные стороны полетят. Вся надежда только на полную внезапность ночного нападения, других вариантов просто нет, уж больно силы неравные...

— В Лиственничное «Кругобайкалец» ходить больше не будет. Лейтенант Тирбах его к походу готовит, как и другие корабли. Подъесаул Гордеев докладывает, что у Слюдянки начинается сосредоточение американцев. Но по поводу вагонов никто из их офицеров пока не обращался...

— Как чудесно, — Ермаков встал с дивана, — мы на чехов напали в Михалево, а янки нынче ночью или завтра поутру, что вероятнее всего, на «Беспощадный» нападут. Обязательно атакуют, полковник Морроу нам грабежа не простит. Да и туннели ему захватить надобно. А потому парламентариев ждать не придется. Вторую площадку и десантный вагон сделали?

— Через час в порту доделают, — тут же пояснил начштаба. — И полуроту сформировали для десанта наскоро. С города генерал Сычев полсотни офицеров из резерва прислал — распределил согласно вашему приказанию.

По лицу штабс-капитана пробежала легкая тень — видно, нелегко досталось ему это распределение. Да оно и понятно, многие офицеры просто откажутся занимать меньшие по чину должности.

— Офицеры нынешней выпечки, или есть чуть кадровых? — Ермаков не смог удержаться от вопроса, ибо поддерживал сложившуюся репутацию Арчегова, который на дух не переносил ускоренное производство времен революции семнадцатого года и нынешней гражданской войны.

— Из вторых только двое, Генерального штаба подполковник Степанов и штабс-капитан Швейцер. «Отказники». Оба могут быть назначены на командные должности — первый комендантом второго участка, от Порты Байкал до Михалева, второй командиром десанта на «Беспощадный».

— Хорошо. Броневагоны отправьте с черным паровозом сзади, толкачом. И пусть Михаил Николаевич уступом к первой ставит по четному пути, накрытие, и в туннель загонит, в засаду. Американцы постараются внезапно с эшелона напасть, вот тогда вторая бронеплощадка выходит из укрытия, и их накроет из засады. Десятка фугасов хватит для вразумления. А подъесаул дуру пусть поваливает, но амбразуры и двери задраит капитально, а то гранатами закидают, мало не покажется. И паровоз на ходу держит — чуть что, деру дать. Звони ему

немедленно, а я до морячков прогуляюсь.

— Контр-адмирал Смирнов с чинами морского ведомства из Лиственничного прибыл. И еще приехали на паровозе моряки с разъезда. И вас капитан первого ранга Фомин дожидается, принять просит. Позвать?

— Зовите. И скорее Гордееву позвоните...

— Примите рапорт, господин ротмистр! — штабс-капитан достал из кармана листок бумаги и протянул его Константину.

Тот прочитал и присвистнул от удивления. Кузьмин отказывался от чина штабс-капитана и просил именовать в дальнейшем по чину подпоручика, который он получил в ноябре 1916 года в императорской армии, и назначить его на соответствующую чину строевую должность.

— И что так, Петр Сергеевич? — Ермаков в первый раз назвал Кузьмина по имени и отчеству. Спросил для формы, ибо ответ знал заранее...

— Желаю носить на погоне императорскую корону, какую вы приказом своим утренним определили, Константин Иванович! — слегка побледнел бывший штабс-капитан.

— Я горжусь вами, — Ермаков протянул ладонь, и новоявленный подпоручик ее крепко пожал. Но тут же собрался духом и выпалил:

— Тут в папке вам подали два рапорта о переводе из вверенного вам отряда, это из «беженцев»...

— Завтра отправьте «эмигрантов» в Читу! Два рапорта подали, а почему папка толстая?

— В ней 47 рапортов от офицеров нашего дивизиона и батальона охраны туннелей. И, считаю, сегодня будет вам подано рапортов намного больше — чешский броневаягон все уже видели на станции.

— И сколько из них подпрапорщиками и унтер-офицерами добровольно решили стать?

— Ровно 35 офицеров, господин ротмистр.

— И мне сегодня в Михалево лично подали рапорта все офицеры дивизиона, что были там. Все! Честь им и хвала, это настоящие русские офицеры! — с чувством произнес Ермаков.

Он не жалел о сказанных вчера в сердцах словах, что только офицеры трижды битой армии заботятся о своих чинах и наградах, а он уважает тех, кто сражается за Россию не за чины, а по долгу и чести. И тогда русская армия снова станет победоносной.

И вот результат — «Орлик» отобран у чехов, рапортов от офицеров поступило чуть ли не сотня, а Аким приколот ему на погоны кустарно изготовленные маленькие эмблемы в виде короны. Благо есть один умелец на станции и вчера по его настоятельной просьбе отчеканил десяток. Но сегодня на мастерового обрушится волна, если не цунами, заказов.

Но главное в другом — теперь в дивизионе появятся вакансии, и кадровым офицерам не придется нести службу на должностях рядовых. Они, наконец, займутся своим прямым делом — командовать и воевать как надо. А офицеры военного времени, революционного производства 1917–1919 годов будут становым хребтом, ибо на хороших и умелых унтер-офицерах и подпрапорщиках держится любая армия.

И в финансовом плане они только выиграют — Константин решил выплачивать каждому за корону на погонах по десять рублей золотом, ровно половина жалованья для «некоронованного» капитана.

А генеральского наезда за неположенные затраты он уже не боялся — если все пойдет как задумано, он любого «наездчика» к его же матери отправит. Но дума думалась, а правая рука свинцово отяжелела к последнему рапорту. Наложив на него резолюцию с размашистой подписью, Ермаков устало спросил Кузьмина:

— Кого на свое место мне порекомендуете?

— Прибывшего подполковника Степанова Ивана Петровича. Воевал он на Каме и Урале, в

Иркутске был на излечении от полученного ранения.

— Хорошо. Позовите сейчас флотского, потом пригласите подполковника. — Кузьмин щелкнул каблуками и отворил дверь. И практически сразу в маленькую станционную комнату, которую отвели для военного коменданта, отворилась дверь и зашел моряк:

— Разрешите, господин ротмистр?

— Проходите, Николай Георгиевич, присаживайтесь, — радушным хозяином предложил Константин.

Сердце учащенно забилось, ведь на золотых погонах с двумя просветами, девственно пустыми на их прошлой встрече, сейчас высились холмиком три звездочки под императорской короной.

«Молодец Фомин! И этот снял колчаковский чин! Вернулся к прежнему званию! — Ермаков старался не показать своей радости. — Молодец! Я его недооценил! Ведь есть, есть настоящие офицеры! Им только нужен был вдохновляющий пинок под зад, который я им с «Орликом» и припечатал! Многих, — он вспомнил толстую стопку рапортов, подписанную пару минут назад, — многих это привело в чувство! Ай да я! Ай да щучий сын!»

— Примите рапорт, господин ротмистр! — Фомин приглашению не внял и протянул два листа бумаги.

Ермаков их взял, развернул и прочитал. В первом моряк просил назначить его на любую вакантную должность по флотилии, а во втором просил именовать его впредь капитаном второго ранга, чин которого был получен им еще по императорскому приказу.

— Какие должности вы занимали в войну с Германией, а также в эту войну, Николай Георгиевич? — сухо спросил Константин и взял в руки ручку со стальным пером.

— Флаг-капитан по оперативной части Черноморского флота. Затем начальник первого оперативного отделения Морского генерального штаба. В 1918 году был начальником штаба Волжской флотилии, в этом году исполнял ту же должность в Камской флотилии...

— Хорошо...

Тут в дверь осторожно постучали, и Ермаков привычно отвлекся от мыслей, громко разрешив войти. В комнату тут же браво вошел седоватый, но еще довольно моложавый подполковник и четко приложил ладонь к потрепанной папаше.

— Генерального штаба подполковник Степанов...

— Присаживайтесь, Иван Петрович, рядом с Николаем Георгиевичем, — Ермаков встал, обменялся с офицером крепким рукопожатием. Но только собрался присесть, как в дверь осторожно протарабанил Аким, а его характерный стук означал просьбу выйти — так они уговорились, если произойдет нечто экстраординарное.

— Извините, господа. Я на минуту отлучусь, — Ермаков открыл дверь и вышел из комнатенки. Сквозь отмытое оконце в холодном коридоре проблескивали на стенах солнечные зайчики.

— Там на улице морское их превосходительство принять просят! — несколько заикаясь, проговорил денщик, а Ермаков сразу же открыл тяжелую входную дверь, обитую для тепла войлоком, и вышел на мороз.

Так и есть, в черной шинели, с золотыми погонами на крепких плечах, на которых топорщили крылья черные орлы, стоял бывший морской министр Всероссийского правительства контр-адмирал Смирнов.

— Здравия желаю, ваше превосходительство. Ротмистр Арчegov, чем могу быть вам полезен?

— Здравствуйте, Константин Иванович, рад вас видеть! — улыбнулся адмирал и протянул ладонь, рукопожатие его было довольно крепким. — Михаил Иванович Смирнов, контр-

адмирал. Чем могу быть полезным вам?

— Извините, ваше превосходительство, я хоть имею приказ Верховного Правителя, но адмиралам приказывать не могу, чином не вышел, не произвел меня выше покойный государь.

— Это ничего не значит. Вы сейчас значите больше любого генерала или адмирала, ибо собираетесь сделать то, о чем и помыслить страшно! — Смирнов кивнул в сторону бывшего чешского броневагона и продолжил:

— Я знаю, что адмирал Колчак чехами задержан вместе с эшелонами в Нижнеудинске, а вы собираетесь его выручить. Скажу сразу — ради освобождения Верховного Правителя я готов встать в строй даже мичманом или просто взять винтовку в руки...

— Хорошо, Михаил Иванович. Прошу вас, — Ермаков открыл дверь перед адмиралом. Они прошли по коридору и вошли в комнату.

— Господа офицеры! — подал команду ротмистр, и Фомин со Степановым сразу встали, поприветствовав, таким образом, контр-адмирала.

— Позвольте, Михаил Иванович, представить вам Генерального штаба подполковника Степанова Ивана Петровича, назначенного сегодня на должность начальника штаба вверенных мне войск, и его первого помощника, подпоручика Кузьмина. И начальника штаба Байкальской флотилии капитана второго ранга Фомина. Довожу до вашего сведения, господа офицеры, что контр-адмирал Смирнов сейчас назначен, согласно приказу Верховного Правителя адмирала Колчака, командующим Байкальской флотилией. Прошу за стол, господа, необходимо обсудить план завтрашнего боя с чешскими войсками в Глазково...

Порт Байкал

— Знаете, Огата-сан, у нашего народа есть одна мудрость, — русский ротмистр откинул голову и, глядя прямо в глаза немигающим строгим взором, продолжил: — Враг есть враг, а друг есть друг. Даже когда подвергаешься смертельной опасности. Ибо предать друга — то же самое, что предать самого себя, а, предавши себя — как жить с таким позором...

Нет, этот русский не гэндзин — так японцы привычно называли европейских варваров. И странный поединок полчаса тому назад — пятеро пойманных агитаторов и обычных бандитов против безоружного.

Арчегов-сан не стал приказывать их просто расстрелять на месте, как сделал бы любой японский или русский офицер. Нет, он предложил им поединок, в котором они могли получить свободу, если бы убили ротмистра.

И гэндзины с радостью согласились на схватку, надеясь на победу — с длинными винтовочными кинжалами против обычной саперной лопатки, которую русский офицер властно взял у японского солдата.

Но схватка закончилась быстрее, чем сердце Огаты отсчитало первую сотню ударов... Нет, это мастер, настоящий мастер, у которого был великий наставник, и, безусловно, это был японский сэнсэй.

И японский язык Ермакова, хоть и с еле уловимой странностью акцента, но очень хороший, намного лучше, чем у иностранцев, французов и англичан, которые считали себя переводчиками с языка сыновей Ямато. И манеры, и короткая, с десятков секунд медитация перед боем...

— Новое сибирское правительство, уважаемый Огата-сан, надеется на установление нормальных добрососедских отношений с вашей страной. Это будет очень скоро, гораздо раньше, чем думают ваши политики. Некоторые из них, так сказать лучше, — капитан Огата

превратился в слух, ротмистр говорил ему то, о чем его командование и понятия не имело, в том он был более чем уверен.

— Как ни жаль, но, к моему великому сожалению, я должен покинуть вас. Завтра перед рассветом я атакую мятежные войска Политцентра в Иркутске. И если чехи выступят на защиту повстанцев, я буду драться с ними! Так же, как и сегодня, когда эти гэндзины попытались напасть на мои войска. Я наказал их здесь, накажу и там!

Лицо русского покраснелось, и, хотя он говорил спокойным тоном, капитан Огата видел, что он возбужден. Настоящий самурай этот русский, и, возможно, у него есть в жилах благородная японская кровь. Его поступки и слова могут быть объяснены только тем, что он не просто хорошо выучил язык, а впитал дух Японии, вырос на покрытых розовыми лепестками сакуры благословенных землях его, Огаты, родины. Если это допустить, тогда многое становится ясным...

— Они думают, что могут быть нашими владыками, захватив наше золото и Верховного Правителя. Они заблуждаются, и прозрение будет для чехов ужасным. Я или погибну, как надлежит воину, или вырву из их лап импер... я хотел сказать — Верховного Правителя! Уважаемый Огата-сан, империя не погибнет, пока у нее остается хоть один настоящий солдат. А я не один, нас много, и мы предпочтем смерть бесчестию. Вы знаете, Огата-сан, есть одна история — давным-давно триста спартанцев встретили огромную армию, но не отступили, а погибли в бою как настоящие самураи. У меня всего двести штыков, и потому я не буду здесь обороняться, я стану атаковать их. Солдат должен презреть приказ генерала, презреть свою жизнь, если его действия принесут величайшее благо его стране и императору. Честь имею...

Огата чувствовал, как по его спине стал стекать холодный пот — он понял все. Ну что ж — если приказы несут вред императору, то он не станет их выполнять. Благо, авария на телеграфной линии произошла очень удачно, и он не имеет возможности связаться с командованием, как ему было приказано. Русские хотят спасти своего императора, прекрасно — он разделит с ними эту честь или смерть. Теперь капитан был полностью уверен, и дело не в случайной оговорке ротмистра.

Сегодня Огата стал свидетелем невероятного — почти все русские офицеры отказались носить чины, полученные от их Верховного Правителя или выданные от имени разных атаманов или правительств.

Они вернулись к чинам, которые им даровал их покойный император. А вот покойный ли — Огата имел в этом очень серьезные сомнения. Ну что ж, он свой выбор сделал, а умирать во исполнение долга всегда легко...

— У меня всего сто штыков, уважаемый Арчegov-сан. Вместе у нас будет триста. Я сочту за великую честь сражаться рядом с вами со всеми вашими врагами. Я имею приказ атаковать красных и потому буду атаковать их. А если кто-то вмешается и выступит в их защиту, то... Как говорят у вас в России, друг моего врага — и мой враг...

Михалево

Ермаков тяжело вздохнул — гребаная война молохом перемалывает человеческие жизни. Когда-то он прочитал одну книгу, это было в госпитале после ранения, и ему запомнилась одна фраза, что любое изменение истории может привести к тысячам новых жертв.

Вот они и пошли косяком — два китайца из его отряда, семь несчастных женщин и почти полсотни чехов, которых покосили здесь свинцом. И в порту он хладнокровно зарезал пятерых огрызков, трое из которых были обычными уркаганами, а их «базар» прямо-таки почти родной.

А к ним прицепом пошли двое работяг, что призывали мастеровых к забастовке. Не сработала агитация — и войск на станции много, и серебром сегодня с утра заплатили, да сукна дали, и продовольствие по лавкам доставлять стали. Выдали агитаторов свои же, нашлись здравомыслящие люди. Расстрелять, конечно, их можно было, да и нужно — крепкую власть если не любят, то уважают и боятся. А куда ж без страха-то, после революционного разгула — Политцентр поощрить прикажите? Чтоб дальше нагнали и все военные переброски сорвали?

Дело в другом — Костя решил судьбу в очередной раз проверить да новому телу полную нагрузку на выживание дать. А также на своих солдат и японцев воздействие оказать, чтоб не боялись — одни на чехов пойти, а другие приказ нарушить. И на Огату хотел впечатление произвести, чего и добился.

«Вот трупов ты и нагромоздил, товарищ Ермаков, а завтра счет на сотни пойти может, если не на тысячи. А они могли бы жить и жить, детей плодить... Да к чьей-то матери эти интеллигентские сопли и слюни! Да, много погибнут, но много и в живых останется, а если ДВР появится, причем не советская, то есть возможность многое изменить, и не тысячи, а сотни тысяч живыми останутся, от красного террора и голода не умрут. Делай что можешь, будет то, что будет, в сторону все эти переживания!» — Ермаков тряхнул головой, изгоняя ненужные мысли...

Он решительно потушил папиросу в жестяной банке и встал с лавки. Муторно ему сейчас было, хоть и поспал в дороге чуток, пока поезд трясся от Байкала до Михалево. Наскоро обошел эшелоны и бронепоезда, отдал приказы, тут его Аким и потащил в распадок, где в доме казака Осипа Терентьевича Михалева ожидали его жена и сын, обретенные в лихолетье гражданской войны каким-то чудом, что иногда случается.

Вот только он им не муж и не отец, а казачок засланный, или близнец, если тело взять с новой внутренней начинкой...

Сделав еще пару шагов, он увидел, что у открытой калитки добротного пятистенка его уже поджидал хозяин, тем оказывая уважение. В дом Ермаков не пошел, сослался, что не хочет его табаком прованивать (Аким заранее предупредил, что старый казак некурящий).

Хозяин сразу отвел его в маленький домик, о двух комнатенках, где посередке стояла печь с лежанкой. Лавка, стол, шкаф, табурет — вот и вся мебель. Света от керосиновой лампы хватало, было тепло, да и понятно почему — в одном углу стоял, покачиваясь на ногах, теленок, в другом — петух расхаживал среди своих хохлатых пеструшек, с тоскою взирая на решетку из тонких прутьев, замышляя, видать, сбежать из гарема. А может, пернатого гада пугали соседи по клетке, что дружно, в три клюва, зашипели на вошедшего Ермакова, загоготали, будто решили Рим спасти. В третьем углу коза выкармливала двух пушистых козлят — те так теребили вымя, что за малым не опрокидывали мать на солому.

Сел на лавку ротмистр и засмолил одну папиросу за другой — и курить хотелось, и мыслей много роилось в голове...

— Свалилась мне эта Нина, как снег на голову! Ну что я с ней делать буду? Баба... Даже бабой язык не поворачивается назвать! Красивая какая... Там, на фотографии, совсем девчонка, а тут: округлилась, похорошела, расцвела! — Ермаков достал из портмоне фотографию и стал разглядывать в свете тусклой лампы. — Все-таки верными оказались мои догадки насчет переселения душ! Полностью покинул меня Арчegov, ни капельки не осталось! Ведь, если бы что-то такое было бы, то я бы почувствовал, как только увидел бы ее... А так... Ни любви, ни тоски, ни жалости, просто чужая жена! Надо будет Акима аккуратненько про все расспросить, а от нее держаться пока стороной. Поужинаем сегодня вместе, тут уж не попишешь ничего, а спать я сюда пойду, скажу, что отдохнуть перед завтраем нужно, да и хозяин поддержит.

Очередная папироса так и осталась не закуренной. Ермаков глубоко вздохнул:

— Смешно сказать, но я ее боюсь! — Фотография отправилась назад в портмоне. — У меня ведь, почитай, полгода женщины не было, не считая...

Он запнулся, от нахлынувшего отвращения передернул плечами. После того, как они разошлись с женой, он долго на женщин смотреть не мог. Их товарно-потребительский вид вызывал в нем глухую ярость: только бы продать себя подороже!

Полуголые, намазанные, как дешевые шлюхи, с алчным блеском в глазах, словно рентгеном просвечивающие насквозь и задерживающие взгляд только на признаках материального достатка...

Естественно, бедный, хромой, обожженный, опустившийся полубомж мало интересовал противоположный пол. Можно было, конечно, подобрать себе, в прямом смысле — на улице подобрать, подходящую сожительницу, но это было бы действительно первым шагом к полной деградации.

После очередного возлияния мужское естество взяло верх, и Ермаков решил вызвать проститутку. Первая и последняя встреча с жрицей любви закончилась, едва начавшись.

Молодая девица лет двадцати деловито зашла в квартиру, прошла в комнату, сноровисто разделась и легла на кровать. Первой из двух фразой, которую он от нее услышал, было что-то типа: «Время идет, а у меня еще два клиента до утра!»

Дальнейшее Ермаков помнил плохо. Только в душу врезался ее смешок, когда она разглядела в шкафу его фотографию в форме и предложила: «Так ты у нас солдатик? Тогда тебе в честь приближающегося Дня Победы полчаса бесплатно от меня лично, в подарок. Или пять процентов скидки!»

Еле сдерживаясь ярость, он собрал ее вещи и выкинул на площадку. Следом вытолкал и саму девку, швырнув ей вслед все деньги, которые охапкой сгреб на полке в шкафу.

Сколько там было, он не помнил. Но, судя по тому, что из-за двери возмущений не последовало, она убралась, довольная и суммой, и свободным временем...

— Нина! — еще раз произнес он ее имя, словно пробуя на вкус. — Нина!

Дверь отворилась:

— Ваше высокоблагородие, иди снедать, супруга моя уже накрыла стол! — тихий голос казака вырвал Константина из размышлений.

— Я тут ночью сплю, — только и сказал хозяин, когда Ермаков вышел из домика.

Поднялся следом за хозяином на высокое крыльцо, открыл дверь в дом, миновал темные и холодные сени, отворил тяжелую дверь — на него сразу пахнуло теплом, да таким, что ротмистру стало жарко. Да и светлее здесь было — хозяева жгли лампы и толстые свечи в деревянных чашках.

Напротив и справа от двери, в комнате, справная обстановка — самодельный топчан, накрытый ковром, два кресла, поставец, швейная машинка на столике, фотографии на стене.

Осип Терентьевич помог снять ему амуницию, бережно повесил шашку, погладив георгиевский темляк, на стену, рядышком со своей, на пустой гвоздь. Ермаков увидел еще один пустой гвоздь:

— Сыны у тебя где, хозяин?

— Старшой Терентий у атамана Семенова служит, еще в ноябре семнадцатого уехал, только весточки шлет. Младшего Павлика этой весной в полк отправили, в учебной команде сейчас. Дома только два казака — я и внук, что тоже Осип, да жена моя Полина Сергеевна, да невестка Алевтина, жена старшего сына, да внучка старшая Анна. А Павла опосля службы женим. Вот и вся моя семья, ваш бродь.

— Ты уж не серчай, Осип Терентьевич, что своих у тебя оставляю...

— Ты, ваш бродь, дурь не пори, неужто я не понимаю, что жинку и дите малое в драку

волоочь нельзя, и так на станции чудом уцелели, я такой пальбы с японской не слышал. Присмотрю, обихожу, не сомневайся. Иди в горницу, Константин Иванович, вечерять будем.

Казак есть казак, гордый, цену себе знает, на «ты» с Богом и царем. Костя свернул в правую дверь — здесь было совсем светло, хозяин не пожалел свечей. Печь была массивной, обогревала все четыре комнаты большого дома своими стенками. Горница, она и кухня, была просторной — шкафы и полки с посудой, длинный стол с лавками...

— Здорово дневали, — Костя поприветствовал собравшихся за столом по-казачьи, как-никак и сам казак.

— Слава богу, — степенно отозвалась пожилая, с морщинистым лицом, но еще статная и красивая хозяйка.

По правую руку от нее сидел сорванец лет семи в белой рубашонке с вышивкой и в синих казачьих шароварах с желтыми лампасами. Точно такая же одежда была и на хозяине, только размером побольше. За ним сидела статная молодая казачка, рядом с ней девочка лет семи-восьми.

Одет был слабый пол нарядно — юбки в складках, кофточки, на шеях бусы, в ушах золотые серьги. К его приходу принарядились, ждали их высокоблагородия.

Нину он узнал не сразу. Она сидела к нему спиной и держала на коленях сына — тот так и тянулся ручонками к накрытому столу, но мама воли не давала. Одета жена была так же, как все, видать, невестка выдала свое.

Обернувшись на шум, она взглянула на Константина своими бездонными глазами, и он понял, что пропал...

Такая красивая, что у Кости защемило в груди. Присел рядом с ней на лавку, а старый казак прошел дальше, во главу стола, но садиться на стул не стал. Костя сообразил, поднялся с лавки, одновременно встали все женщины и дети.

— Отче наш, иже еси на небеси... — раздались слова молитвы, что стал читать Осип Терентьевич, все присутствующие по окончании дружно перекрестились и расселись по местам.

Молча приступили к трапезе, видно, в доме свято чтит традиции — «когда я ем, я глух и нем». А кто заговорит за едой, получит от деда ложкой в лоб: ума-разума набирайся.

Ермаков сидел рядом с Ниной и искоса поглядывал на нее. Густые русые волосы собраны в тугую косу, скрученную в мудреный крендель на голове, открывавший безупречную шею. Выбившиеся прядки были заправлены за уши, непослушные завитушки переливались золотом в свете лампы. Белая нежная кожа казалась бархатной. Маленькое ушко с золотой сережкой так и манило покрыть его поцелуями...

Все ели рассыпчатую гречневую кашу, кто с молоком, кто с жареной рыбой, которой на столе стоял большой деревянный поднос. Но то было основное блюдо, а побаловать себя можно было еще солеными грибами и огурцами, квашеной капусткой с лучком, приправленной постным маслицем, золотистыми слитками лежали тушки копченых омулей, а отдельно — желтые куски ноздреватого домашнего сыра.

Он не смотрел в тарелку, разносолы на столе не произвели никакого впечатления: все его мысли были прикованы к Нине. Костя старался не смотреть на нее, но глаза так и косились на вздымавшуюся несколько учащенно грудь.

Она тоже ела медленно. Костя любовался ее изящными руками и точеным профилем. Длинные трепетавшие словно крылья бабочки ресницы были такими густыми и черными, что он поначалу заподозрил ее в употреблении косметики.

Он чувствовал, что серьезно рискует получить пожизненное косоглазие. Ермаков перевел взгляд на хозяина. Тот ел степенно, поглядывал на него с пониманием. Лишь в глазах промелькнули один раз веселые бесенята и хитрая улыбка утонула в густой бороде.

Нина! Он слышал только ее дыхание. Исходящий от нее запах, такой дурманивший и притягивающий, кружил ему голову. Он не мог определить, что это. Что-то неуловимое, похожее на аромат распускающейся листвы и молодого весеннего ветерка, чуть раскрывшегося бутона и гречишного меда...

Нина перестала есть, осторожно повернула голову в его сторону и встретила с ним взглядом. Она улыбнулась, и Ермаков, не отрывая от нее глаз, слегка коснулся рукой ее колена. Она опустила руку под стол и крепко сжала его ладонь.

Хозяин громко кашлянул, Нина посерьезнела. Хозяйка вышла на кухню и вернулась с большой миской, полной домашней стряпни.

И выпечки было изрядно — традиционные творожные шаньги, расстегаи, пироги с начинкой из грибов и картошки, домашнее печенье с изюмом. И к самовару с чаем были придвинуты чашки с медом и вареньем, а вот сахара на столе не имелось, как и хлеба.

Хозяйка поставила перед Костей большую чашку, где было хитрое варево из больших кусков мяса, картошки, капусты и лука — его именовали казачьим паштетом.

Костя удивился — отчего это ему одному мясо поставили, а все остальные за столом налегают на рыбу и выпечку. Хотел было спросить, но осекся — рождественский пост же идет. А пост не соблюдают хворые, беременные, малые детишки, те, кто в дороге находится, и те, кто воюет. Вовремя заметил, что Ванятка сует в рот кусок вареной курицы, а маленький Осип держит в руке солидный кус домашней колбасы.

Осип Терентьевич достал засургученную бутылку водки, а хозяйка быстро поставила на стол два стакана. Вот тут Ермаков оторвался от паштета и уважительно сказал:

— Ты уж меня извини, хозяин, но я приказал своим солдатам и казакам не пить. И негоже будет, если я собственный приказ нарушать буду. Тем более этой ночью мне трезвая голова нужна...

— Добро! — как показалось Косте, Осип сказал с облегчением в голосе и убрал бутылку.

После чего за столом надолго воцарилась полная тишина. Костя немного осмелел и теперь уже полностью положил руку на колено Нины. Она молча ела. Лишь изредка отводила глаза в его сторону да придвинула ногу чуть поближе к нему.

Ели долго, но все имеет конец — после чая и благодарственной молитвы молодые женщины стали убирать посуду.

— Благодарствую, Полина Сергеевна! — сказал Ермаков хозяйке, а Осип только чуть кивнул.

— На здоровье, Константин Иванович! — напевно ответила пожилая казачка, подхватила на руки Ивана и пошла в комнату, которая отделялась от кухни обычной занавеской.

За ней потянулись внуки — понятно, отбой в танковых войсках. Костя чуть улыбнулся — Иван принял хозяйку за бабушку и криков не устроил, молодец.

Алевтина и Нина, быстро убравшись, сразу же разошлись по комнатам — невестка за занавеску, к детям и свекрови, а жена, обдав Ермакова пылающим взглядом, в другую комнату.

Хозяин чуть слышно крикнул что-то вроде «ну, ваше дело молодое, а потому комнату отвели наособицу» и достал жестяную банку и Костины папиросы, которые он забыл в домике с живностью. Кто принес их и когда, Ермаков даже не мог сообразить...

— Ты покури здесь, ваше высокоблагородие, дух твой надолго останется, и жене твоей, и нам легче будет. Рисковый ты офицер, ваш бродь, раз решился Глазково штурмовать с такой малостью...

Мысли о войне, ненадолго задвинутые в самые отдаленные уголки разума, снова вернулись на свои позиции. Мимолетное счастье, еще толком и не обретенное, показалось ему таким хрупким и ненадежным, как крылья ночного мотылька, как опустившаяся на ладонь снежинка...

Ермаков мысленно собрался. Он не мог, не должен был забывать о том, что он был на войне, и она не отпускала его, не давала ему права на чувства:

— Если бы весь народ поднялся, мы бы давно всю нечисть вымели и порядок бы навели. Ну, ничего...

— Народ подыметесь, ваш бродь, скоро подыметесь. И вас удача ждет, ибо благое дело вершите, царя спасаете...

От таких слов Костя чуть не поперхнулся дымом, подумал, что казак пошутил, но нет, Осип говорил серьезно, торжественным голосом:

— Ты не сомневайся, я знаю, что тако военная тайна. Только исче не видел в жизни, чтоб все офицеры за раз единый себе чины уменьшили, к царским чинам вернулись. А многие же ведь урядниками стали! Это как? А короны на погонах? Вон у тебя приколоты, просто так, что ли?! Нет, конец лихолетью, с царем Михайло Александровичем мы враз порядок наведем! Но ты не сомневайся — подыметесь народ, а против силы ни чехи, ни красные, ни голытьба новосельня не устоят. Враз раздавим...

Костя молчал, а что ему говорить прикажете. Вот так и восприняли обыватели — царь-то жив! Потому-то железнодорожники на станциях растеряны, и злоба в глазах почти исчезла. Офицеры с солдатами откровенно радуются, а некоторые интеллигенты морщатся. Все про тайну знают, он самый последний, как водится. И все считают, что он-то знает, где царь...

— Ты к жинке-то иди, два года не виделись, и два часа у вас всего. Иди, ваш бродь, ждет баба... И любит тебя...

— Я в доме не буду спать, надо отдохнуть перед завтрашним! — начал было Ермаков, но тяжелая рука казака легла ему на плечо:

— Не бери греха на душу, Константин Иванович, на погибель ведь завтра идешь, а сердце тяжелое оставляешь, — он улыбался по-отечески, — иди.

Костя кивнул и вышел из горницы, прошел три шага по прихожей, открыл дверь и зашел в темноту. И сразу две горячие руки сильно обхватили его за шею, а теплые губы зашептали в ухо:

— Милый мой... любимый. Все знаю, все. Давай же, два часика только... Я так тебя ждала, так ждала...

...Константин открыл глаза и тут же посмотрел на светящийся циферблат немецких часов — он спал один час, но тело отдохнуло, а душа сразу захотела петь. Погладил жену по голове, запустил руку в распущенные пушистые волосы. Бережно прикрыв спящую Нину одеялом, Ермаков нашарил на полу разбросанные предметы своего одеяния и принялся стремительно облачаться.

Исподнее, шерстяное белье, шаровары — все было надето за минуту. С кителем повозился самую малость — надел, застегнул пуговицы, затем достал из кармана две сережки с ярко-синими и перстень с кроваво-красным камнями.

Положил все на свою подушку, которая еще хранила углубление от его головы, мысленно отметив своего нынешнего «особиста»: умеет, собака, работать — и камни нашел, и такой убойный материал из чехов выбил, что любой агитатор ЦК удавился бы от зависти на ближайшей березе.

Стоит это дерьмо в газеты вылить (особенно янкесам во Владике, они на «демократической прессе» помешаны), так «союзники» от чехов разом открестятся за их зверства и сдадут за милую душу, чтоб самим в белом остаться...

— Храни тебя Господь, ваше высокоблагородие, — хозяин дожидался его в комнате и молча перекрестил снятым со стены образом. — На святое дело идете, и победу дарует нашему воинству святой Георгий Победоносец...

— Сэр! Может, мне лучше взять в головной вагон пушку? В упор она издерет в решето русский блиндированный вагон, — молодой лейтенант в форме САСШ с серебряными прямоугольниками первого лейтенанта на погонах прямо сочился энергией, распиравшей молодое здоровое тело.

— Для русских хватит и гранат. В их вагонах масса дырок, амбразуры широкие и не закрываются. Так что твои парни, лейтенант Тенделл, легко захватят их площадки, — офицер той же армии, но с серебряными орлами полковника на погонах кипел не силой, а ненавистью, помноженной на злобу.

Увести два вагона с пушницей, его пушницей, которую собирали весь год — такого преступления простить этим наглым русским полковник Морроу, командир 27-го полка американской армии, не мог. Да и все тяжелое оружие полка они увели, весь запас патронов — такой шаг был не менее кощунственным. Только за это стоило их примерно наказать...

В то же время полковник понимал, что дело не обошлось без предательства. А что еще он мог подумать — эшелон с тяжелым вооружением для атаки семеновских бронепоездов и захвата туннелей уводят ночью русские, предварительно спойив не только караул, но и всю роту капитана Смита. Теперь около первого входного туннеля постоянно маячит один русский бронепоезд, время от времени продвигаясь вперед или отступая на пару сотен ярдов. И пока его не захватишь или не уничтожишь, пройти в туннели американские солдаты не смогут.

Что, это все — случайное совпадение? И парни роты В явно не желают начинать войны с русскими, они стали ненадежны. К нему уже десятки раз приставали с одним вопросом: «Когда поедем обратно, сэр? Есть же приказ президента!» И откуда это пронюхал русский ротмистр с дикой азиатской фамилией — Артшегофф. Но предатели есть, вот только кто они и где? На этот вопрос ответа полковник не знал, но очень хотел узнать.

Но его ответный ход для русских окажется весьма неприятным сюрпризом. На рассвете эшелон из двух вагонов, в которых будут находиться полсотни лучших, самых отчаянных солдат роты А под началом первого лейтенанта Тенделла, подойдет к русскому бронепоезду и станет рядом. Тенделл вызовет русского офицера на переговоры, и, как только он вылезет из своей жестяной банки, солдаты немедленно атакуют бронепоезд гранатами.

Жертв среди русских не избежать, но пусть это будет для них горьким уроком. Два эшелона с батальоном пехоты, с русским бронепоездом во главе, быстро проходят к Порту Байкал, разоружая на встреченных туннелях русскую охрану и выставляя свои посты. В порту разоружают семеновцев и возвращают захваченные у американцев вагоны, благо русские бронепоезда ушли на Иркутск.

Операция облегчается тем, что телеграфная линия прервана, и русские не поднимут тревоги и не успеют заблокировать туннели. И потому их разоружение будет легким, что они могут противопоставить более чем тысяче американских солдат?! Ровным счетом ничего...

В качестве трофея Морроу заберет два вагона серебра, которые семеновцы держат в Порту, а также все эшелоны этих наглых русских грабителей. И никакая сила не заставит его вернуть трофеи обратно. Русские захотели войны, ну что ж — они ее и получают...

— Действуйте быстро и решительно, Тенделл, вы их всех там захватите врасплох, и они не успеют протереть заспанные глаза. И берегите бронепоезд — он будет вашим...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Гремя огнем, сверкая блеском стали...

(28 декабря 1919 года)

Глазково

Хорошая выдалась ночь, если не для часовых, то для диверсантов. Небо затянуло снеговыми разрядами, южный ветер влажный, колючий. Ангара у города еще не замерзла, сильно парит, и даже сквозь теплую бекешу продирают ледяные иглы холода.

Из трубы катера слегка валил черный дым. «Волна» шла самым тихим ходом, чтоб и на льдину не напоротся, и не поднять шума. Катер осторожно огибал лунную дорожку, протянувшуюся светлой полосой на темной воде, пошел под крутой берег, чтоб под его прикрытием, в ледяной паровой завесе дойти до вокзального мыса, что вытянулся на левом берегу Ангара, вплоть до устья Иркутта.

Ермаков сжал кулаки — риск был слишком велик, ведь стоит чехам углядеть в ночной темноте катер, как они немедленно поднимут тревогу. А где-то здесь рядышком стоит их бронепоезд. И все, писец пробежал, хвостом накрыл — и «Волна», и необученные толком диверсанты с матросами, и он сам, все они дружно пойдут на речное дно, ибо катер не монитор, брони на нем нет по определению. А в ледяной воде сейчас и закаленный пловец трех минут не продержится...

Берег низкой грядой вынырнул из темноты, на «Волне» сразу остановили машину, и катер, ломая носом наледь, мягко ткнулся в сваи. Ротмистр прищурил глаза — рулевой суденьшка, старый речной волк, вчера мобилизованный вместе с другими гражданскими речниками, причалил прямо к началу вокзального мыса.

Здесь веером расходились два пути железной дороги, шедшей от Байкала. Расходились на добрый десяток станционных линий. Самая важная точка любой станции. Осталось поблагодарить рулевого — и как он только смог найти эту точку в такой темноте?

Моряки проворно скинули на заснеженный береговой лед сходню — сбитые между собой длинные двухдюймовые доски. Ермаков первый перебежал по ним — доски мягко пружинили под ногами. За ним устремились два десятка бойцов наспех подготовленной, всего за три дня, диверсионной группы.

Он их отбирал лично, все хлебнули войны с немцами полной ложкой, кое-кто даже повоевал и с японцами 15 лет тому назад. Все физически крепкие, и главное — добровольцы, в белом движении чуть ли не с первого дня. Половина диверсантов была обмундирована в форму чехословацкого корпуса...

Пока все шло по плану — шестеро устремились к стрелкам, благо железнодорожники дали полную раскладку как о путях, так и о стоящих на них эшелонах. Бронепоезд не танк, если не вывести его на свободный путь, внезапной атаки не получится.

С остальными бойцами Ермаков должен был захватить чешский бронепоезд, серая громада которого с трудом различалась в снежном заряде. И это при том, что до него было от силы сотня шагов.

«Жижка» занял очень удобную позицию для обстрела города — на крайнем к реке пути, прикрывая своими бронированными бортами какой-то эшелон. Явно штабной, судя по пассажирским вагонам.

Вот только нападение диверсантов со стороны своего эшелона, как предполагал Ермаков, будет для чехов неожиданным сюрпризом, и отнюдь не совсем приятным. Об одном только жалел сейчас Костя — ему бы месяц-другой погонять своих парней, довести их до нужной кондиции...

Часовой явно перестал бороться с дремотой — первые четверть часа ходил гоголем, а теперь прислонился к железному борту плечом. Ждать больше было нельзя, время утекало по капелькам в сухой песок ожидания. Где-то у Кузьмихи уже накатывали его бронепоезда...

Гибким ужом ротмистр выкатился из-под колесных пар. И успел подхватить падающего часового. Незаметно вздохнул — не смог чех смерть перебороть и хоть чем-то погреметь по железу.

Продолжая сжимать в руке «наган» с длинным глушителем (изготовили в портовой мастерской по его чертежам и объяснениям флотские умельцы), Костя поднялся на скобу и взялся за край железной двери. Совсем беспечными стали чехи — броневую дверь прикрыли, но не заперли изнутри. На то и была надежда, так как гранаты и лом с кувалдой крайне не хотелось пускать в дело.

Всем телом Константин навалился на тяжелую дверь и ввалился в темное чрево, ударившись локтем об угловатую железяку. Кто-то из чехов спросонья вскинулся с ящика, совсем рядом от него появился темный контур.

— Ян? — удивленно пронеслось имя, хриплым простуженным голосом сказанное.

Костя тут же нажал на курок револьвера. Негромкий хлопок, ощутимый пороховой дымок — солдат сложился и с грохотом упал на железный пол.

И тут же кто-то навалился сзади, пытаясь схватить пальцами за горло. Ермаков ударил локтем в живот, а затем выстрелил, машинально отметив, что чеху нужно было ножом бить.

В метрах трех громынуло железо — и вагон осветился тусклым светом. Вот оно в чем дело — внутри броневой каземат имел противоосколочную перегородку, и в носовом отсеке солдаты сидели с комфортом, при свете и тепле.

Но не успел чех спросить, что случилось, почему шум, как получил пулю в лоб — с такого расстояния промахнуться было невозможно. Солдата швырнуло обратно, а за ним в каземат ворвался бывший офицер спецназа.

И вовремя — четвертый чех уже лапался за винтовку, пытаясь выдернуть ее из-за ящика. Как бывает в таких ситуациях, солдата заколодило, погонный ремень за что-то зацепился, и лихорадочные старания чеха вызвали внутренний смех. Надо полным идиотом быть, чтоб в такой ситуации под рукой не иметь пистолета или ножа.

Ермаков огрел солдата рукоятью «нагана» по голове и открыл низкий приземистый люк в конце, похожий на крышку от большой кастрюли. Протиснулся в лаз, метровую броневую трубу, и оказался в носовой оружейной башне. Тут огляделся и лишь сейчас облегченно вздохнул — чехов на бронеплощадке было только пятеро, включая часового. Внизу заскрежетало металлом, и в башню пролез адъютант.

— Ты глушитель не попорть, Гриша, их у нас только пять, — Ермаков окликнул Пляскина и тут же осведомился: — Что у других? Я слышал телефонный зуммер...

— С паровоза поручик Лазарев звонил, там чехов нема. А в концевом вагоне только двое было, и третий часовым — говорит, чисто убрали, без шума.

— Звони поручику, пусть на стрелку бойца пошлет, и сигнал подайте на «Волну». Рельсы уже звенят?

— Гудят, господин ротмистр. Наши на подходе...

— Тогда пошли быстрее, ну давай же, — Пляскин убрался из лаза, за ним полез и Костя. Внутри броневое корпуса уже кипела жизнь — два его бойца открывали заслонки амбразур и с тихими матами устанавливали на креплениях пулеметы, американские «кольты», как

машинально отметил Ермаков.

Выпрыгнув на снег, Костя побежал к входным стрелкам — там в темноте мигал красный огонек фонаря. Бежал во всю прыть и успел вовремя — из снежного заряда почти беззвучно вынырнула контрольная платформа, а за ней показался приземистый корпус «Быстрого», который хищно ошетинился орудийными башнями и бортовыми пулеметами.

Вот в этом большое преимущество бронемотовагона перед бронепоездом — нешумный ход и небольшой силуэт. И платформа впереди была прицеплена не случайно. Обычно она служит для предотвращения аварии в случае повреждения пути, но сейчас она была битком набита наспех собранным экипажем «Беспечного», так Ермаков мысленно назвал захваченный пять минут назад чешский бронепоезд.

Если бы захват был неудачным, то БМВ высадил бы их как десант на вокзале, а сам бы беспрепятственно расстрелял «Жижку» из орудий — «чех» просто не смог бы ответить, ведь экипажа на нем не было, а дежурная смена насчитывала только десять солдат, какое уж тут сопротивление. Но винить чехов в беспечности трудно — ночью обстреливать город не предполагалось, а ждать нападения из Михалево — тем более, ведь там стоял «Орлик»...

С платформы дружно спрыгивали солдаты, с лязгом открылись двери и на «Быстром» — оттуда тоже посыпались люди. К Ермакову подбежал офицер, четко козырнул.

— Поручик, быстро туда. Приводите свой «Беспечный» к бою, кочегарь котел на полную. Мы бронепоезд целым взяли, там чехов почти не было. Как пройдет «Блестящий» на первый путь, за ним эшелон с десантом, тебе переведут стрелки на четвертый. Дуй прямо до сорванного понтона, путь чист до моста, за тобой идут японцы. Давай, — и Костя хлопнул офицера по плечу, хотя еще вчера о том и не помыслил бы.

Подпоручик Семин Арчегову в отцы годился, сверхсрочнослужащий фельдфебель мортирного дивизиона за отличие в Луцком прорыве 1916 года был произведен в офицеры, и к революции был уже подпоручиком. От чина штабс-капитана он вчера отказался, прицепив короны на погоны, но по старой традиции русской армии Ермаков чуть приподнял его в чине — при обращении к младшим по званию приставки «под-» и «штабс-» не произносятся...

— Поручик Мичурин, коль разгрузился уже, дуй без остановок на мост, а оттуда на Иннокентьевскую. Если парни не подвели, то связаться и предупредить своих чехи не смогут. Твои «шпальники» сбросят десант у моста и понтона и пойдут за тобой. Ну давай, дерзай, круши там все!

— Есть, ваше превосходительство! — тихий голос Мичурина был наполнен ликованием, он еще что-то сказал, но Ермаков не расслышал, лязг закрываемой двери перекрыл слова офицера.

«Быстрый» тут же дал ход и вполз в станционную темноту, лишь удаляющийся шум с полминуты смог слышать Константин. И буквально следом за «Быстрым», гремя и изрыгая клубы дыма, последовали «Беспокойный» и «Бесстрашный» — они не останавливались, завидев, что солдат поднял над головой фонарь, описав им в воздухе полный круг дважды. То был обусловленный между ними сигнал: «все идет по намеченному плану».

Прошло пять минут, и Ермакова чуть заколотила знакомая дрожь — два бронепоезда и БМВ последовали к мосту, а чехи до сих пор не отреагировали. Ладно, пусть они поверили в сообщение, что «Орлик» придет из Михалево перед рассветом, но проследовало на станцию не одна, а три единицы!

Словно услышав его сомнения, где-то далеко впереди раздался винтовочный выстрел, затем еще один. Но слава Богу, уже показался «Блестящий», чуть замедляя ход. Когда паровоз стал проползать мимо него, Костя зацепился за поручень и вскочил в приоткрытую дверь паровозной будки — на тендере есть наблюдательная командирская башня, сейчас ему там место...

— Скверное дело, очень скверное, — молодой офицер присел на корточки и протянул руки к пылающему зеву буржуйки.

Михаил Воцилло замерз на пронизывающем ветру, руки же просто одубели, хоть и натянул он теплые шерстяные рукавицы. Особенно ныла правая, еще толком не залеченная лекарями. Как он ненавидел этот заснеженный, Богом забытый военный городок, в котором прозябал уже целую неделю после тяжелого ранения...

Вот уже год отвоевал штабс-капитан Воцилло с красными, хотя больше воевали русские пилоты с тем летающим хламом, что находился в русских авиаотрядах. И только в сентябре немного повезло — начальство передало их 10-му авиаотряду три потрепанных разведчика «Сопвич» и три истребителя «Ньюпор», почти новых, из расформированного французского отряда.

Французский «подарок» прошел мимо, так как был одноместным. Но Михаил был искренне рад и английскому «Сопвичу», лишь бы в небе побыть. Вот только долго летать на нем ему не пришлось — тобольское наступление белых войск оказалось злосчастным, и такой же трагической оказалась для его авиаотряда и для него лично борьба с красным аэростатом...

В первых числах октября фронт стабилизировался на Тоболе, у города Кургана — на левом берегу засели красные, а на правом спешно укреплялись малочисленные части белых. Вот тут и появился в небе советский аэростат — толстый баллон с корзиной наблюдателей, из которой позиции колчаковской армии были видны как на ладони. Но самым пакостным было то, что с «колбасы» корректировали стрельбу красного бронепоезда.

Мириться с постоянными обстрелами красных командование не могло, и 10-й авиаотряд получил приказание уничтожить зловерный аэростат. Однако приказать легко, трудно было выполнить. Дело в том, что белые не имели зажигательных пуль, а дырки от простых пуль красные техники заклеивали за несколько минут.

Бомбежки с высоты в 400 метров результата не дали — бомбы метали вручную, и потому попаданий в опущенный на землю аэростат не было. А спуститься ниже было практически невозможно — красные пулеметы ставили перед аэропланами плотный зенитный огонь.

Бесполезность атак стала ясной к 9 октября, когда половина самолетов, изодранных пулями, встала на ремонт. Вот тогда Воцилло и предложил атаковать аэростат в полной темноте, с бреющего полета. Небольшая высота повышала шансы попасть в ненавистную «колбасу» бомбой, а ночное время давало надежду на внезапность налета, который красные зенитчики могли проспать. И ровно в полночь их «Сопвич» поднялся в небо для атаки.

Летчик штабс-капитан Муромцев был опытным пилотом и точно вывел аэроплан на высоте всего двух десятков метров на воздухоплавательную стоянку. Воцилло сразу разглядел светло-желтую «тушу» аэростата и без промедления метнул бомбу.

Взрыв накрыл сам баллон и красноармейцев, которые забежали по стоянке. Муромцев вывел самолет на второй заход, и Михаил вывалил еще одну бомбу из кабины — вспышка пламени от взрыва на мгновение ослепила его. Осмелевший летчик пошел в третью атаку, и Воцилло приготовился сбросить на красных третью бомбу.

Вот только пулеметчики не зря свой хлеб ели — лоб полоснуло чем-то горячим, и тут же боль резанула правую руку. Михаил выронил бомбу, не успев поставить ее на боевой взвод. Бесцельно было надеяться, что она удачно попадет тяжелой гирькой на какую-нибудь комиссарскую голову...

Возвращение Михаил помнил плохо — истекая кровью, он пытался перевязать себя в

изрешеченной пулями кабине. И потерял сознание, когда самолет коснулся колесами посадочной полосы.

Очнулся он уже в санитарной теплушке, что везла его с фронта в далекий Иркутск — туда шла поспешная эвакуация. Три недели бесконечной тряски совершенно измотали раненого офицера, и он уже подумывал о худшем, когда поезд, опередив бесконечную цепочку эшелонов, прибыл на конечную станцию. И началось не менее утомительное шестинедельное лечение в военном госпитале.

Грех жаловаться на врачей, он понимал, что они сделали все возможное, но рука еще плохо сгибалась в локте, а лоб был стянут жутким шрамом. Именно последнее ранение донимало штабс-капитана — от полученной контузии сильно болела голова. Но лежать он уже устал и попросил выписать его на долечивание в часть. Доктор с печальными глазами даже не пытался его уговаривать — мест в госпитале катастрофически не хватало, ранеными и больными, в большей массе тифозными, забивались все палаты и коридоры.

В окружном штабе было много упитанных и хорошо одетых офицеров, причем Воцилло так и не понял, чем здесь эта прорва народа занималась. За час ходьбы по кабинетам штабс-капитан только укрепился в своей ненависти к тыловой братии, откровенно игнорировавшей фронтовиков. Откуда их там столько? Только за час летчик откозырял доброй полудюжине генералов, не говоря о целом сонме штаб-офицеров.

Но удача не покинула Воцилло — вопрос о службе, довольствии и ночлеге был разрешен в штабе начальника гарнизона, куда ему посоветовал обратиться знающий все окольные ходы и выходы адъютант генерала Сычева, случайно столкнувшийся с ним в окружном здании. Этот поручик и оказал протекцию — и спустя какой-то час радостный донельзя Михаил уже отбыл к новому месту службы. Только вот радовался он преждевременно...

Военный городок находился за Иркутом в получасе неспешной езды от Глазково. Еще получасом дальше были железнодорожные станции Иннокентьевская и Батарейная, забитые под завязку эшелонами беженцев и эвакуированного из Омска имущества. Кроме того, железную дорогу порядком запрудили воинские составы чехословацкого корпуса.

Сам же Заиркутский военный городок оказался скопищем многочисленных барачных и немногочисленных каменных зданий, растянувшихся в глубину от дороги к реке Ангаре.

Но хоть назывался городок военным, служивых там было чуть больше тысячи, две трети которых принадлежали местному батальону, что окарауливал две сотни разбитых по баракам военнопленных — немцев, австрийцев, венгров и, к немалому удивлению Воцилло, экзотических турок. Бывшие враги по недавней войне голодали, они никак не могли вырваться из заснеженной Сибири и добраться до родины. Несчастные были рады любой работе, вот только ее и для местных жителей не было.

По пути Михаил наткнулся на мастеровых Мотовилихинского оружейного завода, которых вместе с заводским оборудованием вывезли сюда из Перми. Рабочие жгли окружающих голодными взглядами, Воцилло не мог им не сочувствовать — власти просто о них забыли. Какая уж тут работа — они были рады куску черствого хлеба.

Лишь к вечеру Воцилло разыскал свою новую часть — бараки 1-го авиационного парка. Тут мыкались более четырех сотен человек — главным образом солдат, но добрую сотню составляли приписанные в службу военнопленные и мастеровые для ремонта аэропланов. Но самолет все же был. Один-единственный, и, взглянув на него, Воцилло недоуменно пожал плечами — стоило такую рухлядь везти через всю Сибирь, лучше бы на месте сразу сожгли или красным оставили, пусть те бы помучились от такого трофея.

Однако, к его величайшему изумлению, этот английский двухместный разведчик «Сопвич» мог подняться в воздух, для него хранилась полная, под крышку, бочка бензина, а солдаты даже

расчистили лопатами короткую взлетную полосу. Впрочем, Михаил сразу сообразил, что командир просто работой их занял, чтоб от разлагающего безделья солдат отвлечь. А то кто его знает, до чего критика начальства довести может...

В офицерском бараке оказалось четыре десятка душ — одна половина приходилась на офицеров, другая на их семьи или родственников. Хорошо хоть деревянные перегородки были, а то с ума можно было бы сойти от постоянных снований маленьких пострелов, которые и в таком беспросветном существовании занимались своими детскими играми.

Командир авиапарка штабс-капитан Сергеев был молод, ровесник Воцилло, но стоит ли этому удивляться — молодой была сама авиация, только сейчас делавшая уверенные шаги. И принял Михаила он радушно, так и относились все пилоты и друг к другу, и рыцарственно к погибшим противникам.

От совместного проживания с командиром Михаил не отказался, да и другого свободного места в бараке не оставалось. А вот с питанием было худо — каша, перемороженная сладковатая картошка, изредка мясо. О чае и папиросах можно было разве что мечтать, сахара дали только раз, да и то совсем немного.

Через три дня Воцилло осатанел и подал рапорт о переводе на станцию Иннокентьевскую, где находились несколько эвакуированных авиаотрядов с воздухоплавательным парком. Но когда узнал, что и там такой же бардак с голодом, а самолетов хоть и четыре, но летать на них запрещено, то погрузился в мрачные размышления, поняв, что до крушения привычного ему мира остались считанные дни, если не часы. И не могло быть иначе, стоило посмотреть на злые лица окружавших его солдат, мастеровых, беженцев.

Правительству никто не верил, не доверяли уже и Верховному Правителю. Все чаще доносился шепот о неизбежном приходе красных, и это было связано хоть с каким-то определением судьбы. Причем о том судачили даже те, кто в сторонники большевизма не мог быть записан, те, кто долгое время с оружием в руках боролся против советской власти.

И так прошло три дня, но с ночи на католическое Рождество все изменилось — нарыв лопнул, и его мерзостная кашица разлетелась во все стороны.

После полудня прибывшие из Глазково члены Политцентра объявили о создании новой власти, эсеровско-большевистской, как понял Воцилло и многие другие. Заправляли-то эсеры, вот только ни у кого не было ни на йоту сомнения, что вскоре придут и большевики.

Вместе с господами-гражданами прибыл командующий так называемой Народно-революционной армии некий штабс-капитан Калашников, выступивший с такой пламенной речью, что Михаилу на память сразу пришел не к ночи поминаемый семнадцатый год. Знакомый перепев — проклятый колчаковский режим, защитим демократические завоевания революции, война гражданской войне и прочие гадости...

Гарнизон встретил речи уныло, но эсеры ребята тороватые — знали, чем на свою сторону перетянуть нестойкие души. Были живо вскрыты склады, и вскоре началась выдача продовольствия, главным образом муки, чая, сахара, консервов и папирос, а также обмундирования и полушубков. И все кругом сразу ожило, а солдаты с мастеровыми, которых Михаил видел с постоянно унылыми мордами, теперь ходили по городку походкой пьяных павлинов.

На следующий день объявили общее построение, на котором прочитали обращение Политцентра, затем приказ командующего НРА. Понятно, что улучшение питания и снабжения подняли дух солдат и мастеровых, а потому за новую власть согласились воевать до трети солдат гарнизона. Еще трети было безразлично, какая власть, им яростно хотелось домой, и они только поджидали благоприятной ситуации для дезертирства.

Оставшиеся солдаты и половина офицеров встретили новую власть отрицательно, даже в

штыки. Вот только молчали — кому ж охота на эти самые штыки насаживаться, революцию многие слишком хорошо помнили.

Однако принуждать их к вступлению в «добровольцы» на помощь рабочим дружинам в Знаменское эсеры не стали, ума хватило. Более того, всех оставили на службе до особого распоряжения — кого поставили на «охране» пленных, а самых ненадежных, большей частью тех офицеров, что к эсерам не питали ни малейших симпатий, загнали на охрану железнодорожной станции.

Хоть голодом не морили, паек и папиросы выдали в достатке. Солдаты даже получили теплую одежду, а чай с сахаром вообще давали без ограничений. Вот только Михаила такая нарочитая забота сразу насторожила. Да и не его одного, а многих офицеров, особенно когда на станцию подогнали чешский эшелон, и братушки живо выставили пулеметы.

Тут же пошли пересуды, что чехи их ненадежное воинство вскоре разоружат. Все признаки этого были налицо — выставлены усиленные пулеметами караулы, везде были видны патрули, солдаты были наготове.

Вывод русские сделали сразу — «Центропуп» держится только на чешских штыках, а потому нестойкие душой переметнулись к победителям, а непримиримые еще больше затаились, они потеряли главное — мужество. И было отчего — по городку сновали эсеровские контрразведчики, полсотни солдат и офицеров разоружили, как ненадежных, и силою разогнали по баракам.

Сам Воцилло не получил назначения из-за непригодности к строю, но был назначен помощником дежурного офицера по станции, пожилого поручика Куприянова, инженера по ремонту аэропланов.

Должность почти синекурная, ибо кроме дощатых будок, маленького каменного здания, двух десятков работающих на станции военнопленных с мастеровыми — управлять было нечем, да и охранять было нечего. Ведь не сотню же чешских молодчиков, что весело проводили время в комфортных теплушках с «эвакуируемыми» особами женского пола. У них и есть синекура, возможностями не обижены...

Но в сердцах еще жила надежда, что из-за Байкала придут части атамана Семенова и наведут здесь порядок. Ходили разные слухи, от таких, что атаман бросил их на произвол судьбы, до совершенно противоположных — бронепоезда Семенова уже на Кругобайкалке и могли быть давно в Иркутске, если бы чехи не перекрыли путь.

В последнюю новость Михаил поверил сразу — через военный городок на Глазково ушел еще один чешский бронепоезд. А вчера все недовольные повеселели — в Иркутск от Лиственничного приехали на автомобилях семеновцы.

И хоть невелика была помощь, что с кислой мордой подтвердил один из «центропуповцев», но надежда окрепла, и даже солдаты начали поговаривать, что пора бы обратный переворот сделать и чехам юшки пустить. Но то мечты, не с их винтовками и револьверами на пулеметы кидаться...

Вот и сейчас, вернувшись с обхода, Михаил думал о дальнейшем, протянув замерзшие руки к раскаленной печке. Думал, глядя на веселые языки пламени, пока не был безжалостно вырван из размышлений громким голосом дежурного, который ворвался в барак, хлопнув дверью.

— На станцию бронепоезд прет, а в Глазково сейчас оружейные выстрелы, вроде с Иркутска палят из пушки юнкера, а чехи отвечают бронепоездом. Надо солдат выводить, мало ли что. Не дай бог чехи на нас кинутся, разоружат ведь, мать их...

После этих слов Михаил окончательно пришел в себя и, нахлобучив папаху, выскочил на перрон. И тут же из сумерек вышел узнаваемый низкий корпус бронемотовагона «Орлика» с наведенными на чешский эшелон оружейными башнями.

— Что он здесь делает?! — удивленно воскликнул Куприянов, вышедший следом.

Но Михаил не успел даже подумать, как из длинных стволов вырвались яркие языки пламени, а грохот орудийного залпа оглушил летчика. Однако бои с германцами не прошли для Воцилло бесследно, пока ум бездействовал, пытаясь понять произошедшее, навыки пехотинца уже взяли свое, швырнув тело за сугроб и перекатом за толстое дерево.

Подальше от здания — ибо от снарядов кирпичи веером разлетаются в разные стороны, на кого Бог пошлет. Но глаза жадно смотрели на развернувшуюся во всей красе атаку чешского броневоза на чешский же эшелон.

«Орлик» раздолбал несколько вагонов картечью, щедро окатил остальные из пулеметов и тут же умчался дальше, оставив после себя небольшой пожар, с десятков убитых чехов и стоны многочисленных раненых.

Спросонок братушки полуголыми вылетали из теплых теплушек на мороз — и русская брань повисла в воздухе, ибо слаба чешская речь на крепкие выражения. Как желали сейчас чехи поговорить со своими соплеменниками, что пьяные на бронемоторном вагоне катаются.

Но ругань зависла в воздухе — из темноты появился совершенно незнакомый бронепоезд, угловатый, в бело-серую кривую полосу. И пусть на носу отсутствовала башня, но пушка в торце была, и она сразу выстрелила, а затем дружно застрекотали пулеметы, поливая чешский эшелон смертельным дождем пуль.

Братушек смело на снег быстрее, чем трактирщик смахивает полотенцем крошки со столешницы. Попадали и русские солдаты, которые выскочили из здания. Однако сумасшедший визитер не стал останавливаться, а пронесся вслед за «Орликом».

Воцилло приподнялся и тут же снова повалился на снег — третий бронепоезд был полным близнецом второму, такие же три вагона с бронепаровозом, точно такая же боевая раскраска. На этот раз пушка не стреляла, зато пулеметы устроили адский концерт.

Михаил уже тихо молился от страха, пули напоминали ему растревоженных пчел на пасеке или свинцовый, постоянно молотящий град. Обстрел через минуту прекратился, и штабс-капитан поднял голову. Кошмарная картина творилась на станции, пламя горящего вагона превратило ночь в день.

Бронепоезд стоял рядом с расстрелянным эшелоном, двери на вагонах с лязгом распахнулись, и оттуда хлынули солдаты в белых полушубках, с малиновыми пехотными погонами на плечах.

На рукавах полушубков офицер разглядел угольники бело-зеленых цветов, и моментально на него пахло прошлым — точно такие же ленты носили солдаты Сибирской армии год назад, когда пинками вышвыривали красных за Уральские горы...

Михаил осторожно встал, руки поднимать не стал, но развел их в стороны, демонстрируя, что не держит оружия, а то сдуру кто-нибудь из десантников пальнет.

Глаза быстро запоминали — надпись «Беспокойный» старославянскими буквами на тендере, причем верхняя их половина была белой, а нижняя зеленой. И вооружены высаживавшиеся солдаты отлично, до зубов — гранаты, ручные пулеметы, винтовки и карабины...

— Я командир бронепоезда Сибирской императорской армии подпоручик Емельянов, а вы кто? — Молодой офицер в одном предложении уместил утверждение и вопрос.

Вот только Воцилло ответить сразу не смог — слова про Сибирскую императорскую армию и эмблема на погонах в виде императорской короны привели летчика в смятение. Но он успел еще отметить, что точно такие же эмблемы носили и все офицеры, которых высадилось шестеро, и многие подпрапорщики с унтер-офицерами.

— Помощник дежурного по станции, штабс-капитан 1-го авиационного парка Воцилло, —

опамятовался Михаил и представился.

— Политцентр поддерживаете? — от вопроса Емельянова у Воцилло пробежали мурашки по телу, и он без заминки выпалил:

— Упаси Боже! Меня с ненадежными солдатами эсеры сюда и упекли, под надзор чехов.

— Тогда собирайте своих солдат, будете здесь комендантом, наводите порядок. Пленных собрать под охрану, мародеров и «политцентровцев» расстреливать на месте. Оставляю вам десяток солдат, следом подойдет эшелон — подчинитесь поручику Лазареву. Понятно?

— Так точно! — вытянулся Воцилло, тон подпоручика к пререканию не располагал. Но любопытство его съело, и он осмелился задать вопрос:

— Вы семеновец?

— Уже нет! Я офицер Сибирской императорской армии, что всех выметет — и красных, и чехов, и прочую сволочь. И чины у нас всех от императора, — и Емельянов ткнул пальцем корону на погоне. — Наши бронепоезда с солдатами и японцами уже в Глазково, корабли на Ангаре. И мы победим! — Подпоручик козырнул, развернулся и пошел к бронепоезду, раздавая на ходу короткие приказы.

А Воцилло посмотрел в сторону Глазково — предместье было хорошо освещено взрывами и взлетающими в воздух сигнальными ракетами...

Глазково

Этой ночью Иржи проклял все — и мороз, и русских, и этот снег, и свое невезение с подвалившим счастьем. Он дождался, когда казаки поехали обратно, стегая плетью двух пойманных беглецов, которые, высунув языки и задыхаясь на морозе, бежали рядом с конями. Иржи совсем не удивился, когда увидел, что заправляет всем старый казак Осип Михалев, к которому он так удачно и, главное, вовремя зашел купить молока...

Колер выбрался из спасительного сарая сразу же — оставаться в нем было опасно. Русские могли выставить пост на дорожке в любую минуту, ибо боевое охранение есть аксиома военного дела. И потому надо было поспешать, и Иржи стал размеренно отмерять шаг за шагом...

В Марково чех пришел, когда кругом стало совсем темно, но здесь его поджидала его величество Фортуна, капризная и своенравная дама. Пожилой крестьянин на длинных санях, на которые уже была навьючена большая копна сена, отправлялся в город и, после короткого разговора с чехом, согласился за кривой солдатский бебут отвезти солдата в Глазково. Отдав мужику плату вперед, Колер зарылся с головой в душистое сено, чуток согрелся и незаметно для себя уснул...

— Служивый, вставай, приехали, — чья-то безжалостная рука вырвала Иржи из сена, заодно вытряхнув из него остатки сна.

Чех огляделся — добротная усадьба, дом-пятистенки с затейливой резьбой. Чуть левее занесенная снегом березовая роща, а напротив Иржи, далеко внизу, в отсветах разведенных костров, знакомое здание вокзала.

— Брат у меня извозом в городе занимается, вот сено ему и привез, — пояснил крестьянин довольно невежливо, чуть подталкивая солдата к открытым настежь воротам, как бы говоря — «привез тебя на место, а потому проваливай».

Иржи на секунду захлестнула волна злобы на этого русского, он даже захотел позвать чешский патруль и отобрать у мужика свой кинжал. Однако тут же вспомнил, зачем торопился в Глазково, тихо буркнул «спасибо» и вышел за ворота.

Пурга под утро ослабела настолько, что небо стало ясным, и на нем вспыхнуло множество звезд со светлым диском луны. Дорога до штаба дивизии была знакома, сам неоднократно ходил здесь в патруле, и потому Иржи быстро миновал шеренгу деревянных домов, но свернул не прямо вниз, на спуск к вокзалу, а забрал круто вправо. Необходимое ему двухэтажное кирпичное здание располагалось на высоком гребне Глазковской горы, нависая над красивым вокзалом, протянувшимся в приречной низине.

— Стой! Кто таков?! — грозный окрик часового пригвоздил Иржи к месту — получить пулю от своих ему не улыбалось, тем паче на пороге заветной цели. Но сердце успокоилось — везде было тихо...

— Я капрал Колер полуроты поручика Навотны из Михалево, брате солдат. Имею очень важное сообщение для генерала или полковника Крейчия. Немедленно вызови дежурного офицера!

Часовой не стал задавать глупых вопросов, а вытащил свисток, и пронзительный свист огласил морозный воздух. Не прошло и пяти минут, как из здания выскочил офицер в шинели. Торопливо подошел к ним.

— Пан поручик! — Иржи сделал шаг вперед. — Я капрал Колер из полуроты поручика Навотны, что стояла в Михалево...

— Стояла? И куда она сейчас делась? И как ты сюда добрался? Приехал на «Орлике»?

— Бронепоезд захвачен русскими и японцами, которые его подло атаковали прямо из эшелонов вчера утром. А мою роту расстреляли в упор из пулеметов, не дав никому выбраться из вагонов...

Лицо офицера вытянулось, он оторопело посмотрел на солдата, будто на сумасшедшего. Открыл было рот, но только глотнул морозного воздуха. Наконец опамятовался и почти закричал:

— Что ты мелешь, ты, видно, с вечера пьян?! Вон «Орлик» стоит, только сейчас прибыл из Михалево. И нас точно по телеграфу предупредили о его выходе. Ваш же Навотны и предупредил...

Иржи повернулся и обомлел, он почувствовал, что сердце подкатилось комком к горлу. Между вокзалом и длинными пакгаузами стоял узнаваемый силуэт бронепоезда, но в несколько ином составе — концевой бронемотовагон отсутствовал, а на его месте была прицеплена одна из двух передних бронеплощадок. А самым страшным было то, что «Орлик» уже развернул свои орудия...

— Алярм!!! — во весь голос заорал Иржи. — Это русские! Сейчас они по нам из орудий удар...

Договорить капрал не успел, он уже падал на снег, пытаясь укрыться за грудой сваленных бревен. Но он увидел, как из орудий вылетели длинные языки пламени, и тут же в штабе ухнуло, во все стороны полетели стекла и кирпичи.

Через пять секунд гроыхнуло еще раз, потом еще и еще — пушки били беглым огнем, без промахов. Да и какой промах может быть с трехсот шагов, для трехдюймовки это почти пистолетная дистанция. Иржи казалось, что обстрел стал бесконечным — снаряды разносили в клочья деревянные дома на гребне, крушили каменные постройки.

Русские знали, куда стрелять — здесь, прямо над вокзалом, в этих, теперь уже почти полностью разрушенных зданиях, располагались два батальона пятого полка 2-й дивизии. И потому на бронепоезде снарядов не жалели, да и пулеметы уже захлебывались стрельбой, как бывает при перегреве стволов.

И только когда взрывы перестали сотрясать под ним землю и переместились в сторону, а в воздухе прекратили гневно свистеть над его головой пули, Иржи поднял голову и оцепенел...

Половина штабного здания превратилась в груды битых кирпичей, а вторая половина пылала погребальным костром. Вместо добротных усадеб разлилось зарево пожаров, дым и пламя клочьями рвались к небу. Капрал подумал, что если русские перенесут огонь на предместье, то через четверть часа там будет такой пожар, который полностью испепелит все — дома, людей, животных. Огромный кратер вулкана...

Но бывший чешский бронепоезд по городу не стрелял, ограничившись лишь тотальным уничтожением зданий с чешскими солдатами в привокзальном районе. Зато правее рощи Звездочки творился ужас — казармы мятежного 53-го полка были под массированным обстрелом.

Над разрывами время от времени взлетали красные и зеленые ракеты, освещая местность не хуже взрывных вспышек. Колер насчитал не менее шести одновременных взрывов — но при этом башни бронепоезда сейчас молчали. А это означало только одно — русские пустили в ход другие бронепоезда и минометы...

Иржи перевел взгляд на вокзал — он был уже полностью захвачен русскими десантниками, которые перебежками, при поддержке многочисленных пулеметов, готовились забираться на хребет и закончить тем самым уничтожение чешских солдат. Дело запахло совсем худо, и Колер решил, что пора «смазывать пятки», ведь так говорят эти проклятые русские изменники в трудных для них ситуациях...

— Всем отходить на гору к Иркуту, затем спускаться вниз! — зычный голос прозвучал совсем рядом, и капрал повернулся.

За ним стоял генерал Сыровы. Но, Боже, в каком истерзанном виде! Шинель была разорвана и закопчена, от нее продолжали отлетать в стороны искры. Шапки на командующем не было, так же как и знаменитой черной повязки на слепом глазу — но Иржи казалось, что своим бельмом генерал видит больше, чем любой зрячий чех.

— Банзай! Тенно хейко банзай! — слитный знакомый рев ускорил отступление чехов, кое-где они просто обратились в бегство. Это не русские, и если самураев прибыло много, то связываться с ними себе дороже, тем более что за ними стоит артиллерия бронепоездов. И Иржи бросился бежать, спасая свою жизнь в очередной раз...

Река Ангара

— А братушки нас явно не ждут, Петр Игнатьевич. Удачлив наш ротмистр, новый Суворов, право слово, пал им на голову, как снег, — лейтенант Миллер возбужденно притопнул ногой по железной палубе.

Глазковское предместье гремело от взрывов, вспышки опоясали всю привокзальную гору, за рощей Звездочкой разгорались пожары. Нападение бронепоездов Арчегова было полностью внезапным, вряд ли чехи смогут сейчас организовать сопротивление.

Но и отвлекаться на обозрение сухопутной баталии старший лейтенант Тирбах не мог — стеньговые флаги, что означает готовность к бою, были подняты на всех русских кораблях небольшой эскадры. Вот только противника Петр Игнатьевич пока не наблюдал...

«Кругобайкалец» шел во главе отряда, расталкивая носом плавающие льдины, к нему присоединилась «Волна». А «Михаил» под вымпелом командующего флотилией шел далеко позади — машина на нем основательно сдала после долгого ледового перехода.

— Петр Игнатьевич, а вот и чешский пароход, вон там, у монастыря крутится, — Миллер протянул вперед руку, и Тирбах немедленно прижал бинокль к глазам.

Крякнул завистливо — хорошие у немца глаза, в темноте видит как кошка, а он сам

разглядел только смутный силуэт у высокого берега, да и то через прекрасную цейсовскую оптику.

— Баковое! По понтону огонь! — крик лейтенанта ударил по ушам, и Петр поглядел вправо — у сорванного понтона на берегу Ангары шустро копошились какие-то тени, и только сейчас, к своему ужасу, Тирбах разглядел, что это солдаты, и они занимаются препакостным делом — разворачивают в сторону кораблей трехдюймовую полевую пушку.

С «Волны» судорожно залаяли пулеметы — кондуктор Павленко дело знал туго, а потому сразу же обстрелял прислугу. В ответ затарахтел чешский пулемет, но расчет взял слишком высокий прицел — пули дырявили скосы жестяной рубки, на головы посыпались раскаленные брызги свинца, шелуха от краски забивала глаза.

Корпус ледокола тряхнуло — расчет горной трехдюймовки начал обстрел чешской пушки. Второй снаряд смел прислугу, а третий подкинул полевое орудие. Оторванное колесо сорванным осенним листом закружилось в воздухе и рухнуло сверху на искалеченный лафет. Тирбах облегченно вздохнул — главная опасность была умело уничтожена.

— Молодцы немцы, к Георгиям нужно представлять, — пробурчал Петр, и тут правую щеку обожгло, он ладонью машинально за нее схватился, пальцы тут же окрасились кровью.

— Прижмите к щеке вот это, Петр Игнатьевич, вас пулею зацепило, — Миллер сунул белоснежный платок и заорал сквозь разбитое окно: — Беглый огонь по вагонам! Пулеметам — по пехоте!

— Благодарю, Владимир Оттович, — Тирбах прижал ткань к глубокой царапине и всмотрелся в темноту. — Чуть дальше у второй баржи два парохода пришвартованы. Надо десант высадить!

— Есть, господин лейтенант, — машинально ответил Миллер и приказал рулевому: — Правь туда, на первую баржу! Не дай бог этим колесным лоханкам корпуса сомнем. Самый малый!

«Кругобайкалец» резко снизил ход и, спустя несколько минут, плавно навалился на баржу. На импровизированный причал тут же спрыгнули морские пехотинцы с ручным пулеметом, за ними последовали и матросы с мичманом Иконниковым во главе. А ледокол через минуту отвалил от баржи и направился в погоню за третьим пароходом, что отчаянно задымил трубой и стал уходить вниз по Ангаре.

— Далеко не уйдет, ваше благородие. Через пяток верст лед стоит крепкий, его даже наш ледокол не взломает. Догоним, плыть ему некуда, — рулевой небрежно ответил на невысказанный вопрос Тирбаха.

Глаза старого речника пристально смотрели на темную гладь Ангары — каким-то нюхом он знал все неглубокие места и время от времени менял курс, маневрировал. К удивлению Тирбаха, удиравший от них пароход они догнали быстро, тот едва прочапал до середины Знаменского.

— Дай ему под скулу, пусть на якорь становится, — бросил короткий приказ Петр.

Оглянувшись, прижав бинокль к глазам. К барже пришвартовался буксир, с него прыгали матросы. Пароходы уже занимались десантниками, было хорошо видно, как моряки устанавливают на корме пулеметы.

Гроыхнуло баковое орудие, и под самым носом парохода, на борту которого уже можно было прочитать название — «Бурят», взлетел высокий белый бурун, обдав ледяной водой палубу. И тут же снаряд кормовой пушки вцепился в надстройку, оставив в ней маленькую аккуратную дырочку. Это было последнее предупреждение, и на «Буряте» осознали, что следующими будут уже не болванки, а нормальные фугасы.

Пароход выдал длинный гудок, гребные колеса перестали молотить по бортам воду, а с

носа шлепнулся в реку якорь. Однако на нем имелись и такие, кто не жаждал свидания — от парохода отвалила небольшая лодочка, и четверо гребцов дружно навалились на весла...

— Уйдут, сучьи дети! Огонь по лодке! — прорычал сквозь зубы Миллер, и с кормы затыкала мелкокалиберная пушка, к которой присоединился пулемет с левого борта. Через несколько секунд лодка буквально рассыпалась на доски, а гребцы оказались в шуге, крошечке мелкого льда.

Трое сразу ушли под воду, они были ранены или убиты, а четвертый уцелел и еще с полминуты держался в ледяном крошечке. Несчастный захлебывался криком, но потом камнем ушел под воду — или сердце остановилось, или судорогой свело.

— Эй, на «Буряте»! Принимай буксир, теткин кр.... — боцман «Кругобайкальца» добавил еще несколько слов из матерно-морской терминологии.

На пароходе забегали матросы, и через три минуты ледокол потащил его обратно. У баржи уже стоял «Михаил», а буксир «Волна» отшвартовался у понтона на другом берегу, напротив здания прогимназии Гайдука. Рядом с ним уже собрались люди...

— Так, и кто вы есть?! — скучным, до тошноты невыразительным голосом обратился Тирбах к двум господам в дорогах, с меховыми воротниками, пальто.

С остальными пассажирами «Буряты» было ясно — полсотни солдат дрожали овцами при виде волков, после того как сначала потопили лодку, на которой погибли четверо заводил повстанцев. Да потом на берегу совершенно спокойно лейтенант Миллер застрелил еще двоих солдат, которые вздумали агитировать моряков, говоря о революционных ценностях.

— Видел уже я их ценности в марте семнадцатого, когда матросики всех офицеров в Кронштадте перебили. Мичман один умолял хотя бы глаза ему завязать перед расстрелом, а они ему их выкололи, а потом живот вспороли, — Владимир Оттович спокойно говорил Тирбаху, но смотрел на штатских граждан взглядом голодного волка.

Те потоптались, пугливо переглянулись между собой. Наконец один из них, представительный господин семитской наружности, с легкой картавостью в голосе, выдал из себя слова:

— Я председатель Политцентра Федорович...

— Большую мы рыбу изловили, Владимир Оттович, самого председателя! Ну а вы кто такой, товарищ? — последнее слово прозвучало у старшего лейтенанта с явной издевкой.

— Член Политцентра Ходукин. Я требую...

Что он требует, Тирбах не понял, ибо господин получил плюху от Миллера, из носа брызнула кровь. Ходукин присел на корточки, схватился за разбитое лицо и совершенно по-бабьи запричитал.

— Смотрите на них, солдаты! — неожиданно громко сказал лейтенант. — Эти люди подняли вас на мятеж здесь, подняли обманом. Они призывали вас умирать, а сами боятся обычной пощечины. И вы хотели с этими трусливыми вождями победить? Так они вас всех с потрохами чехам продали за 17 миллионов русского золота, — Тирбах не знал, откуда взял эту цифру Арчegov, который вчера выступил с речью перед экипажами кораблей. Но ротмистру он уже доверял безоговорочно, слишком многое, что было ранее непонятным в его словах, получило наглядное подтверждение. И потому не грех использовать его слова в общении с солдатами.

— За сколько?! — изумленный выдох потряс солдатскую толпу. А затем последовал дружный вывод: — Ах вы суки червивые! С чехами подлыми за нашей спиной снюхались! В Ангари их, да камень привязать!

Федорович с Ходукиным молчали, их сотрясала дрожь. Какая уж тут дискуссия, если от созерцания множества трупов чешских солдат тошнота к горлу подступила, а в глазах морских

офицеров ни капли жалости или интереса, а одна только лютая злоба. Тирбах сокрушенно покачал головой, глядя на этих пламенных революционеров.

— Этих «товарищей» доставить к поручику Насонову в контрразведку. Солдат под конвоем направить в их казармы, там их превосходительство живо в чувство приведет и научит сапоги чистить и на свежую голову надевать, — Петр вспомнил одно из странных изречений Арчегова.

— Вы правы, Петр Игнатьевич. Константина Ивановича уже многие вашим превосходительством называют. И я, кстати, тоже, — Миллер похлопал перчаткой по карману шинели, — потому что он всех генералов в Иркутске стоит вместе взятых. Это первый в моей жизни ротмистр, которого я в обиходе «крупой» никогда не назову и другим морду набью.

— Я тоже его уважаю и охотно подчиняюсь, — устало сказал Тирбах и с нескрываемым удовлетворением посмотрел на свои корабли...

Глазково

— Ну и холодрыга, ваше высокоблагородие. — Ермаков стал растирать ладонями побелевшие от мороза щеки, скинул бекешу с плеч на топчан. Бросил взгляд на тикающие на руке часы — без четверти семь.

— Заканчивается ночка. — Сычев чуть скривил губы. — Окаянная ночь, право слово, Константин Иванович. Я полковником через нее стал, а солдаты тебя превосходительством именовать стали. Но не томи душу, говори же...

— Скажу честно — первый раз так в жизни крутился, как уж под вилами. Кое-как уговорил этих чистоплюев, слава Господу. Как такие вообще могли управлять Сибирью в прошлом году? Теперь я уверен твердо — с такими вождями белое движение победить не могло, да и не сможет... Если им ускорение не придавать. Никакой решительности, одни сопли по стеклу размазывают — нельзя так, это налагает на нас определенные обязательства, — Ермаков изменил голос, явно кого-то пародируя, но эти слова и кривая ухмылка никак не сочетались с довольным видом. Ротмистр жмурился от удовольствия, чуть ли не урчал, и у Ефима Георгиевича отлегло от сердца — чересчур волнительными были для него последние полчаса.

— Не томи душу, выкладывай! — настойчиво повторил свой вопрос Сычев. Генерал перешел с Арчеговым сразу на «ты», хотя виделись первый раз в жизни два часа назад, под обстрелом чешского пулемета, который до последнего патрона пытался остановить продвижение китайцев у Звездочки. Отчаянно дрались трое чехов, отстаивая честь потомков гуситов, что бросились сломя голову из предместья...

Вот тут они и обговорили все свои проблемы, наметили, как говорилось в последние годы XX века, перспективы сотрудничества и взаимной выгоды. После чего Ермаков на «Волне» отправился к прогимназии, где его с нетерпением ожидали привезенные Сычевым министры бывшего Сибирского правительства, которых Константин вновь хотел поставить во главу...

— Согласились, мать их за ногу. И все мое творчество одобрили, правда, с кривыми рылами. Но деваться некуда — Рим горит по самые крыши, и времени нет на интеллигентскую трепотню. В общем, так — Вологодский сейчас премьер-министр и министр иностранных дел, Серебренников сел на должность министра экономики и снабжения, а Михайлов согласился на министра финансов. Гинс по-прежнему управляющий делами кабинета. Все, как и прежде, остались при своих интересах. Твой покорный слуга отныне командующий действующими против чехов войсками, и все это дерьмо предстоит разгребать мне. Не скаль зубы — не я один буду его нюхать, ты тоже в этом деле активно поучаствуешь, господин военный министр...

Сычев от такой ошеломляющей, но долгожданной новости закашлялся, и Арчегов крепко

похлопал его ладонью по спине.

— Не кашляй. Знаю одно — ты военную академию не заканчивал, но чин полковника гвардии имеешь, и службу тянул командиром бригады. А все наши войска сейчас одну полнокомплектную бригаду и составляют, так что хлопот у тебя будет немного. И по генеральскому чину не сокрушайся, ты теперь адмиралу ничем не обязан, как и я. Военный министр ныне все права иметь будет — и потому любых маразматиков, что на старых заслугах почивают, ты вычистишь. Я перед министрами на том особо настоял — ты один только в военном министерстве можешь весь этот воз вывезти, как Барклай.

— Пойми, Константин, лестно, очень лестно. Но если я завалю все к ядреной матери? Смогу командовать полком, бригадой, дивизией, даже корпусом, но вот как быть с военным министерством?

— Кончай гнилые отмазки — берись за дело, тем более мозгов тебе не занимать. Вот приказ о назначении. — Константин вытащил из кармана листок бумаги и протянул Ефиму, который медленно его прочитал.

— Хорошо, я приму эту должность...

— У меня есть ряд предложений, проведи как свои, не обижусь.

— Выкладывай.

— Я тут вчера набросал список первоочередных дел, пока ты с министрами договаривался. — Ермаков взял несколько листков бумаги и протянул новоявленному министру.

Тот взял их, положил на стол и стал читать. Причем весьма внимательно, тут же делая карандашом пометки на полях. Наконец поднял голову и спросил, требовательно глядя в глаза.

— Зачем нужен этот новый табель чинов императорской армии?

— Нам не нужны никакие другие чины, помимо императорских. Ты это уже понял, иначе бы сам себя не разжаловал.

— Сей чин для твоего воинства, что красная тряпка для быка. Для них есть голимое самозванство. Вот потому-то я и принял это решение...

— Правильно сделал. Генералом ты через недельку-другую станешь!

— Как и ты полковником...

— То не к спеху, мне моего чина хватает. Слишком велико поголовье генералов с их армиями, корпусами, дивизиями и бригадами, в которых, даже если всех совокупно взять, действующих бойцов наберется едва на пяток нормально укомплектованных батальонов...

Ермаков грустно усмехнулся и размял пальцами папиросу — честолюбивым сверх меры оказался генерал Сычев, зело честолюбивым. Но главное достоинство отнюдь не в том, теперь все задумки его, отставного подполковника российского спецназа Ермакова, а ныне ротмистра Арчегова, будет выполнять новоявленный военный министр. К тому же Сычев сейчас полностью зависит от него — победителя страшных чехов, командира спешно формируемой броневой бригады, костяком которой служат его надежные бронепоезда и десантники. А тысяча надежных солдат и офицеров сейчас многое значат, особенно когда доверяют своему командиру. И потому он все чаще и чаще слышит от них не положенное по чину приветствие — «ваше превосходительство».

А он им все эти дни откровенно лгал, надеясь, что это будет во спасение. И потому большинство поверило и в Сибирское правительство, и в новую Сибирскую армию, императорскую к тому же.

Парадокс — за эти дни он неоднократно замечал природный монархизм у сибирских крестьян и казаков. В том же Михалево во всех домах развешаны портреты царствующей семьи — но особо выставлены фотографии Михаила Александровича, что отказался в марте семнадцатого принимать корону.

И оттого в слух о его чудесном спасении поверили многие, от солдата до мастерового, а все остальное — чины, бело-зеленые нарукавные шевроны, императорские короны на погонах, Ермаков только добавлял для вящего укрепления духа своего воинства. И перестарался...

Сегодня он был на волосок от провала — не согласись министры принять власть, не поддались бы на его завуалированные угрозы, было бы совсем худо. О последствиях он даже боялся подумать.

Но наглая авантюра и сейчас прокатила, и теперь имеется вполне легитимное правительство. А кому еще власть здесь отдавать — блудному Политцентру или полностью обанкротившемуся так называемому Всероссийскому правительству?

Большевики правы, когда заявили, что власть не берут, а подбирают. А потому и у него получилось, хотя к власти он встал не напрямую, а опосредованно. Осталось только с чехами договориться...

Константин прекрасно понимал аксиому, что прорыв не терпит перерыва. Бронепоезда поручика Мичурина железным катком прокатились почти до самой Иннокентьевской, но вход на станцию оказался заблокирован, а нападение на послов и японских солдат ему было категорически запрещено.

Пришлось отвести дивизион в Заиркутный военный городок. Теперь оставалось только одно — и для него, и для чехов — договориться. Ибо война грозила страшными последствиями. Но он-то мог увести войска в Забайкалье и взорвать туннели, а вот чехам в этом случае грозило либо полное истребление, либо большевистский плен, что почти равнозначно. И потому Ермаков надеялся, что напуганные ночным погромом чехи реванш брать не будут, а прибегнут к посредничеству послов.

Ну, а если жажда мести перевесит прагматические доводы, то пусть попробуют атаковать — сами разрушат железную дорогу со всей инфраструктурой и наглухо запечатают себя. Да и он к бою должен подготовиться — пять бронепоездов, 400 штыков десанта, 500 штыков инструкторов, переброшенных в Глазково на пароходах, два полных эскадрона кавалерии, артиллерия и минометы, и в дополнение — целый отряд кораблей. Пусть попробуют, может, зубы свои тут и обломают...

Кругобайкальская дорога

— Бронепоезд беспечно себя ведет, сэр! — лейтенант Тенделл возбужденно потер руки — дощатые русские теплушки продуваются ледяным байкальским ветром насквозь и совсем не годятся для перевозки американских солдат. Но делать нечего — за неимением гербовой бумаги пишут на простой.

— Не нравится мне все это, лейтенант, — капитан Смит был хмур, под ложечкой неприятно сосало.

Такое ощущение у него постоянно возникало, еще со времен учебы в колледже, как раз перед получением неприятностей — или экзамен завалит, или изобьют. И на французском фронте такое тоже раз было. И как проклятье какое-то — через час пулю в ногу получил.

Но выбора для него не существовало — или под суд идти за утрату казенного имущества в виде десятка груженных вагонов, или неплохой куш сорвать на Кругобайкальской дороге. А этот русский бронепоезд — лакомый кусочек, но больно укусить может. Смит прижался к щели — еще пятьсот футов, и они станут рядом, а там кто знает, как распорядится удача. Не одному же этому русскому ротмистру фортуна обихаживать...

Одно плохо — такой захват лучше ночью проводить, вот только не удалось со временем

уложиться. Вначале в Слюдянке задержались, затем эшелону на Култук (вот еще одно варварское название) стрелки не перевели, и полчаса в вагонах все тихо сидели, чтоб русские не поняли, что вагоны отнюдь не пустые. Это не шутка, так много на утреннем морозе просидеть почти без движения, такое сможет не каждый. Правда, все эти полсотни парней были тепло одеты, да и на дело вызвались добровольно, за долю в добыче, как пообещал им полковник Морроу...

Русский бронепоезд вырос внезапно, будто из ничего. С военной точки зрения это практически полный ноль — бронирование почти отсутствует, пушка погонная, с узким сектором стрельбы, те же проблемы и для пулеметов. Тупая нация, до простейшей башенной установки не додумались, недаром их японцы 15 лет назад вдрызг разбили.

Одно хорошо — окраска. Тут Смит подумал, что такое нужно и для армии US перенять. Чья-то хитрая голова беленый вагон серыми изломанными линиями расчертила, и пропал разом силуэт, разбившись на множество причудливых контуров, похожих на здешние скальники...

— Сэр, я же говорил, что они беспечны, только двоих часовых поставили, у вагона и у тендера, — горячо зашептал Тенделл.

— Я думаю, мы их возьмем, лейтенант, — Смит посмотрел прямо в глаза лейтенанту. — Действуем строго по плану, как и задумали. Ты со своими солдатами попроси часового, чтобы русский офицер вышел из вагона для переговоров, и метни вовнутрь гранату. Взрыв служит сигналом, и парни захватывают паровоз и вагон. Только бы боекомплект внутри не рванул, а то нам всем достаться может. Давай, лейтенант, сейчас остановимся. Дверь оставь открытой, не закрывай — пусть видят, что теплушки пустые.

— Есть, сэр!

— Удачи тебе, парень...

Тенделл встал, а Смит накинул на себя брезент и прильнул к щели. Мысль с маскировкой он придумал вчера, и полковник одобрил ее. Внутри каждого вагона в один ряд поставили плоские ящики, сколоченные из тонких досок, отодвинув их от стенок.

В вагонах укрылись по две дюжины солдат с офицером — в первом сам Смит, во втором лейтенант Радклифф. Приставленный от полковника Морроу лейтенант Тенделл из полковой разведки должен был с квартетом своих головорезов отвлечь внимание русских и забросать их гранатами — у каждого американца по штуке было засунуто в рукава шинелей. Просто и ясно, и сейчас капитан ждал результата...

— Эй, парень! Я первый лейтенант американской армии Тенделл, 27-й полк. Могу я видеть командира этой вонючей лоханки есаула Гордеева!

Русский часовой, закутанный в башлык до кончика носа, чем напомнил Смицу здешних сельских вумен, пробормотал в ответ что-то непонятное на своем варварском наречии.

Как жаль, что рядовой Мобельз сидит далеко от него, перевести не может. У него в роте полдесятка парней прекрасно знает русский, их специально отбирали в штабах для длительной сибирской экспедиции.

Эти несчастные евреи бежали из России от погромов и потому прекрасно знали быт и нравы этой страны. Они сторонники демократии большевиков, взявших власть, и потому испытывали неприязнь к белому движению, скопищу подонков, погромщиков и реакционеров, как объясняли всем американским солдатам.

Многие верили, но сам Смит не очень, хоть и не был антисемитом. Капитан довольно негативно относился к ним, постоянно замечая, как они распродают все, до чего только дотянутся их блудливые ручонки...

И тут у Смита бешено заколотилось сердце — русский часовой, вместо того, чтобы вызвать офицера, встал на скобу трапа, отдернул бронированную дверь наружу, откинул какую-то

тряпку, что висела пологом, и полез в чрево бронеплощадки, где что-то загремело. Что пологом завесили, то понятно — внутри топится печка, а тряпка не выпускает тепло наружу. И сейчас там русские спят, разомлев в теплом вагоне.

— Тенделл, что ты тупишь! Зачем ждать офицера, забрасывай гранаты в вагон, — яростно зашептал Смит, до боли сжав кулаки.

Словно услышав мысленный приказ капитана, Тенделл выхватил гранату из рукава, выдернул чеку. Один из его солдат подпрыгнул, цепко ухватился за тряпку...

— Вперед, парни, задайте русским жару! — во весь голос заорал капитан Смит, продолжая смотреть в щель.

С грохотом стали рушиться ящики, а из-за них с ревом кинулись солдаты его роты. Но тут сердце, как показалось Смит, почти замерло в груди, секунды потекли настолько медленно, что капитану показалось, что они превратились в минуты.

Солдат, прижав тряпку к груди, уже падал на грязный от угольной копоти снег, а граната, выпуская струйку дыма, летела в вагонное нутро. Вот только за тряпкой оказался плотно приставленный металлический лист, и граната с лязгом отскочила от него, упав на заоравшего от ужаса солдата. Так вот что лязгало внутри — мысль молнией осенила Смита — русские за тряпку поставили металлический лист. О Боже!

Взрыв отбросил капитана на ящики, хорошо, что глаза успел закрыть, иначе бы запорошило. И тут же в воздухе разнеслась громкая разноголосица криков, стонов, воплей и брани. Вразнобой загремели винтовочные выстрелы.

Капитан кое-как разбросал ящики и, наступив на чье-то тело, выпрыгнул из вагона. Его парни безуспешно штурмовали бронепоезд, пытались выломать железный лист, прикрывающий все еще открытый дверной проем.

— Нет! Не делай этого!!! — дико закричал Смит, когда увидел, что капрал Хиксон забрался на бронев вагон и выдернул чеку у гранаты. Однако попытка просунуть ее в пулеметную амбразуру не увенчалась успехом — изнутри кто-то крепко держал заслонку.

Из затеи ничего не вышло, но капрал это даже не осознал — хлопок взрыва, и изодранное осколками тело рухнуло на окровавленный снег. Многие солдаты стреляли в борта, но пули их не пробивали.

Некоторые парни в отчаянии лупили прикладами — попытки вызвали дружный хохот русских, которые засели в этой крепости, которая показалась в этот момент капитану Смит, неуязвимой. И это — просто набитый шпалами вагон! Волосы офицера встали дыбом — он на секунду представил, если бы сейчас перед ним был настоящий бронепоезд, с башнями и с катаной броней.

Однако русские не могли ответно стрелять через закрытые амбразуры, и это придавало Смит, уверенности — рано или поздно его парни найдут щель и вкатят туда гранату. И тут бронированный паровоз выпустил струю горячего пара, шипящую и белую, а затем раздался гудок.

С дикими воплями солдаты отпрыгнули в сторону, изрыгая хулу в адрес злобного русского машиниста. Они бы с радостью добрались до него, но толстая железная дверь наружной бронировки паровозной будки уверенно держала винтовочные пули.

И тут бронепоезд дернулся вперед и стал тихо ползти, постепенно убыстряя ход. Солдаты, выплевывая проклятия, кинулись следом, но уже через минуту стало ясным полное преимущество парового котла перед двумя ногами.

Но самым пакостным было другое — стоило бронепоезду отойти на три тысячи футов, намного опередив самых резвых солдат, как из амбразур стали вылезать толстые пулеметные хоботы. И вскоре пулеметная очередь вздыбила снег фонтанчиками перед их эшелоном.

— Парни! Прыгай с насыпи! — прокричав команду, Смит лихим прыжком перемахнул за бугор и покатился вниз по снежному покрову.

Однако летел недолго и затормозился в лощинке. Солдаты сверху сыпались горохом с крутого берега, а некоторые умудрились докатиться до озерного льда.

— Плохо дело, сэр! — рядом с капитаном оказался Радклифф.

Теперь щеголеватый лейтенант потерял свой бравый вид — щека кровоточит, меховая куртка разорвана, а под глазом начинает набухать приличный синяк.

— Это ловушка, Гарри! Они ждали нас и подготовились заранее. О Боже праведный! Смотрите...

Представшее зрелище потрясло их до глубины души. Из дальнего туннеля выполз еще один бронепоезд, но с двумя броневагонами. За ним густо пошла пехота, не меньше сотни штыков...

— Не стрелять! — заорал во все горло Смит и тихо добавил: — Иначе всем смерть, уйти мы не сможем..

Капитан все понял: держать оборону у подножия крутого берега вогнутой бухты невозможно — продольным пулеметным огнем бронепоезда выкосят всех за пять минут. И это еще хорошо — если бы пушка второго бронепоезда имела бы отрицательный угол склонения, то русским потребовалась только одна минута, а то и меньше.

Смиту стало жарко, он совершенно не чувствовал холода — и было отчего. Сами охотники превратились в беспомощную дичь. Капитан отправил в рот горсточку крупнозернистого снега, испытав секундное облегчение, после чего осмотрелся.

Его солдаты уже осознали весь трагизм положения — кто молился, кто-то ругался, таких было большинство, а кое-кто глотал снег, как капитан, пытаясь заглушить жажду...

— Эй, вояки! Сдавайтесь! А то гранатами закидаем и пулеметами по берегу пройдем! — уверенный голос закричал сверху на английском. — Офицеры у вас есть? Или как?

— Я капитан Смит! Не стреляйте! Мы сдаемся! — Никогда в жизни офицер не чувствовал себя так паршиво. Даже если в живых останется, о карьере можно забыть, теперь всю оставшуюся жизнь над ним станут глумиться, а он сам будет испытывать жгучий стыд...

Их всех обезоружили, тщательно обыскали, охлопывая рукава и заставляя снимать сапоги и ботинки. Подглядели, откуда американские солдаты выхватывали гранаты и пистолеты. Затем всех согнали в лощину скальника под пулеметные стволы бронепоезда.

Офицеров отвели в сторону от солдат. Смит мрачно посмотрел на Тенделла, который баюкал перевязанную правую руку, ободряюще на Радклиффа, который тихо шептал молитву. К ним подошел офицер в полушубке — Смит сразу вспомнил его, видел в Слюдянке, когда этот казак выставил ставку во время «бокса» чуть ли не в три сотни золотом.

— Вахмистр! Трех казаков под берег, пусть посмотрят, может, кто из американцев попрятался в снегу! — Офицер отдал команду, и бородатые казаки тут же кинулись ее исполнять, прыгнув вниз с насыпи.

Смит мучительно соображал — ранее этот казак имел на погонах по четыре звездочки капитана, так он перевел казачье звание на свой лад, ибо выговорить его был не в силах. А сейчас на погоне две звездочки подпоручика, или второго лейтенанта, плюс эмблема, отдаленно похожая на корону. За что же его из капитанов разжаловали?

— Что ж вы так подло нападаете, господин хороший? — Вопрос казака перевел морской офицер с погонами русского подполковника.

— Я получил приказ! И к тому же вы увели у нас вагоны...

— Не увели, а предупредили, капитан. Этим оружием вы хотели захватить туннели. Да полноте! Вы это прекрасно знаете, и мы знаем. И даже некие документы имеем, — казак говорил серьезно, но глаза смеялись. — А иначе как бы мы подготовили вам такую теплую

встречу...

Смит пожал плечами — а что говорить прикажете? Этот казак насквозь все видит, все его хитрости. Морроу идиот, что кинулся выполнять приказ лягушатника Жанена. И он тоже идиот, что так глупо в западню залез...

— Ваше благородие! Ховался там один, выволокли!

Дюжие казаки крепко держали залепленного снегом рядового Мобельза — тот трясся от ужаса и, улучив момент, упал перед казаком на колени.

— Помилуйте, ваше высокоблагородие, силком повели!

— Ого! Как складно мериканец по-нашенски гутарит. Жаль, расстрелять придется. Вот ежели бы русский был, то в живых бы остался. Вахмистр! Этого к остальным, под пулеметы!

— Не американец я! — во весь голос взвыл солдат. — Сапожник я! В Америку из России приехал, из Могилева!

— Считаю, щас себя из могилы вытащил. Этого в сторону, пушай живет! Как зовут-то, паря?

— Изя...

— Еврейчик? Ну и удачлив ты. Еще евреи русские есть?

Не успел вопрос казака отзвучать в воздухе, как из толпы пленных солдат выскочили все три русских эмигранта, на ходу выкрикивая совершенно иные для капитана Смита имена.

— Я Мося Рибев из Ковно...

— А я Петр Гершельман, прибыл-таки из Москвы...

— Меня зовут Хаим Флейшман, я в Америку приехал из Бердичева...

И тут, к великому изумлению американцев, из толпы солдат вылез второй сержант Лари Мак Коннор и на ужасном русском произнес:

— Я есть имя русское Иван Макарон, я есть папа кабак Харбин...

— С такой испитой красной рожей и фамилией вы, милейший, можете быть только шотландцем. Идите обратно, не примазывайтесь к иудеям, — английский моряка был превосходен, но вот добавленные русские слова Смит не понял, зато казак сделал свой вывод.

— Шагай обратно, дядя. Самозванцы нам не нужны, а то мы тебе враз полное обрезание по обряду сделаем! — дружный хохот русских разорвал воздух, мелко подхихикивали им «эмигранты», лишь американцам было не до смеха, солдаты уже поняли, что их ждет. Но не дергались — пока до русских добежишь, из пулеметов бронепоезда всех положат.

— Евреи, кои честно работают, не за гешефт, не могут быть жидами. Те твари комиссары, большевики и чекисты! А простые евреи пусть живут, плодятся и трудятся! У нас в Чите их много, даже в войсках у атамана служат! И вы идите в сторону, господа! Вы офицеры, а потому даруем вам жизнь!

Смит понял, что ждет его солдат, собрал все свое мужество, выдохнул воздух и сделал шаг вперед:

— Я разделю участь своих солдат, сэр. Но замечу вам, что вы поступаете против обычаев войны!

— А подло нападать — это как прикажете понимать?

Смит пожал плечами и на деревянных ногах, но с гордо поднятой головой, подошел к солдатам и встал рядом с ними. Рядом с ним молча встали смертельно бледные Радклифф и Тенделл, он им крепко пожал руки — они показали себя настоящими джентльменами. И стал на себе застегивать воротник куртки, негоже показывать русским расхлябанность офицера в такой важный момент. А за спиной послышались молитвы и ругань, а также шепот:

— Уходите отсюда, господа, они же вам жизнь оставляют...

Смит только хмыкнул на эти слова, таким не понять, что смерть зачастую лучше

бесчестия...

— Господа! Вы нас неправильно поняли! — голос моряка был преисполнен теплоты и любезности. — Никто не собирался вас расстреливать. Посмотрите на своих раненых, они все перевязаны нашими врачами и лежат уже в вагонах. Там вас всех ждет легкая закуска, вы ведь не завтракали. Так, господа?

Дружный гул облегчения разнесся в воздухе, лица у всех порозовели, от сердца отлегло. Броневая дверь с лязгом хлопнула, и казаки выставили три очень больших прозрачных бутылки, размером с ведро, в которых плескалась знакомая для всех заокеанских солдат мутная жидкость. Следом на снег вылетела связка жестяных кружек.

— О-о-о! Рашен уиски вери гуд! — радостно выдохнули воздух солдаты. Моряк подошел вплотную к офицерам:

— В свое время вы пошутили над нашим генералом, предложив ему поединок с «мальшом Билли». У нас есть поговорка — как аукнется, так и откликнется. Поздравляю вас, господа, вы с честью выдержали это испытание!

Моряк посмотрел на оживленных солдат, усмехнулся и неожиданно громким голосом сказал:

— Парни! Вы можете гордиться своими офицерами, они не оставили вас в трудную минуту, как некоторые из ваших солдат.

— А мы с ними в вагоне поговорим! Хорошо поговорим, надолго запомнят! — из толпы американцев послышались злорадные голоса, и Смит задумался над тем, как же ему жить в дальнейшем без переводчиков. Ибо даже последнему тупому быку в его Кентукки было бы понятным, что может произойти с его евреями в короткой, до Слюдянки, поездке...

— Здесь есть «мальш Билли»?

— Это я, сэр! — Здоровяк тихо прошепелявил и растолкал солдат.

— Вам подарок от нашего генерала, — моряк достал золотые часы с браслетом и протянул сержанту, — Константин Иванович благодарит вас за поединок и дарит на память вот это. Тут надпись выгравирована.

— «Мальшу Билли за дружескую плюху», — здоровяк медленно шевелил губами. Потом поднял голову и потрясенно произнес:

— Так я с генералом дрался?! Надо же... В Иллинойсе не поверил бы никто. А тут часы! Нет, наш бы генерал не стал боксировать...

Смит хмыкнул, представив, как генерал Гревс пытается нокаутировать «мальша». Не получилось, зато этот странный ротмистр, который почему-то скрывал генеральский чин, за секунды уложил здоровяка...

— Смотрите, сэр! — Радклифф протянул руку на озеро, и Смит обернулся. Из-за мыса появился большой ледокол, гораздо больше в размерах любого ледокола, которых капитан видел на Великих озерах. Гигант легко шел вперед, ломая своим стальным форштевнем тяжелые льдины.

— Сигнальщик! Два с недолетом до Слюдянки, — моряк отдал приказ, и тут Смит увидел, что на крыше бронепоезда стоит матрос с большими флажками в руках. И не просто там стоит, а машет ими в какой-то последовательности. Через две минуты два клубка дыма взметнулись на корме и носу ледокола, а спустя несколько секунд на льду вздыбились два взрыва.

— Передай дробь! — офицер повернулся к Смицу и заговорил с ним непривычно жестким тоном:

— Я начальник штаба Байкальской флотилии капитан второго ранга Фомин. До вечера этого дня ваши солдаты должны покинуть Слюдянку, в которую вошли против воли русского командования и вразрез заключенным соглашениям о разделе Кругобайкальской дороги на зоны

охраны. Не доводите нас до греха — мой ледокол спокойно расстреляет вас на всем протяжении той стороны озера. На нем дальнобойные морские орудия, потому стрелять сможет с такой дистанции, на которой его ни одна полевая пушка не достанет. А здесь пойдут в атаку бронепоезда и пехота — и я не думаю, что вечер для вас будет приятным. Вы все правильно поняли, капитан?

— Ваш английский превосходен, сэр. Я передам ваши слова полковнику Морроу, сэр! — Смит со злорадством подумал, что новости полковник получит просто ошеломляющие.

— И еще одно. Сегодня на рассвете наши бронепоезда, корабли и пехота наголову разгромили чехов в Иркутске. Я сам только что узнал про эту блестящую победу генерала Арчегова. У чехов убито свыше трехсот солдат, еще свыше пятисот попали в плен. Захвачено 3 бронепоезда, 3 парохода, 7 орудий, множество пулеметов и винтовок. Пока это предупреждение — если они не освободят Верховного Правителя России адмирала Колчака и не вернут нам золотой запас, а также не пропустят эшелоны русских беженцев, которые мрут тысячами, то мы их всех истребим! До последнего! У нас одно желание — иностранные войска должны покинуть Сибирь немедленно, без проволочек. И вернуть награбленное русское имущество!

— Сэр, мы только рады будем покинуть вашу страну. И еще, сэр — ни я, ни мои солдаты, ни американская армия грабежом не занимаемся...

— Потому мы с вами и говорим, капитан. А не стреляем! А вот на одного чеха приходится один вагон русского добра. И вы думаете, что они соизволили его купить за свои кровные?!

— Я так не думаю, сэр!

— И еще одно, капитан. Передайте полковнику Морроу наши предложения. Меха мы ему вернем немедленно, как только он захочет. Нарушать бизнес нельзя, — моряк произнес последние два слова с легкой брезгливостью, непонятной для Смита.

— Можем вернуть и все ваше оружие, за исключением примерно ста тысяч патронов, и так, по малости — пара биноклей, пара-тройка пулеметов и прочего. Сами понимаете — в Иркутске был бой. Вернем и то, что забрали сейчас здесь у вас в качестве трофеев. Но только у нас есть условия...

— Позвольте узнать — какие, сэр?

— Первое такое — полковник письменно приносит извинения за это нападение и обещает впредь не предпринимать агрессивных против нас действий. И второй вариант... Завтра-послезавтра ваши солдаты начинают наступление против партизан у Мысовой. Не беспокойтесь, наступления не будет, просто постреляете по сопкам, и партизаны сами уйдут в тайгу. Мой ледокол обстреляет все возможные цели по вашим указаниям. Патроны и снаряды ваш полковник спишет на бой, так же как этих трех несчастных солдат. Их семьям ведь положена пенсия, как павшим в бою?

— Положена, сэр.

— И если полковник спишет намного больше, то мы согласны обсудить все возможные варианты. Надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю?

— Конечно, сэр.

— Тогда передайте полковнику, что я буду рад с ним встретиться вечером в Слюдянке, я прибуду туда с моими войсками. До встречи, капитан!

— До свидания, сэр!

Фомин мрачно усмехнулся — ротмистр Арчегов, которого он для пущего веса «произвел» в генералы, снова оказался прав. Прав в своем цинизме — противнику всегда нужно давать на выбор два варианта, вот только один должен быть неприемлем для него абсолютно, а второй выгоден нам...

— Это пока не власть, Ефим Георгиевич, а сборище истеричных гимназисток в положении! — Ермаков возбужденно прошелся по большому залу бывшего здания Русско-азиатского банка, в котором еще вчера заседало всероссийское правительство, тоже бывшее.

Бывал он здесь неоднократно, когда в приснопамятные годы далекого будущего в сем здании поликлиника располагалась. Вот только на втором этаже большого зала не было — разбит был перегородками на многочисленные клетушки регистрации. А сейчас здесь правительственное присутствие, новоявленное...

— Ты представить не можешь, Константин Иванович, но бывшее правительство за четыре дня не сделало ничего. Ничего, даже не пошевелились. За это время только я что-то делал, на месте военного министра вроде был. Сам поднял военные училища да переарестовал всех политцентровцев вкуче...

— Вот потому-то они всю Сибирь про... и про... — от жесткого ругательства Арчегова Ефима Георгиевича передернуло. Таким ротмистра он еще не видел.

Какой тут гуманист и интеллигент, как он именует себя с улыбкой — любой башибузук турецкий от зависти плакать будет. Перерезал народу и еще выражается словесами. И выражения у него какие — смачные, боцманам с тральщиков на память.

— В общем, так, господин военный министр, должности мы с тобой получили, теперь перейдем к делу...

Договорить Ермаков не успел, как дверь распахнулась, и в зал быстро вошли еще два министра, два кислых друга Ивана, как мысленно окрестил их Константин — Серебренников и Михайлов. И сразу набросились на них, что твои цепные псы, потрясая в воздухе листками.

— Ефим Георгиевич, ну нельзя же так. Вводить осадное положение в городе и губернии вы можете, но это же террор какой-то. И как это понимать прикажете, — Серебренников возбужденно вытер капельки пота на блестящей лысине. Молодой министр, сорока еще нет, впрочем, как и всем четверым здесь собравшимся.

— Расстреливать на месте насильников, грабителей и растлителей — я это еще понимаю. Но почему вместе с ними указаны большевики, эсеры, агитаторы и демагоги. При чем здесь это, генерал?

— А при том, уважаемый Иван Иннокентьевич, что именно сейчас эта сволочь опаснее всего, и расстреливать ее нужно в первую очередь. Дабы умы в смущение не приводила...

— Я полностью согласен с полковником, — Ермаков вмешался и жестко выделил голосом новый чин Сычева. — Но лучше бы вешать...

— Как вешать?

— За шею, как еще вешают. На первом попавшемся суку, лишь бы покрепче был. Добрым людям в назидание, а злым в устрашение. Жаль только патрульных солдат и юнкеров. Расстрелять намного легче, чем на морозе с веревками возиться да всякую сволочь на них вздергивать.

— Но это же...

— Это гражданская война! Иван Иннокентьевич, ведь если революцию в белых перчатках не делают, то нечего пенять, если мы ежовые рукавицы наденем. И еще одно — я настоятельно прошу вас всех принять закон, запрещающий деятельность всех левых партий любого толка и окраски на весь период войны, вплоть до созыва Сибирского Земского Собора.

— Это как-то не звучит. Может, лучше учредительное или народное собрание? Да и запрет партий вызовет всеобщее недовольство, и от наших союзников протест будет...

— Тамбовский волк им союзник, — Ермакова аж затрясло от гнева, — от них одни беды на нашу голову. А что касается запрета, то лучше запретить деятельность всех всероссийских партий. У нас сейчас должна быть только одна партия — спасения Сибири, а все остальное от лукавого. Оставим автономистов и умеренных националистов из лояльных туземцев — вроде бы других чисто сибирских политических течений больше нет...

— Я согласен с Константином Ивановичем, — неожиданно вмешался в разговор доселе молчавший Михайлов. — До созыва непартийного земского собора следует все же запретить деятельность всероссийских партий.

— Благодарю, Иван Андрианович, — Ермаков с интересом посмотрел на министра финансов.

Ирония судьбы, прямо слово. Еще нет и тридцати лет, родился на каторге, куда упрятали за террор его отца, известного народника. Вроде должен быть левым, а имеет довольно правые взгляды и на дух не переносит эсеров с большевиками.

— Иван Иннокентьевич! Поймите же — это необходимо!

Серебренников медленно обвел взглядом двух решительно настроенных собратьев по министерским портфелям и более радикального командующего. Ермаков читал его мемуары, до которых сам автор еще не задумывался, и если и напишет их когда-то, то будут они уже другими. А сейчас министр экономики и снабжения явно что-то просчитывал — он был сторонником умеренных действий и всячески сторонился крайностей.

— Что ж, господа, я присоединяюсь к вашему мнению. Но думаю о том, не сделаем ли мы ошибки...

Ефим Георгиевич облегченно вздохнул — раз решение принято единогласно, то оно будет проведено. Больной Вологодский пока самоустранился, хоть обязанности премьер-министра принял. Но согласился одобрить любое решение своего кабинета из трех наличных министров, если оно ими будет принято единогласно. Правда, у него был к ним еще ряд вопросов, и потому Ефим Георгиевич требовательно спросил:

— Господа! Вы ознакомились с моими предложениями?

— Да, господин полковник, — тут же ответил ему Серебренников. — Не скажу, что они нам понравились, но Константин Иванович настоятельно требовал неуклонного их принятия. Петр Васильевич их тоже одобрил и предложил немедленно претворить в жизнь. Что касается финансирования...

— Позвольте, Иван Иннокентьевич, — Михайлов довольно невежливо перебил собеседника, и Ермаков внутренне улыбнулся — деньги есть епархия министра финансов, и он с первых же часов ревностно встал на страже собственных интересов, хотя раньше на этой должности проявил себя, сказать бы помягче, не совсем зер гут.

— Военное министерство получит средства немедленно, в требуемом объеме. Отдайте только все необходимые приказы и подпишите ассигновки.

— Мы надеемся на ваше благоразумие и опыт. Нежелательно обострять дальше взаимоотношения с нашими чешскими союзниками...

— Я понимаю это, Иван Иннокентьевич. Необходимые меры уже приняты, и я не допущу эскалации военного конфликта, — Ермаков лгал с самым честным видом, не моргнув и глазом, но сразу сделал спасительную для себя в будущем оговорку. — Если это не приведет к ущербу для нашей государственности или не ущемит наше национальное достояние.

— Хорошо, Константин Иванович. До свидания, Ефим Георгиевич, — Серебренников протянул ладонь для рукопожатия, — делайте все, что считаете нужным. Правительство одобряет вашу полезную деятельность. Извините, но мы с Иваном Андриановичем должны идти, нас ждет Петр Васильевич.

Министры обменялись рукопожатиями, и через минуту Сычев с Арчegovым остались одни. Обменялись кривыми, но победными улыбками, и полковник тут же спросил:

— Ты как их всех уломал?

— Ты же коренной сибиряк, в отличие от меня, «навозного», — Ермаков улыбнулся, он знал, что так в Сибири в это время называли приехавших сюда россиян, «навезенных», так сказать.

— И казак к тому же. Тебе будет легче с самоуправным атаманом Семеновым справиться, это они прекрасно понимают. И потому за твою кандидатуру сейчас держаться будут накрепко, только лишь бы ты воз тащил. Да, кстати, ну ты и демагог, я удивлен. Ты так ловко коммунистов и эсеров на одну доску с растлителями, грабителями и прочими душегубами поставил...

— Не демагог я, а плагиатор. У тебя взял — интеллигенты и педерасты?! Про первых вроде ничего плохого не сказал, но осадок-то остался. А я просто творчески развил и перечислений побольше добавил, поступив по известному принципу, что маслом кашу не испортишь. Значит, подействовало?!

— Еще как!

— И позволь спросить тебя, Константин Иванович — что из твоего творчества казаки еще спеть могут у «Модерна»? Кроме этого — чтобы не было грустно, порубаем в капусту всех жидов с коммунистами.

— А что такое? — наивно спросил его Константин. — Хорошая песня, задорная. Надо побольше таких. Солдату с песней и воевать, и помирать легче, если она из души идет. Или тебе слово «жиды» не нравится и ты решил его на «врагов» заменить?

— Да нет, хорошая песня, нужная. И жиды к месту. Ты бы еще написал что-нибудь такое, наше, казачье.

— Уже подкинул. У Оглоблина в казармах целая группа народной песни, ансамбль песни и пляски. Половина чистые гураны, хоть и казаки. Сюда их всех прислал. Я им полчаса на гармошке песни наяривал, пока министров дожидался, — Константин улыбался — «пришлось авторство присвоить, благо до рождения настоящих авторов еще пройдет уйма лет. Но люди даровитые, что-нибудь другое сочинят».

Кто-то сильно потрянул его за плечо, и Ермаков очнулся. Его держал за плечи Сычев и тряс, как грушу в саду.

— Что с тобой? Ты побледнел и застыл...

— Устал, как собака, ночь не спал, воевал...

— Там в комнатке диван, поспи пару часиков. Твой начальник штаба толковый, сам справится. Только помоги мне с генералом вопрос решить.

— С каким генералом?

— Да со «старым». Новые все старые чины взяли, кто есаула, кто полковника. Генералов императорского производства я либо по военно-учебным заведениям рассадил, либо на пенсию отправил. Всех пристроил... Подальше от дел. Теперь мешать не будут, а то как бельмо на глазу...

«Проще говоря, ты всех конкурентов выпер, — Ермаков внутри улыбался, — но ты прав. Ни один из старых генералов в Сибири ничем не прославился. Наоборот, от них только вред был. Все толковые или решительные — Каппель, Молчанов, Красильников, Семенов, Анненков, Унгерн и многие другие из есаулов и подполковников вышли. А я их обратно в старые чины загоняю — тоже, кстати, себе конкуренцию убавляю».

— Один остался, — Сычев с собачьей мольбой посмотрел на ротмистра, — начальник 1-й Особой дивизии, что во Франции воевала. Генерал-лейтенант Лохвицкий, Николай Александрович. В августе чуток покомандовал второй армией на Урале и сюда был отправлен,

по болезни. Отказывается и на пенсию уходить, и кадетский корпус принимать категорически не желает. Требуем встречи с тобой как с командующим армией!

— Требуем — значит, встретимся... Только поспать чуток надо и поесть. Где тут кабинет с коечкой? Через часик разбудить пошли кого-нибудь...

Смоленщина

— Ой, лишенько, — полковник Оглоблин чуть поморщился, и не заунывное нытье бабы, потерявшей мужика, было тому причиной.

Прокопий Петрович морщился от бессилия — ну никак две его сотни казаков и бурят не могли не то чтобы потрепать хорошо чехов, а вообще задержать их. Да и как тут остановишь — свыше пятисот братушек вырвались из Глазково купно, людно и оружно. И хотя бронепоезд достал их на Иркуте, чехи не растерялись, а отошли дальше, до Смоленщины. Здесь отобрали коней и подводы, расстреляв два десятка мужиков, и час назад пошли кружной дорогой на Иннокентьевскую, выставив у Максимовщины сильный заслон с пулеметами...

— С ними енерал ихний был, кривой на глаз, бельмы свои тарашил, тля зловредная, — старик хозяин с кряхтением поставил на стол самовар, хозяйка все еще копошилась у печи, готовя обед для уставших офицеров.

— Да ты не думай, господин атаман, мир-то подыметесь щас, да чехам энтим укорот заделаем. Зла на них хватает, вражин проклятых! — старик, наконец, водрузил ведерный самовар, довольно улыбнулся — еще бы, сам поднял в семьдесят лет-то, отослав хорунжего, что помочь бросился.

Дверь в дом хлопнула, в сенях — стук сапог, так бывает, когда снег стряхивают, и в комнату вошел есаул Коршунов, что носил на плечах есаульские погоны с ноября 1917 года, когда с казачьей сотней поддержал Керенского. Скинул папаху на топчан, перекрестился на иконы и молча сел за стол.

— Ушли, суки! Сыровы пулеметы выставил, а нам бы хоть пару! Эх, — есаул хотел облегчить душу смачным словом, но осекся. В гостеприимном доме, при хозяине, сие есть непотребщина, которая не к лицу казаку, что чужую старость завсегда чтит.

— А не так и хреновы наши дела, Петр Федорович, — Оглоблин открыл краник пышущего жаром самовара и набулькал себе полную чашку чая.

Затем взял шаньгу с блюда и стал неторопливо чаевничать, время от времени с шумом прихлебывая горячий чай с чашки. Есаул посмотрел на стол, махнул рукой, будто скинул с себя неприятности, и тоже стал полдничать, благо в седле три часа на морозе провел, да под пулями...

— Ты, Петр Федорович, здесь до завтра задержись, — Оглоблин отставил чашку в сторону. — Крестьяне решили всем селением обратно в казаки поверстаться. Сам знаешь, что полвека назад их тут всех рассказали. Думаю, уже завтра все селения по Иркуту вновь казачьими станут, благо решение Сибирского правительства уже есть. Народ здесь хороший, сам видишь, у многих казачьи корни, а кое-кто и болдыри, матери у них казачки с Медведево или с Иркутска. Родней казачьей обросли...

Коршунов молча слушал атамана, крутя в пальцах папиросу, но не закуривая — старик хозяин табак не жаловал, считая пагубной забавой. Но курить хотелось сильно, до головокружения. А Оглоблин продолжил разговор:

— Мобилизация всех новых казаков, кои не достигли тридцати лет, уже начата, нарочные по селам поскакали. Завтра здесь не протолкнуться будет, я думаю — до семи сотен мужиков...

хм, казаков придет. Я войсковой цейхгауз вычищу, пришло к ночи на подводах винтовки на всех, патроны. Дам пять штук пулеметов, да ротмистр Арчegov, думаю, не откажет с обмундированием помочь. Их превосходительство три эшелона чешской «интендантуры» захватил, там тысяч пять комплектов одного обмундирования.

— Если не больше, — пробурчал Коршунов и завистливо вздохнул, — богатые трофеи захватил, очень богатые.

— На чужой каравай рот не разевай! Быстро сколачивай пластунский батальон, тут люди сплошь на германской повоевавшие. Офицеров тебе наших пришло, казаков. И сегодня. И желтой материи на погоны и лампасы есть три тюка. Так что торопись — у тебя лишь сутки. Завтра к полудню выводите батальон к Глазково. Мыслью, чехи атаковать будут...

Глазково

— Да что же это такое?! Как же так?! — бывший командующий НРА в бешенстве ударил кулаком по кирпичной стене. Он пребывал сейчас в ярости, хотя несколько часов до этого находился в полной прострации. А память услужливо перелистывала страшные страницы...

Сильный рывок пальцами за больное плечо, и в его сознание ворвался сильный шум. Штабс-капитан Калашников не сразу отошел ото сна и принялся искать пальцами рукоять револьвера. Но чья-то рука сильно сжала кисть, а потом в голове взорвалось солнце...

— Вставай, сучье вымя, кончай тут прикидываться, — сильный пинок под ребра привел Николая Сергеевича в чувство. И первое, что он ощутил, это вкус соленой влаги на губах. Кровь, его кровь, только она имеет такой вкус. А потом до разума дошли новые звуки — грохот трехдюймовок, их выстрелы любой признает, кто слышал рывканье этой пушки, что «косой смерти» солдатами названа. И пулеметы захлебывались, их перестук шел, как ему показалось, со всех сторон. Все он слышал, вот только глаза не размыкались, и все затянуло багровой пеленой. И снова солнечная вспышка...

Окончательно очнулся он только здесь, в подвале. Где он находится, не представлял. Но что в Глазково, в том он был уверен, и рядом с железной дорогой, ибо мог слышать перестук колесных пар да гудки паровозов. И не мог найти ответа на вопросы — кто его сюда засадил? Что в предместье ночью был ожесточенный бой, он не сомневался, но только кто тут с чехами воевал и на его штаб напал, ответ не находился.

Вернее, было три предположения — это могли сделать чехи, если опять сговорились с колчаковским правительством либо на них надавили японцы. Второе предположение было еще хуже — 53-й полк решил обратно на сторону власти перейти и выдачей командующего НРА заслужить себе прощение. А третий вариант самый худший — бронепоезда Арчegovа внезапно атаковали предместье, захватили вокзал, пленив его заодно...

Мурашки пробежали по телу, а сердце сжала безжалостная рука. Если это семеновцы, то крах всего — и дела партии, и Политцентра, да и он жизни лишится, ибо на пощаду можно не рассчитывать...

Скрип отворяемой двери за спиной заставил капитана мгновенно обернуться, в подвале стало светло. Это был подвал, ибо в окошке коридора он увидел обычные колесные пары вагона. Скорей всего, его засунули в какой-то пакгауз или здание рядом с ними.

В дверном проеме стоял молодой офицер, крепкий, уверенный в себе. А взгляд страшный, с колючей злобой, хоть и держит ее внутри на привязи. Улыбка нехорошая, скорее — оскал голодного волка.

— Я командующий действующими войсками армии Сибирского правительства ротмистр

Арчegov! — голос ровный, спокойный, без малейших эмоций. Никак не вяжется с его глазами...

— Я командующий Народно-революционной армией штабс-капитан Калашников! — Николай Сергеевич постарался собрать в кулак всю волю и мужество и с достоинством скрестил руки на груди.

— Бывший, — с нарочитой печалью в голосе произнес ротмистр, — командующий бывшей армии, бывший офицер. Все бывший. Нет у вас армии, разгромлена она. На нашу сторону перешла в большинстве своем — солдаты победителей носом чуют. Но это так, к слову. Прошу вас подробно рассказать о взаимоотношениях чехов с вашим Политцентром, какие условия они выдвинули, где и с кем вы заключали соглашение, ну и прочее...

— С врагами революции я не разговариваю! — Николай Сергеевич гордо расправил плечи. Ожег Арчегова взглядом и с вызовом добавил: — Вот еще, жандарм новый выискался...

Договорить он не смог, ротмистр молниеносно рванулся вперед, и тут же страшная боль согнула пленного пополам. Руку взяли в стальные клещи, и твердый палец глубоко ткнул в больное плечо.

— А-а! — заорал Николай Сергеевич, ощутив всей шкурой, что пришла настоящая боль, невыносимая, чудовищная. А ротмистр продолжал терзать его тело, и Калашников почувствовал, что сходит с ума...

— Ты станешь отвечать все! Понял! — Боль обрушилась новой волной, давя сознание. По ноге потекло что-то горячее, мокрое. Боль стала невыносимой, и от жалости к себе Николай Сергеевич закричал:

— Я все скажу, все! Все!!!

Боль неожиданно отпустила, и тело будто выдернуло из кипятка. Облегчение было таково, что Калашников даже не осознал, что кишечник непроизвольно опорожнился. Весьма специфический запах стал заполнять маленькое помещение своими миазмами. Ротмистр зафыркал носом:

— Жандармы, как я вижу, вас пряниками кормили. Ну а я МАД на вас опробовал. Методика активного допроса так зашифровывается. Это вам не по морде получать, тут основа несколько иная. Это вы, краснюки вонючие, режете ремни, глаза колете, в кострах жарите... Фантазии у вас нет, выродки... И на расплату вы жидки, господа. Пехота гибнет зряшно, потому что ее вожди не к светлому будущему стремятся, а к удовлетворению низменных потребностей, от тщеславия до шевеления безумных тараканов в голове...

Ротмистр чиркнул спичкой и закурил папиросу, отошел в глубину коридора, встал поближе к разбитому стеклу и скомандовал:

— Пляскин! Прислать пяток солдатиков из этих, пусть отмоют своего... говнокомандующего. Потом ко мне его в вагон, я с ним поговорю, хорошо так поговорю, с чувством, с толком, с расстановкой...

Голос ротмистра, спокойный и безжалостный, прибил к полу Николая Сергеевича, уже вставшего на четвереньки. От нахлынувшей волны дикого животного страха, что этот ужас снова продолжится, от безумной жалости к самому себе он заскулил...

Иннокентьевская

— Чехи вон уже где стоят, господин поручик, — молодой солдат с чумазым лицом ткнул рукой в сгущающиеся сумерки. Мичурин припал щекой к холодному прикладу, тщательно подводя мушку под едва видневшуюся фигуру. Плавнo потянул спуск, грохот выстрела привычно ударил по ушам. И чуть глухо выругался — только патроны переводить...

Бессмысленная перестрелка на окраине станции шла уже два часа. А как все хорошо начиналось — его бронепоезда беспрепятственно расстреляли все чешские эшелоны по линии железной дороги. Такой война ему и мыслилась в кадетском корпусе, только место угловатых бронепоездов в его детских снах занимала лихая кавалерия. Все же прав господин ротмистр — прорыв его дивизиона может быть только при достижении полной внезапности, в противном случае будут сплошные неприятности.

Они и начались, когда «Быстрый» уткнулся в эшелон, что застрял на пути перед входной стрелкой. Пришлось высаживать десант и атаковать станцию в пешем строю, при поддержке орудий. Чехи не ожидали атаки с фланга и отступили к кирпичным зданиям, встретив атаку семеновцев плотным пулеметным огнем. Прорыв не заладился, и поручик сообразил, что братушек раз в десять больше, чем его солдат. Атака на этом закончилась, фортуна отвернула от них лицо.

И тут же густыми цепями пошли в наступление чехи — быстрыми перебежками мелькали они среди деревянных пристанционных строений. И сразу пошли первые потери — пожилой подпрапорщик, принявший командование над первым взводом, получил пулю в лоб, а второго взводного командира еле выволокли раненого, уложили в броневагон. Пришлось Мичурину самому командовать десантом, он только глухо матерился и громко ободрял сникнувших солдат. И это все, что он мог еще делать — их уже почти вытеснили из Иннокентьевской, и поручик стал подумывать об отступлении.

Но тут все изменилось как в сказке — пальба со всех сторон поднялась такая, что впору всех святых выносить...

— Ничего, сейчас вам помогут чехов прищучить! — уверенный голос заставил Мичурина обернуться. Перед ним стоял незнакомый молодой капитан в беленом полушубке, за ним два подпрапорщика в шинелях, похожие на небольшие бочата. Поддели под обмундирование теплое белье и свитера, вот и «располнели» — обычное для пехоты дело.

— Позвольте представиться — капитан Шайдицкий, Владимир Иоаннович. Вы командир бронепоездов?

— Да, командир дивизиона. Сибирской императорской армии поручик Мичурин, Павел Антонович!

— Ага, интересно как. Императорской армии?! Тогда позвольте немедленно поступить в ваше распоряжение. Со мной здесь еще тридцать офицеров и подпрапорщиков. На станции наш конвой стоит, а сейчас там делать нечего, раз такое веселье началось...

— Где воевали?

— Пока нигде. Только в августе из Франции выехали, а там в первой особой дивизии командиром роты.

— Видите за деревьями бегущих солдат? Собирайте их немедленно, в чувство приводите да склады у чехов отбивайте. Там на фланге мой третий взвод стоит, а первые два чехов держат. Так что помощь нам нужна немедленная, бронепоезда пройти не могут. Да, вот еще — как вы здесь оказались?

— Подпрапорщик Науменко тиф подхватил, кое-как нашли его в железнодорожной больнице. Одного своего отрядил сани найти, чтоб в госпиталь отвезти, а тут стрельба началась, а жители и говорят, что это наши с чехами воюют. Мы и поспешили к вам...

— Принимайте командование над людьми, капитан. Иначе отходить начнем... Да, вот еще, что там происходит? Где части Политцентра?

— А их нет уже, все их воинство разбежалась кто куда. Подполковник Оболтин едва сотню солдат собрал, а тут чехи... Ну и началось. И худо было бы, но тут артиллеристы полковника Горбоконя на помощь пришли, с фланга по чехам ударили. Там сейчас перестрелка пошла, как и

здесь. А я к вам со своими пробился...

— А это что за солдаты в суматохе бегают? Наши или политцентровцы? — Мичурин машинально присел за дерево, над головой прошла пулеметная очередь, сбив снег с тонких веток.

Капитан Шайдицкий спокойно, как выдавший виды вояка, встал за толстый ствол.

— Это авиаторы! Здесь 2-й и 3-й парки стоят, эвакуированные. Да еще какой-то корпусной авиаотряд. Отвыкли драться, вот и бегают!

— Так идите, их угомоните да в нормальную роту сбейте. У вас костяк свой есть. И фланг мне держите...

Через час маятник снова качнулся, и Мичурин уже взвыл от горя. Чехи подкатали две пушки — трехдюймовка всадила три снаряда в носовую бронеплощадку «Бесстрашного», а маленькая «Макленка» изрешетила его «Беспокойный», прибывший из Заиркутного городка с полуротой солдат местного батальона. Бронепоезда стояли беспомощные — погонные орудия не приспособлены для бортового огня. Глядя на их загоревшие корпуса, поручик и взвыл от горя. Всех выручил «Быстрый» — лихо развернув башни, БМВ расстрелял чешских артиллеристов почти в упор, разметаив по сторонам людей и орудия. А «шпальники» пришлось срочно цеплять на буксир и отволакивать паровозом в сторону Глазково...

Стало смеркаться, положение русских в Иннокентьевской резко ухудшилось. Чехи перешли в очередное наступление по всему фронту.

— Ваши авиаторы останутся в прикрытии, держитесь здесь полчаса, благо противник вяло наступает, а потом отходите перебежками, — молодой поручик посмотрел на Шайдицкого. — Передать по цепи приказ отступать на военный городок, впереди обоз с ранеными. Вместе с вами прикрывает отход «Быстрый». И отправьте посыльного полковнику Горбоконю, пусть тоже отводит своих солдат.

Отдав приказ, Мичурин обошел добротный дом и быстрым шагом пошел по наезженной дороге. Вскоре он увидел двухэтажное каменное здание, у которого быстро строилась довольно густая колонна его инфантерии. Рядом запрягали пароконные повозки, грузили раненых и еще какое-то имущество, благо на станции было очень много всякого добра. Все делалось впопыхах, чуть ли не бегом. Все признаки поспешного отступления были налицо, не хватало допустить панику...

— Солдаты и офицеры Сибирской императорской армии! К вам, братья, сейчас я обращаюсь от имени правительства свободной Сибири. Вы сделали сегодня самое великое дело — отважно сразились с грабителями и насильниками, погубителями земли нашей, наглыми и кровожадными чешскими интервентами. И вы не дрогнули в тяжелом бою, вы показали им крепость своего духа и силу вашего оружия!

Так вдохновенно Павел Антонович еще никогда не лгал. Но то была ложь во спасение, иначе бы гарнизон, потеряв большую часть своих офицеров, просто разбежался в разные стороны, подальше от довольно кусачих чехов. Да что сравнивать — здесь у него или спешно набранные в крестьянских селениях новобранцы, которых еще учить и учить, или степенные бородачи, отловленные в городе, отягощенные семьями, которым все эти перестрелки — как корове подковы с седлом.

А супротив них вояки матерые, что немцев и красных лупили в хвост и гриву. И пусть они сейчас обожрались и обленились, но боевой опыт остался, его никуда не денешь.

— Я получил приказ от правительства отвести части к Заиркутному военному городку. Там генерал Арчegov собирает войска. Сильные отряды вышли из Глазково, с бронепоездами и пушками. Завтра мы покажем чехам силу нашего оружия! Благодарю за службу!

— Рады стараться, господин поручик! — рявкнули в ответ солдаты, и у Мичурина отлегло

от сердца — эти воевать будут, и хорошо. Тут главное, чтобы первый бой успешным был, без потерь кровавых, вот тогда солдаты куда угодно потом пойдут...

— Налево! Дистанция два шага, шагом — марш!

Солдаты повернулись, и колонна пехоты потянулась по раскатанной дороге вслед за ушедшими повозками. За спиной послышался скрип снега — пулеметчики поспешили следом, загрузив свои «Максимы» и цинки с патронами на дюжину саней.

Однако на этом отступление и закончилось — на станции загремела перестрелка, непрерывно загрели взрывы, сумрачное небо осветилось взлетающими сигнальными ракетами. Там, судя по всему, начался самый яростный бой, со всем ожесточением. Что происходит там, поручик еще не осознал, но приказал всем остановиться...

— Господин поручик, — запыхавшийся солдат в изодранном полушубке подбежал к Мичурину. — Меня капитан Шайдицкий прислал — на станции идет бой между японцами и чехами. Что делать?

— Атаковать чехов немедленно! Колонна! Кругом! Передать на «Быстрый», мы возвращаемся, — не успел поручик отдать приказы, как до его слуха донеслось громохание многотонной массы по рельсам. Он обернулся — вынырнувший из сумерек бронепоезд он узнал сразу — «Блестящий». Следом появился еще один башенный чешский трофей, названия которого он не знал, захваченный утром на станции.

За бронепоездами появился паровоз с теплушками — из вагонов посыпались вперемешку русские и японские солдаты, причем последних было неожиданно много, гораздо больше, чем выпрыгивало русских. Японцы быстро разворачивались в цепи и дисциплинированно молчали, настороженно прислушиваясь к доносившимся от Иннокентьевской звукам боя.

— ...анзай, — со станции ветер донес обрывок людского рева, затем крик раздался снова. Японцы переглянулись и моментально кинулись в атаку, на бегу пристегивая к винтовкам длинные кинжальные штыки. Японский офицер, размахивая мечом, что-то яростно заорал своим солдатам, и слитный вопль был дружно выплеснут из глоток:

— Тенно хейко банзай!!!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Лица стерты, краски тусклы...

(29 декабря 1919 года)

Иннокентьевская

— Бойко деретесь, поручик! Вы их умело огнем накрыли...

— Рад стараться, ваше превосходительство! — старорежимно, совсем не по чину, поручик Семин громко ответил Арчегову, натура старого заслуженного фельдфебеля проявила себя. И восторг в глазах щенячий...

Ермаков был доволен — он никак не ожидал этой ночью такого невероятного успеха. Еще бы, только к вечеру очистили путь до станции от поврежденных «шпальных» бронепоездов, и русские сумели вовремя прийти с помощью на Иннокентьевскую.

В его отряд вошли два нормальных бронепоезда, в третьем эшелоне везли прибывших из Иркутска инструкторов в полном составе, минометную батарею, что сломила сопротивление 53-го полка в Глазково, и японцев капитана Огаты. Число последних в отряде удвоилось — подошла с Порта Байкал отставшая было вторая полурота. Пришли своевременно — поручик Мичурин уже начал отвод своих уставших и потрепанных подразделений.

И тут попер самый настоящий фарт — чехи обезумели и напали на пятьсот японцев полковника Фукуды, которые до того держали нейтралитет. Не поддержать косоглазых союзников было бы преступлением по отношению к себе, в первую очередь. Ведь чем больше будет вовлечено сторон в их конфликт с чехами, тем лучше.

Устоять против соединенного напора русских и японских отрядов братушки не смогли — избиваемые с утра артиллерией и бронепоездами, терзаемые атаками, они не имели возможности достойно ответить и пустить все свои пушки в ход. Два введенных в сражение орудия хоть и повредили два русских бронепоезда, но были уничтожены вместе с прислугой третьим. Однако к ночи перед ними были снова три бронепоезда, но уже настоящих. И, что явилось самым худшим, так это понимание у солдат, что крепости на колесах были захвачены у них коварным врагом в полной целости. И сломались морально братушки, упали духом...

После полуночи чехи начали стремительный отвод со станции своей живой силы, бросив на произвол судьбы свои многочисленные эшелоны с «интендантурой», оставив под охрану коварных японцев союзные посольства. Отступили потомки гуситов согласованно, прикрывшись сильным арьергардом, и в руках победителей оказались две важнейшие станции — Иннокентьевская и Батарейная...

— Разрешите обратиться с просьбой от всего экипажа, ваше превосходительство, — голос Семина вывел ротмистра из размышлений. Обращению к себе как к генералу Константин Иванович уже не удивлялся. Вечером инициативу офицеров и солдат закрепил своим приказом военный министр — все офицеры на генеральских должностях или те офицеры, что ранее имели генеральский чин, должны были впредь именоваться «вашим превосходительством». И отличие имелось соответствующее — особые генеральские эмблемы. И, что главное — Сычев не поставил его в известность, а провел все тихой сапой, получив «добро» Вологодского. И от себя подарок вечером, как раз перед отходом отряда из Глазково, прислал — два небольших лавровых венка, умело отчеканенных из серебра, которые Аким тут же прикрепил на погоны, сняв с них «короны». И этим же приказом объявлялось о приостановке производства в

генеральский чин по Сибирской армии...

— Прошу вас именовать наш бронепоезд «Бойким», как вы сейчас сказали. Ведь первое название не совсем подходящее — приставка «бес», согласно вашему приказу, относится только к «шпализованным» бронепоездам. А мой бронепоезд, хоть и сделан импровизированно, но бронирован котельным железом, а не шпалами, и имеет установку башенной артиллерии...

— Хорошо, пусть будет так, раз я опять «крестным» выступил, — Ермаков прервал поручика. Ловок! Хитро все повернул, лишь бы от неблагозвучного названия избавиться. Ловок... Но в такой инициативу всегда нужно поощрять, ведь как там в песне — каждый выбирает по себе...

— Благодарю, ваше превосходительство! — гаркнул довольный Семин и тут же удалился, руководствуясь нехитрым солдатским принципом — если что-то получил от начальства, то нужно сразу рвать когти, ведь, не дай бог, моча отцам-командирам в голову ударит, и они дарованное отберут...

А Константин грустно улыбнулся — как хорошо быть простым офицером, знать и видеть только свое подразделение, жить его бедами и заботами. А тут не знаешь, за что хвататься, все нужно сделать, а времени катастрофически не хватает. Армия не терпит импровизации, ее нужно готовить тщательно, подгоняя часть к части. А вот бой совершенно иное, по плану идет только до первого выстрела, а вот дальше начинается сплошная импровизация. Ведь взять атаку того же Глазково — авантюрный план, времени на подготовку кот наплакал, силы немощные, техника допотопная, взаимодействие не отработано, связи почти никакой, посыльные на своих двоих носятся...

И что же — у противника все оказалось намного хуже. Самоуверенность чехов давно переросла в наглость, что привело к полной беспечности. Боевое охранение отсутствовало, взаимодействия между чехами и повстанцами не было, противодиверсионных мероприятий и в зародыше не имелось, живая сила растянута на десятки верст, приличный кулак даже не собран. И что в результате — после внезапного нападения чехи начали сплошную импровизацию, которая усугублялась полным отсутствием связи и взаимодействия. Как Красная армия летом 41-го года — фронт везде рвется, и не знаешь, за что хвататься. А ведь сил было достаточно, даже с избытком, что у Жукова, что у Сырового. Просто все происходит в таких случаях в полном соответствии с народной мудростью по двум ипостасям. В первом — гладко было на бумаге, да забыли про овраги, то есть про действия противника. А во втором все намного хуже — дурная голова ногам покоя не дает. Из чего следует, что поспешные хаотичные действия, без обдумывания, с реакцией только на шаги противника, никогда не приведут к успеху...

А теперь все — к утру он стянет к захваченным станциям все боеспособные части, соберет их в кулак. В артиллерии преимущество серьезное — на Батарейной полсотни орудий, половина из которых гаубицы и тяжелые полевые пушки. Это позволит не отдавать чехам оперативной инициативы, а идти далее и громить их, благо части чехословацкого корпуса растянуты тонкой кишкой вдоль железной дороги, и для их сбора генералу Сырову нужны не часы, а дни, если не недели. И это хорошо, очень даже здорово, ибо есть одна старая военная аксиома — прорыв не терпит перерыва...

Но есть другое — эта война абсолютно не нужна, она просто обескровит армию. Союзников надо быстро сплавить на родину, хорошо ободрав их набитые добром эшелоны, ибо собственные запасы напрочь отсутствуют...

— Разрешите, ваше превосходительство, — начальник штаба подполковник Степанов появился на пороге.

— Оставьте титулование, Иван Петрович. Присаживайтесь, хотите чаю? — новым начштаба Ермаков был доволен, тот знающе взялся за дело, и штабной механизм все сутки

работал без сбоев, выполняя весь объем работы и решая все поставленные задачи.

— Хорошо бы, но разрешите доложить обстановку, — подполковник поднял на ротмистра уставшие покрасневшие глаза. Еще бы, досталось генштабисту по самое не могу, не хотел бы сам Ермаков быть на его месте, тут прямо как в поговорке, только навыворот — с бала на корабль...

— Что с вами сделаешь, полковник, докладывайте...

Ермаков чуть хмыкнул, ему вспомнился старый анекдот про гаишника, который второпях остановил машину, а оттуда вылез начальник областного ГАИ. Служивый малость растерялся, но бодренько отрапортовал, так, мол и так, товарищ полковник, разрешите доложить... Начальник его сразу прервал, оттопырил пальцем карман и произнес — «докладывайте, сержант». Но Степанов не заметил тихого хмыканья ротмистра, расстелил на столе карту и начал спокойным, несколько академичным тоном свой доклад:

— Противник отошел на 3–4 версты по железной дороге от Батарейной на запад. По опросам пленных, чехов до двух тысяч, вместе с отступившими от Иркутска. Главным образом, это два батальона пятого полка, изрядно потрепанные, и остатки седьмого полка. Еще артиллерии до батареи, которая была погружена на платформы, инженерная рота и примерно до взвода кавалерии. Активных штыков примерно половина, до тысячи бойцов...

— Какие силы могут быть стянуты в ближайшие сутки?

— Трудно ответить, Константин Иванович. Из Черемхово и Усолья они могут перебросить до двух батальонов, одну трехдьюмовую батарею, до эскадрона кавалерии. Чтобы перевезти по железной дороге все части 2-й дивизии, дислоцированной от Заларей до Нижнеудинска, им потребуется не менее четырех дней, если не больше...

— Даже так... Хм...

— Я думаю, что они и в этом случае соберут не более четырех тысяч солдат, ведь им необходимо оставить при эшелонах необходимую охрану для отражения нападения партизан...

— А если они договорятся с красными?

— Не думаю. Партизаны не станут охранять дорогу, скорее, просто разграбят эшелоны. Более того, в этом случае 3-я дивизия, румынские и сербские части будут заблокированы и не смогут воспользоваться железной дорогой для продвижения своих эшелонов.

— Прелестно, — саркастически хмыкнул Ермаков. Худшей диспозиции для чехов нельзя было придумать. Русское командование даже при таком выгодном раскладе оказалось полностью импотентным и только жаловалось на наглое самоуправство легионеров вместо того, чтобы только один раз применить силу и навести порядок. Он грустно вздохнул, еще раз убедившись, что белые генералы были не способны победить в гражданской войне.

— Вы правы, Константин Иванович, — Степанов словно прочел его мысли, — после занятия нашими частями Глазково у чехов нет возможности двигаться далее на восток. И они уже не смогут нанести нам поражения, скорее всего, война обернется для них разгромом. К тому же в любой момент и в любой точке их коммуникации могут быть нарушены партизанами.

— Сколько красных? Где они, каковы силы?

— В Черемхово до полутора тысяч вооруженных шахтеров и партизан некоего Зверева. Имеются до десяти пулеметов. В Балаганске до трех тысяч партизан Дворянова, на Ангаре и Илеме отряды Бурлова, на Лене действуют партизаны Молчанова. У них примерно две тысячи человек во всех отрядах. В районе Нижнеудинска и Тайшета еще около трех тысяч партизан. Здесь единого командования пока нет, над дорогой чехи еще сохранили контроль. Это все, что мне известно в настоящий момент.

— Проще говоря, вся губерния, за исключением Иркутского уезда и линии железной дороги, полностью захвачена партизанами, численность которых достигла десяти тысяч

человек. Не хило! Возникает вопрос — как с этой оголтелой ордой бороться? Да, кстати, а что губернские власти делали?

— Судя по всему, в Нижнеудинском уезде еще год назад сложилось самое тяжелое положение — он буквально наводнен переселенцами, которые нищенствуют. Раньше от казны они получали сторублевое пособие на семью, но сейчас просто нет таких денег. На севере же власти пытались бороться с этим злом, и небезуспешно, ведь партизаны смогли захватить Киренск только в начале этого месяца. В Балаганском, Черемховском и Верхотенском уездах красные появились только сейчас...

— Оно и понятно — нет ничего слаще, чем пнуть подышающую власть. К победителям все норовят присоединиться. Значит, пособие... Хм... Тогда есть варианты, — ротмистр задумчиво почесал переносицу и закурил папиросу. Потом задал неожиданный вопрос:

— Где управляющий губернией?

— Губернатор Яковлев подал в отставку, — начштаба у Ермакова оказался всезнающим, и ротмистр мысленно поблагодарил небеса и подпоручика Кузьмина за это назначение. — Но позавчера лично пришел в казармы отряда особого назначения в Знаменском и уговорил солдат не выступать. Затем он объехал все участки милиции, и милиционеры приступили к охране. Сейчас он на частной квартире, хотя доктор Гинс предложил ему вернуться к исполнению прежней должности.

— Откуда у вас источник информации?

— Шурин, брат моей жены, служит чиновником по особым поручениям при губернаторе.

— Понятно. Найдите мне Яковлева немедленно, настоятельно попросите прибыть на встречу, — Ермаков задумался. Ведь, насколько он помнил из прочитанного, Яковлев бежал из города, работал на КВЖД конторщиком, сотрудничал с красной разведкой, и — закономерный финал — осужден то ли в 23-м, то ли в 24-м году и расстрелян. Хотя вроде его просто замучили — ребрами на крюк посадили, любили чекисты такое развлечение устраивать...

— И еще. Прикажите контрразведке собрать всю информацию о губернаторе, всю, включая и самую интимную. Срок до полудня, а после двух я встречусь с ним самим. И последнее, — тут ротмистр задумался в очередной раз, и Степанов уловил еле слышные, но страшные слова:

— Сто рублей? В принципе, лояльность можно купить, а нелояльных... просто вырезать, всего-то делов. К чему изыски...

Станция Суховская

В обычной солдатской теплушке стояла гнетущая тишина. За сколоченным из досок столом молча сидели пятеро чехов, двое были в военной форме, а еще двое в гражданской одежде. Где сейчас комфортабельный генеральский вагон-салон, кто сейчас расположился в первоклассных купе для членов Чехословацкого Сибирского комитета?..

Со скрежетом отошла в сторону дверь, и в образовавшийся проем хлынули клубы холодного воздуха. Вошедшего человека уже давно ожидали, и потому все сидящие дружно и напряженно смотрели на него, пока он тщательно задвигал дверь.

— Что скажете нам, полковник Зайчек? — генерал Сыровы баюкал на белой косынке раненую осколком в локоть руку. Тщательно намотанные на голове бинты уже пропитались кровью — след вечерней перестрелки с японцами. Но держался генерал с достоинством, вчерашние перипетии не сломили его дух, хоть и изранили тело...

— Ничего хорошего, господа, я не скажу. Даже больше, наше положение стало намного хуже, но хоть появилась ясность, — начальник контрразведки тяжело опустил на свободный

стул, снял шапку и расстегнул крючки шинели. Натопленная печурка делала воздух в вагоне жарким, как в бане...

— Я только что допросил поручика Дронова, штабного офицера императорской армии Сибирского правительства...

— Сибирского правительства? — удивленно вскинулись члены Чехословацкого комитета.

— Императорской армии? — вслух переспросили военные.

— Я понимаю ваше недоумение, господа, но позвольте доложить по порядку, — Зайчек нервно затарабанил по столу пальцами.

— Конечно, полковник, мы все во внимании, — громким звенящим голосом ответил доктор Гирс.

— Сегодня утром всероссийское правительство ушло в отставку, власть взял обратно Вологодский, с ним министры Михайлов и Серебренников, а также управляющий доктор Гинс. Объявлено об отмене ноябрьской декларации прошлого года и о восстановлении власти Сибирского правительства в полном объеме. В правительство вошли перечисленные мной министры, они же и подписали прошлогоднюю декларацию. Заявлено о полной независимости Сибири. До освобождения от большевиков всей России.

Все сидящие за столом оживленно переглянулись, они почувствовали сильное облегчение, ведь с этими министрами у них были хорошие отношения в прошлом, 1918 году.

— Дело намного хуже, господа, — затушил радость на их лицах полковник Зайчек, — военным министром назначен полковник Сычев. Не удивляйтесь — первый декрет был именно об отмене всех чинов, присвоенных после февраля 1917 года. Новое государственное образование именуется Сибирской федерацией, а правительство изрядно поправило — речь идет о восстановлении монархии, правда, только в конституционной форме. Созыв Сибирского земского собора назначен на март месяц.

— Все это интересно, — прервал контрразведчика Сыровы, — но мне важно знать, кто против нас воюет и как им удалось это подлое нападение?!

— Виноват, пан генерал. Заговор против нас и правительства Колчака, как я думаю, подготовлен давно. Считаю, что одновременно с Политцентром. Еще позавчера все чины отряда Арчегова нашили бело-зеленые шевроны и знали о создании правительства. Это точно установлено, сам Дронов из штаба Арчегова. Именно позавчера утром они атаковали «Орлик», захватив его. Но японцев не было, господа, были китайские наемники в японской форме. И сегодня утром именно эти переодетые китайцы атаковали Глазково...

— Я же говорил вам вечером, пан генерал, что дело нечисто, — взорвался Богдан Павлу. — Фукуда держал нейтралитет и не помогал русским, пока вы не подошли с отрядом и не дали приказ атаковать японцев!

— Пся крев! — громко выругался Сыровы. — Я же собственными ушами слышал, что эти твари орали в Глазково свой банзай! Да и этот капрал, что сбежал из Михалево, клятвенно утверждал, что «Орлик» захватили именно японцы. Надо его еще раз хорошо допросить...

— Он в лазарете, — тихо произнес начальник контрразведки, — плечо разрублено шашкой. Казаки под Максимовщиной наш арьергард потрепали. И потому расспрашивать его нельзя, пусть поправится.

— Мистификация русскими проделана отлично, — вмешался полковник Крейчий, — этот Арчегов продувная бестия, а не офицер. Он нарушил все законы войны и должен быть наказан за это!

— Не думаю, что нам это удалось бы, — хмуро ответил Зайчек, — у него в руках грозная сила, справиться с которой мы уже не сможем...

— Да что вы говорите! — взорвался Сыровы. — Какая сила, это же русские! Им удалось это

предательское нападение ночью! Подлое! Мы завтра же атакуем их всеми силами, и они побегут, как драпают сейчас по всей Сибири их армии и корпуса от двух дивизий красных!

— Уже вряд ли, — Зайчек засверкал глазами, — я видел пять лет назад бешеные атаки сибирских стрелков, которые ломали всех на своем пути — и немцев, и австрийцев, и венгров. И завтра нас встретит эта пехота, пан генерал, уверяю вас. Арчegov провел децимацию во всех частях, что перешли на сторону Политцентра. Понимаете — децимацию! Кто из русских генералов решался на это?! Расстреляны все солдаты и офицеры, кто примкнул к эсерам и большевикам. Больше ста человек казнили, причем расстреливали их сами бывшие мятежники. Из ненадежных солдат спешно формируют при каждом из стрелковых батальонов по одной штрафной роте — а сзади их поставят пулеметы, и если хоть один побежит, то покосят всех!!!

Вспышка Зайчека ошеломила присутствующих, все знали начальника контрразведки сдержанным и уверенным офицером. Но такое его поведение говорило о том, что положение крайне серьезное, раз он не сдержал себя. И Сыровы первым понял это и потому тихо сказал:

— Приношу свои извинения, полковник. Прошу вас, продолжайте.

— Прежние части сейчас переформируют в номерные Сибирские стрелковые батальоны, числом в четыре, по 700 солдат и офицеров в каждом. В них влили для укрепления инструкторов, по роте на батальон. И пулеметами вооружают каждую роту! Кроме того, при батальонах команды конных разведчиков и легкой артиллерии — по два миномета и мелкокалиберная или горная пушка. Это точно, штатное расписание было в сумке поручика. На такой же штат переводят егерский батальон, а отряд особого назначения во 2-й егерский батальон. Итого против нас завтра, вернее — сегодня, они смогут выставить шесть полнокровных батальонов. По семьсот штыков в каждом!

Все присутствующие переглянулись. Полковник явно недоговаривал, и в этом было самое страшное...

— В русских частях идет бешеная агитация, политцентровцы объявлены вне закона как предатели. Наши войска называются насильниками и убийцами, хотящими вывезти тысячи вагонов русского добра. Сибирское правительство даже мобилизацию не объявляет — крестьяне сами начали стекаться десятками, а завтра их будут сотни, если не тысячи. Кстати, нашу «интендантуру», захваченную в Глазково, уже вечером стали раздавать населению, говоря при этом, что все это отнято от чешских грабителей, — полковник криво улыбнулся и обвел взглядом всех присутствующих.

— Нужно немедленно протестовать! — не выдержал напряжения доктор Гирс. — Надо обратиться к Совету послов и потребовать, чтобы это самозванное правительство прекратило травлю наших легионеров!

— Хм, и что они могут сделать? — недовольно буркнул полковник Крейчий. — У них нет силы, чтобы воздействовать на русских. Самим бы живыми остаться... А японцы ни нам, ни им не помогут, особенно после вечернего... недоразумения, скажем так.

— Нужно немедленно атаковать всеми силами, не дожидаясь подкреплений из Черемхово. Иначе русские разгрузят склады и выставят против нас через два дня не шесть батальонов, а шесть полков. Офицеров у них много, костяк армии есть, вольют тысячи добровольцев, и вот тогда мы с ними никак не справимся. Никак! — начальник штаба 2-й дивизии подполковник Бируля громко повторил последнее слово, и будто электрический разряд пробил чехов. Все сразу зашевелились...

— Я за немедленную атаку! — первым высказал свое мнение полковник Крейчий. — Им нельзя давать времени, промедление приведет к катастрофе! Нужно разоружить литерные эшелоны, арестовать Колчака, который, я уверен, отдал приказ Арчegovу. И взять под свою охрану золото — это произведет на них должное впечатление!

— А что даст атака, господа? — Богдан Павлу заговорил тихим, но властным голосом. — Я уверен, что Батарейную наши солдаты вернут и не позволят русским воспользоваться военными складами. Может быть, даже захватят Иннокентьевскую, хотя японцы окажут ожесточенное сопротивление. Но там послы, союзные миссии. И если мы вчера не допустили боя, то теперь сами подвергнем их жизни опасности. А это, знаете ли, чревато осложнениями. И не забывайте — за Байкалом японские войска, и прежде чем атаковать, надо заключить с японцами соглашение...

— Господа! — доктор Гирс заговорил крайне взволнованным голосом, чуть заикаясь от возбуждения. — Мы не можем воевать с Сибирским правительством. Война погубит корпус — нас за Байкал не пропустят. Даже если мы возьмем Глазково, они взорвут туннели. И тогда придется либо умирать, либо сдаваться красным!

— Арчegov не сделает этого, — Крейчий даже покраснел от возбуждения, — иначе мы сметем Иркутск артиллерией. И расправимся с его Колчаком...

— Этого он и ждет! — неожиданно громко сказал Сыровы и стукнул ладонью по столу. — На Колчака ему плевать, они даже радоваться будут, если мы убьем адмирала. Над ними не станет даже номинальной власти. Думаете, они зря отказались от всех генеральских и офицерских производств? А, захватив золото, мы обрекаем корпус — и союзники нам уже ничем не помогут. А русские начнут войну уже на истребление. Для чего они нас на одну доску с Политцентром поставили, как вы думаете?

Лица чехов посерели за секунды, они затравленно переглянулись. Наконец Павлу хрипло произнес:

— Ничто не сближает врагов, как один общий враг. А потому нас начнут бить и красные, и белые. Потому что они местные, а мы в их глазах интервенты! Нужно немедленно послать парламентаров! И помните, мы должны выполнить приказ президента Масарика. Господа, мы потеряли 29 эшелонов, и если мы потеряем еще 90, то вся наша кровь и все наши страдания окажутся напрасными...

Сильный близкий взрыв здорово потрянул вагон, со звоном посыпались оконные стекла, свечи тут же задуло ворвавшимся ветром. На станции почти одновременно с взрывами поднялась ружейная стрельба, пророкотала пулеметная очередь. И тут же прогремело еще несколько взрывов, более слабых, похожих на ручные гранаты. Первым опомнился полковник Крейчий — он вскочил со стула, выхватил пистолет и рывком отодвинул дверь.

— Что случилось! — закричал офицер в темноту. Оттуда вразнобой ответили сразу несколько голосов.

— Аэроплан, брате полковник! Бомбы сбросили, с платформы пушку скинуло! Улетели обратно!

— Пан полковник! От Батарейной отошли два бронепоезда — «Орлик» и «Жижка», по нам не стреляют, только маневрируют. Русские вытягивают пехотные цепи, на фланге появилась кавалерия...

— Пока не стрелять! — Крейчий повернулся к Сыровому. — Что прикажете делать, пан генерал?

— Русские нас опередили! Если они атакуют большими силами, то придется отступать до Черемхово! — злой голос Сыровы бросал слова, как камни. — А потому, брате полковник, нужно немедленно отправить к ним парламентаров. Война сейчас никому не нужна — ни нам, ни русским...

— Константин Иванович, вставай! Разбудить приказали, когда Иван Петрович явится, — назойливый в своей требовательности голос Акима моментально достучался до разума, скинув сладкое покрывало сна. Ермаков тут же сел на мягкой кровати и, еще не открывая глаз, принялся застегивать воротник кителя. Затем поднялся, нащупал рукомойник и умылся чуть теплой водой. И только сейчас окончательно пришел в себя.

Хорошо устроились чехи в вагонах, с городским комфортом. Кровати с мягкими перинами, шкаф-трюмо с зеркалом, пианино, печка сделана из столитровой бочки, горячая. Стол добротный, стулья, чистые рушники с вышивкой. Даже горшок с каким-то цветком, то ли герань, то ли что-то другое — в комнатных растениях Константин совершенно не разбирался. И ящики, целые стеллажи ящиков, вдоль стенок. И на крыше вагона прикреплены ящики, добротные, крепко сколоченные. Хорошо поживились в Сибири чешские legionеры, освоились, нахватали добра. Только оно их и разложило, превратило в обезумевшее от страха стадо, драпавшее от красных со всех ног, вернее колес. Кому ж умирать охота, когда столько награблено, и домой потому сильно хочется, до жинки и детишек, добычей знатной похвастаться...

Константин сел на койке — мысль про жен и детей пронзила его сердце. Нина! За эти сумасшедшие сутки он ни разу не вспомнил о ней — война высасывает не только все соки, но и память. Так было и в Афгане, так случилось и сейчас. Как быть-то с ней?! Ведь рано или поздно она раскусит, поймет, что он — это не он. Обязательно догадается! Сердцем почувствует... И как тогда ему быть?!

И тут же Ермаков криво улыбнулся — вчера снаряд мог превратить бронепоезд в смятую консервную банку, а его самого со всем экипажем в котлетный фарш. Это война, и на ней главное — выжить... И победить! Спасти от большевиков все, что еще можно спасти — жалкие осколки российской государственности, таких чудесных людей, в которых абсолютно нет пресловутой «совковости», да того же Колчака хотя бы взять, или Смирнова, или офицеров бронепоездов, например. А Нина?! О ней он будет думать тогда, когда война отпустит ему отдых, ибо долг — это главное для русского офицера, а любовь — это уже дело личное. Правильно говорят, что богу богово, а кесарю кесарево...

— Константин Иванович, начштаба уже тут. Отворять?

— Давай! И поесть раздобудь, и чая сгоноши!

Аким открыл вагонную дверь, и в морозных клубах поднялся подполковник Степанов. Денщик проворно выскользнул на воздух и задвинул за собой дверь.

— Надеюсь, утро доброе, Иван Петрович?!

— И я на это сильно надеюсь, Константин Иванович.

Подполковник, уже без китайских церемоний — суточное общение с ротмистром приучило, скинул шинель и папаху на ящики и сел за стол. Взял из коробки папиросу, Ермаков тут же чиркнул спичкой — дал прикурить Степанову, затем закурил сам. Минуту сидели молча, выпуская клубы дыма. Константин не торопил, пусть покурит, чуток отдохнет. Если бы вести были дурные, то тут не до перекура было бы.

— Я говорил с подполковником Бирюлей, начальником штаба 2-й чешской дивизии. Скажу сразу, перемирие заключено на 24 часа, с условием, что сегодня вечером в пять вы встретитесь с генералом Сыровы на переговорах.

— Надо, так встретимся. Как прошла встреча?

— Исключительно тяжело. Вначале...

— Вначале чех пыжился, — довольно невежливо перебил своего начальника штаба ротмистр, — говорил, вы на кого, падлы, батон крошите, да мы вас с дерьмом сровняем. Когда же вы, Иван Петрович, пригрозили, что немедленно прервете диалог, а дискуссию продолжите

бронепоездами и артиллерией, то Бируля сдулся, как проткнутое иголкой надутое изделие Кондома, и заявил, что не дело им проливать братскую кровь родственного народа.

— Совершенно верно, Константин Иванович, — подполковник смотрел удивленно, — хотя несколько... своеобразно изложено, но суть вы передали абсолютно верно. Хотелось бы знать, откуда вы знаете...

— А вы обстановку в вагоне посмотрите, Иван Петрович!

Подполковник внимательно осмотрелся, недоуменно пожал плечами и осторожно произнес:

— Обстановка как обстановка, так все чехи едут.

— Иван Петрович, вы, извините, но за деревьями леса не увидали. Это же типичные гопники, наезд сделали, прибарахлились и домой когти рвут. А тут их за руку поймали. Вот базар по понятиям и начинается — а ты кто такой?! А как в рыло получают, так сразу обороты снижают. А если разборкой серьезной запахнет или судом Линча, то паиньками становятся. Вы думали, что с офицером говорили, ан нет. С вами один из гопников базарил, рангом чуть повыше в своей кодле, ибо офицерам побольше барахла приходится.

— Боюсь даже представить, какие жизненные коллизии вы видели, если можете таким выразительным словом разговаривать. В Генеральном штабе этому нас не учили.

— К сожалению, в Генштабе многому полезному не учат. Набить голову информацией еще не значит стать настоящим командиром, умеющим, волевым. Куропаткин и прочие «моменты» ну очень знающие были, но ничего не умеющие, — Константин сразу же взъелся, ведь Степанов как бы сказал: мы, генштабисты, белая кость, а вы, без серебряного орла в венке, академического знака, дерьмо на палочке.

— Посмотрите, Иван Петрович, на войну с германцами — сплошь и рядом фронтами и армиями генштабисты командовали, и многие очень жидко обгаживались. Генштаб дает рывок для карьеры, но что взять с генерала, если тот только ротой для ценза командовал. И много ли стоит та армия, где офицер не справляется с ротой, а ему дают дивизию. И такие гробят солдат, гробят. Как угробили русскую армию, так в этом году угробили Сибирскую.

— Константин Иванович, — умоляюще сказал Степанов, — вы меня не так поняли...

— Чтобы стать настоящим генералом, надо не только академические кущи пройти, надо в строю постоянно вариться, солдата и офицера как облупленных знать, и все ступени прошагать — от взводного до дивизионного. Вот вы на меня смотрите — ротмистр на генеральскую должность влез, а понять не можете, что эту должность мне не по знакомству или списку старшинства подарили, я ее сам создал, своими руками, кровью своих солдат, что за мной пошли. И я своих солдат не отдам никому, я с ними до конца буду. Ибо любой нынешний генерал, что старый, что колчаковской «выпечки», их просто угробит. А нам сейчас хороших солдат терять нельзя. Нет у нас их, и взять негде. Их воспитывать приходится. Вот почему я ни одного штабиста к командованию пока не допущу — ибо вас всех самих готовить надо, долго, кропотливо. Выбить из головы эти пресловутые — «первая колонна марширует», «действия противника нами не предусмотрены», «бабы еще нарожают, а за лошадей золотом плачено»!

Ермаков вытер платком пот со лба, чуть дрожащей рукой взял папиросу, закурил. И вспомнил, отчего так вспылал. В 1992 году, когда Союз уже как полгода развалился, он, тогда еще молодой майор, окончил общевойсковую военную академию имени Фрунзе. Должность начальника штаба бригады скоро превратилась в каторгу — на ней нужно было не подразделения к реальной войне готовить, а деятельность командира вкупе с начтылом прикрывать, что активно взялись за «прихватизацию». Выступил супротив — ну и что?! Генералы с ними-то в доле. Вот и вышибли сразу пинком на периферию батальоном командовать, в родной десант возвратили...

— Прошу прощения, погорячился, — чуть пробурчал ротмистр, Степанов-то в чем виноват...

— Да нет, это я многое просто не понимал, — подполковник не стал вставать в позицию, заглушил в себе недовольство.

— Вы какие книги по военному делу читали за последний год? — Неожиданный вопрос Ермакова застал подполковника врасплох. Он надолго задумался, наконец, удивленно произнес:

— Уставы листал, было дело. Но больше ничего не читал.

— А хорошо выпивали сколько раз? Только честно.

— Раз двадцать, может, чуть больше. На фронте сильно не выпьешь, дел много, — после долгого раздумья ответил начальник штаба.

— А хотя бы обычную гимнастику по утрам делаете?

— С училища не делал, — тут же ответил Степанов и попросил, — но видел, что вы творить можете. И потому прошу хоть чему-то научить.

— Научу, только вначале вам нужно форму быстрее набрать, а потому каждое утро и вечер по десять минут выкраивать на обливание, закалка нужна, собственно разминка, можно бег, и интенсивная тренировка. Видели, как я делаю? Вот и хорошо — прямо сегодня и приступайте. Пример другим подадите хороший, и к годам выправка будет молодецкая. А то ходят с отвисшими брюхами, кобылы жеребые намного грациозней. Так и подмывает таким вопрос задать — как же ты можешь приказывать кому-то, если со своим телом и слабоволием справиться не можешь.

— Согласен с вами. Особенно когда вы говорите, что каждый офицер и солдат должен знать хотя бы азы рукопашного боя.

— Я позанимаюсь с вами, а пока идите, поспите пару часиков, вам свежая голова потребуется.

— Хорошо, — покладисто сказал Степанов, но не удержался и спросил, глядя на толстую рукопись на столе, — а это что такое?

— Рекомендации по планированию и проведению войсковой разведки и диверсионных мероприятий. Там же есть наставление по рукопашному бою, оно в самом низу. Три дня непрерывно писал, урывками. И годы отдал на осмысление, — Ермаков не лгал, все эти дни трудился как в лихорадке, ибо данная деятельность сейчас находилась на примитивном уровне. И он с первого же дня решил исправить положение в лучшую сторону, благо был и большой практический опыт, и теоретическая база изрядная. Академия и спеццентры пользу огромную приносить могут.

— Разрешите посмотреть, — и Иван Петрович вцепился в рукопись, словно клещ, и на добрый час выпал из жизни полностью. Не отреагировал он и на приход Акима с завтраком, от чая небрежно отмахнулся и все читал и читал, переворачивая листы...

А прочитав, Степанов блаженно улыбнулся, будто прозрел неведомую никому истину, отодвинул рукопись и заявил, что данные наставления нужно немедленно размножить в штабе. Бережно взял папку с бумагами, прижав крепко ее к груди, словно боялся, что Арчegov отнимет, и, получив разрешение от ротмистра, тут же вышел из вагона.

Константин грустно улыбнулся, сообразив, что теперь Иван Петрович спать не будет, а уставший начальник штаба ему был не нужен...

раскинулся очищенный перрон, а груды снега, похожие на две приличные горки, возвышались по углам вокзального здания. Привел людей в порядок этот зловредный ротмистр, что «вашим превосходительством» ныне именуется.

Но нужно было отдать его настойчивости, заботливости и жестокости должное — впервые с семнадцатого года на станциях Кругобайкальской дороги за считанные дни навели относительный порядок и чистоту. Исчезла даже набившая глаза шелуха от кедровых орехов, которая заменяла в Сибири привычные для российского обывателя семечки. Ностальгия охватила капитана второго ранга — будто вернулся в приснопамятный 1912 год, когда он ездил с женой в отпуск и не обращал внимания на станции и их служителей, а теперь все это разом бросилось в глаза. Не хватало только станционных жандармов, что стояли до революции на платформах. Усатые, рослые, уверенные в себе, с металлическими бляхами на груди...

До прибытия полковника Морроу оставалось полчаса, но сейчас Фомин напряженно размышлял не о предстоящем разговоре с американцем. Все последние часы моряк провел в беседах с офицерами бронепоездов, с членами их команд, с некоторыми станционными служителями. Вначале ему просто показалось, но после долгих разговоров догадка переросла в полную уверенность — именно на этой станции в ночь на 24 декабря ротмистр Арчegov стал совершенно другим человеком. Да, да — в перерождение людей Фомин раньше не верил, но тут такое...

До него почти сразу дошли идущие кругом пересуды о внезапном изменении поведения ротмистра, о появившихся у него полководческих дарованиях. А ведь экипажи знали его до той злополучной ночи с другой стороны, совершенно иной. Любитель выпить, причем выпить сильно и ежедневно, в разговорах с подчиненными был груб и жесток, занятия с командами не проводил, с офицерами держался отстраненно. Строго спрашивал за внешнюю оболочку службы полный набор того, что всеми воспринимается как типичный облик кавалерийского офицера, любящего «цук», а на мир взирающего с высоты седла.

Два артиллериста из команды «Беспощадного», когда Фомин осторожно заговорил с ними, поведали странное — в ту ночь изрядно поддавший Арчegov заметил, что они, стоявшие часовыми у штабного вагона, грелись у костра. Ротмистр тут же отогнал их, запретив греться. И заявил, что если еще раз увидит такое, то солдаты не будут рады, что на свет родились...

Прошло только четыре часа, и из вагона вышел совершенно иной Арчegov — заботливо пожурил солдат, разрешил греться поочередно и совершенно трезвый. И после того горячительного в рот перестал брать совершенно, начал делать гимнастику, постоянно заниматься с солдатами и офицерами. То есть все то, что раньше совершенно не делал. Мало того, всегда скупой до жадности, он принялся буквально транжирить деньги на лечение раненых, на выплаты железнодорожникам, на обустройство станций, на улучшение питания и снабжения и на очень многое, чего невозможно перечислить.

А эта непонятная энергия, направленная на создание флотилии, поиск моряков, и опять потраченные деньги, и немалые. А ведь хорунжий Гордеев до сих пор недоумевает, даже чуть ли не побожился, что ранее ротмистр на дух моряков не переносил, а теперь чуть ли не лобзает, холит и лелеет.

Странности нарастают как снежный ком, причем из рода таких, которых ротмистр раньше категорически сторонился. Или, наоборот, что раньше было основной составляющей его деятельности, сейчас совершенно исчезло. Кроме императорского чина...

Чина! Фомин встал и в сильном волнении стал мерить шагами купе — шагжок вперед, разворот и снова шаг. Вот в чем причина перерождения ротмистра — мысли в голове моряка стали наслаиваться одна на одну. Если допустить, что той ночью ротмистр получил какие-то важные известия, то он мог кардинально перемениться. Белое движение терпело поражение, все

это понимали, в том числе и сам Фомин, потому-то и опустили руки и стали или безвольными, полностью положившись на ход событий, или стремились уехать за границу.

Арчegov же получил явную цель в жизни и устремился к ней целеустремленно, как выходящий в торпедную атаку на линкор миноносец. Эта бешеная энергия и это стремление создать боеспособные войска и крепкий надежный тыл хотя бы в рамках одной Кругобайкальской дороги... Такая энергия понравилась всем, и Фомин, положив руку себе на сердце, и, несмотря на вспышку взаимного озлобления, сейчас мог признаться, что ему такое пришлось тоже по душе. А потом последовало возвращение к чинопроизводству императорской армии, к коронам на погонах, к резкому повышению денежного довольствия, и, наконец, к жестокой трепке чехов и появлению на свет нового старого Сибирского правительства.

Переданные по телеграфу манифесты и заявления нового правительства де-факто дезавуировали власть Верховного Правителя, но почему-то сохраняли ее де-юре. Однако предполагавшийся в марте созыв Сибирского земского собора, о котором было только что телеграфировано, неожиданно привел Фомина к ошеломляющему выводу — Великий князь Михаил Александрович жив и каким-то чудом пробрался в Сибирь. Да, да, тогда все поступки Арчегова объяснимы, как и то, что монархический заговор существовал давно и только в последние дни резко активизировался.

Домыслить Николай Георгиевич не успел — на станцию прибыл паровоз с прицепленным желтым пассажирским вагоном. Американский полковник ездил с комфортом в классном вагоне, тогда как для русских таких вагонов не полагалось. Фомин скрипнул зубами от гнева — прав Арчegov, что на своей земле мы стали изгоями при иностранцах...

— Я рад вас видеть, сэр, — полковник Морроу показал в улыбке ослепительно белые зубы, приглашая моряка присесть в роскошное кожаное кресло.

— И я рад приветствовать вас, полковник, — Фомин любезно раскланялся и степенно присел. Но не развалился, как американец, а именно сел, соблюдая хорошие манеры, привитые в Морском корпусе. А вот заокеанского офицера явно не воспитывали настоящие джентльмены. Однако полковник прямо сочился радушием.

— Виски, коньяк, кофе? Берите сигары, сэр, кубинские, из Гаваны!

Фомин взял из золоченой коробки сигару, ловко лишил ее обертки. Затем ножичком отрезал кончик, прикурил от серебряной зажигалки. Как давно он не курил настоящих сигар, довольствуясь дешевыми папиросами.

— Превосходный табак, полковник, просто превосходный. Завидую вам искренне. Если б не эта война с ее разрухой...

— Что делать, командер, что делать. У нас тоже была гражданская война, но теперь Штаты богатейшая страна мира. И ваша Сибирская Федерация имеет все возможности выйти из войны и зажить счастливо. У вас удивительно богатая страна и прекрасные люди.

Фомин внутренне напрягся — «сайбириен федерейшен» американец выпалил с легкостью и без малейшей запинки, будто всю жизнь выговаривал это название. А это на дипломатическом языке говорило о многом.

— Я был бы рад, если бы наши страны нашли общий язык, ведь президент Вильсон уважает право российских народов на самоопределение, в любой форме. От федерации до конфедерации или самостоятельности. И я уверен, что сближение между нашими странами обязательно произойдет, — речь американца текла легко и свободно, и Фомин лишь благожелательно покачивал головой и изредка поддакивал.

— Да, кстати, я приношу свои самые искренние извинения по поводу того вчерашнего несчастного случая. У моих солдат просто взорвались эти проклятые гранаты в руках, вы же знаете, как ненадежны взрыватели у этих штучек. Хорошо, что никто более не пострадал,

особенно из ваших храбрых солдат. И я верю, что то мужество, которые они показали в последние дни, позволит отстоять хотя бы эту часть Сибири от красных полчищ.

— Я приношу свои искренние соболезнования и от своего имени, и от лица правительства, — Фомин внутренне кипел, ведь полковник вывернулся, как мокрый обмылок в жаркой бане.

— Да, у меня к вам просьба, командер, — Морроу широко улыбнулся. — Три или четыре дня назад мы отправили со станции эшелон в Иркутск. Там было немного оружия, патронов, в общем, всякого воинского снаряжения, не помню точно — какого. Это по просьбе генерала Жанена мы передали чешским войскам. Ваши парни наверняка взяли этот эшелон своим трофеем где-то на дороге. Видите, но эти глупцы сцепщики все путают, и по ошибке прицепили к эшелону два вагона пушнины, что были закуплены нами за Байкалом и по ошибке стояли здесь. Вы не можете разыскать эти вагоны, командер?

— Они в Порту Байкал, их там отцепили. Мы случайно их обнаружили и выставили охрану. Хорошо, что настоящий владелец нашелся. Я с удовольствием передам эти вагоны вам завтра утром. Да, кстати, у меня есть перечень содержимого, мы его сделали на всякий случай, — Николай Сергеевич был не менее любезен, но моряку было противно. Они оба лгали, знали это, но делали так непринужденно, что офицер не мог не восхититься.

Морроу быстро просмотрел протянутую ему бумагу, улыбнулся и ответно протянул моряку другой листок.

— Тут список отгруженного чехам вооружения, которое они по непонятным причинам оставили на станции... Михалеффо, — полковник с трудом выговорил последнее слово, — они такие забывчивые. Видите, я его завизировал, как и лейтенант Тенделл, что сопровождал этот злополучный эшелон. Надеюсь, что это оружие поможет вам в борьбе с красными. А завтра мы с вами распишемся на листках, и все недоразумения между нами будут полностью сглажены. Вы согласны со мной, командер?!

— Конечно, — Фомин облегченно вздохнул, заполучить восемь вагонов оружия не шутка, особенно когда войска отчаянно нуждаются в патронах. А так — завтра пригонят два вагона пушнины, он отдаст их Морроу, они распишутся в получении, и разошлись, как в море корабли...

— Ах, вот только из-за этих вагонов с вашими чудными мехами я теперь потеряю семьдесят тысяч долларов и доверие уважаемых людей, — огорченным донельзя голосом воскликнул Морроу.

— Что такое, сэр?! — не менее встревоженным голосом откликнулся Фомин, а внутри засмеялся — этот бестия Арчegov все предсказал верно, почти полностью, включая диалоги. Но ошибся в одном, в деньгах — полковник запросил на тридцать тысяч меньше. А потому торг здесь неуместен.

— Просрочка из-за этой задержки. Вагоны уже должны быть давно отправлены во Владивосток, там их очень ждут влиятельные люди...

— Я считаю, что эта проблема решаема, мы сознаем часть своей вины за эту ошибку. И потому не можем допустить ваших затрат. У нас нет валюты, но мы можем возместить золотом или империалами, и даже чуть больше.

— Ваши золотые монеты пользуются популярностью, и потому я признателен вам за помощь и участие. Да, вот еще — мы совершенно случайно нашли в Верхнеудинске девять вагонов с грузами для русской армии. Это из прежних поставок нашей страны. Там есть патроны, три десятка пулеметов, но, главное, очень нужное для ваших героических солдат в трех вагонах. Там три тысячи комплектов нашего зимнего обмундирования: теплые штаны, меховые куртки, перчатки и другие вещи. Завтра вагоны будут здесь.

— Я доставлю на бронепоезде четыре банковских ящика, в каждом более полутора тысяч унций золота, — Фомин назвал так специально: любой американец живо подсчитает, что это составит свыше 120 тысяч долларов. Полковник Морроу не был исключением в этой нации — через секунду он расплылся в довольной улыбке, но тут же стал серьезным.

— В Танхое стоят эшелоны генерала Скипетрова, там до тысячи пехотинцев. Я пока не знаю, признали ли они власть Сибирского правительства, но, если вы хотите, мои парни сопровождают ваш эшелон до Иркутска.

— Не откажусь от вашего любезного предложения, полковник. У меня здесь на станции мало солдат для сопровождения столь ценного груза. Но в Порту Байкал стоит ледокол, и там много вооруженных моряков. Позвольте откланяться, встреча с вами доставила мне наслаждение. Могу я вас попросить об одной услуге?

— Конечно, командер.

— Бизнес имеет свои законы, главное из которых — время и качество товара. Здесь перечень того, в чем нуждается наша армия. Не сможете ли вы рассмотреть эту бумагу, может быть, у вас есть возможности, помимо госдепартамента? А в долгу мы не останемся. А завтра я встречусь с вами снова.

— О-о, — только и сказал Морроу, выкатив глаза — счет поставок шел на миллионные суммы. И если он выступит посредником, то процент будет такой, что и подумать страшно...

— Я уверен, этот вопрос можно урегулировать — транспорт на подходе к Владивостоку. Давайте, командер, отметим нашу встречу. Коньяк?

На этот раз Фомин не отказался, офицеры чокнулись и выпили душистую крепкую жидкость. Морроу проводил моряка до дверей, четко откозырял на прощание, что было не свойственно американским офицерам.

Через час в вагон Фомина был доставлен почти царский подарок в нынешние тяжелые времена — несколько ящиков французского коньяка и огромные коробки с шоколадом и сигарами, что с трудом держали в крепких руках здоровенные солдаты — подарок для офицеров доблестного русского флота. Николай Георгиевич усмехнулся — полковник умен и не стал вульгарно предлагать русскому офицеру процент от процента в совершенной ими сделке, причитающийся Фомину по общепринятым в бизнесе правилам...

Глазково

— Здравствуйте, Павел Дмитриевич, — Ермаков чуть привстал со стула, но руку для рукопожатия не протянул, на то были и политические, и психологические причины. Хотя чиновник на первый взгляд производил благоприятное впечатление, молод, тридцати нет, глаза умные, вот только моральный облик был того... Как бы помягче сказать...

Контрразведка умела работать, и наблюдение за Яковлевым велось уже давно. В принесенном Арчегову досье указывалось, что губернатор содержит пятерых малолетних воспитанников и спит с мальчиками в одной комнате. И как понимать прикажете — спит или «спит». Первое понятно, но если второе — Яковлев педераст или педофил, может, то и другое вместе взятое. Сексуальные меньшинства Ермаков не жаловал, брезговал. А может, просто оговор? Политика настолько грязное дело, что Ермаков чувствовал к самому себе отвращение. Но, воленс-ноленс, пришлось проявлять притворное радушие.

— Присаживайтесь, рад вас видеть...

— Здравствуйте, Константин Иванович! Вижу, вы в делах? — управляющий губернией сделал вид, что не заметил неискренности Ермакова. Наоборот, улыбнулся ответно и опустил

в кресло.

— Мне было удивительно, что вы позавчера удержали от выступления милицию и свой отряд особого назначения. Должен выразить вам признательность. И удивление...

— Благодарствую, ваше превосходительство, — чуть улыбнулся Яковлев, отвечая с каким-то скрытым подтекстом. — Но позвольте мне осведомиться, чем вы так были удивлены, генерал?

— Ротмистр, Павел Дмитриевич, всего лишь ротмистр! И в генералы отнюдь не стремлюсь, так что не повышайте меня в чине. А вы попробуйте догадаться, в чем причина не только моего удивления.

— Даже понятия не имею, Константин Иванович, — Яковлев поблескивал хитрыми глазами через пенсне.

Ермаков все прекрасно понял — вскрывать первым карты эта хитрая бестия не будет. А разговор с таким человеком всегда напоминает драку на иглах — убить не убьет, но неприятно, и опасаться стоит. Правда, на всякого хитреца есть действенный прием — отбросить иголки в сторону, достать тяжелую дубину и шандарахнуть с размаха, от всей широты души, по хитрой головушке. Чисто русский приемчик...

— Без вашей прямой поддержки все это дело с Политцентром не заварилось бы. Давайте начистоту, — Ермаков многозначительно положил ладонь на толстую папку. — Вы выполняли все установки вашей партии и всячески вредили по мере своих сил и должности белому движению в целом. Всячески вредили, начиная от срыва поставок вплоть до зачисления в отряд особого назначения пленных красноармейцев и других противников белого дела. Конечно, вы можете сказать, что спасали им жизнь, проявили гуманизм, так сказать...

— Вредил по мере сил, — Яковлев задумчиво прожевал эти слова, как бы пробуя их на вкус, и поднял взгляд на ротмистра. — Вы это точно подметили, ваше превосходительство. Я не люблю правительство Колчака и считаю его вредоносным для будущего России. И скрывать от вас этого не буду!

— Но я же не социалист и ваши взгляды отнюдь не разделяю. А о них, как и о вашей деятельности, я сейчас изрядно осведомлен. Как вы думаете, от кого я получил столь подробную на вас информацию? Смею вас заверить, что я им верю, лгать они мне просто не могли! Есть методы...

— Почти все члены Политцентра вами арестованы и дают признательные показания, в том числе на меня. И я понимаю их. Тот же капитан Калашников узнал, что такое ваши методы. Грешен человек, и слаба его плоть...

— А вы не боитесь, что через минуту эти методы могут быть опробованы на вас, причем совершенно законно. Любимый большевиками писатель Алексей Горький когда-то громко заметил, что если враг не сдается, то его уничтожают. А гражданская война сантиментов не терпит...

— Боюсь! — совершенно искренне ответил Яковлев и вытер платочком пот со лба. — Кровь вы проливаете без раздумий, одна ваша децимация чего стоит! Но есть надежда, что не для пыток меня сюда привели, у вас ведь были возможности еще вчера меня арестовать и держать вместе с другими.

— Такая возможность у меня и сейчас есть, но я не стал к ней прибегать. Вы умный человек, а потому не могли не понять, что с приходом Политцентра к власти вся ваша жизнь полетит коту под хвост. Хотите узнать, что вас ждало в этом случае?

— Я буду вам признателен, — Яковлев удивленно посмотрел на ротмистра. Вот только что-то такое было во взгляде непонятное, мутное и отнюдь не банальный страх или любопытство. Так смотрят люди, которые пришли к какой-то все объясняющей мысли.

— Представим, что мое столкновение с чехами и НРА закончилось поражением моих частей. Власть Колчака низложена, но Политцентр через недельку-другую большевики пинают под зад, на всю вашу демократию они плевать хотят. Вы им не союзники, вы же интеллигенты слюнвявые, коты пакостливые. Ленин про вас хорошо сказал — «они думают, что они мозг нации? Они не мозг, они дерьмо». Сказано, как припечатано. Вас не коробит?

— Отнюдь. Тем более что, по сути, верно сказано.

— Даже так?! Но вернемся к вам... Вам, любезный Павел Дмитриевич, пришлось бы бежать, устроились бы конторщиком на КВЖД, благо документики на фамилию Дунина вы себе приготовили и подвизались бы на работу в красной разведке. Дело-то житейское — кушать хочется, а коммунистам плевать на ваши революционные заслуги. Ну а в 1922 году вам бы разрешили вернуться, и вы с радостью приехали бы. Вот только большевики эсеров к тому времени изничтожать будут, как бешеных собак. Зачем им постоянный нож под боком, да и лавры победителей делить не хочется. А в застенках вы и года не протянули бы — в один прекрасный день насадили бы вас ребрами на крюк, чтоб подыхали мучительно и долго. А в газетах напечатают — так, мол и так, по приговору суда расстрелян видный колчаковский деятель, губернатор Яковлев. И рядышком ваши братья эсеры, кто вовремя не ссучился и в партию Ленина не записался, с такими же ярлыками отпетых контриков. И зачем вам было нужно Колчака свергать, непонятно...

Ермаков кривил губы, глядя на белого как снег губернатора. И чего это он так испугался, болезный, неужто поверил. Константин сразу же мысленно списал Яковлева в расход, ибо пользу такой вряд ли принесет...

— Кто вы, генерал? — Яковлев поднял глаза, и Ермаков опешил — страха в них не было, а одно жгучее любопытство.

— Я же вам сказал уже, я ротмистр, а не гене...

— Вы не ротмистр Арчegov, в этом я сейчас полностью убедился. Прошу вас — не трогайте свой пистолет, у меня нет оружия. К тому же вы меня можете убить голыми руками. Прошу вас ответить, а потом убивайте!

— С чего вы взяли, что я не ротмистр Арчegov? — Константин был искренне удивлен и не пытался скрыть этого. А зачем?

— Помните у Пруткова — если на клетке со слоном написано лев, то не верь глазам своим. За эти дни я и мои люди опросили десятки ваших солдат и офицеров, — Яковлев говорил быстро, словно боялся, что его прервут. — Ротмистр Арчegov и вы совершенно разные люди, тут даже сравнивать невозможно. Внезапно раскрывшийся военный талант у обычного кавалерийского офицера, ничем до этого не примечательного, еще можно попытаться объяснить озарением военного гения. Но как прикажете понимать, что всего за несколько дней человек не только поменял свой образ жизни и полностью отказался от прежних привычек, но даже стал говорить иначе, сменил жестикуляцию и походку. Вы же не террорист боевой организации, не актер Императорского театра, чтоб вот так просто отказаться от всего прежнего и перевоплотиться в совершенно другого человека. Я был на каторге в свое время, я видел жизнь во многих ее проявлениях, но я никогда не встречал таких случаев. Более того, я о них ничего не слышал...

— Так, — задумчиво протянул Ермаков. За эти дни он обвыкся с новым обликом и считал, что все изменения спишут на внезапное протрезвление и военный талант. Иной раз он ловил на себе странные взгляды офицеров и генералов, но чтобы так... Его раскрыл губернатор-каторжник, черт бы побрал этих эсеров с их конспирациями, надо же — обратил внимание на мелочи, и все, хана. В разведке на мелочах, как чаще всего и случается, засыпаются.

— И еще, аэто главное. Вам полностью известно мое будущее, и узнать его из досье вы

просто не могли, — Яковлев кивнул на толстую папку. — И потому, что сменить документы на фамилию Дунина я решил лишь перед тем, как зайти в ваш кабинет. А это значит, что вы либо умеете читать чужие мысли, либо вы каким-то образом можете знать будущее. За Арчegovым ранее такого не замечалось. Понимаете — не замечалось! Кто вы, генерал?

— Да что вы привязались со своим генералом! Я ротмистр...

— Ваше превосходительство, вам о чем-нибудь говорит фамилия полковника Полякова? Прошу ответить, пожалуйста, — голос Яковлева задрожал.

— Ни о чем, — после минутного раздумья ответил Ермаков, чувствуя, как по спине бегут мурашки — в вопросе явно был подвох.

— А вы знакомы с господами Луговым и Перевозчиковым?

— Нет, — сразу ответил Константин, эти фамилии ему были совершенно не знакомы. А потому поинтересовался. — А кто они?

— Я спросил у знающих генштабистов, и они мне ответили на мои вопросы, — Яковлев напряженно смотрел на ротмистра. — Генерал-майор Лугов командовал 14-й кавалерийской дивизией, а начальником 1-й бригады являлся генерал-майор Перевозчиков. Полковник Поляков командовал 14-м Малороссийским драгунским полком данной бригады, а командиром третьего эскадрона полка был ротмистр Арчegov.

«Никогда Штирлиц не был так близок к провалу», — пронеслась в голове мысль, и Ермаков задумчиво посмотрел на слишком умного и ушлого губернатора, прикидывая, как бы ловчее сломать тому шею. Яковлев напрягся, поднял руки и умоляюще произнес:

— Прошу вас не спешить, ваше превосходительство. А генералом я вас называю потому, что ни один офицер не может воевать так, как воюете вы. И скажу больше — разгромить за один день чехов с ничтожными силами не смог бы никто. Кроме вас! А это говорит о вашем большом военном опыте, хотя меня несколько смущает ваш молодежавый вид. Прошу вас не торопиться — я говорил с опытными врачами, и они чуть ли не в один голос говорят, что полученные на войне контузии могут внезапно проявляться амнезией, потерей или всей памяти, или ее частичных моментов. Вам достаточно сходить к врачу, я могу легко организовать вам встречу, и если кто-то заинтересуется вами, то ваша частичная «амнезия» уже будет иметь официальный характер. К тому же будут соответствующие медицинские записи...

«Вот пройдоха, уже и алиби подготовил. Ну что ж, такие люди в правительстве мне нужны, осталось только договориться», — Ермаков медленно прикурил папиросу, несколько раз пыхнув дымком.

— Ответь мне на один вопрос, ваше превосходительство! Откуда вам известно то мое будущее?!

— Вы этого хотите? — с кривой ухмылкой спросил Ермаков. — А ведь тогда для вас выбора не останется...

— У вас на меня какие-то планы? — тихо произнес Яковлев. Его губы побелели. — Иначе вы бы не пригласили бы меня на этот разговор, а просто бы удавили. Или приказали бы своим головорезам шлепнуть каторжанина губернатора.

— Планы имеются, это так. Вот только обратного хода для вас тогда не будет. И соскочить не удастся.

— А разве выбор есть?! Его изначально не имеется. Только жизнь или смерть. Я не покажусь вам циничным, если выберу первое?! К тому же, в любом случае, идея независимой Сибири для меня намного привлекательней режима Колчака и атамана Семенова. Или того большевистского «рая», который неизбежно бы пришел на место пустой болтовни Политцентра. А потому можете в своих планах на меня рассчитывать, генерал. Но только расскажите о том, что скрыто.

— Тогда будем работать тандемом, господин губернатор. Вернее, министр внутренних дел Сибирского правительства. Но для всех мы будем антиподами. Надеюсь, тактику «злого и доброго следователя» вы знаете?

— Познакомился, когда на каторгу упекли, — с кривой улыбкой ответил Яковлев и просяще посмотрел на Ермакова. Тот правильно понял его взгляд: «политика — дело привычное, а вы лучше о потаенном мне поведайте».

— Ну что ж, вы хотели правду... Получайте ее. Но предупреждаю заранее, что она невероятна. Дело в том, что я родился 28 августа 1961 года...

Чита

— Ну, Арчegov, вот сукин сын! — в недовольном голосе атамана Семенова явственно прорезались нотки восхищения. Еще бы — Каппель послал вызов, он его поддержал, но все это было пустым сотрясением воздуха. А тут выискался ротмистр, что с двумя бронепоездами и парой почти невооруженных речных лоханок в пух и прах раздолбал под Иркутском несколько тысяч чехов. Стоит этому восхищаться?

Конечно, стоит! Ведь на фоне неудач и поражений последнего времени это была единственная и к тому же ярчайшая победа, хоть и смазанная тем, что под удар попали не красные, а чешские союзные войска. То, чего боялись многие русские генералы, в том числе и он, что греха таить, свершилось, и непобедимые чешские legionеры были раздавлены силой русского оружия. И трофеи захвачены богатейшие — бронепоезда, орудия, пленные, но главное — 30 эшелонов русского добра. Победа! Победа?

Григорий Михайлович глухо выругался — к Иркутску подходили его войска, им выпестованные и выкормленные, а теперь он ни при чем, всю славу и все захваченное добро у него вульгарно украли. И кто слямзил?! Его же ротмистр, вкупе с бывшими министрами бывшего Сибирского правительства, которых, к бабке не ходи, тот же Арчegov и привел к власти. Да еще Сычев тут же примазался, военным министром стал...

Атаман чуть не сплюнул от омерзения — ошиблись они с ним, ой, как круто ошиблись. Еще наплачутся от этого гвардейца горькими слезками. А приказы его ему бы в одно место засунуть — хочет, подлец, генерал-лейтенанта Семенова обратно в подьесаулы запихать, к чинам императорской армии вернуться. Хрена выкуси! Он эти погоны не на паркете получил, а от адмирала Колчака, Верховного Правителя России. Он сейчас главнокомандующий вооруженными силами на всей территории от Иркутска до Владивостока. Он, а не этот шибздик Сычев, что только знает, как дворцовые паркеты натирать...

Григорий Михайлович разъяренным тигром метался по кабинету, накручивая в себе ярость. Он вспомнил, как в семнадцатом году Сычев красной тряпке поклонялся, «демократизацию» амурских казаков затеял. И что — уже на следующий год перед ним, еще полковником, хвостиком бил, как бездомная собака. Пожалел тогда, свой же брат, казак — в войске устроил. А Колчак пришел, и все — переметнулся Сычев, в Иркутске осел, вначале инструкторскую школу получил, а потом начальником гарнизона устроился.

А за ним прочие раскольники потянулись, что служить под началом бывшего есаула не пожелали. А генерал-майор Шильников вообще в Иркутск казачий полк из Забайкалья увел, атамана грязью поливая. А ведь все на готовенькое пришли. Где они были, когда он в декабре семнадцатого с большевиками воевать начал. Как крысы по углам засели и осторожненько выглядывали, гадая, кто ж победит.

— Ну, я вас еще в бараний рог согну, — грозно прохрипел Григорий Михайлович, подошел

к столу, налил стакан воды и выпил залпом. Затем продолжил свои невеселые думы.

И что делать сейчас?! Признавать новоявленное Сибирское правительство, которое не то что чин его генеральский с правами главнокомандующего не признало, вообще никаких предложений ему пока не сделало, словно нет атамана Семенова на свете?! И кто они после этого? А ведь он их может за глотку сейчас взять, пусть похрипят, вот тогда челом начнут бить, вину свою признавать!

Прошлой зимой у атамана Семенова резкий конфликт со спесивым адмиралом произошел. Но стоило Григорию Михайловичу перевозки по Транссибу перекрыть, как Колчак сразу на мировую пошел, в должности и чине утвердил. А ведь хотел сгоряча карательную экспедицию послать, но как японцы Омску пригрозили, так Верховный Правитель живо пошел на попятную. И следствие прикрыл, что дело против него возбудило.

«Так, может, и сейчас перевозки перекрыть, пусть маленько помучаются», — мысль промелькнула в голове, но атаман ее сразу прогнал. Туда ничего не везут, наоборот, валят сюда эшелонами, а потому перекрытие дороги ему боком может выйти, сам себе яму выкопает. И еще одно обстоятельство сильно повредит в этом случае — с Арчegovым Иркутск атаковали японцы. И пусть их только рота была, но страна Ямато явно какой-то свой определенный интерес имеет, и эта рота только демонстрация. А что за ней?

Григорий Михайлович крепко задумался, выпил еще стакан холодной воды и снова прошел по кабинету, но на этот раз медленно. Нет, перевозки срывать он не будет, слишком глупо. А вот занять отрядом генерала Скипетрова туннели на Кругобайкальской дороге можно и нужно, благо охрана там слабая, ведь Арчegov ее лучшую часть на Иркутск увел. И перед японцами и союзниками ответ готовый есть — просто усилил охрану. Вот тогда-то и запоет Сибирское правительство веселые песни, гордыню смирят и на поклон к нему живо пойдет.

Окончательно решив, что ему делать, атаман грузным медведем тяжело подошел к двери и открыл ее. В приемной постоянно сидели два офицера, его адъютанты. Посмотрел на войскового старшину и произнес:

— Зайдите немедленно ко мне в кабинет, нужно срочно написать приказ генералу Скипетрову...

Глазково

— Константин Иванович, запрашиваемые вами суммы совершенно нереальны, они на порядок превышают наши более чем скромные возможности. Я просто не представляю, как мы можем изыскать такие огромные средства, — министр финансов Михайлов растерянно прижал руки к груди и недоуменно посмотрел на ротмистра.

— Иван Андрианович, поймите одно, если мы не выделим эти действительно большие деньги и кардинально не улучшим положение народа, мы не удержимся у власти. Хуже того, эту власть возьмут большевики, которые вообще никакого улучшения делать не будут, — Ермаков говорил мягко, министр ему нравился своей горячностью, но был очень прижимистым, как все, кто только направляет финансовые ручейки и потоки.

— Что касается наличия денег, — Ермаков сделал многозначительную паузу, — в Госбанке лежат примерно 18 миллионов рублей золотом и 2 моих миллиона серебром. В полевом казначействе еще порядка полутора миллионов рублей в монете и два миллиона уже истрачено. Так?

— Вы хорошо осведомлены, Константин Иванович. Этих двадцати миллионов хватит на месяц при нынешних темпах затрат, а после взять золота будет просто негде. Где же я найду вам

деньги на выплаты переселенцам и на увеличение казачества? И мы не сможем найти деньги на предлагаемое вами возмещение ущерба всем крестьянским хозяйствам!

— У нас в Госбанке лежат на 50 миллионов рублей художественно выполненных в Америке облигаций займа. Напечатаны они по заказу Временного правительства, но доставлены в Иркутск недавно. А потому правительство на них лапу не положило. Нужно проштемпелевать облигации, приравнять по курсу к золоту и пустить в обращение.

— Простите, Константин Иванович, но эта мера обрушит рынок...

— Иван Андрианович, я не договорил. Эти облигации заменят внутренние долговые обязательства, а также пойдут на возмещение ущерба. Но выплаты по ним надо производить только с 1921 года. Если облигацию сдадут в этом году, то выплачивается лишь 10 % ее стоимости золотом, если в 1923 году, то 30 %, а в 1930 году 100 % выплата.

— Интересная идея, — Михайлов в задумчивости даже забарабанил пальцами по столу, — а ведь в этом есть смысл. Тогда держатели облигаций будут заинтересованы в упрочнении правительства. Так вот что вы имели в виду!

— Хватит этих денег по тем двум пунктам? И учтите, что крестьяне получают эти деньги бесплатно...

— На выплаты хватит. Даже если выделить на один крестьянский двор полную сумму в сто рублей, то выплата составит половину средств. И еще 25 миллионов уйдет на погашение внутреннего долга, — Михайлов устремил глаза в какую-то точку на стене и, как показалось Ермакову, говорил сам с собой, медленно шевеля губами и протягивая слова:

— Какая интересная идея...

— Нужно немедленно провести денежную реформу, убрать все эти «романовские», кои большевики печатают в Москве уже вагонами, «сибирские», разные бонны и прочие бумажные дензнаки. А перед обменом еще сильнее обрушить их курс, и тогда все выйдет намного дешевле.

— Где мы найдем новые деньги на это?! — буквально возопил Михайлов.

— Из Североамериканских Штатов во Владивосток пришел пароход с четырьмя миллиардами новеньких, качественно отпечатанных рублей. Их заказало Временное правительство в семнадцатом году, — Константин посмотрел на Михайлова. Он знал историю этих денег — во Владик их доставили, но, так как власть Колчака накрылась медным тазом, то их отправили обратно и в печках сожгли через пару лет.

— Эти деньги американцы уже год нам отправляют, мы бы давно провели реформу денежного обращения. Но их нет и нет, — Михайлов осекся и тут же спросил: — А вы откуда это знаете?

— Знаю, разведка на что. Деньги доставят в контору Хайда. И американцы нам их отдадут, если мы за поставки начнем платить живыми деньгами и пообещаем им преференции. А также тактично намекнем, что можем сделать ставку на Японию, а деньги отпечатать и там.

— Так, — Иван Андрианович оживал прямо на глазах, и Ермакова это радовало, особенно то, что власть сейчас смыкалась на молодом министре финансов, ибо Вологодский сильно заболел и был лишь номинальным председателем правительства. Потому все реформы надо было делать именно сейчас, чтоб обратного хода уже не было...

— А сейчас мы кинем на кон золотые эшелоны Колчака, там более 450 миллионов рублей звонкой монетой и слитками. Кроме того, свыше 40 миллионов золотом в Чите, их прихватил Семенов. А мы на них свою руку наложим, есть способ, — Ермаков впился взглядом в Михайлова. Тот улыбнулся в ответ и негромко произнес:

— Я вас понял. Законы немедленно примем, сегодня. Обмен денег начнем в марте, если американцы не подведут. А не дадут новых ассигнаций, то введем золотое обращение, а купюры закажем в той же Японии. Так?

— Вы совершенно правильно решили, Иван Андрианович. Все решится в ближайшие дни, и потому нужно не скупиться на обещания в правительственных постановлениях, а также в тратах.

— На первые дни нам хватит имеющихся в Госбанке денег, в дальнейшем эта проблема не актуальна. Так я понял ваше превосходительство?

— Абсолютно верно, Иван Андрианович. Возвращением золота Колчака я займусь сам, для того и армию формирую. Но вы должны помочь...

— Любая помощь будет немедленно оказана!

— Нужно принять на Сибирскую Федерацию ответственность за немедленную уплату царских долгов...

— Это же больше двух миллиардов золотом, — от потрясения прохрипел Михайлов, хватаясь за левую половину груди...

— Успокойтесь, Иван Андрианович! Мы будем платить пропорционально населению, ведь главное богатство любой страны — это ее люди. Минимум за три миллиона населения, а максимум, если союзники к нам будут ну очень лояльны — то за все 12 миллионов населения Сибири. Это еще больше замаскирует наши настоящие политические цели, которые мы с вами уже обговорили раньше. В отличие от признанных государств, всяких там прибалтийских, закавказских и Польши, что отказались, нам есть чем платить. Так ли?

— Есть! И заплатим в самые кратчайшие сроки, — Михайлов изрядно повеселел, сделав в уме необходимые подсчеты. — Это составит от 50 до 200 миллионов рублей. Государственная доходность только на золоте наших приисков составляла в год до 20 миллионов. Даже если платить в течение 10 лет максимальную сумму с набежавшим процентом, то хватит...

— Иван Андрианович, займы и царские долги дело будущего, и совершенно не моя ипостась! Мне бы с армией разобраться. Но эта декларация нужна была еще вчера. Сможете ее принять немедленно, чтоб завтра на переговорах с союзниками в ход пустить?

— Сегодня вечером примем. И вот еще что — я думаю, мы сможем удовлетворить просьбу управляющего губернией Яковлева об отмене его прошения об отставке. И о назначении его министром внутренних дел. Это политический ход, он придаст определенную демократичность нашему правительству, тут вы абсолютно правы. Но...

— Я вас понял, Иван Андрианович. Все полицейские и военизированные формирования МВД я возьму под самый строгий контроль. Но необходимые ассигнования надо немедленно выделить — создание нормальной полиции настоятельно необходимо. Я со своей стороны обеспечу оружием, снаряжением и обмундированием. Сейчас с этим более-менее хорошо.

— Средства будут немедленно выделены, остальные вопросы согласуйте с Яковлевым. А теперь позвольте откланяться, еще много дел, да и на пароходе давно ожидают...

Нижнеудинск

Непонятное чувство нарастающего напряжения вывело Александра Васильевича Колчака из дремоты. Он проснулся и тут же понял, что его беспокоило — на станции не было привычного гула мятежных партизан. Вот уже сутки, как они громко требовали у чехов выдачи адмирала с золотым запасом. Более того, в конвой Верховного Правителя засылали агитаторов, и те призывали солдат переходить на сторону восставшего народа. Но охрана пока оставалась верной присяге, и лишь несколько робких душ дезертировали.

Адмирал припал к оконному стеклу — вдоль всей станции была рассыпана тонкая цепочка чешских солдат, крепко сжимавших на порывистом холодном ветру свои винтовки. Можно

было увидеть у пакгаузов и зданий железнодорожников, но повстанцев не было видно. Видно, чехи вытеснили их в город и, наконец, навели относительный порядок и спокойствие. Или дело в другом — может, они решили силой захватить литерные эшелоны? Ведь удобная ситуация получается, русские полностью оторваны как от Иркутска, так и от отступающей армии генерала Каппеля.

Последние два дня связи ни с востоком, ни с западом совершенно не было, а чехи с глумливой улыбкой только пожимали плечами, мол, и у них самих начались перебои со связью. Последняя телеграмма пришла позавчера днем от генерала Семенова. В ней он просил адмирала немедленно бросить литерные эшелоны на охрану, после чего забрать в деревнях коней и продвигаться с конвоем из самых верных офицеров на юг через Саянские перевалы. Навстречу атаман мог сразу же выслать в Монголию большой отряд надежных казаков и монголов со знающими проводниками, и вывести Верховного Правителя в Забайкалье.

Колчак грустно улыбнулся, вспомнив, какие горячие споры вспыхнули среди его офицеров и генералов. Большинство были за предложение атамана, но все были шокированы категорическим отказом адмирала. Александра Васильевича уговаривали, приводили десятки самых разных аргументов, но все разбивалось об его ледяное нежелание принять их.

Адмирал поступил так, потому что решил связать свою судьбу с золотым эшелоном. Его уговорили оставить отступающую в ледяной стуже армию, и теперь у него осталось только золото, проклятый металл, на который зарились продажные душонки вчерашних союзников. В нем русская скорбь и страдания, и бросить его в чужие лапы он не имел морального права. И он не мог покинуть свою любовь...

Оставить Анну Васильевну?! Или взять ее с собой в тайгу, в неизвестность, в страшные походные тягости?! Это было выше его сил, он не мог отпустить свою любовь даже на единый миг. Эти двое суток промелькнули единой минутой, впервые оторванный от государственных дел, Александр Васильевич посвятил время ей, своей любви...

Осторожный стук в дверь отвлек адмирала от размышлений. Дверь открыли, и в купе вошел начальник охраны, подполковник Удинцев.

— Ваше высокопревосходительство! Важные новости, — взволнованно произнес офицер, его побелевшие пальцы стиснули рукоять шашки. Адмирал поднял глаза, как бы спрашивая — «какие новости?».

— В эшелон обратно прибежал солдат Ильин, дезертировавший вчера из роты охраны. Он говорит странные вещи — вчера утром в Иркутске на чехов напали сибирские бронепоезда. Именно сибирские, под бело-зеленым знаменем. В городе образовано Сибирское правительство...

— Откуда такое может знать сбежавший солдат, к тому же дезертир? — с нескрываемой иронией спросил Александр Васильевич. Слишком это походило на целенаправленную дезинформацию, пущенную в ход чехами. Хотя в груди немного екнуло — после просьбы правительства о его отречении можно было ждать чего угодно.

— Клянется, что случайно подслушал разговор чешских офицеров. Якобы какой-то генерал Арчegov напал на них в Иркутске и нанес страшные потери — захватил бронепоезда и пленных, убиты сотни солдат. Русские корабли стреляли с реки...

— Какие корабли, подполковник? В городе несколько колесных лоханок, на которых нет пушек. К тому же Ангара покрыта льдом. Это какая-то ложь, гоните солдата обратно...

— Ваше высокопревосходительство! Сегодня утром со станции ушли два эшелона с пехотой, не менее батальона, в вагоны садилось еще по десятку чехов дополнительно. Вместе с ними ушел бронепоезд. Второй броневик они отвели за входную стрелку. Кроме того, они вытеснили со станции всех митингующих, угрожая открыть по ним огонь, и отвели от наших

эшелонов свои посты с пулеметами...

— Так, — адмирал взял из портсигара папиросу, чиркнул спичкой. Медленно затянулся, выпустил из ноздрей дым. Затем тихо сказал:

— Солдата ко мне, я желаю с ним поговорить...

Иннокентьевская

— Вы, Михаил Иванович, отобрали все необходимое для нужд флотилии и железной дороги?

— Так точно, ваше превосходительство, — Смирнова уже не коробило такое обращение и он уже не делал над собой усилие, ломая язык и выговаривая эти слова. Бывшему морскому министру с лихвой хватило двух дней общения с ротмистром Арчegovым, чтобы понять — военное дело этот офицер не просто знает, а живет им и имеет глубокие познания и опыт. Он еще не встречал в своей жизни ни одного «сухопутчика», кто бы озаботился не только созданием действительно боеспособных морских сил, но и проблемами их взаимодействия с армией. Чего стоит хотя бы приказ определить по бронепоездам сигнальщиков с кораблей...

— Тогда у вас всего месяц, максимум два, но морякам вы должны пошить форму. Устраивайте мастерские, пошивочные — сукно и швейные машинки у вас теперь есть. Для ремонта кораблей задействуйте все возможности, в ваше ведение переходит вся Кругобайкальская дорога от Иркутска до Мысовой. А также Лиственничное на той стороне, с доком и верфью, — Арчegov резал слова. Настроение у Ермакова было не очень хорошее. Если не сказать плохое — он устал, вымотался за эти напряженные дни.

— И еще одно. Обратите пристальное внимание на население. Тем, кто не связан работой на дороге, предоставьте возможность трудиться на флот. Если надо будет чего, дам из трофейных эшелонов. На нужды флотилии ежемесячно будете получать по сто тысяч золотых рублей, этого более чем достаточно для содержания и денежного довольствия моряков, а также на уплату проведенных работ.

— Все ясно, Константин Иванович.

— Что вы решили с формированием ангарских отрядов? Что необходимо сделать? Чем я могу помочь?

— Группа моряков отправится с отрядом есаула Красильникова вниз по Ангаре через неделю. Они займутся обустройством базы в селе Нижнеилимском и батарее на Тушамском острове. Последняя не позволит красным применять свои пароходы. Весной нужно перебросить через братские пороги два парохода с буерами, они способны преодолевать порожистое русло. Но необходимо срочное усиление флотилии кораблями и катерами специальной военной постройки. И здесь нужна ваша помощь.

— Что нужно сделать?

— Доставить из Владивостока два сторожевых катера типа «Гринпорт», а из Хабаровска два посыльных судна типа «Пика»...

— А они пройдут по реке?

— «Гринпорты» имеют максимальную осадку в 3 фута, две пушки в 47 и 37 миллиметров. Посыльные суда имеют осадку на фут меньше, но вооружены горной трехдюймовкой. По реке смогут ходить без затруднений. Но нужно поспешить — через пороги провести их можно только в половодье.

— Понятно! Я сегодня же свяжусь с военным министром и с Владивостоком. Думаю, генерал Розанов примет все необходимые меры. Может, попросить больше катеров? — Ермаков

раскрыл лежащую перед ним тетрадь и сделал короткие записи.

— Катеров больше нет, а почти все посыльные суда были отправлены по железной дороге еще в 1916 году. Там их осталось только три. Нужны еще три 120 миллиметровых орудия для батареи и десять орудий в 47 и 37 миллиметров для вооружения пароходов.

— Сделаем, — Ермаков снова записал в тетрадь.

— Вот еще, — Смирнов запнулся, пошевелил губами, выискивая нужные слова, затем решил: — Нужно закупить в САСШ не менее двадцати малых бронекатеров по 10 тонн водоизмещения с 37-миллиметровой пушкой. Такие мы закупали у них в 1917 году. Они очень нужны для речной войны, хоть на Ангаре, хоть на Амуре. А также желательно закупить десять больших сторожевых катеров по 80 тонн типа «SC» для Сибирской флотилии.

— С бронекатерами понятно. Если нужны — купим. Но зачем эти «SC» покупать, у нас во Владивостоке разве нет миноносцев для охраны?

— Миноносцы есть, вот только на их ремонт нужно больше потратить, а толку меньше. Команда на катерах вчетверо меньше, потому матросов можно отобрать тщательно. Вооружение на катерах почти такое же, а дальность даже больше. Нужны они — ведь вы всерьез реформами занялись...

— И почему эти штуки идут у американцев? — с кряхтением задал вопрос Ермаков, прекрасно понимая, что война требует средств.

— Бронекатера не дороже 10 тысяч, а сторожевики в пределах 70 тысяч.

— Рублей? — с надеждой в голосе спросил Ермаков.

— Долларов! — громко уточнил Смирнов и с вопросом в глазах посмотрел на ротмистра.

— Будучи морским министром, вы, наверное, такие запросы не делали.

— Не делал, ваше превосходительство. И зря — красные партизаны побережье нашего Приморья полностью под себя подмяли.

— Хорошо, — с трудом выдавил из себя Ермаков, он прекрасно понимал, что за срочность придется сильно переплачивать, раза в полтора, а то и в два. А 4 миллиона золотых рублей — очень большая сумма, головокружительная.

— Еще надо закупить топливо для катеров — «Гринпортам» бензин нужен, для формирования двух рот морских стрелков нужно оружие, обмундирование, снаряды для морских пушек, всякое флотское имущество.

— Список составьте немедленно, отправлю во Владивосток. Обмундирование для морской пехоты, — Ермаков выделил два последних слова, — дам. Полковник Морроу нам три тысячи комплектов выделил, форма добротная. Я в нее все бронепоезда с десантом приодеть хотел, но так уж быть — выделяю для флота 400 комплектов. Днем эшелон в Порте Байкал будет, возьмете. Оружие и пулеметы тоже выделяю — американские. Это самое лучшее, что у нас есть. И снаряжение дам. Но учтите — форма только для морской пехоты, если на других примерить попытаетесь, не обижайтесь потом!

— Так точно, только для морской пехоты, — громко ответил Смирнов.

— И еще одно, Михаил Иванович. Оборудуйте одну баржу в гидроавиатранспорт, поставьте на нее кран-балку, лебедку и сходню для спуска на воду. Придайте буксир, вспомогательное судно для личного состава и запасов. Гидросамолеты к весне получите. Авиаторы у вас на примете есть?

— Так точно, морские летчики есть. Баржу отберем и поставим на переоборудование. К весне будет готова...

— А теперь еще об одном, — Ермаков машинально понизил голос. — Ночью в Порт Байкал придут эшелоны генерала Скипетрова. Там до тысячи штыков. Я думаю, что генерал займет туннели...

— Для чего? — искренне удивился моряк.

— Для того, чтобы Сибирское правительство стало более сговорчивым. Атаман Семенов пока не признал правительство, а потому надо принудить его к этому. Или вы желаете снова увидеть тот произвол, что творил атаман Семенов в начале этого года?

— Я понял, Константин Иванович. Что нужно сделать?

— Приведите корабли в полную боеготовность. Перед самым рассветом я прибуду на станцию и постараюсь объяснить генералу чреватость атаманщины в нынешних условиях.

— У меня мало сил и всего полурота морской пехоты...

— Со мной придут «Блестящий» и «Быстрый» с эшелоном десантного батальона броневой бригады.

— Ага, — только и сказал Смирнов. Если ротмистр бросает на семеновцев самые лучшие бронепоезда со своей самой боеспособной частью, то положение серьезней некуда. Ведь с чехами перемирие только до утра.

— Чехи не начнут наступление, пока есть хоть один шанс договориться. К тому же перемирие будет продлено еще на сутки, ибо завтра после полудня будут переговоры между послами и Сибирским правительством. А во время переговоров чехи атаковать не станут, они не дураки. А я за это время качну «маятник» и успею вернуться обратно...

Батарейная

— Что вы ответите Совету послов? — На Арчегова требовательно уставился пожилой седоусый генерал в высокой французской фуражке, смахивающей на расшитый позолотой обрезанный цилиндр с козырьком. Да и сам генерал был авантажен — чуть больше полтинника, крепкий, и даже привычного генеральского брюшка не было. Глаза злые, не смотрят на него, а прямо испепеляют, что твой гиперболоид.

— Наше правительство тщательно изучит предложения послов союзных держав, но, к сожалению, дать ответ пока не в состоянии. Текущих дел очень много накопилось, война все запустила, и приходится кропотливо восстанавливать порушенное, — голос Ермакова был до безмятежности ленивым, как бы говорил — «ждите, ребята, долго, ответ мы вам потом дадим, после дождичка в четверг».

Командующий союзными войсками в Сибири генерал Жанен пошел по лицу пятнами оскорбленной гордости. Русский ротмистр вел себя внешне довольно корректно, но, по сути, омерзительно нагло, такое поведение не допускал даже вспыльчивый адмирал Колчак, не то, что этот выскочка, парвеню. Но тем же ленивым тоном русский тут же ткнул генерала еще раз и даже не поморщился, только глаза чуть прищурил:

— Я не уполномочен давать политические решения или ответы на политические проблемы. Это в компетенции Совета министров Сибирского правительства. Я лишь скромный ротмистр, командующий действующей армией на западном направлении. И здесь на обсуждении условий перемирия между противостоящими сибирскими и чешскими войсками.

— Послы союзных государств требуют немедленной встречи с министрами вашего правительства, немедленной!

— Союзных кому? Если вы имеете в виду Сибирское правительство, то оно никаких соглашений пока с послами не заключало. Соглашения же Всероссийского правительства утратили силу в связи с созданием Сибирского правительства и объявлением полной независимости Сибири. До созыва законной Всероссийской власти, — Ермаков говорил нарочито спокойным тоном, ему понравилось, что Жанен уже кипел гневом, как чайник на

раскаленной плите — еще немного, и крышку сорвет. — Если же вы имели в виду разгромленный вчера нами Политцентр, мон женераль, то недавно предпринятые чехословацким корпусом определенного рода действия позволяют считать его действительным союзником красных, а, следовательно, нашим врагом. Наши действия против него полностью оправданы сложившейся обстановкой.

На сидящих напротив Ермакова генералов Жанена и Сыровы нужно было любоваться — лица побагровели настолько, что можно смело спички по ним чиркать и зажигать.

А вот третий собеседник, хоть и сидел на той же стороне стола, но подчеркнуто дистанцировался от генералов. Впрочем, и противоположную сторону не поддерживал — четко соблюдал строгий нейтралитет. По бесстрастному лицу полковника Фукуды было невозможно понять, что думает этот японец о собравшихся здесь генералах и офицерах.

— Вы клевете на доблестных легионеров...

— Во-первых, генерал, — резко прервал Жанена Ермаков самым жестким голосом, — уже четко установлено, что за попыткой переворота Политцентра стоит именно чехословацкий корпус. Есть множество показаний арестованных нами членов этого самого Политцентра и плененных чехословацких офицеров. А все политические декларации корпуса не более чем фиговый листочек, которым они прикрывают свою задницу...

— Да вы...

— Я еще не все сказал, пан Сыровы, извольте потерпеть, — Ермаков свирепо глянул на чешского генерала, тот заткнулся, только гневно выпучивал единственный глаз.

— Во-вторых, если генерал Жанен не имел никакого понятия о предательских действиях чешского корпуса, это один разговор. Если же имел, то в дальнейшем я буду рассматривать вас, мон женераль, совершенно иначе. И в-третьих, если вы, господа генералы, вздумаете еще раз оскорбить меня и в моем лице русские войска, то увернуться от дуэли вы уже не сможете, ибо сразу получите достойный ответ, но уже действием, — выплюнув последнее слово, Ермаков сжал свой отнюдь не маленький кулак.

— Извините, господа генералы, но мы здесь собрались для обсуждения условий перемирия, — голос Фукуды успел прервать начавшийся на высоких тонах разговор, который мог завести собравшихся в ситуацию, весьма далекую от любого мирного разговора.

Сыровы и Жанен опомнились, переглянулись. Стоявшие за их спинами два полковника впились в Ермакова взглядами — у француза с длинной фамилией в удивлении хлопали только ресницы. Не мог в разум взять офицер, как какой-то ротмистр может грубить его генералу, он же должен вскакивать и под козырек брать.

А вот чех Ермакову не понравился, взгляд оценивающий, въедливый. Но так и должен смотреть опытный контрразведчик. Ермаков решил усилить впечатление своей несговорчивости — принял позицию «отрицания», скрестил на груди руки. Психологию им в голову вдалбливали, жаль, что теорию подзабыл, зато практический опыт остался.

А вот майор Мике, низенький самурай с приятным лицом, смотрел на ротмистра подбадривающим взглядом. «Поддай-ка этим гэндзинам хорошенько», — читалось в его раскосых глазах. А Ермаков чуть улыбнулся в ответ — они сегодня утром весьма дружелюбно пообщались на языке сынов Ямато, закрепляя братство по оружию.

Сидевшему рядом с ротмистром подполковнику Степанову генералы явно не нравились, если не сказать хуже, но, по первоначальной договоренности между ними, начальник штаба пока молчал, давая возможность вести разговор только Арчегову.

— От лица союзного командования я предлагаю вам немедленно отвести свои войска за Иркутный мост, а захваченные вами эшелоны и бронепоезда немедленно передать чехословацкому корпусу! — Жанен говорил громко, положив руки на стол.

Услышав такое заявление, Ермаков чуть не поперхнулся — это кто же победителем оказался?!

— А если мы игнорируем это ваше требование, мон женераль, — впервые вмешался Степанов. Спросил корректно, вот только его взгляд стал нехорошим, прищуренным, будто через прицел винтовки посмотрел.

— Тогда мы заставим вас выполнить наше законное требование! И извиниться за свои несправедливые действия!

— Каким образом?! — с наигранным изумлением воскликнул Ермаков. — Зуавов у вас нет, да и перемерзнут они здесь, это же не Африка. Французов придется перебрасывать не меньше полугода, да и захотят ли они воевать столь далеко от Белль Франс? И ради чего? Ради русских вагонов, набитых русским же добром. Помочь 30 тысячам союзных чехов вывезти 20 тысяч русских вагонов? Не знаю, что вы думаете, мон женераль, но ваше предложение для нас категорически неприемлемо. А на силу всегда можно найти другую силу, надеюсь, господам чехам это, наконец, стало понятным...

Воцарилось молчание — переговоры зашли в тупик. И Ермаков решил зайти с другой стороны:

— Я предлагаю завтра, после полудня, обсудить создавшееся положение на переговорах послов с нашей делегацией, которая даст ответ на ваш ультиматум. Да, господа, требование передать железную дорогу союзникам пахнет ультиматумом, который предъявляют только оккупанты. И потому, господа, я призываю вас к сдержанности — вы еще не победители.

— Я согласен с предложением господина Арчегова, — Жанен резанул по нему острым взглядом. Константин сжал волю в кулак — оскорбление для офицерской чести было явственным, и он тут же вернул его обратно.

— Я извиняюсь, месье Жанен, — после этих слов у француза встопорщились усы, он побагровел. Не злись, лягушатник, у русских есть поговорка — «как аукнется, так и откликнется». Словно прочитав мысли, Жанен скривил рот презрительной гримасой. — Но у нас имеется ряд условий, без выполнения которых какие-либо переговоры между нами будут невозможны. Первое из них таково — чешские войска не будут сосредотачиваться на перегоне Черемхово — Суховская. У нас есть возможность наблюдать за перевозками. Второе — чехи должны немедленно снять арест с литерных эшелонов и обеспечить их беспрепятственное продвижение на Иркутск. Без всяких действительных и мнимых проволок...

— Ваши условия для чехословацкого корпуса неприемлемы, — непримиримо отрезал Сыровы.

— Тогда пусть будет война, безжалостная и беспощадная. Но мы дадим послам и союзным миссиям паровозы и через три часа мы откроем для них движение на Байкал. Дня всех, кроме чехов!

Ермаков решительно встал, рядом встал подполковник Степанов, вот только повернуться к выходу они не успели, как Жанен примиряющим голосом заговорил:

— Прошу, не горячитесь, господа, — русский язык генерала был почти безукоризненным. А именно на нем шли переговоры, благо все собравшиеся за столом знали, кто лучше, кто хуже, великий и могучий.

— Верховный Правитель адмирал Колчак волен двигаться по железной дороге, когда ему заблагорассудится. Вся проблема в партизанах, которые контролируют железную дорогу. А потому литерные поезда необходимо сопровождать бронепоездами с чешской охраной. Ведь так, господа?!

— А также вернуть обратно захваченные у адмирала паровозы!

— Паровозы были временно взяты, и сейчас в них надобность отпала. Они будут сегодня

возвращены, и литерные эшелоны продолжают свое движение на восток. Ведь так, генерал?!

— Совершенно верно, — Сыровы просиял лицом, сообразив, что золото от него никуда не уйдет, ведь, в лучшем случае, эшелоны смогут подойти на Иннокентьевскую только через два дня, никак не раньше.

— Вот и хорошо, господа, — голос Ермакова стал любезным. — Надеюсь, вы мне дадите возможность связаться с адмиралом по телеграфу.

— Конечно, — не менее любезно отозвался Жанен, — и послам необходимо связаться по телеграфу.

— Я рад, что у вас есть связь с Нижнеудинском. Но очень сожалею, что не могу оказать ответную услугу — связь постоянно прерывают красные партизаны на перегоне между Мысовой и Верхнеудинском. Наши американские союзники снимают караулы и готовятся к эвакуации из Сибири. Свои части полковник Морроу уже вывел из Слюдянки и начинает выводить из Танхоя. Американцы даже отогнали в Михалево целый эшелон с оружием для чешских войск. Хорошим оружием были вооружены ваши солдаты, пан генерал. Сибирской армии оно очень пригодится, — Ермаков внутренне засмеялся, вот теперь генералов проняло по-настоящему, они даже спали с лица. Да оно и понятно — надежда на американцев растаяла, как дым. — Как только мы займем нашими войсками этот перегон, связь будет бесперебойной. Сейчас я не могу ничего гарантировать. Прошу принять мои искренние сожаления и извинения.

— Я приостановлю на сутки движение наших эшелонов у Черемхово. Надеюсь, этого времени достаточно для проведения переговоров между Советом послов и Сибирским правительством, — генерал Сыровы заговорил подчеркнуто равнодушным тоном, но его стиснутые до побеления костяшек кулаки свидетельствовали о совершенно ином — чех был вне себя от ярости.

— Этого времени совершенно достаточно, тут мы с вами согласны, пан генерал. Позвольте откланяться, господа, до завтра. Честь имею! — Ермаков встал со стула, и они со Степановым быстро вышли из вагона...

(30 декабря 1919 года)

Порт Байкал

— Константин Иванович, приехали, — голос поручика Белых достучался до сознания с первого слова, и Ермаков открыл глаза.

Что за гребаная жизнь пошла — за семь здешних дней он больше трех часов в сутки не спал. Только закроет глаза и провалится в черное забвение, как тут же будят — иди, раб Божий Костя, верши свои дела...

Ермаков плеснул теплой водой на платок, наскоро протер лицо. БМВ по уровню комфорта превосходил все его бронепоезда — отопление, приличная шумоизоляция, внутреннее освещение, вот только спать пришлось на снарядных ящиках. Но тут ничего не поделаешь, не предусмотрены койки в тесном броневагоне, у него совершенно другое предназначение.

Хлебнув голого кипятка из кружки, ротмистр медленно закурил папиросу и вопросительно посмотрел на командира дивизиона.

— Генерал Скипетров в третьем вагоне. С «Ангары» просигналили фонарем — «мы готовы». Может, я пойду с вами?

— Нет, работаем по плану. Но если что...

— Мы эти эшелоны в труху смешаем, ваше превосходительство. Если что, падайте на пол, я из пулеметов по окнам пройду, а потом десант скину. Не беспокойтесь, ваше превосходительство, не подведем.

— Ну и хорошо, Петр Федорович, — Ермаков крепко пожал руку поручику, нырнул в отдраенную броневую дверь и спрыгнул на снег.

Прямо напротив его застыл длинный эшелон из пассажирских вагонов и теплушек — в окнах ни огонька. Ермаков посмотрел на часы — ровно пять утра, самый сладкий сон. Спят все, и лишь несколько замерших часовых стоят вдоль длинной вереницы вагонов.

— Ротмистр Арчegov. К генералу Скипетрову, — услышав фамилию, часовой, совсем еще молодой паренек в папаше с башлыком, тут же затарабанил в вагонную дверь. Через пару минут дверь открылась, и в тамбуре появился офицер в накинутах на плечи шинели.

— Поручик! Доложите генералу, что прибыл ротмистр Арчegov. Да в вагон пускайте, холодно стоять! — командирский рык Ермакова сделал свое дело, и офицер отскочил в сторону, настежь открыв дверь. Константин поднялся и очутился в прокуренной теплоте вагона.

— Извините, господин ротмистр, я немедленно разбужу генерала. А вы посидите здесь, — Ермаков улыбнулся — все так же, как у него в штабном, только комендантом здесь сидит целый офицер, а у него унтер. Присел на топчан, достал папиросу и закурил.

В вагоне сразу началась легкая суматоха, послышался заспанный женский голос: «Леня, что случилось?»

В ответ мужской голос что-то невнятно сказал и тут же начал отдавать какие-то приказы. Вот только расслышать ничего Ермаков не смог, больно тихо говорил генерал. А потому Константин продолжал безмятежно курить, готовясь к первой части «Марлезонского балета», так он заранее окрестил подготовленную операцию.

— Господин ротмистр, вас ждет генерал Скипетров, — поручик смотрел на Арчegovа выжидающе, но вот блеск в глазах Константину не понравился, так всегда смотрят на того, кому предстоит сильно огрестись неприятностями. А это хорошо, ибо латиняне в свое время оставили очень хороший афоризм — «кто предупрежден, тот вооружен».

Штабной вагон был почти полностью аналогичным — четыре купе подряд, и офицер открыл перед ним дверь в просторный салон. Посередине стоял стол, за которым сидел генерал с белым Георгиевским крестом на груди.

Волевое лицо, зачесанные назад черные блестящие волосы без седины, на вид лет 35, не больше. Уверенный взгляд самодовольного человека ощупал Ермакова, и у того засосало под ложечкой. Примерно так ощупывают барышники коней, прежде чем купить. Худой взгляд у генерала, плохой, благородством манер не пахнет.

— Проходи, ротмистр, садись на стул. Поговорим, — улыбка кривая, доброжелательством от голоса генерала отнюдь не пахло.

Скорее, там была плохо скрываема ненависть. И прием соответствующий — ни тебе «здравствуйте» и сразу на грубое «ты». У Ермакова стал закипать гнев в груди — как он ненавидел такое начальственное хамство, от дикой Московии, в холопстве погрязшей, пришедшее: «я начальник — ты дурак, а ты начальник — я дурак».

— Здравия желаю, ваше превосходительство, — вежливо козырнул ротмистр, сделав вид, что доволен столь нелюбезным приемом, и уселся на стул.

«Та-а-к! Чего же ты, мил человек, столь не весел? — невозмутимо посмотрел он на Скипетрова. — Я же тебе Иркутск на блюдечке с голубой каемочкой принес! В зубах, практически, разве что хвостом не виляю!»

Ермаков продолжал играть согласно плану: улыбка, несколько виноватая и несколько заискивающая перед столь высоким чином, вид в высшей степени беспечный, «лихой и

придурковатый», согласно наставлениям Петра Первого для нерадивых подчиненных.

Скипетров же, напротив, глядел волком: злоба на удачливого выскочку вперемешку с лютой завистью к его, ермаковской, победе читалась не только в глазах, но и во всем его облике.

«Ну и что ты будешь Семенову говорить? — Ермаков продолжал улыбаться, еще больше распаляя Скипетрова. — Примазаться ко мне сейчас не удастся, я сам уже с усами! Твои полномочия командира закончились, так и не начавшись! Очень сильно я сомневаюсь, что ты хмур оттого, что я Семенова в прямом смысле слова подвинул с нашим Сибирским правительством. Не о приказах Семенова ты сейчас думаешь, а о том, как свою шкуру сберечь! Есть, правда, еще возможность проявить себя...»

Тут за спиной открылась дверь, и вошли гурьбой, судя по топоту и сопению, человека три, не больше. Константин улыбнулся — как он и предполагал, встреча будет далеко не ласковой.

— Ты чему улыбаешься, иуда! — угрожающе произнес генерал и наклонился над столом. — Ты за сколько своего атамана продал?!

— Я не понимаю, о чем вы говорите, ваше превосходительство, — дрожащим голосом произнес Ермаков, и тут же на его погоны легли крепкие лапы, а в спину уткнулось что-то твердое, судя по всему, револьверный ствол. Локти прижали к телу, чьи-то бесцеремонные руки тут же вытащили из кобуры «кольт». Затем с треском с его плеч сорвали погоны.

— Не придуривайся, предатель, а то хуже будет, — сиплый голос зашептал на ухо, запах гнилых зубов вызвал тошноту. Это что ж за сифилитик у генерала служит — Ермаков чуть передернул плечами от безгливости.

— Что вы от меня хотите, ваше превосходительство? — продолжая играть насмерть запуганного человека, спросил Ермаков дрожащими губами.

«Видимо, дела твои настолько плохи, что ты и выбрал эту, последнюю возможность — поуркагански взять на голос, а дальше действовать по ситуации. Либо сломать меня, и я сам возложу на тебя венок триумфатора, прилюдно подтвердив, что действовал по твоему гениальному плану. — Ермаков поочередно затравленно, снизу вверх, посмотрел, насколько это было возможно, на стоящих по бокам офицеров, попутно оценивая обстановку. — Либо, особо не чинясь, грохнуть, и концы в воду, приняв опять-таки при этом командование над бронепоездами как непосредственный командир. Правда, второй вариант сложнее. Скорее всего, он даже и не рассматривается».

А сам отметил, что контрразведчики у генерала хреновые — рук не связали, толком не обыскали — ни нож в рукаве, ни «браунинг» в прорези бекеши не обнаружили. Да и расслабились сразу — отпустили локотки.

— Если хочешь сохранить себе жизнь и целым до Читы добраться, то сейчас отдашь приказ экипажу бронепоезда. Понятно? — генерал Скипетров добавил металла в голосе. Пусть выходят из броневой коробки!

— Понятно. Все сделаю, — совершенно раболепно согласился Ермаков и трусливо спросил: — Меня будут судить? А кто приказал? Военный министр Сычев?

Генерал Скипетров хмыкнул, будто подавился смехом. За спиной Ермакова кто-то брызнул слюной, пытаясь подавить ржание, но этого и добивался Константин своим идиотским вопросом.

Резкий толчок двумя ногами опрокинул стол на генерала, тот не удержался на стуле, упал, а сверху навалилась столешница. В ту же секунду Ермаков сам повалился на спину, успев выхватить нож и резануть лезвием по ладони с револьвером, который держал стоящий рядом с ним офицер.

Дикий вопль раненого и грохот взорвали ночную тишину. Константин перевернулся на вбитом долгими тренировками рефлексе через спину и тут же нанес стремительный удар

кулаком в промежность сипатого контрразведчика, который оказался подполковником.

Коварный удар по мужскому достоинству моментально вывел того из строя — издав нечленораздельный вопль, офицер согнулся, схватившись за жестоко ушибленное место. Ротмистр вскочил на ноги и без промедления нанес удар ребром ладони по шее. Щадящий удар, ибо не хотел убивать, а жаждал чуть попозже поговорить с этой тварью.

Стоящий у двери давешний поручик впал в ступор и только хлопал глазами. Классической «тройки» ему хватило с избытком — кулаком в горло, коленом в пах и локтем в подставленный затылок. Офицер только хрюкнул и свалился на пол, а Ермаков, выхватив «браунинг», развернулся.

Раненный ножом капитан, разбрызгивая кровавые капли по сторонам, только сейчас стал наклоняться, пытаясь взять в левую руку упавший на пол револьвер.

Однако отставных спецназовцев не бывает. Константин не желал ждать, пока офицер вооружится. Прыжком преодолев разделявшие их метры, Ермаков набросился на него. Удар рукоятью «браунинга» по наклоненной голове отбросил капитана на окровавленный пол. Офицер даже не вскрикнул, сразу потерял сознание, а потому лежал не шевелясь.

После молниеносной образцово-показательной экзекуции офицерского состава настал черед генерала. Скипетров только сейчас очухался и, лежа у стены, лапал правой рукой клапан кобуры. Как часто бывает, в условиях внезапного нападения теряются даже опытные бойцы, а генерал к числу таковых явно не относился. А потому Ермаков спешить не стал, наслаждаясь моментом.

Лицо Скипетрова перекосила гримаса дикого ужаса, он открыл рот для крика, но пинок сапогом забил слова обратно в глотку вместе с зубами. Генерал только ойкнул и повалился на бок. Нокаут!

— А где же гонг? Кто счет откроет? Рефери, где ты? — Ермакова разбирал смех.

Жестоко вырубленная четверка офицеров напомнила ему малолетних гопников, что осенью 1992 года попытались снять с него кожаную куртку. Впрочем, у тех реакция оказалась лучше — потеряв за считанные секунды троих, остальные с дикими криками бросились врассыпную, пугая воплями засыпающих обывателей. Вовремя сообразили окаянные, что их ночная добыча отнюдь не жертва, а опытный охотник за черепами.

А вот генерал Скипетров со своими присными опричниками на дешевку попался. Как дворовая шпана времен Костиной молодости, что куражится, когда попавшие в их лапы бедолаги начинают вымаливать спасение. И не понимают они, что тем самым дают жертве возможность оценить ситуацию, расслабить врага своей мнимой беззащитностью и атаковать внезапно — со всеми вытекающими отсюда последствиями...

Ермаков подошел к окну, что было напротив бронепоезда, снял с крепления керосиновую лампу и несколько раз провел ею по кругу перед стеклом. И почти сразу лязгнули броневые двери, и только жесткий скрип снега под множеством бегущих ног доносился через стекло.

Ермаков достал коробку папирос — дверь в тамбуре хлопнула. Зажег спичку — по коридору топот, лязг оружия. И стоило Константину прикурить, как дверь в салон с треском отлетела в сторону, и ввалился поручик Белых с маузером в руке. За офицером вбежали четверо солдат штурмовой роты с «Льюисом» и карабинами наперевес...

Иркутск

Скрежет двери показался Калашникову вторым пришествием. Бывший командующий НРА сжался в комочек на железной койке, привинченной в углу маленькой, продуваемой

сквозняком, сырой каменной темницы, которую он уже принимал за свою гробницу.

Но эти восемь шагов в длину, четыре шага в ширину, железный стол и такой же стул, проржавевшая параша в углу с тошнотворным запахом воспринимались бывшим штабс-капитаном родным домом. А крохотное окошко на двери, через которое ему подавали еду, оставалось единственной нитью, что еще связывала его с жизнью.

И липкий страх, что ежечасно, ежеминутно окутывал паутиной человеческие души. Этот страх царил в старинном здании Иркутского тюремного замка, царил долго и страшно, ибо в последние дни здесь властвовала смерть в своем ужасном обличье.

Все началось вечером того злосчастного дня, когда его, измордованного и запытанного, бросили на ледяной пол этой камеры. А поздним вечером по зданию загремели выстрелы — без суда, без следствия начали расстреливать прямо в камерах всех, кто подозревался в уголовных преступлениях.

Да, тюрьма была буквально забита арестованными грабителями, насильниками, ворами и прочим преступным людом. Но чтобы вот так просто и безжалостно убивать их, это не укладывалось в голове командующего совершенно. Наверно, и в забайкальских застенках палачи Семенова удивились бы вопиющему произволу военных.

Перед рассветом бледный как смерть надзиратель, один из тех, что служили здесь при всех режимах и властях, поведал, что вывезли двадцать подвод трупов, погрузили их на пароход и, по всей видимости, утопили в Ангаре.

А заодно сказал, что в тюрьму сейчас возят только политических врагов торжествующей контрреволюции, а уголовных расстреливают и вешают в городе без суда и следствия. Сотни, сотни трупов раскидала новая власть, а их, истинных борцов за народное счастье, замуровала в узилище, в котором тоже царствует смерть. Вот оно, настоящее лицо реакции...

Николай Сергеевич сжался на койке — тело протестующе выло, предчувствуя новую боль от пыток. Вчера его попытались заставить подписать обращение Политцентра, а когда он отказался, то его мучили почти час и добились своего, бросив его, изможденного, истерзанного и обгаженного в этой пропахшей миазмами камере. Даже проклятый царский режим не относился так жестоко к своим противникам. И старым надзирателям не пожаловаться теперь открыто на судьбу свою — внутри их разбавили охранниками из китайцев или японцев, бесстрастных и жестоких, с вечной невозмутимостью на раскосых лицах...

— Здравствуйте, любезный Николай Сергеевич, — от доброжелательного голоса вошедшего Калашников отпрянул к стене, судорожно потер глаза, не веря им. Еще бы, в камеру вошел управляющий губернией Яковлев. Но как, почему его не арестовали? И, помимо воли, в сердце вспыхнула надежда...

— Тяжелый здесь воздух, очень тяжелый, — губернатор достал платочек и прижал его к лицу. Посмотрел на загаженный стул и не стал присаживаться, боясь испачкать дорогое пальто.

— Я пришел к вам как министр внутренних дел Сибирского правительства. Да, да, не удивляйтесь, дело, за которое вы так доблестно боролись, живет и здравствует. Весной уже будет созыв Всесословного собора, который решит судьбу Сибири. И мне очень жаль, что такие искренние патриоты Отечества и революционные борцы не смогут принять в нем участие.

— Нас расстреляют? — голос Калашникова чуть дрогнул.

— Несомненно! Но только в том случае, если вы нанесете вред сибирскому народу и правительству.

— Как же мы нанесем вред из этих застенков, Павел Дмитриевич?

— Зачем вы связались с интервентами, этими чехами? Наши войска их разгромили, а теперь вы в глазах населения не более чем наймиты тех, кто с вашей помощью грабил и убивал наш же народ. Нехорошо, Николай Сергеевич, очень плохо поступил Политцентр.

Опереться на оккупантов, когда Сибирское правительство потребовало от послов союзных держав незамедлительной эвакуации всех войск интервентов.

— Но это совсем не так. Мы хотели...

— Важно не то, что вы хотели, Николай Сергеевич, а то, что вы сделали. Вопреки интересам партии и народа. У чехов больше ста эшелонов награбленного у нас добра, и его нужно вернуть сибирскому народу. Вы же дали добро на его увоз, а потому вас все считают грабителями и пособниками преступлений. Вот почему и отношение соответствующее. Ведь, по недавно принятому закону, лица, совершившие тяжкие уголовные преступления, объявлены вне закона и подлежат немедленной казни. А потому к ним допустимы пытки и истязания. Это так — вас всех ждет скорая смерть как уголовных преступников, как соучастников расхищения русского имущества. Однако есть исключение из закона, оно касается особых случаев...

— Каких?! — жадно спросил Калашников, ощутив дуновение надежды.

— Если вы раскаетесь в своих заблуждениях и прилюдно расскажете о ваших связях с чехами. И о тех взаимных гарантиях, что дал Политцентр и чешское командование друг другу. Видите, этим шагом вы поможете партии — ведь деятельность всех всероссийских партий на территории Сибири официально запрещена. А потому наша партия сейчас обоснованно считается предательницей Сибирской автономии и независимости.

— Даже так? Что я должен сделать?!

— Ваш партийный долг — выступить свидетелем перед союзными послами и засвидетельствовать преступные замыслы чехов, истинных погубителей независимой Сибири. Именно здесь нашей партии предоставляется прекрасный шанс построить действительно социалистическое государство без большевицкой бюрократизации, террора и централизма.

— Я сделаю это! Клянусь вам!

— Это хорошо. Вас сейчас помогут в бане и выдадут одежду. Днем вы выступите перед послами и подадите прошение о добровольном зачислении вас в ряды армии. Тем самым все вы отведете от партии обвинение, что она способствует победе большевиков. Более того, раз партийцы защищают независимость Сибири, то и партия имеет полное право участвовать в политической жизни нового государственного образования.

— Я готов! Я буду воевать с большевиками под бело-зеленым знаменем!

— Вот и хорошо! Вы верный член партии социалистов-революционеров. И партия никогда не забудет то, что вы для нее сделали. И вам будет благодарна независимая Сибирь, — губернатор сделал притворную попытку обнять Калашникова за плечи, но отстранился сразу же. А за высокопарным пафосом слов губернатора растроганный до слез офицер совершенно не заметил как хитро прищуренные глаза, так и кривую ухмылку на лице...

Порт Байкал

— Капитана перевязать, остальных привести в чувство. Кабинет убрать, мебель расставить, посты везде выставить. Сигнал на корабли подать! — Ермаков отрывисто сыпал приказами.

— Есть, ваше превосходительство! — Белых четко козырнул, повернулся и выбежал из салона.

Десантники принялись наводить порядок, расставляя мебель. Железнодорожный фельдшер, пожилой усатый мужик с печальными глазами, открыл белую сумку, достал бинт и быстро перевязал руку капитана. Встал и тихо сказал, обращаясь к Ермакову:

— Вы его сильно поранили, ваше превосходительство. Надо в госпиталь. Зашивать надо, иначе кровью изойдет.

— Ребята! Взяли господина капитана и рысью. Да охрану поставьте — сего хама судить надо за неподчинение! Спасибо вам, доктор, — Константин повысил в статусе фельдшера и попросил:

— Этих в чувство приведите, я их сильно не бил. И идите с Богом!

Фельдшер кивнул головой, достал из сумки склянку, вытащил пальцами из нее пробку и обошел беспмятных, дав каждому понюхать аммиачную вонь. И через минуту вся незадачливая компания зашевелилась, стала потихоньку приходить в себя, постанывая от боли.

— Поручика в купе! Этих тщательно обыскать! — получив приказ, солдаты быстро, но качественно обыскали генерала и подполковника, выложив все трофеи на стол.

Ермаков посмотрел — у генерала оказался револьвер, два империала и фотокарточка женщины. И это было все — ни документов, ни другого оружия при нем не имелось. А вот подполковник оказался еще тем фруктом — два пистолета, плюс изъятый «кольт», кастет, блокнот с записями, карандаш. И небольшая, но довольно тяжелая сумочка, что офицер носил под обмундированием на тонком ремешке.

По знаку ротмистра солдат высыпал ее содержимое на стол — со звоном рассыпался презренный желтый металл, что души людские соблазняет. Чего там только не было — монеты разных стран, обручальные кольца, серьги и перстни с бриллиантами, цепочки и прочая всячина. Явно не купленное и даже не краденное, а, скорее всего, отобранное у беспомощных или убитых жертв.

— Это мародер, господа! Мародер! И убийца! Как вас величать прикажете? — Ермаков пристально посмотрел на белого как мел подполковника.

— Начальник контрразведки подполковник Сипайлов, — глазки у офицера бегали по сторонам, он всячески старался избежать прямого взгляда.

— Только не говори, тварь, что это поганое золотишко купил! Сколько ты душ невинных загубил?! — Ермаков схватил пальцами бровь и крутанул — Сипайлов завопил от боли.

— К поручику Насонову его! Вытрясти все из этой сволочи, в мерах не ограничиваю! — десантники тут же подхватили воющего Сипайлова под руки и выволокли из салона.

А Ермаков достал платок и тщательно обтер руки — в литературе о Сипайлове шел сплошной негатив, причем и белые, и красные единодушно называли его не иначе как душегубом. Константину минуты хватило, чтобы прокачать этого типа, можно было и не читать — все палачи трусливы и всегда жертв своих обирают. Таких убивать надо как бешеных собак...

Солдат брезгливо сгреб золото со стола и вопросительно посмотрел на ротмистра — «что с ним делать прикажете».

— Завтра этого мародера и убийцу повесим принародно, а золото на грудь прицепим. Пусть его невинные жертвы с того света порадуются! — Ермаков скрипнул зубами и повернулся к Скипетрову.

Тот уже стоял у стенки, вытирая платком сочившуюся изо рта кровь. Рядом застыли два солдата, не сводя с генерала настороженных глаз.

— Свободны, братцы! Оставьте нас с их превосходительством побеседовать, — после брошенных Ермаковым слов все присутствующие поспешно покинули кабинет.

— Присаживайтесь, Леонид Николаевич, — Ермаков радушно показал на стул напротив себя и сам уселся за стол.

Небрежно скинул на пол генеральский револьвер и аккуратно пододвинул к Скипетрову золотые монеты и фотографию. Затем прикурил папиросу и негромко произнес:

— Давайте расставим все точки над «i». Но сначала ответьте всего на один вопрос — кому должны служить русские офицеры? Отечеству или атаману Семенову?

Скипетров затравленно посмотрел на Арчегова, вытер кровь с разбитой губы и тихо

прошепелявил, сплюнув на пол осколки зубов.

— А разве Сибирское правительство есть Россия?

— А вы случаем не еврей, Леонид Николаевич, чтоб вопросом на вопрос отвечать? Ну да ладно, я вам отвечу. Идея единой и неделимой России накрылась медным тазом. Причем с грохотом! У белого движения просто нет сил, чтобы победить сейчас красных. Дай бог самим поражения избежать. Что же говорить о принуждении в «единую Россию» всяких поляков, прибалтов и прочих, за которыми Антанта стоит — прикажете еще с ними воевать, чтоб до кучи было?

Ермаков подчеркнуто аккуратно затушил окурок в пепельнице. Затем расстегнул бекешу и откинулся на спинку стула.

— Сейчас выбор для нас только один — или быть проглоченными советской властью, или создать нормальное правительство независимого государства. По примеру тех же поляков и прочих там эстонцев. И тем самым сохранить надежду на будущий реванш. Не знаю, как вы, но для многих лучше встать под бело-зеленое знамя, чем подыхать в канаве либо жевать горький хлеб на чужбине. К тому же правительство у нас есть, и вполне легитимное — все эти его министры еще год назад приняли декларацию о независимости. А сейчас мы просто к ней вернулись.

— А атаман Семенов, значит, не легитимен...

— Абсолютно верно, хоть и говорили вы с сарказмом. Удержать в порядке территорию от Байкала до Тихого океана, а это добрая четверть, если не треть Российской империи, он не сможет, несмотря на все его дарования. К тому же уже сейчас очень многие считают его не более чем вульгарным самозванцем. Впрочем, такой же самозванец и адмирал Колчак.

— И вы в этом числе...

— Дерзите? — Ермаков широко улыбнулся. — Это хорошо. Вот только вы ошибаетесь. Чин у меня старый, императорского производства. А как только положение выправится, я с удовольствием скину с себя должность командующего действующей армией. Причем сибирских войск уже достаточно, до десяти тысяч бойцов, плюс корабли и бронепоезда. Думаю, через месяц это число более чем удвоится, и я еще не беру в расчет армию Каппеля и войска на Дальнем Востоке. Так что наша Сибирская императорская армия фикцией не является, это вполне боеспособный организм, в чем чехи уже убедились.

Скипетров только покачал головой, снова вытер кровь и с тоскою посмотрел на ротмистра.

— А вот вы, Леонид Николаевич, и есть самый натуральный самозванец. Генеральский чин от Семенова получили. Каково это чины от бывшего есаула получать?! Прямо шайка-лейка какая-то, друг другу чины щедро присваиваете. Каков был ваш чин в императорской армии?

— Подполковник, командир 170-го Молодеченского пехотного полка 43-й пехотной дивизии. Полковника получил при Керенском.

— Хороший чин, что ж его стыдиться. Почему-то все жаждут генералами стать, адмирал их прямо наплодил — на сотню солдат по генералу поставил. И атаман Семенов по этому порочному пути пошел. Сам чинами оброс, как барбос репейниками, и окружение его таково. Нет бы остановить, так сами в этом его поощряете — дай, батька, нам чинов повыше! Мы тебе осанну споем, а ежели прикажешь, то и спляшем. И что же? Начальник контрразведки мало того, что трус и мародер, так вы его на преступления толкаете тем, что на все творящиеся безобразия глаза прикрываете. Вам больно на такое смотреть. По принципу поступаете — он, конечно, сукин сын, но наш сукин сын. И какие же вы после этого вершители судеб всей России...

— Будто у вас таких нет, — тут же огрызнулся Скипетров.

— Есть, — охотно согласился Ермаков, но добавил: — Попытались сейчас сволочи,

затаились. Вчера три десятка расстреляли, а двух офицеров повесили. И еще полсотни в штрафную роту законопатили — рядовыми бойцами вину кровью искупать. Там сейчас даже бывший генерал есть и офицеров уйма. Но всего суток хватило, чтоб всех в чувство привести. А завтра ваших солдат в порядок приводить будем — перед строем Сипайлова повесим, а тех, кто меня тут допрашивал, в штрафную роту отправим.

— И меня? — изумленно спросил Скипетров, сжав окровавленный платок в руке. И тут же громко выкрикнул: — Да я в декабре семнадцатого года в Иркутске с юнкерами первым против красных пошел!

— И их же бросили, сбежали, свою шкуру спасая! Свидетелей тому уйма, я не поленился, многих опросил.

Константин размял папиросу, чиркнул спичкой и закурил, хладнокровно наблюдая, как сдулся Скипетров — против фактов переть трудно.

— Я могу вас отправить, согласно приказу военного министра, в штрафную роту, не доводя дело до суда. Если же вы желаете оспорить мой приказ, то вас ждет разбирательство в военно-полевом суде...

Договорить Ермаков не успел — в двери появился адъютант Пляскин, носивший со вчерашнего утра лычки младшего урядника.

— К вам командующий флотилией капитан первого ранга Смирнов.

— Заходите, Михаил Иванович! Рад вас видеть. И сразу задам вам вопрос — что полагается по артикулу тем офицерам, что оскорбляют командующего, грозят ему лишением живота и притом дерзко отказываются власть признавать? К тому прилагается еще обвинение в мародерстве и бессудных казнях для удовлетворения корыстолюбия!

— Расстрел на месте, без суда и следствия в военное время. А в последнем случае виселица, — моряк обменялся с Константином крепким рукопожатием и с интересом посмотрел на поникшего Скипетрова.

— Раз эта станция под вашей юрисдикцией, то прошу немедленно собрать военно-морской полевой суд для скорого рассмотрения дела генерала Скипетрова, подполковника Сипайлова и еще двух офицеров, чьи фамилии я пока не знаю, но они взяты под стражу — капитан и поручик. Отправьте офицеров к поручику Насонову, он уже ведет следствие.

— Есть, ваше превосходительство! Сейчас распоряжусь, — Смирнов вышел в коридор, а Константин повернулся к Скипетрову.

— Вы примете под командование вторую штрафную роту или под суд предпочитаете пойти?

— Лучше воевать... ваше превосходительство, — с трудом выдавил из себя Скипетров и встал.

— И прошу вас запомнить на будущее — если бы вы говорили вежливо и не оскорбили меня, считая, что вы в полной безнаказанности, то я бы не стал прибегать к жестким мерам. А так — пеняйте только на себя. И погоны снимите, штрафникам они не положены. Через три месяца, если рота храбро воевать будет, штраф с вас снимут и чин подполковника вернут. Убьют — жена получит пенсию по императорскому чину. Все, идите!

— Прошу только за поручика Паршина, ваше превосходительство. Он лишь комендант штабного вагона и к вашему... задержанию никакого отношения не имел. И еще прошу — штабс-капитана Мокшина направьте в штрафную роту, а не отдавайте под суд.

— С поручиком ясно! Но если капитан окажется виновным в мародерстве и бессудных казнях, то ничего сделать не смогу. Повесим другим в назидание, чтоб неповадно было. С женой попрощайтесь. Идите!

Скипетров тяжело поднялся и медленно вышел из салона, где тут же был взят под стражу.

Ермаков, проводив взглядом поникшего бывшего генерала, усмехнулся и закурил очередную папиросу...

Нижеудинск

Сладок сон на коленях любимой и желанной женщины. И особенно он сладок, когда крутом слышится дыхание смерти. Сейчас адмирал был счастлив, он забыл жену с сыном, что нищенствовали в далеком Париже, он забыл, что кругом враждебно настроенные чехи, что в любой момент литерные эшелоны могут быть сметены свинцовым шквалом их пулеметов и снарядными разрывами. Он забыл о партизанах, что жаждали в замершем от страха Нижеудинске его крови, об усталой армии Каппеля, что, надрываясь, шла по снежному бездорожью на штурм Красноярска.

Он сейчас был только с ней, со своей любовью, и сердце билось все медленней, устав от безумной страсти. Адмирал был счастлив...

— Я люблю тебя, милый мой Александр Васильевич, — ее милый шепот ожег ухо, но кровь не закипела как раньше, а только нежность хлынула в суровую душу моряка. Он взял свою Анну Васильевну за руку и поднес ее ладонь к губам, поцеловал дрожащие пальчики, за все благодаря, за все...

— Александр Васильевич, важные новости из Иркутска, — голос Пепеляева и осторожный стук в дверь соседнего купе вырвали Колчака из сладостной неги и вернули его к жестокой реальности гражданской войны.

Он быстро встал, чуть коснулся губами щеки Тимиревой, как бы извиняясь, и стал надевать китель. Анна Васильевна помогла застегнуть на нем пуговицы, и адмирал через внутреннюю дверь зашел в кабинет и прикрыл ее за собой.

— Войдите, Виктор Николаевич, — произнес негромким голосом, открыл портсигар и вытащил папиросу. Дверь тут же раскрылась и вошел Пепеляев, покрасневший, в совершенном расстройстве.

— Александр Васильевич, я только что говорил по прямому проводу с министром внутренних дел Сибирского правительства Яковлевым, который ранее был управляющим губернией.

— Так, — только и произнес Колчак, закуривая папиросу.

Циркулирующие кругом слухи стали получать подтверждение. Ну что ж, пусть даже так, во всяком случае, это лучше неизвестности.

— Сибирское правительство объявляет независимость до победы над большевиками и призывает последних очистить Сибирь и предоставить народам, ее заселяющим, сделать свой выбор путем свободного волеизъявления. В противном случае война примет характер национальной, а не гражданской.

— Дурость, — прокомментировал злым голосом Колчак. — Для большевиков такая декларация послужит, извините меня, туалетной бумагой.

— Правительство признает вас Верховным Правителем России, но после заключения определенного соглашения. Но на каких условиях, я не знаю, министр не стал развивать тему.

— Я сторонник единой и неделимой России, Виктор Николаевич, и не поступлюсь принципами ради иллюзии власти!

— Я это сказал Яковлеву, но он мне ответил, что сейчас нужно спасать от большевиков все, что еще можно спасти. При слабых местных силах просто нет ни малейшей возможности продолжать борьбу за спасение России.

— Кто же входит в их правительство? — с язвительной иронией в голосе спросил адмирал.

— Министр-председатель, с исполнением старой должности министра иностранных дел, по-прежнему Вологодский. Министры Серебренников и Михайлов отвечают за экономику и финансы. Управляющий делами профессор Гинс. Именно они восстановили в действии «декларацию независимости» и воссоздали старое Сибирское правительство прошлого года. Так что в этом плане переворот имеет под собой определенную легитимность. Кроме того, за исключением Яковлева и Гинса, остальные министры — коренные сибиряки. Военным министром назначен полковник Сычев...

— Сычев? Начальник гарнизона? Он же генерал...

— Сибирская армия именуется еще императорской. Там вернулись к чинопроизводству, существовавшему до марта 1917 года. Министром по делам казачества и туземного населения назначен член последних Государственных дум от Забайкалья Таскин. Пост министра юстиции пока вакантен, но на него назначат кого-то из общественных деятелей Приморья. Генерал Хорват назначен вновь управляющим КВЖД. Мне предложили занять пост министра социального развития с подчинением всех ведомств и служб, связанных с вопросами просвещения, здравоохранения, культуры...

— Так, — медленно протянул Колчак, — и что вы ответили?

— Я сказал, что подумаю над его предложением до прибытия Верховного Правителя и литерных эшелонов в Иркутск.

Колчак резанул взглядом бывшего министра-председателя и задумался, машинально тарабанив пальцами по столу. Пепеляев облегченно вздохнул — гневная вспышка, столь частая в последнее время, не случилась. И он, набрав в грудь воздуха, как можно мягче сказал:

— Александр Васильевич! Сибирское правительство намного лучший вариант развития событий, чем эсеровский Политцентр. Уничтожение последнего и нанесение поражения чехам, которые, как вы знаете, во всем поддерживали эсеров, позволит...

Договорить Пепеляев не успел — вагон сильно толкнуло, и бывший председатель правительства с трудом устоял на ногах, схватившись за дверь. По вагону послышались шаги, и за спиной Виктора Николаевича появился начальник охраны полковник Удинцев.

— Ваше высокопревосходительство! Чехи прицепляют паровозы! Отправление через десять минут, эшелоны следуют без остановок до станции Тулун, а потом до самого Иркутска...

Порт Байкал

— Не думал я, что у атамана Семенова в контрразведке такие монстры, — лицо Смирнова было почерневшим от сдерживаемой ярости. — В Омске знали об этом, но масштаб... Сипайлов же душегуб, каких поискать надо. Думаю, что он не один, там еще барон Унгерн есть...

— Тоже душегуб изрядный, — устало согласился Ермаков. — Только бескорыстный, в отличие от этого подполковника. Просто в условиях вседозволенности гражданской войны многие офицеры распоясываются, не сдерживают в себе страшные инстинкты. Я их прекрасно понимаю, они отвечают на зверства врага. Вся штука только в том, что тем самым мы становимся на одну с ними доску. Я могу сказать одно — большевизм можно победить и большевизмом, но вот останемся ли мы после этого людьми...

— А что же делать? — растерянно промолвил моряк.

— Упорядочить все, узаконить. Пусть будут драконовские суды, но они должны быть. А села не нужно сжигать ни в коем случае — еще римляне говорили «разделяй и властвуй». Всегда будут те, кто предпочитает трудиться, а не партизанить. Причем их намного больше. Вот

на них и надо делать ставку, просто купить их лояльность. А упертых нужно всех вырезать. Можно и с семьями, чтоб потом юные неуловимые мстители не выросли...

— Как вырезать?! Всех?! Ведь нельзя солдат на такое пускать! Это же их разложит, это же не солдаты станут, а...

— Успокойтесь, Михаил Иванович. Для таких грязных, но нужных дел, да — нужных, есть китайцы. Из них сейчас Маньчжурский батальон сколачивают, и туда же штрафников определяют. Думаю, через дня три-четыре мы всех черемховских шахтеров раздавим, как клопов. Работать они все равно не будут, анархисты поголовно. Их в живых оставлять нельзя!

— А кто уголь добывать станет, Константин Иванович? Солдат на шахты отправите?!

— Там две тысячи китайцев до сих пор уголек рубят, а за труд ни хрена не получают. Потому что всю заработанную денежку кидают в общий котел и на наших лодырей делят. Вы знаете, сколько трудодней отработал каждый русский шахтер в прошлом году?

— Нет...

— Ровно двадцать. А казенные деньги им выделили за триста дней! В чем причина такого числа прогулов — день отработал, две недели прогулял? В пьянстве! Вы же в Омске сами их и спаивали. Только летом сообразили и стали завозить китайцев, но поздно. И как сейчас их заставить работать?

— Не знал, — пожал плечами Смирнов. — Да и никогда над тем не думал, меня флотские дела одолевали.

— Зря! Если мы хотим в Сибири удержаться, то должны всемерно опираться на трудящиеся слои населения, обеспечивать им спокойствие и порядок. Это элементарно — сытому и довольному человеку революции не нужны, если он не идиот и не раб своих безумных идей. Возьмите тех же радикальных интеллигентов. Ну а тех, кто ратует за «новый мир», типа всех ограбить и поделить, таких надо ликвидировать как класс, благо время позволяет. Вот потому в том же Иркутске патрули свирепствуют — и всех пойманных на месте преступления расстреливают. Нам воров, насильников и прочей опасной шушеры не надо. Их истреблять нужно активней, чем большевиков, дабы население увидело во власти защиту и гаранта спокойствия. Тем более вагоны с трофейным добром уже начали на народные нужды передавать.

— Понятно. Но на флоте никогда не интересовались политическим устройством, социальными учениями...

— И получили Кронштадт, броненосец «Потемкин» и нынешнюю матросню, что режет всех подряд без угрызений совести. А потому все морские офицеры должны ежеминутно держать матросов под контролем, заниматься с ними, объяснять, как говорится, политический момент. Кормить и одевать качественно, не скупясь и не воруя. И выявлять потенциальных мятежников. Самим выявлять, на контрразведку не надеясь. Этим вы и должны заняться в первую очередь. На всем флоте в целом!

— Меня опять хотят поставить на должность морского министра? — моряк напрягся, черты лица заострились. Он сейчас напоминал Ермакову гончую, что встала в стойку, обнаружив присутствие дичи.

— Должности морского министра не будет, как и самого министерства. У нас всего населения, включая туземцев, меньше трех миллионов. Потому плодить министров и генералов не только неразумно, но и обременительно для финансов. А потому правительство приняло решение назначить военному министру трех заместителей, в ранге «товарищей», с четко разграниченными полномочиями. Начальником Генерального штаба временно назначен полковник Вагин, бывший начальник окружного штаба. Звезд с неба не хватает, но за неимением гербовой пишут на простой, — Ермаков пожал плечами и улыбнулся, ибо сей

полковник не более чем калиф на час. Как только к Иркутску подойдет армия Каппеля, на эту должность будет назначен один из опытных строевых генералов.

— Командующим военно-морскими силами назначены вы, дражайший Михаил Иванович. Со всеми вытекающими из этой должности правами и обязанностями. Скажу сразу — правительство выделяет в следующем году на содержание флота десять миллионов рублей золотом. И еще столько же на ремонт и закупку кораблей, создание флотских запасов. Этого хватит?

— Более чем достаточно! Введем в строй половину амурских мониторов и канонерок,отремонтируем во Владивостоке корабли Сибирской флотилии. Правда, на закупку флотского имущества и топлива уйдут почти все деньги, и закупить удастся только малые бронекатера и, может быть, парочку сторожевых катеров нового типа.

— Наскребете там, ужометесь в другой статье, сэкономите в третьем — и еще на парочку соберете. Только расходы на содержание и довольствие экипажей не сокращайте, такая экономия будет вредна. Офицеров сейчас более чем достаточно, потому производств не будет, а морское училище переводите на программу мирного времени. Вот вам новое положение о военных чинах и службе. — Константин положил на стол небольшую брошюру и добавил: — Это сигнальный экземпляр, отпечатан на машинке. Правительство вечером утвердило, а в типографию только завтра отдадут.

— Немедленно приму к выполнению, ваше превосходительство...

— Оставьте этот чин, с первого января не вы меня, а я вас так называть буду. Ибо правительство, в порядке исключения, постановило произвести вас в контр-адмиралы. Чины генерал-майоров получают Сычев, как военный министр, и атаман Иркутского казачьего войска Оглоблин. Офицеры на строевых должностях в действующей армии и на кораблях производятся на один чин выше, чем у них был в императорской армии, за исключением, понятное дело, генералов, полковников и капитанов первого ранга.

— А вы, Константин Иванович?

— В порядке исключения мне и атаману Семенову присвоены чины полковников. Вернее, Григорий Михайлович стал войсковым старшиной, по новому положению этот чин равен полковнику. Он займет должность походного атамана всех казачьих войск. Я же передаю командование армией генерал-лейтенанту Лохвицкому, а сам становлюсь его заместителем, таким образом, будет совершена рокировка. Да и то на время — я буду командовать авангардом до соединения с войсками генерала Каппеля, а там ухожу с должности...

— Я не буду принимать командование флотом, — после долгой паузы угрюмо произнес Смирнов. И вскинул на Ермакова гневно заблестевшие глаза: — Я считаю, что вы единственный генерал, который смог бы вытащить нас из этого, извините, дерьма. За вами шли только победы, мы все почувствовали свои силы. Я не одобряю решение правительства и не буду принимать должность. Прощу, ваше превосходительство, передать мое мнение и рапорт правительству и военному министру...

— Не торопитесь, Михаил Иванович. Я искренне благодарю вас за поддержку, но все дело в том, что я сам отказался и от командования армией, и сам настоял на назначении генерала Лохвицкого.

— Почему?!

— Я поменял командование на должность помощника военного министра, командующего войсками специального назначения. Они еще не созданы, но секретное постановление правительства и приказ военного министра подписаны вчера. Я буду формировать и обучать войска нового типа, те, кто в дальнейшем будет вести «малую войну». Проводить специальные операции, вроде той, что мы с вами сделали в Глазково, когда захватили чешский бронепоезд и

штаб НРА. А также совершать диверсии, проводить войсковую разведку и прочие, очень нужные для армии и флота действия.

— Для флота?! — изумление Смирнова было искренним.

— Вот, кстати, посмотрите сейчас эти чертежные наброски нового оружия, — Ермаков протянул моряку листок бумаги. Тот схватил его, жадно просмотрел глазами.

— Похоже на две сочлененные торпеды калибра 21 дюйм, причем верхняя явно управляемая. Для чего?

— Можно вначале задать вам всего один вопрос? Прежде чем понять, какой нам сейчас нужен флот, нужно ответить на один лишь вопрос — против какого противника?

Смирнов задумался, повертел в пальцах листок бумаги. Чему-то усмехнулся и поднял на Ермакова удивленные глаза.

— А ведь вы правы — кроме как партизан или китайцев, нам и воевать сейчас не с кем. Если с японцами мы договоримся, то они вряд ли потерпят, чтобы какая-нибудь третья страна развязала против нас боевые действия.

— Вы правы. А потому мы должны наращивать только речные флотилии, причем такими кораблями или катерами, что могут быть переброшены по железной дороге. На Амуре достаточно мониторы и канонерки отремонтировать, ну, катеров чуток прикупить. А Тихоокеанский флот, — Ермаков сознательно употребил это слово, — пока не нужен. За исключением сторожевых кораблей и катеров. Но это не означает, что мы не должны всемерно развивать прибрежную инфраструктуру, готовить морские кадры и покупать новые корабли. Должны, обязаны. Представьте, что просвещенным мореплавателям моча в голову ударила, и они отправили эскадру. Или японцы решили захватить Сахалин и Камчатку. Можем мы им противодействовать на море?

— Нет! — резко произнес Смирнов. — У нас практически нет боеспособной морской силы. Отразить десант мы не сможем.

— А если в течение трех лет правительство вам будет выделять на корабли по десять миллионов ежегодно?

— Этих денег едва хватит на парочку легких крейсеров или один старый линейный корабль.

— Вот потому-то вы должны создать флот нового типа, ибо при нашей нищете и малолюдстве потянуть корабли крупнее пятисот тонн мы не сможем. Вы видели, как атакуют москиты или дикие пчелы?

— Бог миловал, не кусали. Но знаю от других, что от пчел спасаются бегством и медведи.

— А что может быть числом побольше и подешевле, от чего побегут или пойдут на дно линкоры?

— Если не брать в расчет корабельную и береговую артиллерию, то это могут быть только мины, ибо наши эсминцы мало способны к выходу в открытое море, а подводных лодок у нас нет...

— Не только. Поверьте, но скоро главным врагом корабля станет аэроплан, вооруженный торпедой или бомбой. Англичане топили в Дарданеллах турецкие корабли. Гидросамолеты Черноморского флота, как я знаю, не только бомбили те же турецкие пароходы, но даже потопили один. Так?

— Совершенно верно. Было такое дело.

— Купить много аэропланов и катеров мы не сможем, денег мало. Но купить надо. Чтобы отработать способы атаки, подготовить людей, понять наиболее эффективные стороны нового оружия. Я думал на досуге о перспективах развития флота, и, если вы пожелаете, то могу поделиться своими соображениями. Чисто дилетантскими, конечно, ведь я не моряк.

— Я вас с нетерпением слушаю!

— Большие корабли, типа линкоров, крейсеров и эсминцев нам не нужны, вернее, мы сейчас их просто не осилим. Может быть, лет через двадцать. Чтобы отразить нападение любого противника, а серьезным противником мы можем считать только японцев, мы должны заняться развитием военно-морских баз, портов, аэродромов и взлетно-посадочных полос по всему протяжению побережья, включая Камчатку. Нужно создать эффективную и живучую систему связи как по радио, так и с дублированием по проводам. Это потребует от казны уйму денег, как и покупка транспортов, ледоколов и вспомогательных судов. Но без таких затрат базировать флот мы сможем только в двух-трех пунктах, которые без труда вражеские корабли могут легко блокировать и расстрелять из крупнокалиберных орудий.

— На дилетантские такие рассуждения не похожи, — задумчиво покачал головой Смирнов и тут же попросил: — Прошу вас продолжить.

— Что касается собственно боевого корабельного состава. Дотянуться до значимых коммуникаций европейских стран и САСШ мы не можем из-за огромных расстояний. А один или два крейсера, которые можно приобрести с огромным трудом, будут быстро потеряны. Вспомните о судьбе германских рейдеров «Эмдена», «Кенигсберга» или «Дрездена». Да судьба той же эскадры адмирала фон Шпее.

— Совершенно верное заключение.

— Что же требуется для срыва набеговых операций тех же держав или воспрепятствования активным действиям японского флота, который прибегнет к десантам? Нам нужен большой и хорошо подготовленный «москитный флот». В первую очередь это торпедные катера. Сейчас они есть в английском флоте и довольно успешно проявили себя в этом году при атаке Кронштадта, где ими был поврежден «Андрей Первозванный» и потоплен блокшив «Память Азова». Один из катеров торпедировал крейсер «Олег» в открытом море, и корабль утонул за четверть часа. У англичан два типа катеров — «40-футовые» и «55-футовые», с одной или двумя торпедами, реданного типа. Развивают больше 40 узлов, однако годны только для тихого моря. Во избежание потерь от скорострельной артиллерии метут атаковать только в ночную пору или сумерках. Мы должны приобрести пять катеров немедленно, но лишь для ознакомления. Они просто не годятся для нашего театра и к тому же имеют малую дальность хода.

Константин выкладывал адмиралу все когда-либо читанное про торпедные катера и сейчас хотел рассказать о немецких «шнелльботах» периода Второй мировой войны.

— Сейчас нужно думать над тем, как в водоизмещение мореходного катера, по сути малого миноносца, не больше 150–200 тонн, втиснуть большую дальность плавания до двух-трех тысяч миль, ход в 30–35 узлов и приличное вооружение в виде двух торпедных аппаратов с запасными торпедами и пары мелкокалиберных пушек. Ведь эти катера могут выполнять и сторожевые функции, охотиться за подводными лодками, даже быть тральщиками в случае нужды. Этот катер должен стать универсальной боевой «лошадкой» нашего флота и оснащаться мощным дизелем. Такие двигатели уже производят в Германии. Вот набросок, сделал на досуге.

Смирнов вцепился в листок бумаги мертвой хваткой голодного пса, который получил долгожданную кость. Поднял оторопелый взгляд на Ермакова, как бы требуя «продолжения банкета».

— Еще одним видом оборонительного прибрежного оружия являются мины. На подходах ко всем базам мы должны выставить мощные заграждения с началом войны. Вываливать мины за борт можно и с обычных пароходов, но лучше иметь специализированные корабли, тем более что сейчас, именно сейчас, можно приобрести по бросовой цене довольно приличные минные заградители и тральщики. Я имею в виду германские корабли типа «М». При небольшом водоизмещении они могут выставить три десятка мин и имеют хорошую живучесть, что

немаловажно для судов этого типа. Вооружение из двух четырехдюймовых орудий позволит применять их как канонерские лодки и сторожевые корабли. Мы можем иметь еще один удачный тип универсального корабля. Деньги на закупку правительство выделит, отдайте только распоряжение морскому агенту в Швеции. Сейчас немцы заканчивают разминирование и корабли должны будут продать. Вот и надо успеть перехватить их у бедных стран типа Колумбии, Польши, Латвии и прочих. Этим делом вам надо заняться немедленно, а заодно завербовать на службу немецких моряков, благо они на родине зубами щелкают от голода. Да, кстати, как там «мои» немцы, службу тянут?

— Отличные матросы, нам побольше бы таких, — механически ответил Смирнов, напряженно думая о чем-то. А Ермаков продолжил выкладывать дальше чужие соображения более поздних времен.

— Еще одной составляющей нашей оборонительной «триады» должна стать авиация. В конце прошлой войны англичане создали довольно неплохой одномоторный торпедоносец «Сопвич» типа «Куку» для атаки германского флота. Нынешним летом англичане провели секретные учения — дюжина этих аэропланов атаковала на рейде эскадру линкоров, добившись семи попаданий по пяти кораблям из шести...

— Не может быть! — потрясенно вымолвил Смирнов и широко открытыми глазами вперился в Константина. А тот, будто не замечая такой реакции адмирала, спокойно продолжил:

— Можно было бы купить парочку для ознакомления, но не стоит возиться, они нам не продадут. А потому нужно обратиться к САСШ. Дело в том, что у американцев есть очень приличный двигатель «Либерти» в 400 лошадиных сил. Нам надо покупать самолеты только с этим движком — унификация отнюдь не пустой звук, она серьезно облегчает освоение техники и обучение людей. Кроме того, значительно облегчается ремонт и можно создать солидный резерв запчастей. У янкесов есть очень приличный фронтовой разведчик «Де Хавиленд», выпускаемый фирмой «Кертисса» по английской лицензии. Однако для флота он не годится — малая дальность и грузоподъемность. Их можно поставить на поплавки и использовать как гидросамолеты. Вот для чего нам нужно переоборудовать баржи на Ангаре и Амуре. Для нужд армии и флота сотня таких машин настоятельно необходима. Я уже говорил с министрами, и они согласились раскошелиться на 3 миллиона рублей. Для ударной силы флота мы закупим двухмоторный бомбардировщик «Мартин», при дальности полета в 500 миль он может нести торпеду или бомбы массой в полста пудов. Американцы уже экспериментировали с ним в качестве торпедоносца, и нам не грех. Ибо атака десяти самолетов торпедами со всех румбов позволит утопить или повредить любой линкор. Для начала на таком количестве и остановимся, апробируем оружие, выработаем приемы. И все — потом ближе чем на 200 миль противник к побережью не сунется. Десант и корабли придется прикрывать истребителями, а для этого нужны гладкопалубные авианосцы. А они есть только у Англии, типа «Аргуса» или переоборудованного «Фьюриеса». Да и японцы сейчас строят один малый корабль этого типа, вроде «Хосе» его именуют.

Ермаков отпил теплого остывшего чая — в глотке пересохло. На адмирала Смирнова было больно смотреть, моряк осунулся, меланхолически гремел ложкой в стакане с чаем, но не пил. «Будь что будет, но я ему все выложу», — решил Ермаков и продолжил свой монолог.

— Главным наступательным оружием флота должны стать подводные лодки и силы СМДО. Начну с первых. В САСШ необходимо каждый год закупать по одной, две лодки типа «АГ». При меньшем водоизмещении, чем у наших «Барсов», она имеет вдвое большую дальность и четыре торпедных аппарата. Конструктивно более продумана, да и ее техническое исполнение лучше. В случае войны эти лодки могут сорвать перевозки из Китая, в частности из

Шанхая, любой европейской державы. Это единственное, что мы сможем сделать. Если же войну с нами начнет Япония, то мы сможем нанести значительный урон ее морской торговле, благо дотянемся до ее берегов. Усиление нашего флота ее насторожит, но иначе нельзя — со слабым соседом она будет наглой до неприличия, а так будет чуть опасаться и уважать. К тому же, я так считаю, с покупкой субмарин и аэропланов в САСШ у нас не будет затруднений политического плана, хватило бы денег. В Америке пытаются сдерживать аппетиты Японии, вот нам и надо сыграть на межимпериалистических противоречиях...

— А что такое СМДО? — каким-то треснувшим голосом прохрипел моряк, подняв на Константина печальные глаза — в них, как показалось Ермакову, стояла вселенская скорбь.

— Специальные морские десантные отряды. Вернее, диверсионные, но это слово не следует употреблять по соображениям секретности. Тщательно отобранные и подготовленные офицеры в легководолазном снаряжении с аквалангами, имея специально сконструированные мины, смогут проводить диверсии на рейдах и базах, цепляя их на уязвимые точки днища. Кроме того, нужно использовать управляемые торпеды, чертеж их вы уже видели, а также диверсионные мини-субмарины. Моряков СМДО можно именовать «боевыми пловцами», и причинить урон противнику они могут немалый. В ту войну диверсанты взорвали нашу «Императрицу Марию» и итальянские линкоры «Леонардо да Винчи» и «Бенедетто Брин». Как видите, польза от их деятельности может быть огромная, а затраты минимальны. Строительство линкора будет на порядки больше...

— Больше, — тусклым голосом согласился адмирал, а Ермаков подумал, что бы сказал адмирал, если бы прочитал мемуары князя Боргезе, командира 10-й флотилии MAS, который окаянствовал в Средиземном море, или Клауса Беккера, который написал книгу о немецких морских диверсантах. Да что книги — адмиралу бы просто посмотреть кинохронику об авианосных сражениях на Тихом океане, вот тут его кондратий бы прихватил сразу...

— Кто вы есть на самом деле?! — все тем же надтреснутым голосом неожиданно спросил моряк. — Этого просто не может знать ни один кавалерийский офицер, даже семи пядей во лбу, и будь он трижды военным гением. У вас знания, которых у меня нет, а я флоту посвятил всю свою жизнь. Но вы не моряк, тут я нюхом чую, нет у вас этого. Хотя что-то такое специфическое есть. Ответьте мне честно на один вопрос...

Ермаков сжался внутри, он предполагал, какой вопрос должен последовать, но был сильно удивлен, когда адмирал спросил:

— Вы сможете более подробно рассказать о действиях английских моторных катеров при набеге на Кронштадт?

— Смогу, — честно ответил Константин и напряг мозг. Странное дело, но память стала намного лучше, он припоминал все, что хотя бы однажды не то чтобы читал, просто просматривал.

— Операция была подготовлена...

— Достаточно, прошу вас, — Смирнов неожиданно остановил его. — Теперь я уверен, знаю, что вы знаете! А этого никто здесь не знает и не может знать, даже я. Только слухи и неясные сведения. А потому либо вы черпаете свои сведения от англичан, что совершенно невозможно, либо вы не тот, кем вас считают. Я даже боюсь помыслить, кто же вы на самом деле...

— Верите ли вы в его предначертание?! Верите ли, что он может вложить в душу и ум знания и умения будущих времен?! — Ермаков встал и размашисто, истово перекрестился. Расстегнул ворот кителя и, достав нательный крест, поцеловал его. Он не лгал — только благодаря его воле и провидению его душа оказалась в другом теле и в иное время.

— Верю! — лицо адмирала неожиданно просветлело, он встал и осенил себя широким

крестом. И почти торжественно и громко произнес, будто присягу принимая: — Верю, а потому и вам сейчас поверил! Он хранит Россию!

Ермаков незаметно вздохнул с облегчением. Все же сейчас начало XX века, а не его конец с атеизмом и похренизмом. Люди здесь, в большинстве своем, верующие, даже контр-адмирал Смирнов. Это вам не прожженный и безбожный циник Яковлев, что без четкого обоснования, на одну лишь веру, ничего не принимает. А без веры на море жить трудно, Никола-угодник неверующих не хранит...

— Я не могу сейчас сказать вам правду, она слишком невероятна. Но я поведаю вам ее позже. А пока, если вы не против, вернемся к нашей беседе.

— Да, конечно, прошу простить меня. Я внимательно вас слушаю.

— Под мое начало перевели егерский и десантно-штурмовой батальоны. Второй можно будет в будущем смело называть диверсионным, но только в частном порядке, между нами. Вот только обучение их придется оплачивать кровью, на ходу. Но это так. Здесь, под Иркутском, нужно создавать учебный центр войск специального назначения. Вот там и учить самым серьезным образом офицеров, в том числе и флотских. И вот здесь нужна ваша помощь...

— Любую помощь я немедленно дам. Все, что от меня зависит!

— Вашу морскую пехоту надо обкатать в боях. И еще нужны офицеры флота, добровольцы из тех, кто склонен к авантюрам и риску. Нужно их тщательно отобрать и вписать в морскую пехоту. Получат навыки пехотного боя, а потом уже можно будет начать их подготовку и в дальнейшем пополнять только кадрами из морской пехоты.

— Морскую пехоту можете немедленно забрать, используйте ее по своему усмотрению. Двух офицеров флота я вам прикомандирую прямо сейчас, они уже подали рапорта о переводе в ваш батальон. Это старший лейтенант Тирбах и мичман Дмитриев. Еще десять офицеров я отберу тщательно, в самые короткие сроки.

— У меня к вам еще одна, не совсем обычная просьба. Армия Деникина отступает — война на юге России белыми фактически проиграна, и сейчас мы будем наблюдать длительную агонию. Вы не можете отдать задним числом, от имени морского министра, телеграмму на Черноморский флот? Потребуйте, прикажите, попросите, в конце концов, эвакуировать в Крым из Одессы и Николаева все недостроенные, но более-менее подготовленные корабли. Это крейсер «Адмирал Нахимов», эсминцы «Занте» и «Цериго», подводные лодки «Лебедь» и «Пеликан», несколько канонерских лодок типа «Эльпидифор». Намекните, что Сибирское правительство в самом скором времени выделит деньги на достройку кораблей или в Крыму, или на иностранных верфях. И еще одно — флот должен помочь генералу Слащеву удержать крымские перешейки, ибо никто другой это не сможет сделать. Нужно сохранить осколок русской государственности в Крыму. Любой ценой сохранить, — Ермаков с ожиданием посмотрел на напрягшегося адмирала.

— Я не совсем ясно понимаю, откуда вы черпаете такие сведения. Но я вам полностью верю. Телеграмму подготовлю сейчас же и немедленно отправлю. Любая проволочка, как я понимаю, может обернуться катастрофическими последствиями.

— Попросите вице-адмирала Саблина удержать любой ценой Таманский полуостров. И подготовить эвакуацию войск из Одессы и Новороссийска заблаговременно. Она будет в первом городе в конце января, во втором в середине марта. И последствия будут действительно катастрофическими, если заранее не принять неотложных мер.

— Я не спрашиваю вас ни о чем, — голос адмирала ощутимо дрогнул, — но я думаю, что вы вовремя предупредили...

— Я говорил с министрами, и они согласились выделить из золотого запаса империи до ста миллионов рублей на спасение Крыма. Постараемся к середине января выслать во Владивосток

четверть суммы на оплату закупок угля, продовольствия и снаряжения. Попробуем у японцев зафрахтовать пароходы. И еще одно — если чехи разоружатся, а я в этом почти уверен, то оружие их первой дивизии, что сейчас в Приморье, отправим транспортом в Крым. Вместе с золотом. Дайте приказ на подготовку лучшего корабля, нужно подобрать экипаж, хоть гардемарин и немцев перевести.

— Вспомогательный крейсер «Орел» капитана первого ранга Кितिцына вполне подойдет. И транспорт «Шилка» тоже надежен. Я немедленно телеграфирую Федосееву.

— Ну вот и ладненько. Надо ехать в Иркутск, Сипайлова и без нас повесят. Кого на флотилию поставите?

— Капитана вто... первого ранга Фомина.

— Хорошо. Немедленно отдайте приказ о назначении по флотилии. Да, кстати, ледокол «Байкал» вы смотрели?

— Отремонтировать можно. Корпус и машины в целости, сильно выгорела только надстройка да угольные ямы. Но целесообразен ли ремонт?

— Паром нужен, не дай бог что-нибудь с туннелями произойдет, от землетрясения до диверсии. А потому назначьте капитана и приступайте к ремонту, благо в Лиственничном док есть. С Михайловым переговорю, он, думаю, не откажет в средствах, — Ермаков почесал переносицу, но тут что-то вспомнил, улыбнулся и снова заговорил:

— Да, вот еще что. В Иркутске на Иннокентьевской много эвакуированных ижевских и воткинских рабочих с семьями, сказали, что чуть ли не тысяча человек. Там еще много рабочих оружейного завода, их эвакуировали из Мотовилихи, с оборудованием и станками. Я немедленно разберусь, что к чему, оружейников пристрою к делу. А воткинцев отдам вам — они пароходы на Каме строили и ремонтировали. Часть здесь оставьте, а часть перевезите в Хабаровск или Владивосток, пусть корабли ремонтируют. И берегите их, устройте получше, снабдите питанием, одеждой и жильем. Эшелоны для перевозки сегодня выделяю, вместе с трофейным добром. Пока еще это смогу сделать. Для нужд флотилии и рабочих. Они ведь наглядный пример против любой большевистской агитации...

Иркутск

— Петр Васильевич, мы только что имели долгую и содержательную беседу с консулом Като и главой японской военной миссии полковником Фукудой, — Серебренников возбужденно протер платочком свой широкий лоб и удобнее уселся в кресле.

Военный министр присел в соседнее кресло, перехватил шашку и поставил ее между ног. Сычев не стал снимать шинель, полковник торопился и не скрывал своего нетерпения. Ефим Георгиевич даже заерзал в кресле, он физически ощущал стремительный бег времени.

Вологодскому нездоровилось уже две недели, и даже натопленная печь не могла изгнать из его тела, отнюдь не старого (председателю не было и шестидесяти лет), ледяной холод, разогреть продрогшую плоть. Он полусидел на широкой кровати, подложив под спину подушки.

— И каковы итоги переговоров? — чуть дрожащим и тягучим голосом спросил Петр Васильевич, накинув на колени одеяло.

— Япония предложила контракт на поставку оружия и патронов на тех же условиях оплаты, что были предложены в сентябре этого года. Как вы знаете, тогда правительство понадеялось на выполнение контрактов САСШ и руководствовалось соображениями, что по ряду военно-технических свойств японское вооружение не подойдет для нашей армии...

— А сейчас эти свойства разве изменились? — Вологодский закашлялся, вытер платком

губы. На прикроватной тумбочке стояли какие-то стаканы с питьем и лекарственные порошки — председатель взял один стакан и отпил из него густого коричневого отвара.

— Дело в том, что калибр японских винтовок намного меньше и наших, и американских. Разнотипность оружия не принесла бы пользу нашей армии, — очень осторожно ответил военный министр.

— А сейчас уже принесет? — в голосе Вологодского явственно прозвучала нескрываемая ирония.

— Да! — твердо ответил Сычев. — Ибо поставка позволит перевооружить всю сибирскую армию, которая значительно уменьшилась в результате крушения Восточного фронта, одним лишь японским оружием.

— Хорошо, я понимаю. Каковы размеры поставок, сроки и условия?

— В течение трех месяцев с момента подписания контракта, а он может быть подписан немедленно, Япония поставит 30 тысяч винтовок и 20 тысяч карабинов на четыре с половиной миллиона иен. В течение года будет осуществлена ежемесячная поставка 10 миллионов патронов, стоимостью миллион 150 тысяч иен. Цены полностью сопоставимы с американскими, а винтовки даже чуть дешевле. Кроме того, в любое время может быть отгружено обмундирования на восемь с половиной миллионов иен и различных технических средств связи, в чем остро нуждается наша армия, еще на один миллион 700 тысяч иен.

— Что касается условий, — вклинился Серебренников, — то в качестве оплаты японцы согласны взять не только валюту, но и золото по довольно высоким расценкам.

— Японцы предложили начать поставки полевой артиллерии, легкой и горной, до ста орудий, а также тяжелые пушки и гаубицы, — Сычев несколько бесцеремонно перебил министра экономики. — Кроме того, может быть поставлена броневая сталь для блиндирования поездов и увеличено число японских инженеров и техников на наших железных дорогах.

— Как я понимаю, такое предложение они сделали не из расчета получения оплаты?

— Прямо ни Като, ни Фукуда не говорили, но, по сути, от нас просили рассмотреть те условия, которые Япония неофициально предлагала весной.

— И что вы им ответили, Иван Иннокентьевич?

— Ответил, что мы не можем сейчас делать Владивосток открытым портом, ибо это обрушит нашу слабую промышленность. То же самое касается свободы мореплавания по Амуру и Сунгари. Но оговорился, что можем предоставить Японии режим наибольшего благоприятствования. Что же касается перегона Чаньчунь — Харбин, то все вопросы, связанные с КВЖД, требуют от наших стран особого рассмотрения. Уступку или продажу северной части Сахалина я отверг категорически, но предложил вести совместную добычу нефти и предоставить аренду каменноугольных копей. Что касается беспрепятственной ловли рыбы по всему Дальнему Востоку, то я заявил, что она может вестись только на условиях концессии.

— И что японцы?

— Мне показалось, — в разговор вошел и Сычев, — что они вяло интересовались всеми условиями, особенно после того, когда я завел речь о передаче частичных полномочий на КВЖД. Здесь они резко оживились...

Ефим Георгиевич чуть кашлянул, вспомнив, как Арчegov предложил ему бросить японцам, как он образно выразился, «эту дохлую собаку». И сам военный министр понимал, что удержать КВЖД от притязаний китайцев сложно, а потому он и предложил японцам обмен — они снимают претензии и оказывают реальную помощь, в том числе и в обуздании Семенова, а в обмен и в погашение российских долгов получают КВЖД. Но только после наведения порядка на Транссибе по Амуру.

Предварительный разговор с Вологодским на эту тему был, а потому Сычев ждал его ответа

с понятным ожиданием.

— Ну что ж, с экономической точки содержание дороги нам в убыток, но тут сильное политическое составляющее. Японцы, как я и думал, охотно согласятся нам уступить во всех пунктах, лишь бы получить преобладание в Маньчжурии. Ведь удержать последнюю мы не в силах, — Вологодский откинулся на подушки и устало прикрыл глаза. Потом негромко спросил:

— Вы уточнили им наши пожелания, Иван Иннокентьевич?

— Вернее, намекнули, Петр Васильевич. Признание де-факто, а потом и де-юре, без чего не может быть уступки КВЖД, обуздание Семенова и прочих атаманов, списывание долговых обязательств любых российских правительств, помощь в разоружении чешских войск, вывод японской армии в течение полугода. И оказание военно-технической помощи за наличный расчет.

— Хорошо. Теперь японцы узнают о наших переговорах с американцами и, надеюсь, станут посговорчивей. Хотя переговоры с ними будут идти долго, возможно в течение года, а то и двух, пока мы не покончим с партизанщиной и красными на Дальнем Востоке и не удержим советские дивизии здесь, под Тайшетом или Нижнеудинском.

Вологодский замолчал, а Сычев с Серебренниковым облегченно вздохнули — японская помощь значила много, но более важна была ее позиция в поддержке атаманщины. И если Япония переориентирует свои интересы, то у новоявленного Сибирского правительства появится прекрасная возможность удержаться у власти и остановить продвижение большевизма...

— Сколько нам нужно заплатить Японии? — Вологодский вернулся от политических мыслей в конкретное денежное русло.

— За контракты на обговоренные поставки мы должны выплатить 30 миллионов иен, или почти 20 миллионов золотых рублей. Поставка пушек и гаубиц, двухсот пулеметов, снарядов и другого военного снаряжения, а также пуль, пороха, капсулей и оборудования для трех мастерских, на которых будут снаряжать патроны из стреляных гильз, обойдется нам в 15–20 миллионов золотых рублей.

— Хорошо. Спасибо вам, Ефим Георгиевич. Идите, я вижу, вы торопитесь, — Вологодский протянул военному министру мягкую потную ладонь, незаметно вытерев ее об одеяло. А после ухода без сил откинулся на подушки и закрыл глаза. И надолго замолчал.

Серебренников долго ждал. Но когда он захотел встать и тихо выйти из комнаты, чтобы не разбудить спящего, как ему показалось, Петра Васильевича, то Вологодский неожиданно заговорил:

— Мы сделали очень большую ошибку, когда поддались уговорам Яковлева и Сычева, которые предложили снять полковника Арчегова с командования Сибирской армией. Я думаю, нам не надо вводить этот указ, а положить его в корзину. Я не стану его подписывать...

Серебренников облегченно вздохнул — ему не понравилась назойливая настойчивость двух силовых министров. Ведь они почти потребовали, чтобы правительство немедленно удовлетворило рапорт Арчегова и назначило командующим генерала Лохвицкого.

— Он один сможет уравновесить и бонапартистские притязания Сычева, и амбиции Яковлева, и быть противовесом Семенову, — Вологодский снова отпил лекарство. — А ведь еще есть Колчак и армия генерала Каппеля... А потому, Иван Иннокентьевич, рапорт Арчегова не удовлетворять, наоборот... Пусть он остается командующим Сибирской армией. Этот молодой человек уже доказал, что на него стоит опереться, он не честолюбив. И не Сычев, что приписывает себе чужие мысли и заслуги. А генерала Лохвицкого... Нужно провести в обход Сычева его назначение на должность командующего войсками Иркутского военного округа. Он

лютый противник нашим казачьим генералам... А я не хочу омского повторения...

— И я не хочу, — после долгой паузы отозвался Серебренников. — Но меня беспокоит другое...

— И что вас тревожит, дражайший Иван Иннокентьевич?

— Арчegov! Вернее, тот, кто за него себя выдает! — резанул Серебренников и возбужденно потер ладони друг о друга.

— С чего вы взяли? — Вологодский чуть улыбнулся бледными губами.

— Он в академии Генерального штаба не обучался, тогда откуда у обычного кавалерийского офицера такие глубокие познания?! У него государственное мышление, но ведь и в университете он не учился?! Чем объяснить превосходное знание японского языка — с ними он не воевал по молодости, в Восточном институте не обучался, да и вообще, первый раз за Урал только в прошлом году попал!

— Не горячитесь, мой друг, — мягко остановил министра экономики Вологодский. — Наш полковник есть именно тот Арчegov, настоящий. Его знают многие — есть и штабные офицеры, и врач, к которому он обращался в прошлом году по поводу частичной амнезии от полученной контузии, есть и жена, и денщик, в конце концов. Это настоящий Арчegov, а не мистификация, поверьте мне как юристу, — Вологодский приподнялся на кровати, взял стакан и отпил лекарство. Затем снова откинулся на подушки, устало прикрыв глаза. Прошла минута, прежде чем он заговорил снова.

— Хотя, тут я согласен с вами, в этом деле слишком много странностей. Знание японского, английского и немецкого языков? Не вижу криминала, тем более сие знание полковник не скрывает уже несколько дней. Шпионы так себя не ведут. Да работай он на любую державу, я все равно буду одобрять его деятельность. Ибо все, что он совершает, идет на наше благо и во вред большевикам. Яковлев опасается, что он монархист? Хм... Сторонник конституционной монархии не может быть «чистым» роялистом по определению. Михайловец? Ну и что ж такого! Важно то, что Михаил Александрович, если он, конечно, жив и здоров, будет вынужден полностью считаться с мнением и народного собрания, и правительства. То есть нас с вами, Иван Иннокентьевич. А для нас преемственность такой власти более чем важна.

— А что будет далее, Петр Васильевич?

— Не знаю... Освобождение России от большевиков займет долгое время, а потому думать о сем не могу. Главное для нас — построить нормальную государственность, а уж народ сам позднее разберется, что к чему. Сибирская держава — вот наша цель. А здесь полковник Арчegov полностью с нами солидарен, он наш единомышленник и соратник. Без его бешеной энергии рухнет все. Мы должны ему всемерно помогать, хотя это нелегкое дело — в таком споре режиме очень тяжело для здоровья. Очень... Особенно полковнику. Я распорядился выделить ему дом, выплатить подъемные и квартирные. Еще жену с сыном велел Устругову перевезти. И с лечащим врачом час назад говорил. Мы должны о нем позаботиться, ибо кроме нас некому...

Бледное лицо Вологодского отсвечивало на подушке, капли пота покрывали лоб. Председатель правительства сильно устал за эти двое суток напряженной работы, когда времени не хватало на удовлетворение самых нужных телесных нужд — есть, пить, поспать хоть несколько часов. Все урывками, на ходу. Да и сам Иван Иннокентьевич за эти двое суток ни на минуту не зашел домой, только раз говорил с женой по телефону. Арчegov навязал всем министрам свой ритм работы — суровый, изнурительный и скорый. И нельзя было иначе — Серебренников хорошо понимал, что пожар надо тушить быстро, ибо он несет всем гибель...

Ермаков испытал жгучее желание протереть глаза, ибо не мог поверить тому, что сейчас видел перед собой. Еще бы — увидеть в 1919 году пистолет-пулемет Судаева, который появится не раньше 1943 года, тут запросто можно охренеть. Этот автомат он узнал сразу — чеченские боевики в первый год войны использовали это неприхотливое и надежное оружие, которое захватили на военных складах.

Константин тут же повернул автомат, но на «щеке» было выбито совсем не то, что он ожидал — «Ижевскъ 1918 годъ. АА 0003». И все. Совершенно не понятно, странно, но интересно до жути...

— Кто его сконструировал? И сколько вы их сделали на заводе? — хриплым голосом спросил он у пожилого мастера, что с пятью сотнями других ижевцев, в основном стариков, женщин и детей, горевали сейчас в эвакуации, теснясь в семи каменных зданиях у железной дороги. Здесь два года назад размещалась третья школа прапорщиков, а в его далекое время здесь будет станция «Заводская». Если еще будет...

— Германцы на завод пришли из Перми, офицеры. Их большевики, почитай, всех перебили, трое только и осталось. Вот они и принесли с собою это авторужье, а мы его и сделали на заводе. Вот только патронов было мало, так и их выпустили токмо два десятка. Шибко помогли нам при обороне заводов, вот только патронов много жрут.

Ермаков отщелкнул рожок и облегченно вздохнул — у ППС магазин вмещал 35 патронов, здесь же могло влезть не более 30 штук. Да и тяжелее этот автомат будет, все детали массивные, листы утолщенные.

— Германского офицера того звали фон Шмайсер, его большевики убили. А потому мы прозвали авторужье «шмайсером»...

— Хм, гм, ха, — Ермаков чуть не подавился. Grimаса истории, право слово. Знаменитый немецкий пистолет-пулемет МП-40 в обиходе все прозывали «шмайсером», хотя оружейник не имел к нему никакого отношения. Да и дворянской приставки «фон» он вроде бы не имел. Так откуда его двойник взялся? А может, все дело в обычном плагиате, тем более что подозрительных случаев более чем достаточно.

Сделал финский конструктор Лахти ручной пулемет, а через три года наш Дегтярев выдал «на-гора» похожий ДП. Дальше — больше. В Зимнюю войну финны поливали наших солдат из автомата под названием «Суоми», но не прошло года, как наш конструктор снова «выдал», на этот раз ППД, до ужаса похожий на финский образец.

И это отнюдь не единичные примеры. Взять хотя бы танки — английский «Виккерс» превратился в наш Т-26, а танк американского конструктора Кристи породил целое семейство танков БТ. Ермаков сразу же припомнил длинную вереницу примеров — от маркировки авиадвигателей до пошлого копирования американского бомбардировщика В-29 в советский Ту-4.

Так, может, и Судаев — того... Уволок у немца конструкцию. Чудом нашел образец ижевско-германского творения, облегчил и выдал свой знаменитый ППС. И уточнить нельзя — если в Ижевске всего два десятка сделали, то вряд ли они гражданскую войну пережили. Но вот один автомат мог где-нибудь завалиться, пока его случайно не нашли...

— Скопировать такие здесь можно?! — интерес у Константина вспыхнул насквозь прагматический.

— Сделать, что ли? То не хитрая задача. Тут станки есть, с Мотовилихи вывезли. Цех нужен, паровой котел для привода, железо, стволы точить нужно, отливки делать, да многое

другое. А где ж все это доставать да ставить?

Возгоревшийся энтузиазм у Ермакова получил ушат ледяной воды и погас, не оставив даже искорок. Отсутствует промышленная база, ничего не попишешь, хотя в годы Великой Отечественной эти автоматы делали полуголодные ребятишки в своих ФЗУ.

— В Иркутске обозные мастерские стоят без работы, — голос Сычева за спиной был явно чуточку взволнован, самую малость. — Там есть и отливочная мастерская, и кузнечная, и другое оборудование. Электричество от станции проведено, и котлы есть...

— Посмотреть надобно, ваше превосходительство, — мастеровой отвечал степенно, — ежели все это там есть, и материалы нужные достанете, то можем этот автомат и в мастерских делать.

— Как скоро? — Ермаков снова загорелся.

— А они нам нужны, Константин Иванович?! — с нескрываемым удивлением спросил военный министр.

— Это по сути компактные и легкие ручные пулеметы. Хоть и бьют недалеко. Зато они позволят в ближнем бою выкашивать противника.

— И где ж мы столько маузеровских патронов на них разыщем, — Сычев скривил губы и приподнял удивленно плечо.

— Да, патроны... — Константин опять получил ушат ледяной воды. Да что за жизнь такая — то даст надежду, то отбирает ее сразу. Глаза растерянно остановились на большой кобуре одного из десантников, что бдительно охранял пошедших в народ военного министра и командующего армией.

— Дай-ка патрончик из обоймы, — обратился Ермаков к охраннику. Унтер беспрекословно расстегнул патронташ и достал пальцами маленький патрон бутылочной формы. Ермаков забрал его, покрутил в пальцах и отдал старому мастеру со словами:

— Такие пойдут?

— Конечно. Только у них калибр чуть больше. Наши трехлинейные, а здесь на одну десятую линии больше.

— Глаз-алмаз у тебя, мастер. Ты не ошибся — у «маузера» 7,63 миллиметра, а у японского «намбу» ровно 8 миллиметров.

— Так мой глаз сам государь Михаил Александрович одобрил, когда мы энти автоматы на заводе в прошлом августе начали делать.

Ермаков нервно сглотнул — он точно помнил, что великого князя Михаила Романова убили в июне. Выходит, что последний император избежал как-то смерти. А с другой стороны, вокруг полно слухов, что цел государь, да и в исторической литературе, которую читывал Костя в той жизни, также писалось про то. И Щетинкин с Кравченко, что крестьян на борьбу с Колчаком на Енисее подняли, свои манифесты именем императора Михаила подписывали. Да и пресловутый барон Унгерн с атаманом Семеновым тоже царя Михаила ожидали — а это люди серьезные, к розыгрышам и шуткам не расположены. А потому Константин Иванович решил уточнить:

— А ты когда государя видел, мастер?

— В апреле этого года, — старик подошел вплотную и говорил почти на ухо так тихо, что Сычев ничего не услышал, хотя и наострил уши. — Они с ижевцами сюда отходить будут, наши Его не выдадут и в растрату не отдадут. А тут ты их встретишь, батюшка, потому и армию свою императорской назвал. Земной поклон тебе от всех нас, ижевцев, что природного царя и присяги держишься...

Старик отшатнулся от Ермакова и заговорил громко, обращаясь как бы ко всем присутствующим.

— Вот только патроны энти автоматы жрут уйму, не напасешься...

— Я немедленно закажу у японцев по полмиллиона патронов в месяц, в дополнение к поставкам. Думаю, не откажут, мы их по цене винтовочных брать предложим, за срочность доставки, — резко оживился Сычев.

— А стволы есть — на складе французские «лебели» лежат, к ним патронов нет. А калибр у них в 8 миллиметров. Можно спокойно все отдать...

— Великолепно! Когда первые автоматы сможешь изготовить?

— Надо завод смотреть, станки перевезти, людей обустроить...

— Я займусь этим лично, Константин Иванович, — военный министр оттеснил плечом Ермакова и начал быстро отдавать распоряжения. А Константин лишь улыбнулся, глядя на кипучую энергию Ефима Георгиевича. Опять себе все лавры заберет ушлый казак, да и не больно надо. Слава не нужна, а вот дело не должно пострадать...

— Ну ежели вы так, — сквозь раздумья донесся голос мастера, — то через две недели мы энти автоматы по десятку в день делать сможем, а то и три десятка, если с материалами перебоев не будет. Это для начала. Он же прост, штамповать можно, если паровой молот имеется. А штампы мы захватили.

— Есть, мастер, есть, — голос у Сычева потерял резкие нотки и стал радушным. — Японцы жмотятся с пулеметами. Патроны в скором времени по миллиону в месяц пойдут, а у нас для них только винтовки. А ваши автоматы выручат. Так, Константин Иванович?

— Так точно, Ефим Георгиевич! Задумался тут...

— О чем, Константин Иванович?

— Да о том, что лучший автомат — это пулемет...

Сычев и офицеры захихикали, но почти сразу прекратили смешки, ибо Арчegov остался угрюмым. Чему радоваться, какой же он командующий, если прямо под носом было решение задачи.

Оснастить сейчас пехоту легким автоматическим оружием невозможно. Нынешние ручные пулеметы тяжелы, ибо сделаны под мощный винтовочный патрон 7,62/53 R. А промежуточного патрона, типа нашего 7,62/39, для автомата Калашникова еще долго не будет, ибо не скоро осознают, что такое настоящая плотность огня, когда вся пехота оснащена автоматическим оружием. А пистолеты-пулеметы типа того же «Суоми» имеют один, но очень существенный недостаток — дальность эффективной стрельбы не превышает ста метров. «Бутылочные» патроны «маузера», ТТ или «намбу» бьют на двести, но и этого до прискорбности мало.

Винтовка стреляет на порядок дальше, но кто из стрелков на два километра стрелять станет, да еще попадать при этом. А потому под такой мощный патрон удобное и легкое оружие не сделаешь — отдача сильная, и механизм легкий сломает к чертовой матери. Тут промежуточный, между винтовочным и пистолетным, патрон со слабым зарядом нужен, вот тогда-то братишка АКМ и появится на свет.

Наладить производство такого патрона сейчас невозможно, самое дорогое — это завод построить и оборудованием оснастить. И еще надо железо и медь добывать, прокат гнать, гильзы штамповать — такие расходы и экономика всей Российской империи не потянула бы. Что же говорить о жалком осколке, хоть гигантском по площади, но с почти полным отсутствием промышленной базы и с мизерным населением в три миллиона.

А ответ на вопрос все эти дни перед глазами лежал — в виде японского винтовочного патрона 6,5/50. Заряд пороха у него всего 1,8 грамма, у «калаша» чуть меньше — 1,6, но зато сам порох мощнее.

Японский патрон намного легче и слабее обычных винтовочных патронов, и, скорее, может быть назван промежуточным. Тот же «калашниковский» 7,62 ему почти не уступает по

показателям. К тому живой пример перед глазами стоял — автомат Федорова, что поступил на вооружение русской армии в 1916 году. Конструктор его специально сделал под слабый японский патрон, а вот сам Ермаков о том просто подзабыл и готов был сейчас выдать себе сто пинков под копчик...

Сконструировать нужно АКМ и РПК под этот патрон, используя японские карабинные и винтовочные стволы, на которые заказ можно сделать специальный, с утолщением. И металл прикупить — все остальное можно на месте делать, благо кадры и база есть.

«Машинка» по конструкции не хитрая, все ее детали Ермаков с закрытыми глазами явственно представлял. Конечно, конструктивно этот автомат станет тяжелее на килограмм, а то и более в полностью снаряженном виде — ведь все детали придется делать с дополнительным запасом прочности. И скорее выйдет штурмовая винтовка, что в НАТО принята, чем привычный автомат. Ствол будет несколько длиннее, патрон чуточку мощнее, и дальность стрельбы станет больше. То же самое и с пулеметом... Но зато новое оружие позволит применять войска намного более эффективно, с соответствующим результатом.

— Есть одна идея, Ефим Георгиевич, — веселым голосом произнес Ермаков, — надо только покумекать с мастером. Если все пойдет как надо, то через полгода наши солдаты просто сметут врага. Есть одно оружие...

Чита

— Твою мать! — разъяренным тигром метался по кабинету атаман Семенов. Только что Григорий Михайлович имел до крайности неприятный разговор с командующим 5-й дивизии японской императорской армии, расквартированной в Забайкалье, генералом Судзуки.

Нет, косоглазый был внешне корректен и любезен, рассыпался в комплиментах. Но потом сказал страшное для атамана, хотя и намеком. Генерал просто вскользь заметил, что власть Сибирского правительства отвечает интересам сохранения российской государственности, а его войска всецело защитят правительство Вологодского от любых враждебных посягательств. И впился раскосыми глазами в лицо атамана.

С невероятным трудом Семенов сохранил на лице невозмутимость — ведь вроде бы японец намекал якобы на красных и чехов. Но внутри атаман взорвался — в первую очередь это пожелание, вернее замаскированный приказ, относился к нему. Если в начале года Григорий Михайлович чувствовал себя спокойно, когда узнал, что Колчак приказал отрешить его от командования, то сейчас похолодело в душе.

Об открытом сопротивлении он даже не думал, и не потому, что сил не было. Силы имелись, и достаточные, вот только война с японскими и сибирскими войсками мало того, что привела бы его к поражению, но единственным победителем в этой склоке остались бы красные. А потому государственные побуждения пересилили в его душе уязвленное самолюбие, и он с не менее любезной улыбкой рассыпался в похвалах мужеству союзных японских и доблести сибирских войск, скрепивших свое братство по оружию.

И тут же получил жестокий удар под вздох. Судзуки выразил восхищение той поддержкой Сибирского правительства, которую оказал атаман, выказывая настоящую государственную мудрость и презрев, как истинный самурай, свое честолюбие, поставив долг превыше всего.

Сердце у Григория Михайловича превратилось в ледышку — японец затронул только что полученные телеграммы от председателя Сибирского правительства Петра Вологодского и заместителя командующего Сибирской армией генерал-лейтенанта Лохвицкого. Ответа на них он давать не хотел — все, к чему он стремился в этой войне, было превращено в прах скупыми

строчками, отпечатанными на аппарате Бодо.

Японский генерал терпеливо ждал от него ответа, а в глазных щелочках, как показалось атаману, плескалась насмешка. И Григория Михайловича захлестнула ярость, но с невероятным трудом он сдержался...

И вот сейчас, в своем кабинете, он должен дать ответ, причем немедленный. Тот, о котором ему намекал Судзуки, и никакой другой. Иной ответ означал войну, которую атаман допустить не мог. А потому, выдохнув воздух, Григорий Михайлович постарался успокоиться и взять себя в руки. Они хотят от него ответа, ну что ж — правительство его и получит...

Атаман взял в руки колокольчик и громко позвенел им. Через несколько секунд на пороге появился войсковой старшина, исполнявший при Семенове множество функций — адъютанта, заведующего канцелярией, делопроизводителя, офицера по особым поручениям. При читинской неприхотливости, в сравнении с помпезной омской бюрократией, такое было обыденным делом, ведь практически никакого финансирования Забайкалья правительство Колчака всю войну не осуществляло. В то же время постоянно требовало у Читы средств и тут же со злорадством упрекало атамана в реквизициях.

Григорий Михайлович в сердцах сплюнул и неожиданно испытал чудовищное облесение. С чего это он так заволновался? Что из Колчака, с его гневностью и отсутствием административной хватки, Верховный Правитель получится не больше, чем из буренки призовой рысак, он знал давно, еще с момента знакомства на КВЖД.

В Чите в период конфликта с адмиралом даже брошюры на эту тему были напечатаны, вот только в Омске им не вняли. И что вышло?! Огромные средства, кредиты, большие поставки оружия и снаряжения не просто бездарно профуканы, но оставлены красным. Их даже не смогли уничтожить, и каждый день красные перечисляют по радио те груды имущества, что они захватили на складах...

Семенов, не глядя на вошедшего офицера, глухо выбранился. Ему хоть бы десятую часть тех запасов дали, он бы давно порядок навел, не озлобляя население реквизициями. А сейчас все просто — баба с воза, кобыле легче! И все эти чины колчаковские туда же! Он, будучи есаулом, был намного счастливее, чем ставши генерал-лейтенантом и раздавая те же генеральские чины другим, столь охочим до возвышения...

— Составь телеграмму Вологодскому. Признаю Сибирское правительство верховной властью на всей территории Сибири и Дальнего Востока и принимаю должность походного атамана всех казачьих войск Сибири. Отказываюсь от главнокомандования вооруженными силами на Дальнем Востоке и всех чинов, дарованных мне бывшим Верховным Правителем. Верю, что правительство выведет Сибирь из того тяжелого положения, в котором она оказалась по вине некомпетентного руководства. Войсковой старшина Семенов. Все! Ставь точку и отправляй немедленно. Погоди, не уходи.

Атаман прошелся по кабинету и резко остановился. Почему вторую телеграмму прислал Лохвицкий, а не Арчegov?! Да потому, что в Иркутске готовят рокировку, желая поменять ротмистра, строптивного выдвиженца Читы, на покладистого генерала. За этим стоит Сычев и те министры, кому Григорий Михайлович поперек горла костью встал. А это значит, что Арчegov ему не враг, а союзник, и его надо не...

— Срочную телеграмму генералу Скипетрову! Перейти с отрядом в полное подчинение полковнику Арчegovу, выполнять все распоряжения. Прежний приказ за номером 643 отменяю. Атаман Семенов. Все, ставьте точку и немедленно отправляйте. Через час отправьте телеграмму Вологодскому, не раньше, — Семенов жестом руки отправил за дверь офицера.

Атаман медленно прошелся по кабинету, возбужденно потирая ладони. Без него здесь ни один иркутский выдвиженец не разберется, будь он генералом семи пядей во лбу. Должность

походного атамана многое позволить может, очень многое. Сейчас казачество увеличивают, и Прокопий Петрович из Иркутска сообщил сегодня, что делают сие по инициативе Арчегова. А ведь более полумиллиона казаков будет, пятая часть от всего населения. И с ним считаться будут не менее, чем сейчас. Или даже более, если учесть омскую историю. А потому надо немедленно согласовать действия с атаманом Оглоблиным, его помощь нужна как никогда...

Иннокентьевская

— Я настаивал на безусловной выдаче чехословацким корпусом российского вагонного парка. Обосновывая тем, что в нем острая нужда для эвакуации беженцев и для нормального функционирования железной дороги, — министр финансов Михайлов был возбужден, щеки покраснели, движения стали быстрыми и резкими.

Ермаков им любовался — каким все же молодым был Иван Андрианович. Но уже министр и с блеском провел столь трудные переговоры с Советом послов. А ведь там те еще зубры, не одну собаку съели на дипломатическом поприще. Но переговорили их, убедили, действуя по трем криминальным принципам, оказавшимся годными и для дипломатии.

Константин долго втолковывал министрам постулат «не верь, не бойся, не проси», принятый в российских тюрьмах. Упирая на то, что за наиболее непримиримыми послами просто нет реальной силы. Тем более что всего за считанные часы до переговоров, используя «разделяй и властвуй», удалось перетянуть на свою сторону японцев и нейтрализовать американцев и англичан согласием выплатить часть долгов Российской империи золотом Колчака. Но долги долгами, а предложение закупать военную технику и корабли только и исключительно в одних САСШ, тем самым как бы уравнивая японские притязания, возымело определенное действие. И посол Гаррис, на что и рассчитывали русские, повел себя соответственно — чехи чехами, но интересы собственной страны важнее...

Второй переговорщик, в отличие от «злого» и резкого Михайлова, был также молодым, но «добрым» и ушлым — именно Яковлеву удалось сломить сопротивление чехов и французов. Вернее, не сломить, а купить...

— Когда Павлу заявил, что значительная часть имущества куплена у населения, я понял, что перелом произошел — тем самым чех признал, что большая часть добра ими награблена. Тут надо было их ломать, и...

Я предложил выкупить данные грузы, если, по недостатку вагонного парка, союзникам не удастся их вывезти, все же им давали вчетверо меньшее число эшелонов от прежних. И когда Гирс заломил цену, я понял, что мы их победили. Они начали торговаться, значит, воевать не станут, и вопрос только в цене, — Яковлев не скрывал победной, но презрительной улыбки. И на то имел полное моральное право...

Скандал получился первостатейный, громкий — их союзники из Политцентра, Калашников и Ходукин, обвинили своих благодетелей чехов во всех преступлениях и грехах, причем обличали искренне, с огоньком и напором. Так из-под палки интеллигенты не выступают, так ведут себя только убежденные в своей правоте люди.

Затем Яковлев огласил длинный перечень захваченного у чехов имущества, а также допросные листы легионеров, в которых те живописали о своих «подвигах» — мародерстве, грабежах, убийствах, карательных акциях и сожженных селах. И губернатор чисто риторически спросил насчет мирового общественного мнения, когда все эти материалы будут изданы.

После чего все ультиматумы и декларации стали фиговыми листочками, и для союзников, вернее — для чехов, не осталось выбора. Да его изначально не было — надо или ломиться три

тысячи верст, теряя солдат в этом «анабазисе», или договариваться. Попытка шантажа адмиральским золотом никакого впечатления на министров не произвела. Наоборот, Яковлев лишь заметил, что это не более, чем недоразумение, глупая неудачная шутка. Если это произошло бы, то переговоров как таковых не было бы. И дальнейший диалог с чехами вел бы полковник Арчegov...

Сам Константин понимал, почему военных, как русских, так и чехов, отстранили от переговоров. У него сложилась репутация ярого и непримиримого противника чехов. Более того, вся Сибирская армия была охвачена слухами, что тому причиной. Будто бы чешские солдаты то ли грязно домогались, то ли изнасиловали его жену. Все это было ложью, если мягко сказать, но такая информация немедленно произвела на послов определенного рода давящее воздействие. Смешно сказать, но ему союзные послы даже попытались принести официальные извинения...

— Чехи передадут нам все вооружение и военное снаряжение, включая запасы обмундирования, в том числе и на Дальнем Востоке от первой дивизии, — Яковлев говорил с самой гнусной ухмылкой. — Вагоны с имуществом будут передаваться по мере продвижения наших войск по железной дороге. Главное, обеспечить их охрану...

— Павел Дмитриевич, у меня готовы три охранных батальона, — Ермаков положил ладони на стол, демонстрируя уверенность. — Кроме того, для охраны железной дороги я выделяю три дивизиона вспомогательных бронепоездов, по две единицы в каждом. Итого на три полка из пехоты и броневиков.

— Где вы их взяли?! — чуть ли не хором спросили его все министры, и лишь Сычев загадочно улыбнулся.

— Все свои «шпальные» броневики на два разделил, добавив к оружейной площадке десантный вагон и платформу с бомбометами. Ну и паровозы, конечно. Бронировали наскоро шпалами и рельсами, листом железным. Зато имеем целую охранную железнодорожную бригаду. Так что теперь можете быть спокойными...

— Хорошо, — отозвался Яковлев и продолжил: — Теперь можно быть спокойным. В уплату за имущество и грузы мы должны заплатить корпусу 17 миллионов рублей золотом. Гирс и Павлу поначалу запросили тысячу рублей на каждого чеха, но нам удалось вдвое сбить цену.

— Но если чехи с поляками помогут армии Каппеля сбить красных под Красноярском и обеспечить отступление наших войск и проводку эшелонов до Нижнеудинска, то сумма выплат должна быть увеличена...

Министры переглянулись — дело было отнюдь не в деньгах, хотя братушки по сути становились наемниками. Судя по всему, большевизация корпуса зашла не столь далеко, что чехи предпочли воевать за золото.

— Я думаю, даже тридцать миллионов не столь высокая плата за сохранение армии, — осторожно выразил мнение всех собравшихся Михайлов. — Нам следует принять их предложение.

— Вот только отдаст ли адмирал добром столько золота? — тихо выразил сомнение Серебренников.

— Я берусь уговорить адмирала и его конвой, — негромко бросил Ермаков, и в вагоне воцарилась мертвая тишина.

Михайлов вытер платком пот со лба. Серебренников уткнулся взглядом в стол — «уговоры» полковника Арчегова стали общеизвестны, а Ивану Иннокентьевичу претила сама мысль, что свои начнут убивать своих. А вот Сычев радостно взглянул на Яковлева — свалить грязную работу на Арчегова было его заветной мыслью.

Ермаков внутренне усмехнулся — игра этой сладкой парочки была для него понятна, тем более что правительство давно разгадало их комбинации. Недаром час назад Вологодский порвал на его глазах рапорт и заявил, что освободить от командования армией его не станут, и пусть не просит. А Яковлев доказал, что умеет играть в политические игры, войдя в полное доверие к Сычеву своим антиарчegovским поведением. Но в то же время исправно сообщая Ермакову обо всех помыслах военного министра, и не только об этом.... Потому Константин был удовлетворен деятельностью бывшего каторжанина, но понимал, что прилюдно ему надо несколько остудить спевшихся силовых министров.

— Я буду убеждать, а не разоружать или убивать. Для нас достаточно войны с красными и партизанами, чтобы начинать еще проливать кровь своих же, — Ермаков остановился и пристально посмотрел в лица министров. Тут дело не в том, что адмирал Колчак для Сибирского правительства стал ненужной и опасной фигурой.

— А почему вы не замените генерала Розанова на генерала Келлера, Ефим Георгиевич, — неожиданно сменил тему Серебренников. — Ведь граф, насколько я знаю, пользуется популярностью в войсках, и как мне сообщили, бедствует во Владивостоке.

— Он монархист, Иван Иннокентьевич, и категорически отказывается от службы. Ему и я предлагал телеграммой, сегодня ответ с отказом получил, и атаман Семенов предлагал, и адмирал Колчак.

— Генерал Келлер командовал третьим конным корпусом? — с ошарашенным видом спросил Ермаков.

— Да. И после отречения императора ушел в отставку. А летом этого года прибыл во Владивосток и работает конторщиком. Чего-то ждет, — Сычев не скрыл некоторого пренебрежения в голосе.

«Что же такое творится? Его должны убить петлюровцы еще год назад в Киеве. И это точно. Во всех книгах говорится, и тут нет никакой ошибки. Е-мое, а покойный генерал живехонек. Лучший кавалерийский генерал России той войны. И император Михаил Александрович тоже жив», — Ермаков достал платок и вытер холодный пот со лба. Его немного трясло от волнения, мысли путались.

— Что с вами, Константин Иванович? Вам плохо? — Серебренников и Михайлов спросили одновременно, и голоса слились в один, но с разными вопросами. Ермаков поморщился.

— Нормально со мной, нормально. Зазнобило чуть-чуть, пройдет, — Константин медленно ответил министрам, а сам подумал: «Если с ППС может быть неизвестная страница гражданской, неясная случайность, то с Келлером и царем Михаилом уже далеко не случайность. Что происходит? Надо ждать четвертой нестыковки, и вот тогда нужно будет делать выводы!»

Ермаков настолько углубился в размышления, что слушал дальнейший разговор лишь краем уха. Министры горячо обсуждали перипетии гражданской войны, крах Юденича, стремительное отступление армии генерала Деникина от Орла и Тулы к Ростову и Крыму.

— А это хорошо, господа, что генерал Миллер эвакуировался летом из Архангельска и вывез все привезенное союзниками имущество в Мурманск. Теперь большевикам будет крайне затруднительно выбить наши войска не только с Кольского полуострова, но и с территории Карелии, — Сычев говорил с убежденностью и напором в голосе.

— Я служил в Петербурге и знал те места. Природа зимой своей суровостью не уступит нашей. Кругом тайга и камни, дорог нет. Полярная ночь к тому же. До весны красные наступать не смогут, а весной там начинается такая распутица от таяния вечной мерзлоты, что до самого июня только по рекам и железной дороге передвигаться можно. А вот летом большевики и надавят, дай сил ему удержаться!

«Да что же это такое?! Это уже не просто случайность, а некая закономерность», — мысленно взвыл Ермаков и осознал, что его колотит самым натуральным образом — привычная картина гражданской войны одну за другой получила несколько пробоин. Но если первые три были мало существенны, то четвертая напрочь не вписывалась в привычную картину. Ведь Миллера должна была постичь катастрофа только в феврале, и белая власть рухнула там карточным домиком. Спаслись лишь те, кто вовремя уплыл на кораблях из Мурманска и Архангельска в Норвегию или ушли пешком в Финляндию.

«Либо это иная реальность, и я в нее попал, либо, кроме меня, сюда попал еще некий пришелец или пришельцы из будущего. И, скорее всего, второе — самопальный ППС о многом говорит. Надо о сих немчиках узнать подробнее, и пусть Насонов всех ижевцев тщательно опросит. Такое ощущение, что именно здесь собака зарыта!» — приняв решение, Константин с трудом сосредоточился на беседе, которую оживленно продолжали вести министры. А те говорили уже об аэропланах.

— Чехи явно испугались воздушной атаки. Хотя мне до сих пор непонятно, как удалось летчикам в темноте так точно отбомбиться.

— Потому и удалось, Ефим Георгиевич, — вмешался Ермаков, — что имели опыт ночных полетов. Да, кстати, мое ходатайство о их награждении вы удовлетворили?!

— Более чем, Константин Иванович. Прапорщики императорского чина Сергеев и Воцилло произведены в подпоручики, а два часа назад Петр Васильевич подписал указ о награждении их орденами «За освобождение Сибири» второй степени...

Глазково

— Господа, терять время нельзя. Нужно немедленно подавить партизанское движение, тем более что народ поднялся против Колчака, а отнюдь не за большевиков, — Яковлев рубил слова, помогая себе ладонью. — Государственную стражу нужно создавать немедленно, на тех условиях, которые предложил Константин Иванович.

— Но это потребует совершенно огромных затрат! Не менее трех миллионов в год, что непозволительно для нашего бюджета...

— Иван Андрианович, затраты большие, тут я с вами полностью согласен, — Ермаков примиряюще поднял руки. — Но все дело в том, что эти пятьдесят тысяч крестьян, четверть из которых будет постоянно на полицейской службе, позволят навести, наконец, порядок и на железной дороге, и в селах. И эти люди уже не дадут оболванить себя красным агитаторам и не пойдут в партизаны, наоборот, они будут бороться с ними...

— Много ли пользы будет, — недовольно пробурчал Сычев. — За эти деньги можно десяток нормальных армейских батальонов содержать. Их, по крайней мере, и против красных бросить можно, а с вашей стражи, с этих вооруженных крестьян, толку не будет...

— Будет! — Ермаков хлопнул ладонью по столу. — И эти 50 тысяч прибудет у нас, а у партизан убудет...

— Служба одну неделю в месяц даст деньги для малоимущих крестьян. Империя для них не такие и малые деньги. А экономию мы получим хоть на том, что на борьбу с партизанами тратиться будем меньше, — Яковлев решительно выступал на его стороне, и это несколько обнадеживало Константина. Амбиции амбициями, но теперь бывший губернатор начал бороться с партизанами не на словах, а на деле. Идею создания стражи в виде добровольных народных дружин поддержал бывший губернатор влет, даже упрасивать не пришлось. И стал ее рьяным сторонником.

— Хорошо, господа, — Михайлов решительно прервал затянувшуюся дискуссию. — Деньги в требуемом размере выделим, дадим и на создание полиции. Хватит даже на два года, ну а потом — не знаю. Золотой запас не бесконечен, и если через год золотые прииски не дадут золото, если там будет смута или партизаны, то отвечать будете вы, а не я!

— Иван Андрианович, — неожиданно вкрадчивым тоном заговорил Яковлев, — на нужды правительства, армии и населения уйдут 15 тысяч чешских вагонов с добром. Так? Да, мы заплатим за них, в худшем случае, 40 миллионов. Еще столько же уйдет на содержание армии и флота. На довольствие чиновников, полиции и содержание железной дороги еще 20, включая и траты на государственную стражу. Да на реформы и всякие расходы, включая просвещение и больницы, еще 30, плюс закупки всякие. Всего 150 миллионов рублей придется. Так?

— Так, — нехотя буркнул Михайлов, не понимая, куда клонит глава МВД — Бюджет в основных статьях вы изложили верно. Но ведь всех затрат будет втрое больше, вы не приняли в расчет денежную реформу, замену денег у населения, возмещение ущерба, кредитование производства. Да на одну помощь генералу Деникину вы требуете выложить 100 миллионов, не считая оружия. А выплата долгов союзникам?

— Но ведь Гаррис четко сказал, что 4 миллиарда нам будет передано в два месяца. Причем первая отгрузка в 500 миллионов будет совершена в течение трех дней во Владивостоке. Если мы введем в оборот 250 миллионов золотом, то еще столько же мы сможем перекрыть кредитными билетами. А еще чеканка медной и серебряной монеты? Ведь оборудование и станки нам передадут до весны?

— Хорошо, Павел Дмитриевич, — Михайлов ожег министра взглядом. — На ваше министерство и в ведомство Ефима Георгиевича деньги будут перечисляться немедленно и в полном объеме. Даже экстраординарные платежи удовлетворим. По мере наших возросших возможностей. Но для проведения всех необходимых платежей нужно золото. Золотой запас империи, что в литерном эшелоне, и чем раньше он будет у нас, тем будет лучше...

— Вы получите его, — Ермаков опять вмешался в затянувшийся разговор, желая прервать его. — Поезд уже давно стоит на вокзале, нам всем пора отдохнуть, господа. День был тяжелый...

Миновав заснеженные борта «Блестящего», что своей бронированной тушей и мощными орудийными башнями олицетворял в предместье возросшую силу Сибирской армии, Ермаков посмотрел на вокзал.

Здание уже ремонтировали, многие выбитые пулями и разрывами снарядов оконные стекла вставили, кое-где залатали фанерой. Да и сейчас, несмотря на позднюю пору, жизнь в нем кипела — сновали железнодорожники и солдаты, маячили милицейские патрули в армейских шинелях, но с белыми повязками на руках. Застыл рядышком извозчик на санях, накинув на лошадиную голову торбу с овсом. Имелись и торговцы, которые вразнобой предлагали свой товар унылым и разоруженным чешским солдатам.

Однако смотреть на станционную суету Ермаков не стал, а медленно подошел тяжелым шагом к своему привычному вагону, ставшему почти родным домом. Константин четко отковырял замершим часовым, затем легко запрыгнул в тамбур.

Открыл дверь, и в лицо сразу пахнуло теплом. Титан давно топился, а его уже ждали Трофим с Акимом. Вот только какими-то хитрыми и довольными показались ему рожи коменданта и денщика. Они живо напомнили Ермакову солдат-первогодков, коих в Советской армии именовали «желудками» из-за вечно терзавшего их молодые тела голода. Нагрузки после гражданки серьезные, казенные раскладки недостаточные, а жрать-то постоянно хочется. Вот и шкуляют солдаты. И однажды где-то добыли здоровенный свиной окорок, что в мусульманском Узбекистане похоже на сверхъестественное событие. Примерно из разряда укомплектованного

снежными человеками мотострелкового батальона. Обожрались чуть ли не вусмерть, но при этом у всех были такие довольные рожи, как сейчас у этих старых вояк.

— Есть подайте, орлы! С утра маковой росинки во рту не было, — весело приказал им Ермаков и тут узрел на столике небывалое зрелище, ничем не напоминавшее скудный армейский ужин, с его кашей и чаем.

Какие щи да каша — пища наша. Столик был завален самыми натуральными деревенскими деликатесами — окорок, буженина, омуль соленый и копченый, большая чашка грибов, квашеная капуста, замороженные кругляши чего-то молочного, целая груда домашней выпечки...

— Откуда дровишки, — только и спросил Ермаков, а в душе колыхнулось что-то теплое и доброе. Хорошее такое предчувствие...

— Что молчите? Хоть бы свои довольные и хитрые морды в зеркале разглядели, — бросил им Константин и быстро пошел к своему купе. Рванул дверь, зашел в темноту, и его тут же обхватили за шею нежные руки. И голос, такой родной, манящий голос:

— Милый мой, любимый...

Черемхово (2 января 1919 года)

Веселый смех был слышен даже через вагонное стекло, и адмирал подошел вплотную к окну. Здоровенные парни в американских меховых куртках устроили возню прямо у вагона Верховного Правителя. Вернее, уже бывшего — адмирал Колчак категорически отказал председателю Совета министров Вологодскому и военному министру новоявленного Сибирского правительства генерал-майору Сычеву...

А они веселились, прыгая, как игривые козлята, вдоль замалеванного известкой и черными кривыми линиями бронепоезда. По тендеру замысловатой славянской вязью были выписаны бело-зеленые буквы — «Бойкий». Чуть дальше стоял переданный чехами другой бронепоезд, который спешно размалевывали в такой же цвет, что он прямо на глазах становился близнецом. Только вместо чешской «Праги» тянулись буквы нового имени — «Бодрый».

Солдаты конвоя литерных эшелонов настороженно смотрели на развернутые бронебашни, на сотни головорезов из стоявшего рядом поезда в точно таких же меховых куртках. И на густые цепи солдат в японской форме, что оцепили станцию, а яркое зимнее солнышко играло красными бликами на кинжальных штыках их винтовок.

Морозные иглы закололи сердце — вчера эти переодетые китайцы устроили в городе настоящую бойню, зверски истребив сотни восставших шахтеров. Их стреляли и кололи как бешеных собак, а ночь и все утро возили на санях трупы и сбрасывали их в отработанные шахты. Вот это и увидел адмирал, когда покинул свой вагон и пожелал прогуляться по городу. Лучше бы он этого не делал — перед глазами до сих пор стояли истерзанные тела на кровавом снегу. Такого зверства он еще ни разу не зрел в своей жизни...

Ему казалось, что он видит какую-то другую армию, совсем не ту, которую адмирал привык видеть в своих поездках на фронт. Где потрепанные шинели и башлыки, стоптанные сапоги и валенки? Изможденные и обмороженные лица, нечеловечески усталые, святые глаза? Где они?!

Это были незнакомые солдаты, чья добротная иностранная форма бросалась в глаза, чей вид не говорил о лишениях и поражениях. Они были уверены в своих силах, и те затравленные взгляды, которые бросали на них чешские вояки, эшелон с которыми стоял рядом на станции, только еще отчетливее выделяли это несоответствие. Вчерашние наглые победители, считавшие себя вершителями судеб, в мгновение ока превратились в побежденных — это единственное, что радовало истерзанное сердце адмирала.

— Ваше высокопревосходительство! — на пороге открытой настежь двери появился адъютант Трубочанинов. — К вам командующий Сибирской армией полковник Арчegov.

— Я уже все сказал Вологодскому и Сычеву. Я не желаю выступать предателем и погубителем России...

— Вы, ваше высокопревосходительство, им уже стали, — отпихнув адъютанта в сторону, в купе вошел молодой офицер в той же меховой куртке, со штаб-офицерскими погонами на плечах. Вот только они были не пустыми, привычными для чина, на них были прикреплены три больших звездочки — Колчак уже знал, что в сибирских частях ввели новые знаки различия.

— Что вы сказали, п-а-лковник, — чуть потянул слова Александр Васильевич, чувствуя, как кипучий гнев подкатывает комком к горлу.

— Войска генерала Юденича разбиты, отступили в Эстонию. Армия генерала Деникина

отступает сейчас к Ростову, а ваша армия, адмирал, подходит к Красноярску совершенно расстроенная, с десятками тысяч беженцев, — полковник совершенно непринужденно сел на соседний диван и продолжил резать словами душу:

— Генерал Миллер в Мурманске еще протянет полгода, не больше. Там не будет жутких катастроф. Он летом очистил Мурманск и Карелию от ненадежных и имеет возможность укрепиться на Кольском полуострове. Деникин сумеет удержать Крым, и только. Без средств, без ясной программы, без поддержки большинства населения, на жалких осколках Заполярья и Крыма, гражданскую войну не выиграешь.

Полковник достал портсигар, видя, что в руке адмирала дымится папироса, и, не спрашивая разрешения, закурил. Колчак хотел осадить наглеца, но тут в окровавленную душу ударили сталью слова.

— Белое движение потерпело полный крах! И ваши искренние слова о единой и неделимой России говорят о вас как о стороннике большевиков!

— Это как понимать прикажете?! — адмирал поперхнулся от таких слов и даже не вспыхнул, настолько было чудовищно обвинение.

— Большевики хотят единую и неделимую, социалистическую Россию. Свободными от них остались только окраины, что, наплевав на принцип, который, кстати, был для них страшнее Ленина с компанией, провозгласили независимость. Тем самым, отказывая в независимости Сибири, которая, как вы видите, несмотря на потерю огромной территории и три четверти населения, создала свою государственность и кое-какую армию, вы желаете, чтобы и мы познали все прелести большевизма.

Александр Васильевич опешил от такого чудовищного по своей сути силлогизма, а Арчegov с тем же невозмутимым видом продолжал говорить спокойным до ужаса голосом.

— Мы смогли получить поддержку САСШ и Японии только как независимое государство, именно эта идея позволила сколотить армию из крестьян, которых, между нами говоря, весь этот российский бардак, извините за крепкое слово, уже достал до печенок. Они будут драться за свою спокойную и сытую жизнь в Сибири, и вряд ли за идею единой и неделимой России. А вы, тем самым, отказываете им в праве жить без большевиков и российских чиновников, от которых прока еще меньше...

Полковник откинулся на спинку дивана, требовательно посмотрел на Колчака холодными и безжалостными глазами убийцы. Александр Васильевич молчал, только закурил очередную папиросу.

— Год назад у вас, господин вице-адмирал, было все, — полковник снова заговорил, так и не дождавшись ответа. — Сибирская и Волжская армии, огромная территория, работающее население, казачьи войска, огромные поставки оружия и снаряжения от союзников. Ну, и где все это?

На риторический вопрос ответа не было, Александра Васильевича даже не покорило обращение к нему в прежнем, данном еще покойным императором чине. Он решил не вступать в дискуссию с этим уверенным в своей силе наглецом, который ему в сыновья годился, настолько он был возмутительно молод.

— Сейчас отступают к Красноярску целых три армии, десятки корпусов, дивизий и бригад. Чудовищная сила! Но это только на первый взгляд. Полностью укомплектованы только штабы, уймища генералов, но вот бойцов, тех, кто решает исход сражения, едва по сотне... на дивизию. Зачем нужна такая бюрократизация, это же армия, а не... Далее — год назад народ вышиб большевиков из Сибири, а теперь он же выступает против вас. Почему? Да потому, что за год вы ухитрились не сделать для него ничего. Да-да, ничего. Зато обложили налогами, озлобили массовыми порками и реквизициями...

— А не вы случаем, полковник, отдали приказ о вчерашней бойне?!

— Совершенно верно. Только вот незадача — шахтеры пользы не приносят совершенно, от этих мятежников одни головные боли. Вы этот вопрос не решали, зато решил я, со всей беспощадностью. То же самое я сделал с генералами, коих вы «напекли» невероятное множество. Сибирская армия небольшая, но в ней сейчас нет и полудюжины генералов, зато штыков вдвое больше, чем осталось у вас. Снаряжение мы отбили у чехов, вы же передали красным в Омске чудовищные запасы, оставив армию раздетой!

Арчегова захлестнула лютая злоба, он стукнул кулаком по столу — Колчак вздрогнул и посмотрел глазами смертельно уставшего человека.

— Смерти и лишения тысяч беженцев и солдат на вашей совести, адмирал. Только на вашей! И вы, как Верховный Правитель, отвечаете в первую очередь за случившуюся катастрофу! Зато теперь мне предстоит все это разгребать, но я скажу одно — я пробьюсь к Каппелю, что бы это мне ни стоило. Там русские люди, и я не брошу их на произвол судьбы...

— Вы хотите сказать, что я их бросил?

Колчак спросил совершенно равнодушным тоном, однако в котором сквозило непонятное. Арчегов чуть успокоился, криво улыбнулся и сказал не менее холодным тоном:

— Я ничего не хочу утверждать, да и не имею права. Но я задам вам всего один вопрос, ваше высокопревосходительство. Я не моряк и потому не помню точно, кто обязан покидать тонущий корабль последним, и кто с него бежит в первую очередь?

От страшного оскорбления Колчак содрогнулся, но чудовищным усилием взял себя в руки. Только от напряжения задергалась в нервном тике щека. Он только спросил хриплым голосом:

— Вы так считаете?

— Не только. Так считают сибирские солдаты и в армии Каппеля.

— Хорошо. Я прошу вас выйти!

— Где ваш револьвер? Дайте!

Колчак не удивился странному требованию, вытащил из кармана «наган» и протянул его Арчегову.

— Вы меня арестовываете для суда?

— Нет, ваше высокопревосходительство. Вас нужно предать суду за все, что вы понаделали. Вы погубили белое дело, вы один из виновников катастрофы. Но главная вина в другом — если не знаешь в тонкости дело, за которое берешься, то найди хотя бы умных и знающих помощников. А если не сумеешь, то на хрен браться! Суд над вами станет позорищем для России, но я надеюсь, что вы русский офицер и имеете представление о чести!

Говоря эти слова, полковник откинул барабан и выбил на стол тускло блестящие патроны, собрал их и положил в карман. Затем криво улыбнулся и извлек один патрон обратно, сунул в камору и повернул ее к стволу. Потом протянул револьвер адмиралу.

— Если я наговорил вам ложь, можете в меня выстрелить. Но если вина лежит на вас, то вы знаете, что вам надо сделать немедленно!

Колчак посмотрел с такой болью, что у Арчегова заныло сердце. Но голос адмирала был спокоен до жуткого безразличия.

— Идите, полковник, благодарю вас. Я знаю, что нужно сделать, но мне надо написать записку сыну.

Арчегов встал, четко откозырял Колчаку и взялся за ручку двери. Уже открыв ее и выходя, он услышал тихие слова.

— Спасите армию Каппеля, полковник...